

Критическая метаморфоза

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Максим Похил

18+

Максим Похил

Критическая метаморфоза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70250833

SelfPub; 2024

Аннотация

История поделена на две временные линии. Сейчас и год назад. Главные события происходят в настоящем, но ключ понимания причины проблем ГГ, состоит в событиях прошлого. Основной герой, это журналист, студент. За целый год у него полностью поменялся круг общения. Подрабатывает по профессии, но старается в своих высказываниях не злить политический режим и его цензуру. Основные действия разворачиваются, когда он узнаёт, что его недавнего и хорошего друга – искалечили. Причём незаслуженно и никто не собирается за это нести наказания. Он не мститель и не имеет супер способностей. Но к сожалению, время от времени у него проскальзывают проблемы с собственной головой. Проблемы бывают такого масштаба, что он всерьёз задаётся вопросом, о том хороший ли он человек.

Содержание

– Глава 1 -	4
– Интерлюдия 1 -	39
– Глава 2 -	45
– Глава 3 -	71
– Глава 4 -	131
– Интерлюдия 2 -	173
– Глава 5 -	181
– Глава 6 -	209
– Глава 7 -	236
– Глава 8 -	307
– Глава 9 -	362
– Интерлюдия 3 -	444
– Глава 10 -	453
– Глава 11 -	532
– Глава 12 -	570
– Интерлюдия 4 -	627

Максим Похил

Критическая метаморфоза

– Глава 1 –

Дэриэл проснулся утром в своей кровати. С трудом раскрывая глаза, немного с тревогой, он посмотрел на наручные часы, которые лежали на письменном столе около кровати. И понял, что время ещё есть и торопиться не нужно. Его часы напоминали круглый торт, нарезанный на двенадцать ровных кусков, без единой надписи или цифр, на котором вращались четыре золотые стрелки. После почувствовал сухость во рту и инстинктивно потянулся рукой за недопитой минералкой.

Утолив жажду, он постарался вспомнить вчерашнее и на секунду встревожился, так как вместо цельных и конкретных воспоминаний, в его голове болтались какие-то смазанные нарезки, из одного из самых страшных видео для человека, страдающего эпилепсией. Вчерашний день был экспериментом, так как, он не любил ходить в места где куча людей, которых он не знает, напиваются в «хлам» по поводу и без, но в этот раз он почему-то дал себя убедить. Элиас, его друг, по какой-то причине, в любом случае там должен был быть. По какой точно Дэриэл уже не помнил, да и не суть.

Это всё, что он помнил. Дэриэл даже почувствовал обеспокоенность, но сразу же принял во внимание то, что никогда не замечал за собой, какого-то неприличного поведения, в нетрезвом состоянии, да и попросту вестибулярный аппарат у него был отличный. Поэтому, он выкинул из головы дурные мысли, встал с кровати и взялся одеваться.

Проанализировав погоду через приложение в смартфоне, Дэриэл без тени сомнения одел чёрные джинсы, на которых уже немного виднелись пару потёртостей. Купившие на собственные деньги, полученные за одну из первых статей и синюю футболку, которая сама по себе была тоже старой, но выглядела неплохо, из-за золотистого на ней рисунка, в виде глаза. Который, как и в первый день покупки: отлично блеснул.

Позже, подойдя к столу и забрав ключи и смартфон, которые, он положил в разные карманы джинсов, достал из ящика кошелёк и начал считать деньги, оставшиеся после вчерашнего. Как внезапно прозвучали три глухих стука, в нижнее окно.

Квартира Дэриэла и его матери находилась в двухэтажном доме. В общем, в этом доме находились четыре квартиры, на каждую квартиру приходилось: зала, маленькая комната и кухня на первом этаже, средняя комната на втором этаже и терраса на крыше. Таким образом, дом делился на четыре равные части. Этот дом считался довольно престижным, но отнюдь не выглядел таким: старые и потертые стены, об-

валивающаяся краска, потрескавшиеся, деревянные колонны при входе, полу разбитые входные двери.

Эти звуки исходили от панельного окна, которое находилось слева от кровати. Окна были закрыты жалюзи, поэтому он не видел, кто это был. Дэриэл спокойно сначала положил кошелёк в карман, а потом подошёл к окну. Как только, он поднёс руку к регулировочной планке, прозвучал знакомый голос:

– Пожалуйста, скажи, что ты уже готов, – после этих слов, Дэриэл сразу понял, что это его друг Андрей. И быстро поднял жалюзи, вслед за этим и окно. Андрей, посмотрев на него, с облегчением сказал: – Давай быстрее выходи.

Он не хотел идти искать свои ключи для того, чтобы закрыть дверь за собой, так как его мать ещё спит, а открытым выход оставлять нельзя. Недолго посмотрев на двери своей комнаты, Дэриэл одел кроссовки, которые с недавних пор стал оставлять у себя в комнате. Посмотрел на портфель, который не перекладывал ещё с прошлого года, ухмыльнулся и прошёл мимо.

После чего, просто приподнял окно и спрыгнул. Он не раз уже практиковал это, после того, как один его друг, подсказал ему такой способ ещё больше полу года назад. Ставь ногами на твердую землю и закрыв окно, Дэриэл мысленно пробежался по плану на сегодняшний день. Каждый день у него был расписан. Этому нехитрому способу, он научился ещё в то время, когда учился в школе. И понял, что большин-

ство того, что запланировано – придётся выбросить, так как сегодня для него, скорей всего, будет долгий день, ибо ещё со школьных дней, сентябрь для него, был ненавистным, за его забитый график. Совершенно не интересными, но очень «важными» делами. По крайней мере, так говорил его куратор.

Они пожали друг другу руки, и Андрей проложил путь взглядом на ближайший магазин, им оказался «Ламель». Андрей показал на него рукой в виде пистолета и начал задумчиво перебирать, вслепую изобилие кармана в поисках денег. Дэриэл спокойно кивнул, так как это уже было что-то вроде ритуала, он даже забыл, когда они начинали свой путь, куда-нибудь не через магазин. Шли они тихо, без лишних слов, хотя у Дэриэла был один вопрос, например: «Что было вчера?».

Но решил пока промолчать и дожждаться, когда они соберутся все. Второй же, в это время просто шёл, не думая ни о чём. Все, что его заботило, это чтобы в магазине не закончилось то, ради чего они туда направляются. Подойдя к дороге и посмотрев по бокам, они остановились, чтобы переждать машины. Пока стояли, Андрей достал пачку денег и начал пересчитывать, Дэриэл же всё время, смотрел на дорогу и старался поправить свои чёрные, густые волосы, которые ветер бросал в разные стороны, из-за большого количества проезжающих машин. И его убеждение о том, что ещё рано стричься, всё больше и больше подпадало под сомне-

ние. Андрей же по этому поводу был более категоричен. Он всегда был ровно выстрижен, поэтому его светлые, почти как золото волосы, никогда не достигали, больше чем три с половиной сантиметра. Внезапно машин поменьшало, Дэриэл легко толкнул плечом, чтобы дать знак Андрею и они, не дожидаясь зелёного светофора двинулись к «Ламелю» напрямик, обойдя забор.

Спокойно зайдя в сам магазин, они стали ждать. Через двадцать секунд, к ним подошёл представитель магазина и спросил: – Как всегда?

– Да. Только быстрее пожалуйста, – процедил Андрей и дал ему согнутые напополам, три купюры фиолетового цвета.

Ему кивнули в ответ и ушли. Через полминуты, к ним снова подходит тот самый человек и вручает пакет. После, эдакого обмена, они вышли из магазина. Андрей достал из пакета бутылку сока. После открыл и непоколебимо вылил в контейнер, который стоял около магазина. Дальше передал пустой сосуд второму и достал ещё одну с пакета, в этот раз это был коньяк. Андрей, немедленно начал откручивать бутылку. Потом забрал пустую и начал методично переливать. Бутылка с под сока, была белой, так Андрей – прятал алкоголь. Почти каждый раз, когда они все вместе куда-то направлялись, Андрей обязательно проводил вот такой ритуал, в начале пути. Он уже давно, на виду у всех, употреблял алкоголь в лошадиных дозах. Но ввиду того, что его отец до-

вольно публичная личность, то будет плохо для имиджа отца Андрея, если его сына будут видеть каждый день с бутылкой. Поэтому после некоторых громких «дискуссий» с отцом, они пришли к вот такому компромиссу.

После того как бутылка сока, была наполнена алкоголем, со стороны Андрея последовал большой и вдумчивый глоток, а в конце он с облегчением выдал: – Вот теперь... можно идти.

Дорога к университету у них заняла минут пять. Всё это время Дэриэл пытался вспомнить, что было вчера. Но тщетно. Подойдя к дорожке из брусчатки, Андрей задержал Дэриэла и сказал то, что подняло ему настроение:

– Что? – Дэриэл отреагировал на внезапную остановку Андрея перед входом.

Глубоко вздохнув и легко, но серьёзно отхлебнув с бутылки, Андрей ответил:

– Я не зайду туда трезвым, они меня такого не заслужили.

Дэриэл искренне улыбнулся и почти засмеялся, это как раз то, что ему было нужно сейчас.

– Щаас... ещё один глоток сделаю и пойдём.

Классическое состояние пьяного человека, проявлялось разными повадками, это могли быть, как и дружелюбие – так и агрессия. В Андрея, в этом случае, всё плохо. Ну как минимум для окружающих. Он становится более закрытым, резким, падок на критику и споры. И ни каких намёков на хорошие качества.

После этого Андрей кивнул и оба пошли к большой группе людей, около сорока человек. Которые, стояли при входе и шумно общались. Андрей тихо сказал: – Вовремя. Как раз вся «канитель» закончилась...

Немного осмотрев, они двинулись сквозь них, чтобы зайти внутрь. Дорога к входу представляла собой гранитные ступени, которые полностью, были забиты людьми. Хоть и излюбленные слова-призывы ректора о том, что чтобы ни случилось, студенты должны всегда оставаться людьми, уже прозвучали, но первая пара так ещё и не началась. Андрей шёл первым, немного расталкивая народ.

Осматривая людей в толпе, Дэриэл ненароком вспомнил, как здесь всё выглядело ровно год назад. И как за год, всё кардинально изменилось. Как тогда Дима, Женя, Клим, Милан и Дэриэл, придя заранее, ждали около дверей. Резко повернул голову, да так, что чуть не зацепил локтем девушку слева, которая в недоумении стояла в этой толпе, через свой низкий рост и искала путь на выход.

Всё это было ради того, чтобы посмотреть на лавочки, которые находились, по левую сторону, от дверей входа в университет.

Лавочки стояли в углу. Смотря на них, он даже на секунду вспомнил, что произнёс, в тот момент, год назад, как сел на одну из них: «Как могут быть такие красивые лавочки, такими неудобными? Такое ощущение, будто с ней что-то не так». И сразу же вспомнил, что ответил ему на это, не сев-

ший вместе с ним, хотя ещё одно пустое место имелось, его друг Дима. Взглянув с улыбкой на Дэриэла, Дима показал пальцем на табличку, привинченную к этой самой лавочке и сказал:

– Читай красные буквы, – и улыбнулся Дима.

Дэриэл постарался дословно вспомнить, что там было написано. И когда уже фраза «крутилась» у него на языке, его перебил голос Андрея. Дэриэл перевёл взгляд и увидел, что он стоит и вопрошающе смотрит на него. Невзирая на это, он плавным движением, опять перевёл взгляд на те самые лавочки, где теперь сидели совсем другие люди, да и лавочки были уже иные. После этого маленького воспоминания, он кивнул и пошёл в сторону входа.

Зайдя внутрь, они инстинктивно пошли к лифту. Лифт опустился и с него, вышло трое человек. Спокойно войдя в лифт, Дэриэл нажал на третий и они поехали. Тут Андрей вспомнил:

– Подожди, а разве Элай не должен был нас ждать у входа?

Дэриэл с удивлением спросил:

– Ты с ним говорил? Когда?

– А ты нет? Я думал вы созванивались, – без эмоций.

– Нет. А где ты его видел?

– Вчера, случайно... – Андрей.

– То есть, ты хочешь сказать, что он где-то внизу нас ждёт?

– Нет. Он нас бы точно увидел.

В процессе этой фразы, открываются двери лифта и пе-

ред ними, в пяти метрах, стоит Элай. Увидев его, они заинтересованно удивились. Элай же молчал. Он смотрел на них удивлённо, но не из-за такого неожиданного появления. Выйдя из лифта, Дэриэл взял на себя инициативу и спросил:

– Привет, – они поздоровались, – Грамм – тут?

– Нет, – озабочено говорил, перебирая мысли в голове и немного не стандартно открыв глаза, – Он в нашем корпусе сейчас, искал тебя кстати, – быстро ответил.

– Так, пошли, – Дэриэл уже хотел обратно вызывать только, что уехавший лифт, как опять услышал речь Элая.

– Подожди... Я здесь, – немного вздохнув, – Не просто стою. Пойдём покажу. Лучше ты узнаешь об этом по факту.

Дэриэл взглянул на Андрея, в глазах которого читалось только: «Вообще пофиг». И уже с тревогой пошёл за Элаем, по бетонным плитам третьего этажа.

Элай повел их, к 338-му кабинету, который был напротив большого, панельного окна. Они подошли и Элай кивнул головой, в сторону открытой двери. Дэриэл судорожно спросил: – Да что там?

Андрей тихо закрыл бутылку, достав крышку из кармана. Элай ещё раз указал кивком ему в сторону прохода. Дэриэл понял, что это бесполезно, лучше узнать самому. Тихо пройдя сквозь дверной проём, он удивился. Радостно. Там сидел его давний друг Дима, которого он не видел, уже около полугода.

Это был довольно просторный кабинет. В нём была, спе-

циально отведённая комната под лаборантскую. В которой ясно слышался, диалог мужчины и женщины, один из которых, ректор Анатолий Иванович, вторую же, по голосу, ему распознать не удалось. Увидев друга, Дэриэл радостно выдал:

– Дим, а почему не позвонил, когда приехал-то?

Со стороны Димы – ноль внимания, он дальше продолжал смотреть в окно, но это ни разу, не смутило Дэриэла, после чего он продолжил:

– Слушай, давай с нами, я всё закончу, и пойдём зайдём куда-нибудь, а? Всё равно пар не будет.

После этих слов, в лаборанской всё затихло. Двое людей вышли, и Дэриэл разглядел в той неизвестной – мать Димы. Он удивлённо посмотрел на неё, улыбнулся: – Добрый день!

В ответ, он увидел, только судорожные кивки в его сторону.

И только после этого, Дима услышал и повернулся, с глупым взглядом: – Что?

– Привет говорю, – неуверенно сказал Дэриэл.

– Привет... Ты что-то хотел? – Дима.

– Эмм... Я... Ну как... У тебя что-то случилось? – Дэриэл.

– Нет. Вроде всё нормально, а ты кто? – Дима.

Прищурившись и судорожно улыбнувшись, Дэриэл в отчаянье переспросил:

– Это шутка? Давно не виделись, я уже перестал понимать

твою иронию.

Но в ответ ему ничего не прозвучало. Дима засмотрелся на его футболку. Рисунок которой, очень красиво блестел на солнце, из-за лучей, проходящих через окно.

После этих слов Дэриэл нервно, даже немного со страхом, продолжал смотреть на него, ни разу не моргнув. При попытке что-то сказать, не смог открыть рот. Развернувшись с неммым вопросом, к его матери, он увидел, как она уже шла к нему, с мокрыми глазами. Подойдя, она обняла его и в слезах начала рассказывать:

– Его чуть не убили... – с её уст это звучало очень страшно, но без истерик. По ней было видно, что эта женщина провела в таком состоянии уже не одну ночь.

– После того как избили, его оставили в парке ночью... если бы прохожие не вызвали скорую, то он бы умер.

Дэриэл не мог поверить своим ушам. Он почти был уверен, что это розыгрыш. Дима всегда любил пошутить, но было трудно представить, чтобы он завлёк к этому ещё и свою мать. Как он говорил: «Всё ради того, чтобы посмеяться».

– Врачи сказали, что у него травма черепа, которая повлекла за собой... Провалы в памяти и нарколепсию...

Дэриэл опять развернулся, к старому другу и надеялся увидеть от него, хоть какую-то реакцию, ведь они же стояли в метре от него. Но всё было не так, как он того хотел.

После осознания реальности, творящееся вокруг него –

его как будто молнией ударило. Из-за чего, в тот момент, он был похож в точности на Диму. Молчаливый, с тупым взглядом и глубоко занятой своими мыслями. А пришёл в себя, он только через минут семь, уже в коридоре. Осмотревшись, он увидел, как Элай и Андрей сидят на подоконнике и смотрят в пол.

– Ты давно узнал? – спросил Дэриэл.

– За час до тебя.

– Я... Хм... Я не помню, спрашивал ли... Кто это с ним сделал?!

– Не спрашивал, – громко ответил Андрей.

– Я спрашивал, но она не знает. Говорят, свидетелей нет. Лично моя версия, что нет тех, которые не боялись бы, в этом признаться, – последние слова Элай произнёс особенно сочно.

В этот момент Дэриэл хотел проверить свой смартфон, на наличие пропущенных сообщений, но ввиду того, что по ощущениям, его руки были как будто сделаны из ваты, он не мог быть уверен, что не разобьёт его. После чего, тихо произнёс: – Не помню нифига, я хоть попрощался с ними?

– Да.

– Тогда пошлите отсюда.

Все остальные кивнули и вместе пошли на выход. Выйдя из здания, Элай задал вопрос: – Дэри, что там с Элиасом? Я звонил ему – он не берёт трубку.

– Почему ты меня спрашиваешь об этом?

– Как почему? – удивился, – Вы же вместе пошли с ним вчера.

Тут Дэриэл остановился и встревожился. Он начал вспоминать некоторые обрывки вчерашнего дня, естественно большинство из них были не понятны. Но один из них, отдавал ясностью, что были они там – втроём. Он, Элиас и девушка Элиаса – Алиса.

– Точно! А ка... А что? Пацаны, я ничего не помню...

И в этот момент, его переживания и страх на счёт Димы и Элиаса, объединились и стали настолько сильные, что это вылилось в чрезмерную головную боль.

Андрей понял это и решил, что нужно разрядить обстановку, дав свежую теорию на этот счёт: – Подождите! Почему вы не рассматриваете вариант, где он тупо остался ночевать у Алисы?

После этих слов, они втроём переглянулись. Андрей продолжил: – Да с ним всё в порядке. Идём. Мне уже надоело думать о плохом. Я и так спешу.

И внезапный крик: – Клынков! – проскользнул каждому в уши, затем все трое немного повернув голову, посмотрели на затемнённый силуэт, со стороны солнца, медленно идущий к ним. Не видя человека, который мог быть кем угодно, не помешало Андрею грубым тоном сказать: – Да кто там ещё?! – ответа не последовало, и через пять секунд они уже могли рассмотреть этого человека. Перед ними стояла Лиза Лэкора, держа в руках кучу ровно сложенных бумаг. Лиза

была живым примером поговорки: «Не суди по обложке». С наружи она была довольно милой и красивой девушкой, о которой, ни в коем случае, ничего плохого не скажешь, но вот внутри, скажем так, всё было очень плохо. Каждый, кто знал Лизу, никогда не отзывались про неё хорошо. Никогда.

Сама по себе Лиза была карьеристкой. На эту тему у Элиаса и Дэриэла даже есть собственный спор. Первый говорит, что в этом виноваты родители, так как возможно ещё с детства, навеяли ей мысль о том, что главное любым способом попасть туда, где крутятся много средств. А второй говорит, что это социум, так как из того же детства, знает Лизу и её круг общения. Но никогда этот спор не доходил к логичному завершению, с конечным принятием какой-нибудь точки зрения, одной из сторон.

Она стояла перед ними в ровно выглаженной, красной рубашке и в обтягивающих Джинсах, которые выглядели очевидно новыми. Также на ней были чёрные туфли на низком каблуке. Она остановилась в полуметре от них и пристально осмотрела каждого. Смотрела она долго и всё это время что-то сверяла со своими бумагами, сначала посмотрела на первую маленькую бумажку, которая виднелась всем троим, и задумчиво посмотрела в их сторону, потом немного перелистнув, заглянула в папку и опять посмотрела на них. И снова внезапный крик, но уже не Лизы: – Перестань! – устало крикнул Андрей.

– Что перестать? – удивлённо спросила Лиза.

Дэриаэл с Элаем тоже немного повернули голову к нему, но взгляда не спускали с Лизы.

– Молчать перестань, – уже нормальным тоном добавил Андрей.

Лиза проигнорировала упрёк и сразу подошла к теме претензии.

– Ты не хочешь мне что-то объяснить? – немного со злостью спросила Лиза и где-то раз в три секунды, поглядывала на свой список в руке.

Посмотрев на то, как Элай уже подсматривал себе место, где можно присесть, Дэриэл Клынков безразлично на полтона ответил: – Не хочу, более того, я бы видеть тебя не хотел, а чтобы, что-то ещё и объяснять...

– Ты уже не первый раз так делаешь Дэриэл, и тебе об этом уже говорили, так зачем продолжаешь? Если тебе что-то не нравится, бери и уходи, или соблюдай правила! – возмущённо.

Не успел открыть рот, тот кому задался вопрос, как выплеснулся пронзительный крик, который был громче двух предыдущих и его уже слышали прохожие:

– Что делаешь?! Кто говорил?! Ааа! – Андрей не выдержал накала непонятности и просто выплеснул всё, о чём думал, а после стоял и смотрел на неё, с большими и злыми глазами, – И только не говори, что это не моё дело, ты подошла к нему, когда мы здесь втроём, помешала нам, так изволь хотя бы рассказать, почему я и остальные не должны

послать тебя! – она резко перевела взгляд на Андрея и уже хотела высказать и ему, но опять решила промолчать и говорить по факту.

– Хорошо... Ты зачем Ломинову, лично отдал статью? Ты работаешь на фирму, которая занимается написанием этим самых статей под заказ! Мы находим вам клиентов, вы даёте нам процент.

Дэриэл безразлично ответил: – Во-первых, вы лично, ни разу не нашли мне ни одного заказчика, хотя я просил. Только Грамм мне помогает, опять же, не как фирма, а как физ. лицо, – Лиза хотела возразить, но её перебил Дэриэл, – Во-вторых, на сколько я понял, тебя никто не подсылал ко мне, это исключительно твоя инициатива. Ты работаешь там помощником редактора и да, я знаю, что твоя зарплата зависит от количества продаж всего чем занимается контора. И нет, я не считаю чужие деньги, – он смотрел на неё не моргая, – Но главный редактор в курсе, всего, что происходит и если бы кто-то имел претензии ко мне, мне бы предъявили. Лиза, вот мой совет. То, что твоя зарплата больше других – не ставит тебя, выше других.

И тут она хотела грубо возразить, но её вновь опередил уже уставший от этого диалога человек. Немного отпив, уже с почти пустой бутылки и выдал: – Стоп! Ты потратила почти четыре минуты нашей жизни и ничего при этом не добилась, так что всё, ты свободна.

Лиза посмотрела на Андрея с ухмылкой и двинулась на-

зад в свою машину, а Элай понемногу поднимался с неудобной для сидения горизонтально выросшей ветки. После этого, они все как один, вместе пошли к корпусу «К».

Войдя в здание, Андрей вынул из кармана небольшое для него самого, количество денег. И отдал Дэриэлу, попросив поспешить. После чего сел в ожидании у стены и начал спокойно допивать. Дэриэл и Элай, пошли дальше по коридору, как полноправные учащиеся студенты, этого факультета. Идя по этажу, они ловили на себе взгляды первокурсников, которые ходили по корпусу, как по пустыне, не зная дороги в нужный кабинет.

В этот момент Элаю пришло оповещение на смартфон, он остановился и начал копошиться в кармане, чтоб посмотреть, что там. Дэриэл, увидев это, хотел поторопить его, но ему помешали. Со стороны левого плеча, его попросили поддержать объявление, пока его будут прикалывать к настенной доске. Он был удивлён, но не отказался. В то время в метре от него, Элай изумительно таращился в свой смартфон. Посреди всего коридора, и всячески мешая проходу, который просто кишел людьми. Оповещение гласило: «На ваш счёт зачислено 350 грн., спасибо за ваше сотрудничество!», – это заставило его улыбнуться.

После этого через пять секунд приходит ещё одно сообщение от неизвестного номера: «Извините. По ошибке отправила вам 350 грн., РАДИ БОГА, верните пожалуйста».

После второго сообщения его улыбка уменьшилась, он

спокойно двойным прикосновением к линии набирания текста, вызвал клавиатуру на экран. И написал: «Бога нет». Ответил и потушил экран. Положив смартфон в карман, он развернулся и посмотрел, как Дэриэл держит объявление, которое какая-то рыжеволосая девушка прикрепляет к доске. Прищурившись, он посмотрел на неё, в надежде узнать, но ничего не вышло. Он мало кого знал, так как почти, ни с кем не контактировал, к тому же это могла быть какая-нибудь первокурсница. После вспомнил, что Андрей долго ждать не будет, а идти домой самому, не хотелось и быстрым шагом сразу направился в кабинет, номер «77». Идя по коридору, он сильно удивился, из-за того, что в этот год действительно много людей поступило, потому что прорываться сквозь них стало намного тяжелее, раза в три, ежели сравнивать с прошлым годом. Это было связано с прошлогодним закрытием университета в соседнем городе.

Зайдя в кабинет, на него сразу же посмотрели все, кто там находился. Элай в свою очередь, посмотрев с под лба, увидел только лишь половину и дальше не захотел смотреть. Немедленно подошёл к своему рабочему месту и принялся, собирать все свои черновики, для будущей статьи.

Прозвучал звонок и большинство людей, где-то пятеро из восьми, убежало по своим делам. Но не Элай, его заботило лишь то, ради чего он сюда явился. Листок за листком, папка за папкой, он перекладывал из стола в ящик, но всё же, он не мог найти последние записи, которые вёл прошлые вы-

ходные.

И тут сзади он услышал, как на его стул кто-то сел. Спинку стула случайным образом на каком-нибудь из прошлогодних праздников – сломали. В тот момент, он вполне мог потребовать новый стул, но не сделал этого. А тихо попытался сам исправить. До конца все сделать не получилось – спинка всё же немного поскрипывала.

Он осёкся: – Влада? – спросил он с тревогой, не поворачиваясь.

Она подошла и с небольшой улыбкой ответила: – Конечно! – она хотела ещё что-то ему сказать, но в этот момент на неё обратили внимание присутствующие и она притихла.

После, Элай равнодушно принялся искать дальше. Она села слева от него и начала просто на него смотреть. И вот радость, он нашёл что искал. С небольшой улыбкой, собрал все эти листы в стопку, взял в руку и подошёл к двери. Элай уже думал уходить, но что-то не давало ему это сделать. Элай развернулся к Владе, выдохнул и обрадовал её: – Ну ладно, говори, что хотела, у меня есть ещё немного времени... – на выдохе.

– Класс, – радостно вскрикнула Влада: – У меня ноутбук не видит принтер. Я даже не знаю, что и делать. Попыталась со всех сил – не получается настроить. Даже уже и экраном к нему поворачивала, а он ни в какую. Поможешь? – держа в

руках статьи написаны от руки.

Его умеренное лицо, за пару секунд превратилось в угнетённую гримасу и попыталось показать, весь атавизм, сидящий внутри Элая, к ней. Элай думал, что Влада уже не сможет его удивить – ошибался.

Он даже не думал над этим пошутить. Понимая, что смешно всё равно не будет никому из них: – Фуууух, – он мысленно выругался и сильно выдохнул, – Лааадно, ты завтра тут будешь? – через силу спросил Элай.

– Конечно!

– Я припрусь утра по своим делам и к тебе заскочу. Возьми ноут, я покажу.

– А может просто, сегодня ко мне домой зайдёшь, там всё и сделаешь? – сказала это тише предыдущих своих слов.

Элай задумался. Нет, он не собирался соглашаться. Просто в голове засела мысль о двузначности этого вопроса. Но потом, он вновь припомнил уровень айкью Влады и подумал, что она бы вряд ли сообразила на такое намекнуть.

– Нет. Только завтра, – хотел опять развернуться, но в голову пришла мысль, – Оо... и если тебе не трудно, будь так любезна, если найдешь новости, помеченные для меня. Соберёшь и отдашь мне завтда, добро?

– Конечно. Спасибо тебе большое! – поблагодарила и попыталась обнять его.

Дэриэл стоял спиной к стене, левой рукой держа объявление, а правой в экране смартфона. Слева стояла рыжеволо-

сая девушка и копошилась в кармане, в поисках последней булавки. И внезапно спросила:

– Я так понимаю, ты журналист? – вопрос был проигнорирован, Дэриэл был занят и в процессе, ему показалось, что этот вопрос был задан не ему.

– Ну или хотя бы какой курс? Я понимаю не очень интересно разговаривать с незнакомым человеком. Но мне просто хотелось узнать, что-то новое.

И уже только на третьем предложении, Дэриэл понял, что это обращались к нему. При этом испугавшись, дёрнулся:

– Эмм... Что? – неуверенно, повернув на неё голову.

Прищурившись, она смотрела на него, а потом тихо сказала: – Хм... Есть ли шанс того, что после третьего вопроса, ты мне всё-таки ответишь?

Немного подумав, он выдал: – Шанс всегда есть, – и слабо улыбнулся.

Она сделала тоже самое, в ответ.

– Плохое настроение? – теперь она решила отойти от темы учёбы и спросить о чём-то нейтральном. Довольно банальный вопрос, подумал он. Решив для себя, лучше молча рассмотреть её лицо. Его заинтересовала одна вещь. Лицо этой девушки было с явными эльфийскими очертаниями: глаза зелёные, тёмный макияж на бровях и веках, ярко рыжие волосы, ещё немного виднелись скулы. И самое главное губы, на них была ярко-красная помада. Практически всё время, которое, он потратил на рассмотрение её лица, было сфоку-

сировано на её губах, он был почему-то уверен, что если бы, это была тёмно-красная помада, то её лицо стало бы, в разы красивее. Внезапно, смотря на неё, её губы растянулись и он услышал громкий хохот. Она не выдержала и засмеялась.

– Я всё поняла. Ты на своей волне, не буду задерживать.

Он мельком посмотрел на объявление, которое держал. Поняв, что уходить так, будет не очень и решил реабилитироваться: – Я просто перебирал знакомых, которые знают, где можно найти хорошую, свободную квартиру для съёма, тебе же она нужна.

– Да! А у тебя есть какие-то варианты? – с большим удивлением возгласила она.

– Честно говоря нет, но если что...

– Понятно. Ну хорошо. Кстати, я – Джына.

– Джына? Первый раз слышу о таком имени. Красивое.

– Спасибо, недавно перевелась на третий курс, юридический, а ты?

– Я – Дэриэл, пятый курс, журналистика.

– Выпускной курс, я так понимаю. По тебе и не скажешь. – удивленно, но с уважением сказала Джына.

Немного перебив Джыну, зазвонил смартфон Дэриэла. Он извинился и взял трубку. Где с неё начали тревожно вещать: – Дэриэл, ты уже тут?

– Да, щас уже подхожу.

– Давай быстрее, у меня к тебе очень срочное дело!

Трубку сбросили. Он положил в карман смартфон. Потом

попрощался с девушкой и направился по своим делам. Подойдя к кабинету главного редактора, и по совместительству его куратора, он тихо постучал. Услышав «входите» – Дэриэл вошёл.

– Ты пришёл. Давай, нам уже пора, – сказал Вениамин Грамм перебирая что-то на столе.

– Нам? Пора? Куда? – нервно переспросил Дэриэл.

– В ресторан «Думафель». На держи, одень, – и бросил ему ещё запечатанную синюю рубашку.

Немного постояв и подумав, Дэриэл пришёл к выводу, что его сегодняшней досуг отменяется напрочь, так как отказать не получится. После чего сказал:

– А зачем? И рубашку одевать не буду, не хочу, вы меня знаете...

– У меня там дела, а ты едешь со мной, потому как, Ломинову понравилась твоя статья. Ладно можешь не одевать, но рубашка всё равно твоя, считай подарком.

– Я понял, ладно.

– Пошли к моей машине, только она не на парковке, а на другой улице.

– Стоп, а вы привезли Андрею то, что он просил?

– Аа, да, щас... Держи! – Вениамин Грамм передал Дэриэлу, небольшой свёрток леживший в нижнем ящике.

– А вот вам от него, – Дэриэл вручил недавно данную ему сумму денег от Андрея, – Я вас догоню, нужно отдать, – Вениамин кивнул.

Дэриэл пошёл к ждущему на входе Андрею. К тому моменту, Элай уже тоже освободился и сидел рядом, тихо беседуя с ним. Идя по коридору, он слышал, как в этом свёртке, что-то пересыпалось с одного края в другой.

– Держи, – подойдя вплотную.

– Оо, отлично, – сказал Андрей и они оба с Элаем поднялись.

– Так, а что там? – интересуясь Дэриэл.

– Та это импортная хрень, – безразлично, – Купил у знакомых Ли... – похрипел горлом, – Грамма. Ну он просил не рассказывать. Та по-правде говоря, ничего нитересного тут нет. Вы лучше скажите... Всё? Вы закончили? Идем домой? – более-менее радостно, ответил Андрей.

– Да! – быстро и резко сказал Элай, – не обратив внимание на пояснения Андрея.

– Нет, я срочно оказался нужен Грамму, – слабо поверив предыдущим словам Андрея.

– Что, опять?

– Да, – сухо процедил Дэриэл.

Остальные переглянулись и пожали плечами. После сказали «Удачи» и пошли на выход. Третий же направился к машине.

Дорогу спустя, приехав к ресторану и войдя в него, Дэриэл восхищённо, про себя, задал вопрос: «Как с такого «гнилого» каркаса, который годами разваливался, можно было построить что-то подобное?».

Ресторан «Думафель», открылся очень недавно, и ещё ровно год назад, Дэриэл со своей старой компанией друзей, лазил на заброшенную постройку, по которой с восхищением идёт теперь.

Этот ресторан, имел три этажа, но размещено само заведение, было лишь на первом и частично на втором. В проекте было занять всю площадь.

Винеамин Олегович, сразу пошёл к лестнице, направляясь на второй этаж. Они быстро прошли по спирало подобной лестнице и вышли на залу.

Великолепная зала, искусственно мраморные стены и пол. В углу приятно, на полтона, играл скрипач. Небольшие столики, стоявшие на большом расстоянии друг от друга, чтобы не мешать никому. И приятный цветовой контраст, чёрных полов и оранжевых колонн. Идя по залу, Дэриэл задал вопрос своему куратору:

– Можно поинтересоваться. На сколько здесь дорого?

Вениамин Олегович обернулся и прищурившись, с задумчивым взглядом сказал: – Слушай, может ты уже и сам всё понял, но всё равно хочу тебя предупредить. Приглашения на такие встречи, не делаются просто так. Он бизнесмен, а ты довольно перспективный журналист, в тебе явно есть потенциал. И он это видит, просто хочу сказать... Не забудь свой талант там, где его очень легко потерять. И да, здесь невероятно дорого, – вздохнул, – Идём, мы уже и так опаздываем.

Как только Вениамин Олегович подошёл к столику, за ко-

торым сидели все знакомые для него персоны. И в обратном порядке, не знаком для Дэриэла, кроме одного. Тот самый один вскрикнул:

– Дэриэл! Я даже не сомневался, что ты придёшь.

И сразу же ринулся жать ему руку. В ответ Дэриэл выдал.

– Здравствуйте пан Ломинов. И тоже протянул ему руку.

– Зови меня – Владлэн Фаустович.

– Хорошо, – с улыбкой согласился Дэриэл.

– Слушай, давай немного отойдём. Я хочу с тобой кое-что обсудить, если ты естественно – не против, – тихо сказал он.

Дэриэл задумчиво кивнул. Владлэн же по-дружески улыбнулся и похлопал его по плечу. После положительного ответа, он принялся осматривать зал. Под удобное место для беседы. В зале было много свободных мест, но почему-то, ему ни один столик не приглянулся. И тут же в его голову пришла идея:

– Дэриэл, я знаю место, где не будут мешать нашему разговору, пойдём.

Ломинов повёл его к выходу из залы. Они пошли к дверям, на которых было написано: «Осторожно! Идут строительные работы!». Зайдя в них, Дэриэл почувствовал некую ностальгию. И про себя сказал: «Так вот оно что, всё-таки не до конца доделали, хотя снаружи всё идеально». Комната, в которую они зашли, по размерам была идентичной «Вип» зале, находящийся на втором этаже. Но только, полностью разодранной, обрисованной баллончиками для краски, об-

битую до кирпича, грязную, тёмную и в конце концов, как сказал Дэриэл: «Гнилую». Комната эта была, десять на десять метров и имела большую дыру по середине. Раньше эта дыра служила лифтом. Точнее должна была служить, ведь дом так и не достроили. Но в каждом обломке стекла, в каждой поломанной плите, он видел, что-то родное.

Они оба подошли к обрыву, которое ограждали трухлявые перила. Дэриэл знал точные места, где можно было стоять на этом опасном месте и не бояться. Сергей Владлэнович на удивление Дэриэла, тоже.

– Дэриэл, я думаю ты понимаешь, почему, ты тут. Мне очень нравится, твой подход к работе и я бы хотел предложить ещё, только на постоянной основе. Как ты на это смотришь? – после этого вопроса Владлэн Фаустович, немного осмотрелся, ведь он знал, что все эти комнаты меж собой связаны, и вполне возможно, что кто-то здесь есть.

– В каком смысле на постоянной основе? Вы имеете ввиду регулярные статьи? – уверенно спросил.

Дэриэл всё прекрасно понял, но всё же решил удостовериться, услышав более точную информацию.

– Ну не совсем. Смотри. Когда ты написал о Спаывне и его банке, это была заказная статья. Твоя работа заключалась в том, чтобы правильно подать подтверждённую информацию, вылить её в сеть и непосредственно в массы. Так как у вашей конторы хороший кредит доверия, то все обратили внимание и естественно, правда массово, добралась до людей. Но так

может сделать и Спавын или любой другой человек, на кого угодно, естественно если есть какой-нибудь компромат.

В этот момент за тонкими, треснувшими стенами, слышался какой-то звук, похожий на смех. Они оба огляделись по сторонам. Владлэн Фаустович, не хотел менять место дислокации, потому начал говорить ещё тише:

– Если ты согласишься со мной сотрудничать, то от тебя потребуется немного. Ты продолжишь в том же русле, как и работал. Но одна просьба. Если тебе придёт заказ с конкретными наводками на меня, то ты дашь мне фору. Вместе с той информацией, что тебе предоставили. Мы по-быстрому решаем этот вопрос. И ты выпускаешь статью, где обозреваешь конечный результат, и скорей всего – разрушаешь этот миф. С нашей стороны, всё просто. Для начала – к твоей зарплате, прибавляется ещё один нолик. А там посмотрим...

– Можно вопрос? – кивок собеседника, – Почему я? Зачем вам я?

– Дэри, ты перспективный журналист. Поработаешь так пару лет, подрастёшь и пойдёшь выше. У тебя прекрасное будущее. А посредники нам ни к чему, – Ломинов, хотел окончательно додавить Дэриэла, поэтому не останавливался, – Можешь не спешить, у тебя есть достаточно времени на раздумье. Я пойду за стол, ты тоже подходи. Как раз познакомлю с «интересными» людьми для тебя.

После этих слов Дэриэл окончательно затих, просто смотря в дыру, которая видимо служила, ещё и строительным,

мусорным баком. Похлопав ещё раз Дэриэла по плечу, Влад-лэн Фаустович ушёл. Оставив Дэриэла наедине.

Он думал и старался прийти хоть к какому-то решению, но в голове крутилось, много лишних мыслей, например: «Что сказали бы на это друзья? Элай в частности...» или «Почему представляя такие разговоры в голове, отказаться от них, не составляет труда? А на деле же... Стоп. Я просто был обескуражен таким предложением. И не мог никак быстро ответить. Разные же люди бывают, кто-то быстро всё решает, а кому-то нужно всё обдумать. Эм... А что я, собственно, собрался обдумывать? Ещё раз стоп! А я бы точно ответил, так как задумывал? Ведь для меня существует лишь один ответ, для него, окончательный и бесповоротный. Ведь так, Дэриэл?».

И опять он услышал чей-то хохот и сбился с мысли. На этот раз, смех был уже очень близко к нему. В паре метров. Развернувшись, Дэриэл увидел выходящих из зала, пять человек. Возрастом с него. Трёх девушек и двух парней, старшекурсники с его университета, разных факультетов, праздновавшие начало нового учебного года, во время которого, они ходить, и тем более учиться, скорее не будут.

Но Дэриэл на счёт личности этих людей, точно бы не сказал, так как, его мозг редко запоминал такого рода персон. Поэтому, он не обратил внимания и постарался абстрагироваться и вернуться в размышления, нависшей на него ситуации. И тут же Дэриэла, кто-то похлопал по плечу, он уже

даже немного испугался. Что возможно Владлэн Фаустович вернулся за ответом. Но его зрение, показало, что это не так. К нему подошла Алёна Крапова, одна из тех трёх девушек. Все же остальные пошли, в глубь дальше, чтоб никто не видел их. Она подошла к нему, только потому, что Дэриэл, был старше её и в них она видела, какой-то интерес. Алёна была пьяна, но на ногах стояла более-менее неплохо, хотя моментами её кидало в разные стороны.

– Вау! У тебя тут тоже столик заказан? – громко спросила она.

Дэриэл не мог точно вспомнить кто это: – Вроде того, – сухо ответил, стараясь максимально быстро выпроводить её из возникшего диалога.

– Только здесь как-то не очень, поза вчера, в другом ресторане было лучше, ну конечно и заплатили мы в два раза больше, – продолжая, – Ты же тоже был... Ну с нами. Или когда это было? Точно, вчера же. На хате.

Услышав для себя интересную информацию, Дэриэл повернулся к ней лицом, но из-за запаха никотина, тут же развернулся назад. Решив, что узнать всю нужную ему информацию, можно и так.

– Да, был. А что?

– Значит был. Я просто слабо помню, – она.

– А не помнишь, что там было с Элиасом? – старался Дэриэл выпытать то, что сам забыл.

– С кем? Аа... Что-то крутиться в голове, но вспоминать

не хочется. Вчера перебрала немного. Сама не помню, как очутилась в Марка. Нужно будет узнать у него. Я ещё помню, как мы дальше поехали на... – без остановки рассказывала Алёна.

После слов о том, что «они» куда-то поехали, Дэриэл уже не слушал, а думал, как её отшить, а может просто уйти за столик. Но она даже не думала останавливаться, а продолжала вещать: – Мне это напомнило, как мы две недели назад, по городу ночью ездили. Там так же, пол остановки снесли капотом. И почему они делают остановки такими не прочными? – Дэриэл не собирался отвечать и после пяти секундной паузы, она продолжила, – Потом ещё в парк поехали. А не, это не тогда было... Вроде раньше. Или всё-таки... – Дэриэл закатил глаза и хотел демонстративно уйти в зал, как вдруг, – Кстати, не зря ты перестал общаться с Вуурыным. Он оказался таким дебилом.

Он снова развернулся к ней лицом, только на этот раз, ему было плевать на запах: – Та, а я и не переста... Стоп... Ты о чём? Ты видела Диму? Когда?

– А ты не знаешь? В парке. Давай расскажу... Мы одногруппники и всё началось с того, как нас собрала кураторша. Дима с нею и другими там что-то обсуждали про выпускные экзамены. Я не вникала, общалась там с подругами. Ну завышала я тон, и что? Ему видите ли, это не понравилось. Я его послала. А он, слышишь, чуть руку на меня не поднял. На следующий день ему позвонили и сказали, что ему срочно

нужно приехать и извиниться, иначе... И что ты думаешь? Он не приехал. Поэтому увидев его в парке, Марк не сдержался и скажем так, «объяснил» ему, – Дэриэл стал таращить на неё глаза, чего она не видела, – Там ещё кто-то был с ним, ему тоже, по-моему, досталось. Сам виноват, нашёл за кого заступаться.

Услышав это, Клынков со всех сил задержал дыхание и старался не слушать, что она говорит. Но она продолжала: – И как ему теперь, лучше? Просто извинился бы и всё. И да, кстати. Если что, это между нами. Хорошо?

У Дэриэла начали трястись руки, подкашиваться ноги, болеть голова. Он не мог дальше слушать её. У него начался приступ. Это Дэриэл понимал ясно, так как писал статью, о чём-то подобном. Но вот, что это за приступ, он не мог понять, откуда это. Немочь стоять дальше, он захотел просто уйти – неважно куда. Сердце сильно забилося, за тем участилось дыхание. Его глаза наполнились слезами, он начал вспоминать давнего друга Диму и в этот момент всё же смог вспомнить, что было написано на той роковой табличке у входа в университет. Да и весь тот случай, засевший в его голове.

«Не садитесь на среднюю лавочку, она в аварийном состоянии. Ремонтные работы уже ведутся!». Сразу после того, как текст был прочитан, он увидел впереди, как на него «летит» Милан. Точнее на второе, свободное место, около него. Но на такой скорости, что Дэриэл уже предвидел, как Милан

зацепит и его тоже.

Так и получилось. Как только Милан приземлился, в мгновение, скамейка тут же серьёзно хрустнула. Они с Дэриэлом успели только переглянуться, как уже рухнули на марморную поверхность у входа в университет. С Миланом ничего не случилось, после того как он упал, а вот с Дэриэлом была бы беда. Он сидел, прямо посередине и скорей всего, сел бы на железный, острый прут, служивший третьей ножкой лавочке. Который, не понятно каким образом – обломился. И находился в таком состоянии, всё лето. Но всё же Дима успел вовремя подхватить Дэриэла за руку.

После этого, они убедились, что с каждым всё в порядке, осматривая друг друга, на наличие колотых ран и дико рассмеялись. Конечно, под аплодисменты Жени с Климом и под огромный хохот Димы с остальными там случайными свидетелями.

Сейчас же Дэриэл смотрел на двери, как на святой источник, к которому пойти – цель всей жизни. Увидев, как он немощно трусится и пытается идти, Алёна спросила: – Ты куда?

И тоже попыталась развернуться. Но изначальное место, на котором она стояла, было не стабильное. Это место, на которое в течении пяти лет, лилась вода и падали камни из-за явного выпирания. Никто из посетителей в здравом уме, не решался настолько подходить к обрыву. Это одно из мест, которое было решено не оштукатуривать, а просто срезать,

когда будут делать уже грузовой лифт.

И вот довольно худая девушка, просто вставь слегка не на то место, подколола под собой кусок бетона. Куски повалились вниз. И её, как и полагается, из-за этой неровной поверхности потянуло на дно, под перилами. Она, в свою очередь из-за опьянения, не успела ухватиться за перила, но успела удержаться за кусок железного прута. Её ноги свешивались на этаж ниже, которые моментально были разодраны, так же, как и платье об такие же пруты. Обе туфли упали вниз. Одной рукой она ударилась, но из-за болевого шока, она не почувствовала ничего. Алёна практически не успела понять, что произошло. Но инстинкт самосохранения, всё понял за неё. Держась одной рукой за закрученный прут, с которого ссыпалась ржавчина, в слезах и невероятном страхе, она крикнула: – Помоги!

Не услышав падающий бетон, но услышав крик. Дэриэл развернулся и увидел её. За всё это время, он не сдвинулся ни на метр. Хотя по ощущениям Дэриэла, он прошёл пустыню. Эту «картину», Дэриэл осматривал ровно одну пятую секунды. И что-то в нём «щёлк!». Его кулаки сжались, глаза покрылись красной пеленой. Он больше не чувствовал ни страха, ни боли, ни горечи. Просто – «ярость!». Его тело налилось адреналином, он перестал себя контролировать. Дэриэл сделал один точный удар. Ногой прямо в лоб. Глаза Алёны лезли из орбит, когда она увидела носок кроссовка, приближающегося к её лицу. Из-за рывка тела закручен-

ный прут разодрал ей руку, за который она так сильно держалась. Она отлетела от обрыва на метр и улетела в темноту. Летя она хотела, что-то крикнуть, но не смогла. Это все длилось максимум четыре секунды. Но Дэриэл, за это время, ментально постарел на лет пять. Через мгновение, рассудок вернулся к нему и он понял, что всё это было на самом деле. К нему тут же вернулись те самые ощущения, что были до этого, только усилились, в раз пять. Он не мог осознать всего, что сделал. Не мог нормально мыслить, он хотел, чтоб сейчас, кто-то вышел и всё ему логично разложил. Объяснил, что он нормальный, это просто мир его обманывает и он, к этому всему не причастен. Но такого не случилось. И Дэриэл просто инстинктивно крикнул: – Помогите!

Он не слышал своего голоса, оба уха заложило, как после простуды. Но крикнул, он очень громко. Этот крик услышали многие. Те самые друзья Алёны, они уже шли на зов. Многие стоявшие за дверью, общаясь там. Та даже Ломинов, который заговорился и так и не дошёл к своему столику. Но вот только, кому просил помочь Дэриэл? Алёне? Каким образом, можно помочь человеку, с головы которой, торчит два железных прута. Единственный возможный и логичный вариант, это то, что он звал на помощь себе.

– Интерлюдия 1 -

Сводки по столице за неделю: смертей в автокатастрофе – 17; смертей домашнего насилия – детской/взрослой, 13/8; смертей по неосторожности – 5; уличных смертей – 20; смертей политиков – 1; смертей журналистов – 2; самоубийств – 22;

Уголовных дел, заведённых после этих происшествий: 9.

*Примечание: с каждой новой неделей, мне всё больше казалось, что нужно добавить новый критерий, «смерти на мосту», имеется ввиду Лыманьск, так что вот: смертей на мосту (самоубийств) – 10.

*Новость, не требуемая за собой никаких комментариев: власти заявили, что в следующем году, на окраине города будет торжественно открыта новая тюрьма, так как старые уже забиты до предела. И в дальнейшем, новые тюрьмы будут появляться в республике каждую четверть года.

Я тут недавно «столкнулся» с одной довольно интересной мыслью. Которая не даёт мне покоя уже третий день. Вы когда-нибудь задумывались, на сколько высока точка "кипения" у людей? Хорошая пища для размышлений, я считаю.

На сколько у тех людей, которые ходят по одной улице, живут в одной квартире, работают с тобой или учатся – «железная», нервная система. Долго ли они будут молчать и терпеть тот ужас, который твориться вокруг. Смотря на то, как

на их глазах издеваются над каким-нибудь животным, избивают человека, как кто-нибудь ведёт себя открыто по-хамски или пренебрежительно по отношению к окружающим, ну и в конце концов – нарушает закон. Естественно у каждого человека, это по-разному: кто-то никогда не молчит, кому-то нужно время чтобы решиться, а кто-то всю жизнь терпит.

К чему это я. Сегодня мне хотелось бы привести пример одного знакомого нам всем человека. Как мне кажется, если проследить за этим персонажем, по его жизненным поступкам, то можно увидеть истинную натуру человека. И звать его – Анатолий Григорович Ламель.

Многие знакомы с его историей, но не многие знают её полностью. Это очень поучительная история. И так, Анатолий является частным предпринимателем, а наиболее его знают, на широко известной улице Дэлиле. Он начал этим заниматься, ещё где-то десять лет назад. Тогда, он взял и рискнул открыть свой магазин. Не многим в то время повезло, большинство прогорели. Он был из тех, которые пошли на риск ради мечты, а рисковать ему было чем. У него не было детей, пневмония забрала у него жену. А позже инсульт, забрал у него ещё и сестру. И так вышло, что он был практически единственным кандидатом, его родной брат отказался, чтобы растить, четырёхлетнюю дочь сестры, иначе её заберут в детский дом. Так что, жизнь обещала быть трудной.

Но Анатолий знал формулу успеха: делай то, что просят люди и не старайся навязать им то, чего они не понимают.

И всё. Со временем его дело было успешнее любого, кого он знал. По рассказам, в то время, это было чуть ли не сказка, так как людей достаточно, а конкуренции практически нет и цена приемлемая для тех времён. Анатолий был своим человеком, к которому можно было прийти и сделать любой заказ, если такого нет в ассортименте. В то время успешных фирм и прочего, можно было на пальцах пересчитать и это при том, что власть поощряла средний бизнес, естественно только словами.

Время шло и бизнес стал брать больших оборотов, и супермаркет «Ламель», над именем которого Анатолий долго не думал, уже представлял собой сеть. В город переселялись люди с провинций и естественно конкуренция разрасталась.

И позже начали появляться люди, как и везде в наших городах, которые стали подбирать, всё под себя.

А именно, речь о определённом человеке, по имени, Алексей Сильвэстрович Спавын. Большого масштаба бизнесмен. Ему принадлежит «Вак» банк. Мастодонт в своём роде. Который в течении семи лет, всё больше и больше «врастает» в наш город.

И вот эти две персоны, в один момент стали врагами. Естественно агрессором был Спавын. Сразу расскажу, что это есть за человек, если вы не в курсе. Алексей Спавын, по моему скромному мнению, является абсолютно аморальным человеком. Который не боялся ничего, делая то, что ему хотелось. Из года в год, а в последний особенно, он пытался

закрыть всё больше и больше предприятий, после отобрать у них землю, не важно каким способом, и построить там, либо свой банк, либо вести тот же бизнес, но под другим названием. А о его махинациях с властью, на тему защиты прав вкладчиков банка и ежегодном получении нескольких миллиардов в свой карман, я и говорить даже не буду.

Он не трогал только тех, кто отдавал хорошенькую сумму за свою независимость, проще говоря – платил дань. Сделать с ним что-то, было очень тяжело. Потому что, в основном, он нападал на маленькие предприятия, делал всё тихо, и через неделю, уже об этом все забывали, идя в банк, на месте которого ещё недавно, было всеми любимое кафе.

Так вот, проблемы Анатолия Ламеля, начались где-то полгода назад, когда в городе, уже не осталось тех, кто не был бизнес другом Спаыну, естественно кроме больших предприятий. И вот что произошло. Сначала, как представил Ламель, в своём заявлении в прокуратуру, были присланы ему домой предложение, о продаже его сети. Довольно хорошие, но не интересные ему, по его словам. После ожидаемого отказа, как заявил Анатолий Григорович, пошли уже угрозы. Сначала это были звонки, ему и его племяннице. А после уже начались серьёзные проблемы. Например, в его магазины, были специально подосланы люди, которые всё громили и убегали. Связаны ли эти люди с властью? Определенно, ведь никакого криминального преследования за ними не было. И ещё многое другое, узнать о котором, можно порыскав

в интернете.

И на сколько, я знаю, Анатолий подал в суд на Спавына. Я не помню, когда будет слушание. Да и в принципе – не в этом дело. Поговорить я хочу, вот о чём. Все поголовно считают, что негодяй Спавын. И я тоже, согласен с этим. Но всё же, хочу вам показать эту ситуацию с немного другой стороны.

Начнём с того, что Спавын, начал этим заниматься, ещё очень давно. Как пример, он закрыл один сахарный завод, года три назад назад, чтобы тем самым повысить уровень безработицы и понизить уровень зарплат. Но это длинная история, где в том числе фигурировали интересы конкурентного завода, принадлежащий соратнику последнего, Сэвастинскому, но сейчас не об этом. И всё это время, как ни странно, Анатолий с Алексеем – сотрудничал! Я лично помню, эти пресловутые бонусы, в виде денег, попадающих на карточку банка, после покупки в магазине. И ещё кучу разных интересных скидок и удобств. И вы можете сказать – «Ну все ошибаются!». Но, не в этом случае! Когда существовал, ещё один, довольно крупный банк «Белый», которого уже нет, то его владелец, тоже был в тесных, дружественных узах с «Ламелем». И в день, как его начал притеснять Спавын, то наш любимый Анатолий Григорович, быстро открестился от него. Мол, в бизнесе – нет друзей. Хотя его просили, я бы даже сказал умоляли помочь продуктивной коллаборацией и пиар помощью, так как это был его единственный крупный бизнес-партнёр.

И вот мы подошли к концу истории. Когда Анатолий Ламель, понял, что и его скоро прикроют, то, он естественно начал «трубить во все концы». Начал публично высказываться. Говорить, что мол, какой это беспредел. Говоря, какая же «гнида», этот Спавын, что ничего такого, от него, он даже не ожидал. Прося о помощи у всех, у кого только можно.

Вы, конечно, зададите мне вопрос: «И что теперь его нельзя простить? Может он одумался». Нет, можно. Но только после того, как Анатолий покается и признает ошибки, а до этого, он ничем не отличается от Спавына.

И вот. Вы случайно не видите в нём, плюющего на чужие проблемы, не видя никого другого, кроме себя, ну или проще говоря – лицемера? Который, не заслужил помощи. Почему-то мне, именно так и кажется. Поэтому лично я, желаю Анатолию Григоровичу, скорейшего поглощения Спавыным и его партнёрами, а в дальнейшем – банкротства.

Парень с ноутбуком |15.08|

– Глава 2 -

Всё что случилось с Дэриэлом, это конечно печально, да и то, что в последствии с ним случиться оставляло желать ему лучшего, ведь понятно, что для него это только начало. Но хотел бы сразу сказать, что всё это началось отнюдь не с того первого сентябрьского утра, а держало корни, ещё как минимум с прошлого года. Это было трудно тогда понять, ведь и круг друзей был иной и интересы, даже юмор между собой отличался, да и в прочем мало кто обращал на это должного внимания. А процесс уже был необратим. Всё меняется и становится другим.

Улица Дэлила, находилась в полу часе езды от центра города. Как и сегодня, так и год назад, она славилась своими, заброшенными зданиями, домами, плюс ко всему, многочисленными свалками и прочего. Много горожан утверждает, что за год, столица Феера преобразилась и вместе с ней Дэлила. Так вот, поговорим о прошлом году:

– Клим! – крикнул Дима, увидев в расстоянии в пятидесяти метров своего друга.

Клим ничего не услышал, слушая музыку в наушниках.

– Алё! – Дима продолжал рвать глотку.

Снова никакого эффекта, это не принесло. И Дима решил подойти. В десяти метрах, Клим его заметил и снял наушники.

– Почему прогуливаешь?

– Я? В отличие от тебя, я был сегодня – на всех парах, – немного с гордостью сказал Клим.

– Эмм... Во-первых, это не важно! А во-вторых, почему трубку не берёшь? Мы собрались прогуляться, ты с нами?

– Да, только нужно кое с чем закончить, – немного невнятно сказал Клим.

– Не понял, ты чем здесь занимаешься?

– Короче... – понизил голос и с запинкой, бегая глазами, – Неделю назад, я нашёл в нашем парке – совёнка. Ну и решил себе оставить. Родители естественно – против. Ну после некоторых разговоров, мы решили, что если никто не захочет забрать её, в течении недели, то – она моя. Мы дали объявление на сайте. В течении недели – было тихо. Но вот в последний день, произошёл звонок. Они назначили встречу, здесь. И вот я стою и не знаю, что делать, – Дима сильно удивился.

– Что правда? Сова? Она щас с тобой?

– Да, смотри.

Клим приоткрыл курточку. Совёнок лежал во внутреннем кармане. Он ровно помещался там и по его лицу было понятно, что ему там нравится. После соприкосновения совёнка с холодным воздухом, зашедшим в следствии раскрытия куртки, он засопел и начал сворачиваться клубочком. Дима успел разглядеть цвет перьев, напоминающую серый хлеб и Клим сразу же закрыл куртку. Что бы не разбудить его.

– Невероятно. Имя уже дал?

– Нет. Я рассматривал вариант, что мне придётся отдать её. А дав имя, мне бы было тяжело это сделать.

– А почему она спит? Аа... День же, конечно, – ответил себе, на свой же вопрос, – Так, а в чём проблема? Просто возьми и скажи – нет.

– Та просто неправильно, мы с родителями договорились же. Они мне поверили, даже со мной не пошли, доверяют ведь. А я...

– Чувак. Это – сова! А не собака. С нею проблем не должно быть... – сказал, вообще не разбираясь в вопросе.

Его перебила девушка, которая незаметно для них, подошла. Обернувшись, они увидели её, на вид ей было около шестнадцати лет, одета по-осеннему: курточка с капюшом, тёплые Джинсы и такие же тёплые кроссовки. Волосы чёрные, глаза карие, без макияжа.

– Я не ошиблась, это вы дали объявление? Мне женщина сказала, что будет парень в зелёной куртке, ждать у этого места, – немного стесняясь, тихо сказала.

Они оба были в зелёных куртках. Поэтому после быстрого переглядывания между собой, Дима выдал: – Вы не ошиблись.

– Отлично. Значит, это вы отдаёте совёнка в добрые руки?

Клим пристально наблюдал за происходящим и даже был немного под впечатлением.

– Да, а что? – безразлично спросил Дима.

– Когда можно будет его забрать, сегодня или завтра?

Дима прищурился, вдоль и поперёк осмотрел её и окончательно сказал:

– Тебе не отдам.

– Как? Почему? – нервно и в недоумении, произнесла девушка.

– Без комментариев. Мои решения обсуждению не подлежат, – сказав немного с лишним пафосом.

Клим не знал, что и делать, его это очень рассмешило, и он боялся, что это будет выглядеть, как насмешка, поэтому принял решение, просто отвернуться. Дима простился с девушкой, и они ушли. А она развернулась и пошла домой.

Отойдя на несколько десятков метров от неё, Клим выдал: – Блинн, спасибо тебе! Я ни за что не смог бы это сделать, хотя это конечно и не правильно.

– Та забей, если ты хочешь сову, то я думаю, ты имеешь на это право. Так как назовёшь то?

– Хм...ну, так как это девочка... как тебе имя...Вера?

Дима сразу понял, причину выбора именно этого имени, но не стал на этом заикливаться.

– Как? Вер... – слегка затих, – Ааа... ну нормально. Понял. Ну, а что? Неплохо. Ладно, пошли, а то Дэриэл уже три сообщения кинул.

– Пошли, – радостно сказал Клим, поглаживая сову внутри куртки.

Они встретились около старой, детской площадки. На

ржавом заборе сидел Милан и что-то высматривал, в открытом, канализационном люке, по среди дороги. Дэриэл стоял слева от него и порядка десяти минут настраивал свой старый фитнес браслет, который уже отказывался показывать время. А Женя, немного в сторонке, в голос, обсуждал глубину этого же люка. Но после того, как Милан поднялся, увидев Диму и Клима, он подал им сигнал и вслед за ним, Дэриэл и Женя – замолчали и пошли им на встречу.

– Почему так долго? – спросил Дэриэл.

– Спасали Веру, – смеясь ответил Дима.

– Кого? – Милан, Женя и Дэриэл, спросили в унисон.

– Да вот... – и Клима снова раскрыл куртку.

– Это что? Маленькая сова? – радостно спросил Женя.

– Да, нашёл случайно.

– Ну в принципе прикольно. Ладно, уберай её, а то у меня сейчас будет передозировка «милоты», – сказал Милан.

– Я думаю нам нужно куда-то выдвигаться, – спрятав совок, сказал Клима.

– Да, только что делать будем? – очевидно спросил Дэриэл.

– Может в Ламель? Возьмём по бутылочке, – предложил Милан.

– Ну тогда только мне что-то лёгкое и только одну, – Клима не дожидаясь ответа.

– Это точно нет. Мне сегодня к маме идти. Хочу быть трезвым, – Женя возразил.

– Ну, тогда есть у кого-то ещё идеи? – поинтересовался Дэриэл.

Дима, развернулся. Осматривая местность, он заострил внимание на доме через дорогу и тихо ответил:

– Есть, но сразу говорю – план говно, – все сразу посмотрели, на него и поняли, о чём он говорит.

– Подходит, – ответил Милан за всех.

И впятером они направились, через дорогу, в трёхэтажное, недостроенное, здание. Состоявшее просто из каркаса. Это был один из «музеев» отмывания денег. Которое «сотворил» текущий губернатор города. Ещё три года назад. Когда кинул дольщиков на квартиры. А сейчас его выкупил один из руководителей сети ресторанов «Думафель» и вскоре там начнут идти работы по строительству.

– Вы кстати не видели, кто в этом году с новеньких прибыл? Я почему-то не видел ещё никого, – спросил Дэриэл, войдя в здание и решив задать тему для обсуждения.

– Надеюсь в этом году, придёт нормальный новенький. А не как в позапрошлом, – поддержал Дима.

– А кто пришёл в позапрошлом? – стараясь вспомнить, начало второго курса, спросил Женя.

– Ты! – смеясь, ответил Дима и все рассмеялись, включая Женю.

Они прошли по ступеням первого этажа, поднялись на второй и остановились, чтобы рассмотреть, что за полгода здесь изменилось. Разбитые бутылки, обломки разных

вещей, мусор. Повсюду использованные шприцы. По подсчётам Милана, их количество составляло тридцать четыре штуки. Что уже было меньше, чем обычно оставляют тут местные после пятницы.

– Как думаете, здесь когда-нибудь будет что-то или здание просто снесут? – спросил Женя и повернулся за ответом к Дэриэлу.

– Нет, оно так и останется притоном, – Милан опередил Дэриэла.

– Да ну неееет. Когда-то тут, что-то да будет. Говорят, что его уже кто-то выкупил, только не помню кто.

Перебил Дэриэл: – У них ничего не получится, я не верю, что здесь в принципе, возможно что-то обустроить. Вы видите эти стены? А эта лифтовая шахта, там к краю страшно подходить, обвалиться может в любую секунду.

Милан, решил проверить его слова, бросив поднятый кусок кирпича, в выступ на краю этой самой шахты. И ничего не произошло, кусок кирпича ударился и отлетел. Навесная плита осталась в прежнем положении и ни разу не пошатнулась.

– Ну вот видишь, ты слишком утрируешь, – выдал Милан. На это Дэриэл закивал, в стиле «ну посмотрим».

Дальше они пошли подниматься по ступенькам. На третьем этаже, они подошли к стене и начали лезть в маленький проход. Созданный погодой, на протяжении трёх лет.

Они все были среднего телосложения и много места не за-

нимали, да и одежда у них была довольно лёгкая. В основном на всех были одеты куртки и джинсы с кроссовками. Только Милан был в ботинках. В остальном они отличались, лишь цветом одежды.

На пол пути Дима остановился и потянул за собой тех, кто шёл перед ним.

– Стоп, – тихо сказал Дима, – Слышите? Мы здесь не одни.

Дэриэл вслушался и сказал: – Да. Похоже на то, – немного заглянул за угол, посмотрел на них, – По-моему мы их не знаем, – и кивнул.

– Так почему, мы тут стоим? Давайте узнаем, – решительно сказал Милан. И пошёл на голос. За ним в ногу направились остальные.

Обойдя стену, ограждающую от лифтовой шахты, он направил свой взор, на сидящих, на пол-этажа ниже, двух парней. Общались они громко, о чём конкретно, было не разобрать, но похоже о каких-то деньгах. Осмотрев ситуацию, Милан крикнул: – Оо! Ну чё, как сидится? – громко и агрессивно.

Услышав это, они заткнулись, быстро спрятали какой-то свёрток, а что-то другое выбросили из рук вниз на первый этаж, став презрительно на него смотреть. Милан подошёл к концу плиты, смотря на них и ожидая какого-нибудь ответа. Дэриэл вышел немного вперёд, но остановился, просто наблюдая. Женя, Клим и Дима – смотрели на сие разными

взглядами, но в каждом, можно было рассмотреть заинтересованность.

Первый, взял с пола в руки пустую бутылку и не зная, что делать, начал смотреть Милану в глаза. Милан же, переключил свой взгляд на второго, который осматривал ступени, и скорей всего искал пути отхода.

Молчание прервал первый, не понимая, что происходит: – И что теперь? – надеясь, что всё закончиться мирно..

Как только Милан услышал это, он моментально прыгнул на него с высоты, не полных трёх метров. И тут же сбросил его на такую же высоту вниз. А тот за это время, успел лишь сильнее взяться за бутылку, с которой и полетел вниз. Второй, имея лучшую реакцию, просто убежал по лестнице. Никто за ним не гнался. После этого, Милан сел на плиту, на нагретое место и свесил ноги. Лёжа внизу, оставшейся старался подняться на ноги и не порезаться о стекло от разбитой бутылки. Он ничего себе не повредил, приземление было довольно хорошее. Лишь скорей всего измазал всю спину в грязи. Пока первый стряхивал с колен осколки, Милан смотрел на него, абсолютно пустым взглядом. Тот поднялся, убедившись, что пострадала только одежда и поняв, что друг ушёл, он со всей силы крикнул: – Зачем?! Ты кто? Я тебя даже не знаю!

Милан ухмыльнулся и принялся вставать, но тот испугавшись, начал убежать. Бежал он медленно, из-за хромоты. Милан проследил за ним взглядом и вернулся к друзьям. Два

из которых ошарашенно вылупили зрачки.

– И что это было? – Дима выразил своё недовольство, – Что они сделали?

– Перестань, – резко ответил Милан.

– Перестать? – тут уже подключился Клим, – Зачем ты это делаешь?

Милан уже хотел ответить, но его перебил Женя. Смотря в пол, он произнёс:

– А я с ним согласен. Если он этого не будет делать – то никто этого не сделает. Всем наплевать.

Остальные замолчали, Дима и Клим посмотрели на Дэриэла. Он стоял себе тихо и ничего не говорил. После того, как тот ощутил на себе их взгляды – просто развёл руками. Они уже обсуждали такие моменты. Но это ни к чему не приводило. Наступила тишина. Женя поднял голову. И попытался разрядить обстановку. У него плохо получалось, но любил пытаться.

– А я вам рассказывал, как сдавал экзамен по биомеханики, в прошлом году?

Все удивлённо посмотрели на него, ещё не успев «погасить» в себе размышление по поводу ситуации несколькими минутами назад, все кроме Милана. Последний нашёл себе удобное местечко на толстой плите и сел на неё. После махнул рукой остальным, чтобы присаживались. И попросил Женю, рассказывать. Клим с Димой просто смотрели, как остальные садятся.

– Короче. Это было в тот день, под конец года, как ты Дима покрасил инструменты в трудовом классе, в красный цвет...

Дима перебил Женю щелчком пальцев:

– Он никогда этого не забудет. Тот день войдёт в историю! – с восхищением.

Все припомнили этот момент, как слышали крики Александра Михайловича из кабинета, третьего этажа. После, улыбнувшись кивнули. Клим, расстегнулся и проверил, спит ли сова, она лежала в той же самой позе, какую наблюдал перед этим. Затем застегнулся, продолжив слушать.

– Всё-таки, Дима, пожалел ты его тогда. Я же предлагал свою помощь и идеи. И говорил, что он быстро отдерёт всю краску. Нужно было закрашивать его двери к хуям. Или, как вариант, закрасить металлические станки, – Милан.

– Я же не вредитель. Он просто должен был понять, что ведёт себя как придурок. Чё опаздывает постоянно? Сто раз с ним говорили. Не доходит.

Все одобрительно, тихо сказали «да», а Милан добавил: – И не дойдёт, пока не получит по полной. Пока не поймёт, что есть люди, не согласны с его поведением. Которые готовы на действия, – Дима, услышав это от Милана, опустил глаза, в которых ясно виднелось не согласие.

– Посмотрим. Ещё только начало года. Может он изменился.

– Люди, как он, так просто не меняются. Разве не понят-

но? – пауза, – Дим, пора становиться серьёзной, – Милан.

– Да нафига мне твоя серьёзность? Я не просто понимал, что он всё вымыет. А и рассчитывал на это. И в первую очередь, я делал это ради того, чтобы посмеяться, а не причинить вред. Ведь в итоге получилось весело? – все улыбнувшись закивали.

– Ладно, стоп. Хватит спорить. Теперь я, – продолжил Женя, – Тогда произошёл, довольно интересный случай. Пришёл я на экзамен, вместе его сдавали три группы, примерно девяносто человек. Я спокойно зашёл и сел, – Женя вздохнул, – Перед взятием билетов, преподаватель, минут десять сидел на месте и просто наблюдал. Потом резко и с улыбкой встал, произнеся фразу: «Ну что господа хорошие, кому три?! Сдаём зачётки!».

– И начался хаос, – Женя продолжал, – Все побежали класть эту книжечку. Мне естественно, эта тройка нафиг не нужна, я наизусть этот предмет знал.

– Подожди, – перебил Дэриэл, – Биомеханика? А это не тот препод, которого уволили недавно? – Женя слегка задумался, но ответил Милан.

– И да и нет, – Милан говорил зная достоверно, – Сам ушёл. Он долго выступал против подрядчика, который поставлял университету ежегодный запас не качественных канцтоваров. А в итоге оказалось, что там как всегда отмыв и все, что было редкостью, в доле. В итоге терпеть это он не стал, – пока говорили Клим с Димой тоже тихо присели на

эту большую и немного грязную плиту.

– Так вот, – снова говорил Женя, – На месте осталось трое человек: я, девушка какая-то и мой одноклассник. Все заново расселись и препод произвёл на меня неизгладимое впечатление. Подойдя к окну со словами: «ТОГДА ТАКИЕ ИНЖЕНЕРЫ НАХЕР НЕ НУЖНЫ» и выбросил зачётки в «свободный» полёт, в лужи после дождя с третьего этажа.

Все с удивлением посмотрели на Женю и начали смеяться. Затянулось это на минуты две, а потом ещё минут пять обсуждали этот случай.

– Стоп! Причём здесь это?! Зачем ты мне это рассказываешь? – грозно обратилась женщина к Дэриэлу.

– Как причём? – недоумевая, – Вы же сами спросили меня, о том, насколько часто и с кем, я бываю в этом ресторане? Так вот, последний раз я был там год назад, когда он ещё не был построен, – нервно, смотря ей в глаза, ответил Дэриэл, перед этим рассказывая прошлогоднюю историю.

Это был небольшой кабинет местного отделения полиции. Он сидел за столом, напротив него стояла следователька. Довольно привлекательная женщина, двадцати семи лет. Волосы строго чёрные, минимум макияжа. И такая же строгая форма. Составление протокола длилось, около получаса. Всё время, Дэриэл не мог осознать, что сделал. Он сидел на стуле и вспоминал, что произошло три часа назад. Пытаясь как-то «уложить», это в свою голову. Параллельно отвечая на вопросы, как главный свидетель, а возможно подозреваемый.

Ещё у него тряслись руки, но держал он их под столом, чтобы не давать лишних поводов следовательке.

– Ладно, хорошо. Но ты так и не ответил. Как это произошло?

– Я ответил, – расширил глаза, – Она стала слишком близко к обрыву и... – она перебила.

– Почему ты не предупредил? Она была пьяна, но ты...
Дэриэл сам не заметил, как с первой секунду начал врать о главном и дальше не сошёл с этой дороги не на секунду.

– Я этого не заметил. И вообще я не... – понял, что может сказать слишком грубо, остановился и медленно вздохнул, – Я был занят своими делами, я даже на неё внимания не обратил. А когда она закричала... Я уже, не успевал.

– Что ты там делал? – Марина видела, что арматура на уступе была погнута скорей всего из-за тяжести тела и была не уверена, что это убийство, но всё же выполняла свою работу.

– Просто вышел подышать свежим воздухом, – и потёр правой рукой оба глаза.

– По правилам безопасности – туда нельзя было выходить!

– Я знаю! – не смог сдержаться Дэриэл и громко крикнул, – Но мне захотелось отдышаться.

– От чего?

Следователь Марина Кирд, старалась уже раскатать Дэриэла. В обычный день, он бы спокойно мог выкрутиться и рассказать удобный для него вариант ситуации, но этот день, яв-

но не входил в его простые будни. Дэриэл опять почувствовал небольшой приступ, на почве давление на него. Только, приступ отличался, от того, что уже был. Ему казалось, что его вот-вот вырвет. Но это лишь казалось.

– Я повторю. От чего отдышаться? На входе сказали, что ты пришёл за пол часа до инцидента, – Марина всё предложение, сказала очень медленно и плавно.

Так как считала, что «контакт» найден. Дэриэл сидел, и смотрел на протокол, стараясь подавить приступ. Его уже не так интересовало то, что ему говорят.

И внезапно в кабинет вбежали, двое людей. Вторая следователька, Маргарита Фарвара и отец Дэриэла – Олег Клынков.

Дэриэл радостно удивился, но не подал виду, просто поднял глаза.

– Вы кто? – спросила Марина, в момент, когда отец направлялся уже к Дэриэлу.

– Я его отец и я пришёл за ним, – сказал, даже не смотря кому он это отвечает.

Марина начала выгонять второго, крича что, она ещё не закончила. Но Олег Клынков, быстро оборвал дискуссию тремя предложениями: – Я в курсе, всего! У вас есть доказательства? Если да, то садите его в тюрьму, – Марина Кирд, на вопрос, ничего внятного не могла сказать, – Значит, я его забираю. Ему нужен отдых, – и решительно закончил.

Марина хотела попытаться возразить, но Маргарита, сза-

ди начала кивать и молча просить прекратить коллегу стоять на своём.

Отец и сын вышли. После чего Маргарита подошла к Марине и произнесла:

– Ты что делаешь? Почему кидаешься на них? У нас нет доказательств.

Марина Кидр, удивлённо посмотрела на вторую и произнесла: – Это наш единственный свидетель и подозреваемый!

– И что?! – гневно возразила Маргарита, – Ты что забыла сколько у нас ещё похожих дел, где как раз свидетелей полно, как и подозреваемых? Занимайся ими. Всё в порядке очереди.

– И что дальше по этому делу? Пока стоп? Нужно действовать по горячим следам! Сдесь явно что-то не сходиться.

Маргарита была по опытнее и знала, что в таких случаях, нужно делать стратегические ходы, ведь сейчас вокруг них «сплошной тонкий лёд». Поэтому, как минимум знала, какие варианты действий у них есть: – Не сходиться... Как будто в первый раз... Пока работаем по стандартной процедуре. Ты съездишь к её родителям. Адрес я скинула. Может что-то узнаешь. А я вместо того, чтобы кидаться на людей. Официально вызову этого парня завтра сюда и посмотрю сама, – Марина слушала и молчала.

– ... Поняла... – десять секунд в раздумываниях, – Хорошо. Подожди... а если окажется, что семья погибшей имеет какие-то связи? Нам не влетит за слабую активность? Его

дочь мертва. А мы отпустили возможно единственного подозреваемого. Или ты считаешь, что это полностью несчастный случай и родители это спокойно примут? По-твоему, её отец на это закроет глаза? Что у неё за семья? Кто они?

– Успокойся. У неё заурядная семья. Ничего серьёзного. Так, что пока не будет сигнала сверху – без самодеятельности. Без явных доказательств – сидим ровно. И занимаемся самоубийцами Лыманьська. Сегодня, кстати, там ещё выловили одно тело.

И замолчали на минуту. Потом Маргарита попросила Марину сесть на стул, сама при этом тоже нашла себе место, достала пачку сигарет и передала одну другой. Они закурили.

Марина сидела молча, вдыхая никотин и старалась придумать какой-нибудь вариант. Через минуту, за которую она уже успела выкурить сигарету, Маргарита достала ещё три и положила их на стол. Взяла одну в губы, подожгла и произнесла: – Всё. У тебя есть чем заняться. Поэтому надеюсь на тебя.

Марина молча согласилась, тоже ввиду большого стажа второй и доверившись человеку, который не раз уже спасал её из немногочисленных провальных ситуаций: – А я ещё раз съезжу в ресторан и всё там пересмотрю. Может что-то упустили.

– А что с телом? Нашли что-нибудь?

Ответ последовал моментально: – Предварительный осмотр – ничего не показал. И я бы уже не назвала это те-

лом... – и втянула в себя четверть сигареты, – Завтра будут результаты, – засунув полупустую пачку себе в карман брюк, Маргарита поднялась и направилась к выходу.

– Подожди... Ты так и не ответила... Ты считаешь это несчастным случаем? – она остановилась, развернулась и сказала что-то банальное.

У Маргариты Фарвары и так было много работы, поэтому она не сильно заикливалась на этом инциденте, её больше заботили другие, более масштабные происшествия, происходящие параллельно. Что и подумала Мария.

Дэриэл с отцом, вышли с территории участка. И остановились. Олег Клынков развернулся к сыну лицом и посмотрел ему в глаза. Дэриэл ждал вопросов. Но отец продолжал молчать. Тогда Дэриэл не выдержал и начал первый: – Я... – его перебил отец.

– Не надо. Мне уже всё рассказали. Главное помни – всё будет нормально. Это несчастный случай. Ты ни в чём не виноват, – он говорил это тихо и спокойно, – Сейчас тебе нужно прийти домой, принять душ и лечь спать. Может выпить какого-нибудь алкоголя из коллекции, если ещё что-то осталось, чтоб лучше уснуть. Только маме не говори.

– ...хорошо... – его всего трясло, – Я так понял, тебе нужно бежать... – сказал с интересом.

– Да. У меня пациенты.

– Ну... ничего страшного... Я дойду сам, ты не беспокойся.

– Точно? Я хотел вызвать такси, – отец Дэриэла с тревогой спросил.

– Точно, мне уже лучше. Намного лучше. А идти тут минут двадцать.

– Ну смотри... Если что, звони мне по любому поводу. Понял?

– Да...

– И это... мама уже в курсе... места себе не находила... Сначала хотела сама за тобой ехать, ну я её успокоил. Так, что она сейчас дома, ждёт тебя. И ещё... – Дэриэл поднял на него голову, – Я её попросил, чтобы лишних вопросов не задавала.

– Принял... спасибо, – говорил, почти всё время смотря в пол.

Они где-то с полминуты ещё постояли, смотря друг на друга и обнялись на прощание. Это продолжалось секунд семь, после чего, начали расходиться, в разные стороны.

– И да, – Олег развернулся и сказал, – Приходи на днях в больницу, если будет желание конечно.

Дэриэл посмотрел, улыбнулся, кивнул. И они разошлись.

Он шёл по алее и «перегонял» в голове всё то, что с ним случилось за последние десять часов. Он старался детально вспомнить, момент ещё в ресторане сразу после, как к нему, все сбежались, что-то начали кричать, спрашивать, дергать его за плечи. Как стоял и смотрел на всех с выпученными глазами. Некоторые из них рыдали и не могли в это пове-

ритель. Другие судорожно вызывали скорую. Третье смотрели на него и были уверены, что вина лежит на нём, но таких было, меньше всех. В свою очередь Вениамин Грамм, сразу отведя убрал его с чужих глаз и всячески старался привести Дэриэла в чувство купив ему пару энергетиков, которые Дэриэл, в последствии не захотел пить.

И тут, сбив его с мысли, ему на встречу выехала с левого поворота, красная машина с чёрными дисками. Она показалась Дэриэлу очень знакомой. А через секунду вообще узнал её. Скорость езды умеренная, что и дало возможность ему поприветствовать её так, как делает он это всегда. На переднем сидении, можно было заметить мужчину и женщину. Как только они начали сравниваться, Дэриэл демонстративно вынул руку из кармана и уверенно показал в лобовое стекло фигуру из трёх пальцев. В этот момент водитель, увидел жест, потому как резко добавил газу. Они встретились холодными взглядами.

И всё. Машина уехала, а он продолжил идти. Он проходил квартал за кварталом. На улице уже было темно и холодно. Шёл одиннадцатый час. На улице ни одной души. Большинство магазинов было уже закрыто. Дэриэл никогда не видел, настолько угнетающую ночь. Или ему просто так казалось.

Он даже не заметил, как случайно пришёл к его знакомому месту, где они с друзьями вместе время от времени, собирались. Оно находилось снова в заброшенном доме. Он представлял собой, двухэтажный домик на углу улицы.

Прежние хозяева, давно переехали и никто за ним не следил. Все возможные входы были заблокированы, чтоб никто не залез. Но на верху, была не плохого размера – терраса. Через неё-то, вместе с Женей, Миланом, Климом и Димой – Дэриэл и входил в дом. Они выломали сверху двери и залазили во внутрь. Никто не понимал, зачем туда идти. Так как можно было спокойно посидеть в кафе или где-то ещё, где за это тебе не пришлось бы отвечать перед законом. Но после первого посещения, никто не задавался больше этим вопросом.

Подойдя к нему, он понял, что пришёл машинально. И сразу вспомнился момент, как шесть лет назад, выйдя погулять, он сам того не осознавая, пришёл к школе в субботу.

– Но это был другой случай, – сказал он тихо, – В школу я ходил девять лет, а сюда раз... десять, максимум. Как так-то? – и взглянул на часы, – Я сюда шёл двадцать две минуты?! Мда... Теперь ещё и назад идти столько же... Пфф...

Поразмыслив пару секунд, без тревоги внутри, Дэриэл решил немного задержаться здесь. С его стороны это было совершенно не рационально, но ему хотелось отдышаться и посидеть в тишине. Ведь дома, по его мнению, скорей всего это не удастся.

Дэриэл быстро, с прыжка и подтягивания – залез на дерево. И спрыгнул на террасу. Они всегда так делали. Приземлившись на четвереньки, он почувствовал сильный холод. И сразу запрыгал. Потом сел на небольшой, старый, зелёный пуфик. Удивительно, но из-за дождя и прочих невзгод, он не

был грязным. Потом подтащил его к краю и сел над обрывом. Чтобы лучше видеть улицу.

Дэриэл высматривал людей, чтобы его не смогли заметить. В кармане, завибрировал смартфон. Он с трудом, вытянул его. Из-за холодных рук. И увидел сообщение, от Элиаса. Дэриэл с интересом начал читать: «Привет. Я видел, что ты звонил. Не мог ответить. Просто скажу, что у меня проблемы. Никому не говори и не спрашивай. Завтра всё расскажу, лично».

Дэриэл раз пять перечитал это и нервно рассмеялся, кивая головой. Он смеялся громко, видя, что улица пустая и его не слышат. Этот смех, никто бы не посчитал обычным. В нём слышалось, что-то странное.

Через секунду, Дэриэл услышал, где-то сзади шаги. Он хотел развернуться, но не успел. Его тело почувствовало толчок в сторону обрыва. Порогов на террасе не было. Адреналин нарастал. Он постарался удержаться за что-то, и в секунду это уже не нужно было. Чьи-то руки держали его за живот и тянули обратно. Он снова сел на пуфик. Слева к нему подошла испуганная, та самая рыжеволосая девушка, которую он видел сегодня в корпусе своего факультета. Она тут же ему начала, что-то быстро объяснять. Но он, не успел ещё отдышаться, и был как будто в вакууме. Дэриэл смотрел на неё, и не мог понять, что она говорит.

– Стоп! – она замолчала, – Подожди секунду, – он вздохнул, – Теперь говори...

– Извини, – ей ели удавалось не кричать говоря ему это, из-за эмоций пережитых только что, – Я не хотела, чтобы ты упал. Я просто услышала чей-то смех, вышла, увидела знакомую одежду и решила немного напугать, ради шутки. Ещё раз – извини, – и с одышкой затихла.

– Ничего, – Дэриэл переводя дух, от испуга, – Главное, что всё в порядке. А что ты здесь делаешь?

– Ты у меня спрашиваешь? Это ты, что тут делаешь? – удивлённо.

– Ну... Подожди... В смысле?

– Ну ты помнишь, что мне нужно было жильё? И вот... – Дэриэл её перебил.

– Ты здесь живёшь?! – с огромным удивлением вскрикнул.

– Нееет. Пока нет. Этот дом мне отец купил. Точнее ему его подарили наши соседи в Дьеврессе. Они уехали и не собираются сюда возвращаться, так что им он вообще не нужен. И на мою просьбу, они согласились, даже рады были. А пока сейчас живу в общежитии. Хочу, здесь сделать ремонт и перебраться в этот. И вот в свободное время, думаю приходить сюда и наводить порядок. И мебели докупить кстати тоже нужно. А вот ты, что здесь делаешь?

– Ааахренеть, быстро же ты решила свой вопрос, буквально за вечер...

– Сама не ожидала. Отец позвонил сообщить и уже через три часа я была здесь.

– А я... это... – он увёл взгляд, – Мы с друзьями впятером, раньше собирались здесь. Нет, ты не подумай, ничего плохого не делали, никакого вандализма. Просто приходили посидеть. И вот я решил, так же просто прийти посидеть. Как в старые, добрые... Но если ты против, то я...

– Да сиди если хочешь. Я здесь тоже пока только гость. Документы ещё никто же не переоформлял. Так, что меня, как и тебя, могут поймать.

Она подтянула второй пуфик и тоже села, рядом с ним.

– Это ты почистила обшивку пуфиков?

– Та просто по вытирала, решила на время оставить, но потом всё равно выброшу.

– Ну тут я с тобой согласен.

– Ну, а ты? Доделал свои дела, на которые ты так спешил? – с позитивом.

Дэриэл закашлялся, так как уже немного стал забывать, что случилось сегодня. Но ему напомнили: – Да, – сухо ответил Дэриэл.

– Что, всё так плохо? – немного с иронией ответила Джина.

Дэриэл серьёзно кивнул. С напоминанием, вернулись воспоминания о том, что пора уже идти домой. На часах было полдвенадцатого.

– Мне уже пора, – удручённо сказал, – Желаю тебе удачи. Я думаю, у тебя всё получится. И если будет время, буду приходить – помогать. Я этот дом, уже, как свой родной

знаю. Можно?

– Конечно. Буду только рада. Я сюда прихожу в шесть часов. Заходи в это время. А работы тут много, – радостно и с благодарностью.

– А пока ты в той старой общаге живёшь? – с ужасом и выпученными глазами, кивнула она, – А как тебя туда пустят в такое время?

– Пустят никуда не денутся... – улыбнулась.

– Да? Ну хорошо.

Она привстала и её рыжие волосы, попали ей на глаза, Джына стала их поправлять за ухо и второпях сказала: – Да и можешь тех друзей захватить, сколько их там четверо? Если, конечно, захотят. Я так понимаю, они тоже хорошо знают этот дом, – в шутку сказала она и немного улыбнулась.

Дэриэл развернулся к ней и удручённо ухмыльнулся: – Вряд ли они придут, – и развернулся обратно.

– Почему?

Он молчал пять секунд. Джына решила начать смеяться, подумав, что это опять тот утренний «прикол» повторяется и Дэриэл опять перестал отвечать на её вопросы. В свою очередь Дэриэл молчал, не зная, что сказать. Но в конечном итоге, решил сказать правду.

– Они не смогут, – Джына не ожидая ответа, подняла с интересом на него глаза, – Потому что, двое из них, переехали отсюда – навсегда. Третий, как я сегодня узнал, с недавних пор – имеет инвалидность, умственную, а последний –

вскрыл себе вены – больше полу года назад. Так что, причины у них веские.

Джына стояла в ступоре. Её волосы опять попали ей на глаза и один из них, они даже закрыли полностью. Но она не могла поправить их. А просто смотрела с открытым ртом. Дэриэл подумал, что зря наверно это сказал. Но не хотелось врать. И стоял к ней спиной, боясь развернуться.

Он понял, что на сегодня его – хватит. Поэтому, он тихо попрощался. На что, она ему смогла ответить, лишь тихоньким писком за спиной и лёгким кивком в его сторону. Дэриэл спустился с террасы по дереву и пошёл домой.

– Глава 3 –

Андрей сидел за столом и высчитывал площадь пустого места на своей террасе в тетради, как услышал, что за его спиной началось какое-то движение. Он развернулся и увидел, как с его двуспальной кровати, ещё немного сонная, поднялась девушка. Как только она поняла, что находится голой – резко легла назад и укрылась одеялом. Андрей улыбнулся и развернулся, доставая с кармана смартфон для того, чтобы посчитать количество метров квадратных. Она в свою очередь удивлённо произнесла: – Привет... Андрей. Правильно ведь?

Он легко кивнул и тихонько ответил: – Да. Что ничего не помнишь? – спокойно продолжил диалог.

– Да вроде помню. Просто смазано. Подожди, – она резко приподнялась, но забыв, что всё ещё находится голой, снова зарылась под одеяло, – Ты ведь был сильнее пьян, чем я. А выглядишь как будто вообще не пил.

– Пф. Сравнила... Годы тренировок – дают о себе знать, – возвышенно и шутя.

В свою очередь, она немного улыбнулась и начала поправлять свои светлые волосы. Пытаясь их руками расчесать. И спускала все запутавшиеся через левое плечё, попутно осматривая комнату. В ней было довольно темно, но достаточно света, чтобы всё осмотреть. Обоев не было, вместо

них виднелись красиво лакированные кирпичи и бетонные полы, но выкрашенные в сиреневый цвет. Ничего особенно-го подумала она.

За окном было тоже темно и это сподвигло её на вопрос: – А сколько сейчас времени?

– Четыре утра.

– Ого, а почему ты так рано встал?

– Как проснулся, так и встал.

Он продолжал высчитывать, но уже перевернул лист и писал совсем другие данные. Сидя в зелёном халате, до колен. Под ним были только Джинсы на голое тело.

– Хм. Интересно, – она немного приоткрылась, так как под одеялом было довольно жарко, – Стесняюсь спросить... А где моя одежда? Просто я её здесь не наблюдаю, – смутившись поинтересовалась.

– Долго же ты стеснялась, на твоём месте все остальные этот вопрос считают заглавным, – он радостно чёлкнул пальцами, после вычисления последнего результата и положил тетрадку, – Насколько я помню, твоя одежда в прихожей. Ты же её снимала с себя, забыла?

Она немного задумалась и произнесла: – Точно. Как-то вылетело из... – и не договорила.

Андрей достал из ящика свёрток из бумаги и начал его осматривать.

– А чем ты занимаешься?

– А какая разница? Я думал ты сейчас уйдёшь. Во всяком

случае другие, всё так поступали.

– Ну почему? Мне здесь нравится.

– А мне – нет, – сухо ответил.

– Тебе не нравится у себя дома? Почему? Здесь уютно.

Он с удивлением развернулся посмотреть на неё. Увидев это, она резко прикрыла своё тело. От скорости натягивания на себя одеяла, оно перетянулось с нижней части тела на верхнюю. Из-за чего ноги были полностью оголены, но она этого не заметила, скорей всего из-за большого обилия тепла в доме. Поэтому на голени правой ноги, он заметил у неё тату, на что ночью не обратил внимание. От пятки до колена, чёрным цветом были набиты разной толщины и длины векторы.

Андрей счёл забавной эту выходку: – Хэх. Я тебя умоляю. Если бы я не насмотрелся на тебя голой ночью, то вряд ли бы вот так спокойно сидел спиной к тебе.

Вскоре Андрей опять принялся рассматривать свёрток, запечатанный в кучу слоев бежевой бумаги. Она немного поразмыслила над его словами, но всё же не захотела раскрыться.

– Если не хочешь идти самой искать прихожую. Тогда вон в шкафу, висит ещё один халат, – последние слова Андрей произнёс с облегчением, ведь он нашёл, как размотать свёрток, чтобы не рвать или резать обёртку.

Она, немного подумав, встала и быстро одела точно такой же халат, как у Андрея. Подошла к нему вплотную сзади и

начала наблюдать за ним. Андрей почувал это, но виду не подавал, ждал, когда она что-то скажет. Но это продолжалось больше минуты и он не выдержал:

– Сядь, – она села слева от него, – Ты что-то хочешь от меня или как?

– А, что ты мне предлагаешь? В четыре утра – автобусы не ездят. Плюс, там ещё дождь недавно прошёл, – она заглянула в окно, – А у тебя мне нравится, если ты меня конечно не выгоняешь.

Он посмотрел на неё, долго всматривался и выдал: – Сиди. Только недолго. Хм. Тогда мне наверно будет удобнее называть тебя по имени. Доброе утро – Сабрина.

Она радостно улыбнулась и кивнула. Андрей продолжил разворачивать. Сабрина увидела на свёртке вчерашнюю дату и спросила.

– Сегодня уже второе? – он угукнул, – Нужно не забыть и сходить сегодня на выборы губернатора.

– Ну вообще выборы будут 25-го, у тебя устаревшая информация. Их перенесли, если ты не в курсе. А почему это тебе интересно, редко слышу, чтобы мои ровесники интересовались политикой?

– А тебе нравится состояние нашего города? Мне лично – нет. И наш старый губернатор – этому поспособствовал. Поэтому я хочу, чтобы в этот раз выбрали нормального человека, – гордо выдала.

– Хм. А за прошлыми выборами, ты тоже следила? – уже с

большим интересом спросил и полностью развернулся к ней телом.

– Нет, там же ничего интересного тогда не было. Все продажные. Смысла – ноль.

– И чем же эти выборы интересней предыдущих? – саркастично улыбнулся.

– Кандидатами, – произнесла с очевидным тоном.

– Насколько я знаю, там только два кандидата: Спавын и Ломинов.

– Ну да, – Андрей посмотрел на неё с недоумением.

– Ну и за кого ты собралась отдать свой голос? И почему, если можно?

– Конечно за Ломинова. По нему сразу видно, реформатор. Он уже не раз заявлял о своих планах на искоренение коррупции. А коррупция – это главная «болезнь» нашего города. Да и уже, как неотъемлемая часть нашей жизни. Я считаю Ломинова, достойным кандидатом.

– Да ладно, – немного громко и с иронией, – И как же ты это поняла? – Андрей сообразил, что разговор будет очень интересный и положил свёрток в нижний ящик стола, потом приподнялся и улыбнулся в предвкушении ответа.

– Всё просто. Ты следил за его предвыборной кампанией? – Андрей смотрел ей в глаза и улыбочиво молчал, – Я уверена, что нет. А зря.

– Предвыборная компания говоришь... А ты хоть знаешь кто он? Ну или чем занимался до этого?

– Это не столь важно, – невзрачно ответила.

– Да ну? А вот я считаю по другому. Я ещё понял, если бы ты предпочла Спавына, как кандидата. Он хоть и мразь, но со своими обязанностями депутата справлялся. Взять даже детское футбольное поле. Через три квартала отсюда. Сделал за свои деньги, даже политической рекламы не делал, на удивление. Да делал для своих детей, но ходить туда могут все. А от того, я слышу только популистские лозунги. Если это тебе интересно... – Андрей продержал небольшую паузу, – То, я могу рассказать немного того, что сам узнал про него, – Сабрина надменно скрестила руки на груди и демонстративно удобно уселась на стул, став внимательно его слушать.

– И так. Я так понял за него все идут, из-за того, что он вроде как – из народа. Вернее, он так говорит. Верно? Типа рвётся за справедливостью, – Сабрина медленно кивнула, – Просто, как правило, в наших реалиях, «с народа» это синоним не профессионализма и популизма. А это ещё хуже, чем то, что предлагает олигарх Спавын, – Сабрина нахмурилась, но продолжила слушать.

– Проблема твоего кандидата, по моему мнению, только не удивляйся, состоит в его нищенском детстве. Сейчас поясню. Владлэн Ломинов родился в этом городе и вырос в наших реалиях. Эти улицы, дома, школы, больницы – он всё это пережил на себе. Владлэн ненамного старше нас, и я знаю место, где он жил всё своё детство. Которое напрямую повлияло на его политическую жизнь. И со временем, наблю-

дая за ним, мои догадки только подтверждаются.

– Начнём с биографии. У него, всё, как и у всех – началось с роддома. Большинство женщин нашего города – рожают в старых, затасканных корпусах. И его мать не была исключением, так как родила в нашей третьей родовой. Потом он пошёл в детский сад. Ситуация та же самая. Старые, разваливающиеся детские сады, ещё вдобавок нужно кучу денег отдать за то, чтоб твоему ребенку нашли место хотя бы где-то. Рос во дворе, где вокруг одни гаражи. Если не знаешь, он вырос на Дэлиле. А все мы знаем старую-добрую, Дэлиловскую «гаражную» культуру. А в то время, его родители работали на местном сахарном заводе. Там платили минималку, чтоб ты понимала. Владлэн родился в семье, где ни на что не хватало денег. И это я не выдумал. Если не веришь, послушай его интервью. Он говорил, что денег хватало только на еду и необходимые вещи. При том, что оба родителя работали не покладая рук.

– Потом такая же школа, с разделением детей, по категориям платежеспособности их родителей. Затем он поступает в универ. В наш центрально-республиканский. Довольно престижное заведеие. Шатко-валко, но поступает. На бесплатное обучение, ввиду того, что родители заставляли учиться в школе, и это хорошо. Позже, во время студенческих годов, смотрит, как его одноклассники ходят по дорогим клубам, катаются на таких же машинах, гуляют с лучшими одноклассницами. Он же в свою очередь – не мог содер-

жать таких, плюс жил в общежитии. Я уже не говорю о простых, брендовых девайсах, ну и так далее. После успешного завершения универа, он устроился на работу и батрачил там двадцать четыре на семь – восемь мать его лет, – начинает смеяться, – Ааа... Администратором «Вак» банка, ахах... Главой этого банка, был уже Спавын.

– Это я знаю, – хмуро прокомментировала.

Отсмеявшись: – Хорошо, идём тогда дальше. Параллельно с этим, смотрел в офисе на своего зажавшегося шефа. Там все такие, начиная с всем известного Фылоейовича, заканчивая Норуужнынской. А те только и тратят деньги из откатов на квартиры, машины, дорогие рестораны и тд. Если не веришь, в и-нэте есть несколько расследований по поводу них, можешь посмотреть в закрытых группах. В их схемах в принципе мог участвовать даже и Владлэн, он тоже имел доступ к пару счетам, но это не доказано.

– Дальше, он не получил возможности подняться к их уровню их же путём. И через годами нажитые знакомства, поручившись с местными элитами и их деньгами, с простым и понятным лозунгом пошёл в политику. Стараясь протиснуться хотя бы в областные депутаты, подвинув собой какую-то часть либеральной или хотя бы оппозиционной партии. Чтобы усесться у «кормушки».

– У него не получается. На сколько я помню, он набрал прошлый раз только три процента. И тут ему приходится идти во все тяжкие, решив высунуть свою кандидатуру в гу-

бернаторы. Хотя казалось бы, какой смысл? После чего в кратчайшие сроки у него находятся, – Андрей начинает загибать пальцы, – Огромные бюджеты на свой пиар, которых раньше не было. Сразу много СМИ начинают о нём говорить. Множество старых конкурентов с радостью встают в его ряды, дальше его резко перестают душить компроматами и простыми погромами его предвыборных штабов. Ну и так далее. Как по мне это явное свидетельство прямого сговора с городскими олигархами. Хотя бы как минимум с Сэвастинским, он на свои телевизионные каналы пускает лишь своих и тех, кто ему хорошо платит. А Владлэн только на его каналах, за прошлую неделю был восемь раз, – Сабрина продолжала угрюмо слушать.

– А дальше почувствовав силу, он начал сотрясать кулаком в воздухе, – Андрей комично спародировал ситуацию, подняв кулак, – и зазывать всех на митинги, его поддерживает народ, какой-то процент, ведь он говорит то, что все хотят услышать. А так и было. Но по факту, Ломинов не сделал ничего с того, что говорил. Сколько он выиграл тендеров? Десять? Пятнадцать? Ни единого, в нужной степени, не воплотил в жизнь. Хотя средства были и есть. И наказания за это он тоже не понёс. Ведь если его сразу не взяли за жабры, значит дальше точно не возьмут. Значит он отдаёт хороший процент. Или возьмём, например, он обещал восстановить архитектуру на Дэфугельском. На этот проект, в его собственный фонд, ему пожертвовали около полутора мил-

лиона гривен, простые люди. И что? Он хоть что-то сделал? – по всей видимости она хотела что-то сказать, но делала это очень медленно.

– Я тебе отвечу – нет! А схема там простая, выделяют из бюджета суму и просто отчитываются. Дальше закупается левые строй материалы, делается на скорую руку и специально выходит не качественная работа, чтобы через год повторить. Остальные деньги «пилятся» на тех, кто организовывал и тех, кто давал из бюджета. А причины не качественной работы списывают на погодные условия или что-то другое. А потом уже пофиг на недовольства нескольких. Главное, что все остальные, которые живут подальше от этого сооружения, думают, что дело сделано, ведь по телевизору так сказали. Рейтинг кандидата растёт, да и деньги уже пошли куда нужно. И это лишь малая часть того, что они проворачивают.

– И вот когда он придёт к власти и увидит НАСТОЯЩИЕ деньги, то окончательно сойдёт с ума. Ведь в его жизни такого никогда не было. Даже если у него когда-нибудь и были хорошие намерения – их уже нет, к сожалению, конечно. А если кто-то говорит, что ему мешают олигархи, то это полный бред. Потому, как если бы между ними была борьба, Ломинова бы просто убили, как это обычно бывает, а не мешали в разрешении на реконструкцию какого-то там дома культуры. Это всё галимые отмазки. Его изменило окружение. И если честно, я не осуждаю его. Ведь как по-другому

вести себя этому человеку, если всю жизнь, он ничего не видел. Не в коррупции наша «болезнь». Коррупция – это лишь симптом. Реальная болезнь в том, что мы голодные, ущемлённые и вечно на всех злые.

Андрей закончил и затих. Сабрина молчала и обдумывала услышанное. Первый на секунду забыл куда дел свёрток и уже начал воспроизводить последовательность своих действий за последние двадцать минут, в голове, как она сбила его с мысли: – То есть ты считаешь, что эти выборы ничего не изменят? Вне зависимости от их исхода, – на это Андрей лишь ухмыльнулся, – Я поняла. Ну хорошо, а тогда, как нам бороться с коррупцией? У нас что, остаётся единственный вариант, это подорвать Главную Верфь? – место где сидят основные госслужащие, – Чтобы снести основных чиновников и политиков, а также им подобных для прекращения воровства? И тогда у нас станет всё в порядке и мы заживем счастливо?

– Ты думаешь, коррупция это всего лишь взятки, а берут их лишь чиновники?! – возмутился он.

– А как ещё?

– Пфффф, а разве мы ничего не воруем? В данном случае, воровство равноценно коррупции. Все те, кто критикует верхи за коррупцию, делают всё в точности у себя в окружении, мало того, они поощряют это между собой. Несмотря на свой недостаток, в юности, я много где поработал. В офисе, в лёгкой и тяжёлой промышленности, строительстве, фабриках, тор-

говле – везде все воруют. Это невозможно! Уносят в карманах канцелярию, еду, стройматериалы, инструменты, гвозди, соль, листы А4, а про деньги я вообще молчу. Несли разными способами, в трусах, под майкой, под шапкой, в секретных карманах сумок и даже под стельками обуви! – резко из грубого и монотонного, перешёл в смеющийся стиль, – Но все при этом не считаю себя ворами, они исключительно честные люди. Они всего-на-всего берут то, как они считают, что государство им не доплатило. А если подсчитать количество вынесенного даже по гривне в день за год и умножить на количество работников, а на заводах их плюс-минус две тысячи работает, выходит неплохая сумма, почти в миллион. И это ещё взято по минимуму, а многие куда больше выносят. Это минус фирме, просто на ровном месте, вот и считай, каждая ли фирма может себе позволить такие потери или ей легче закрыться после таких инцидентов, – в Андрея много поэтому поводу накопилось соображений, но всё же, он нашёл, где остановиться и перевести дух, давая второй, период для возражения и вопроса.

– Тут я с тобой согласна, да на местах, у людей просыпается жилка клептомана, вынося всё, что плохо прикручено, но делают они это лишь на тех работах, где знают, кто у них начальник или руководство, точнее на сколько это хороший или плохой человек. А между собой ведут себя по большей части солидарно и, наверное, даже по-людски...

– По-людски?! – он вскрикнул, – Ты уверена в своих сло-

вах?! – Сабрина была уже не уверена, – Сейчас я расскажу, – вторая уже не посмела возражать и перебивать его, а просто тихо стала опять ожидать долгого рассказа, – Год назад. Мы, и ещё десяток людей, тогдашние участники движения и фонда «Зелёный клин», решили за свои деньги восстановить былую красоту нашего местного парка, который уже года три представлял из себя помойку, а ночью так вообще притон. Движение, конечно, имело под собой другие цели, но в этом мы с участниками, были едины. Если у нас есть лишние деньги в фонде, которые нацелено собирались для помощи людям, можно их освоить. И улучшить жизнь сами для себя, ведь это было бы крутым местом для отдыха.

– Ну вот мы и приступили. Закупили всего что только можно: клумбы, фонарные столбы, беседки, две детских площадки с разнообразными видами качелей и прочего, бордюры, ограду парка, арку для входа, да даже мангалы установили в десяти местах с лавочками. Был ещё проведён опрос, как лучше всё установить, что дальше ко входу, а что ближе. Участвовало в этом, народу немеряно. Даже толпа бабушек пришла, следила за установками клумб, нарадоваться они не могли такому приобретению для себя и своего досуга, ну или так они говорили во всяком случае. Короче «бомба», а не парк, – Сабрина кивнула, так как слышала об этом, но в то же время, она знала, что конкретно сейчас, парк таким не остался, – И тут же, на следующее утро, вовремя установки тех же клумб, началось самое интересное... Землю под них

отгрузили и на неё потихоньку начали налетать те же бабки. Подходили и с вёдрами уносили её к себе домой. Мы это заметили и указали им на это, сначала по-доброму. Но в ответ слышали лишь «Ой, бабушке ведь нужно как-то помидорчики выращивать, а то им так не долго осталось», – кривляясь, цитировал он, – Но поняв, что ничего таким образом они не поймут, мы начали напрямую объяснять, что нельзя брать общее себе домой, ведь это для всех и сейчас они фактически являются ворами и не отличаются от тех, которые и сделали вот такое с парком в прошлом. В ответ получили лишь нелицеприятные слова и обвинения в неуважении к старшим. Но всё же они «отлипли» от земли. За второй день мы всё установили. Но к утру, практически три клумбы уже были пусты. Обидно стало, конечно, но на этих трёх, цветов ещё не было, да и землю ещё должны были подвести. Короче списали на неадекватность некоторых бабушек, на которых нам тут же указали, те, кто видел сие действие, но почему-то не помешали им. Ну ладно думаю, бывает. На следующий день уже посадили и вновь насыпали земли, как уже через день, когда я там появился, земли вновь не было, только уже на пяти клумбах, а рассады так вообще нигде. Теперь уже тащили все особи женского рода, плюс ко всему и днём. Вновь соседи видели и промолчали. Отвечая по типу: «Ну что же с них взять, бабы ведь». И посмеялись. Ещё через день спёрли качели, болгаркой отпилили ночью. Теперь уже мужики. Об этом мне никто не говорил, но то, что те самые мужики,

которые мне перед этим сливали инфу, перестали меня приветствовать, говорило о многом. Потом две беседки выкопали и увезли, это тоже видели, но говорить кто, побоялись. Хотя зря боялись, в полицию заявить я не смог бы, так как собственность эта не стоит не на чьём балансе, только может на совесть, а так пострадавших, вроде, как и нет. Просто хотелось в глаза этим людям взглянуть и всё. Потом ещё одну беседку просто сломали. И в конце если не ошибаюсь ещё украли семь лавочек с мангалами, ну а дальше всё чего там сейчас не хватает, местная гопота растянула тупо на металлом или сломала с перепоя. И вот так, практически за пару месяцев, там уже ничего и не осталось.

– И вот эти люди, как видишь, уже воровали не у плохого начальника, а у своих. А теперь вернёмся слегка назад и я тебе напомню о воровстве чиновников. Эти самые люди, местные, что так резво уносили общее себе домой, встают на более высокие посты и там они делают то, что делали до этого. Откаты, распилы и всё в этом духе. Вот вам и плохие чиновники, – и начал пародировать, – «А я что, я всего лишь взял немного земли со двора, ну и вчера палку колбасы с работы». Только забыл уточнить, что делает это он каждую неделю. Надоело лицемерие и воровство, в любом виде...

– Ну хорошо, это я понять могу, но объясни тогда, что делать-то?

– Делать? – ухмыльнулся, – Честно? Делай, что хочешь... Мне уже всё равно, я уже опустил руки и не вмешиваюсь в

политику. До этого я положил на это дело много времени и надежд и ничего не получил в итоге. Ничего. Ни какого отклика, даже поддержки общества не заметил. Сейчас я продолжаю конечно следить за всем происходящим, но не более. Пусть уже остальные маяться, им есть о чём бояться, а меня власть всё равно не тронет.

После этих слов в комнате воцарилась тишина. Сабрина заметила, что её халат немного раскрылся и она резко затянула его в тугую. Андрей открыл верхний ящик и достал из него коробку. И уже открывал её, как его взволновала незнакомая мелодия из коридора его дома. Сабрина быстро встала и сказала: – Это мой смарт!

Андрей спокойно посмотрел на неё, и посоветовал идти на звук. Она быстро вышла и пошлёпала босыми ногами по плитке. Через десять секунд звук прекратился. Параллельно с этим Андрей вынул из коробки: алюминиевую доску и пластиковую карточку. Помимо этого, в коробке было ещё куча разных вещей, но этого ему было достаточно. Доска уже была в какой-то белой субстанции, точнее порошка. Он быстро отряхнул её и почти всё лишнее легло на стол. В этот момент в комнату вошла Сабрина. В своей одежде, которую она одела в прихожей. Андрей резко к ней повернулся и выдал: – Ты что ещё здесь?

– Ну да, я же говорила. Рано ещё, – спокойно произнесла она.

Андрей посмотрел в окно и согласился: – Ну ладно.

Она подошла к шкафу и повесила халат обратно. Второй обернулся, закатывая рукава: – Зря назад повесила, – она села на то же место и удивлённо посмотрела, – Его нужно уже кидать в стирку, – и через пару секунд, чтобы полностью объяснить ход своих мыслей – добавил, – В делах гигиены, я полностью и бесповоротно категоричен.

Сабрина немного обижено на него посмотрела и быстрым движением, поправила лифчик и волосы одновременно. Поудобней уселась на стуле и вытянув смартфон из кармана, начала смотреть последние не принятые сообщения. Через секунду фыркнула и громким голосом спросила:

– Ну вот у тебя тоже так... – он посмотрел на неё, – Как только уехала куда-нибудь, сразу же куча сообщений и звонков от мамы с вопросами на тему: как у меня дела; как я себя чувствую; сколько я планирую тут находиться; и вообще – побыстрее езжай домой! А как только приезжаю, тут же возникает претензия по поводу того, что я через чур много сижу дома. Потом постоянные ссоры и мне опять приходится идти куда-то чтобы не срываться.

Андрей снова остановился. Через секунду откинулся на стуле и смотрел ей в глаза. Априори он не любил вести подобные диалоги, с кем бы это ни было, но сегодня для него это было даже забавно, отвечать на такие вопросы.

– Так, всё просто. Это потому, что ты тоже задолбиваешь свою мать, – в этот момент Сабрина открыла рот, чтобы что-то сказать, но Андрей ей помешал, следующей фразой, – Но

проходит время и она опять хочет тебя увидеть. Я не буду внедряться в ваши взаимоотношения и ситуацию в семье. Но у тебя тоже есть свои капризы, как у ребёнка. Я просто скажу то, что скорей всего лежит на поверхности и возможно является корнем проблемы... Возможно, мать родила тебя рано, – тут она согласилась виде кивка, – И ты фактически, хоть и сама на это не влияла, но забрала её молодость. Такое бывает повсеместно. И это могло вылиться в некую агрессию, хотя скорей всего она тебя любит. Да виновата она сама, но срывается на тебе. Так это и происходит, всё от семьи. Проблема семьи в её нынешнем виде. А если бы в похожих случаях, мама видела ребёнка не каждый день, а чередовать с родителями – папа, мама. То я думаю, что мы бы могли рассчитывать на устранение большинства проблем взаимоотношений.

– Подожди, я тебе задала простой вопрос, а ты сразу предлагаешь моим родителям развестись?! – злостно спросила Сабрина.

– Если бы вопрос был простой, ты бы решила его и без меня. И да, конечно, развод – это всегда плохо, но можно посмотреть на это, с другой стороны.

– С какой?! – с таким же грубым тоном снова спросила.

Андрей понял, что сказал слишком резко. И начал медленно объяснять свою мысль: – Когда родители в разводе, происходит конкурсная основа, каждый из них старается для ребенка на полную, потому что он хочет выставить себя в

лучшем свете. Отец, как и мать, стараются больше провести с ребёнком время, они хотят по максимуму отпечататься в его жизни, потому что понимают, после того как он вырастит, то времени уже не будет.

Сабрина начала возражать, но Андрей захотел всё же договорить и остановил её жестами рук: – Концепция брака заключается в том, чтобы видеть человека каждый день. В любом случае это лицо тебе надоест, это работает, как в социальном смысле, так и в искусстве. Если тебя давать одно и то же, то ты этим перенасытишься и оно тебя начнёт злить. А семья обязывает тебя в этом. И этим отягощает обстановку. Из-за этого в семье появляются микроконфликты. Хотя в принципе, в чём проблема? Зачем ругаться на пустом месте, – Сабрина сидевшая до этого с лицом несогласной, теперь немного кивнула и слушала, но мнения не изменила, – А когда ты, то там, то тут, родители тебя не видят каждый день, от этого и происходит скучание, которое эквивалентно радости встречи. Мы в общении допускаем одну глобальную ошибку, мы надоедаем друг другу постоянным присутствием. А вот когда родители вместе, им моментами бывает всё равно на ребёнка, они шпыняют его от одного ко второму, он то никуда не убежит.

– А давно твои родители в разводе? – она хотела задать этот вопрос ещё в середине диалога.

– В каком смысле? – недоуменно спросил Андрей, – Мои родители никогда не разводились, – сухо поставил точку.

Сабрина сидела с выпученными глазами. Андрей увидел это и выдал:

– Очень просто. Я вынес эти мысли от наблюдений других, знакомых мне семей.

И снова после слов Андрея они оба затихли. Сабрина сидела, смотря на стол и старалась сформулировать новый вопрос. Андрей посмотрел на окно, где уже понемногу начало виднеться, встал, обул тапочки, потом снял халат и кинул его в фиолетовую корзину для стирки, стоявшую около стола. И сразу же подошёл к шкафу за тонким свитером. Одел его и сел обратно. Она наблюдала за ним и как только он сел, быстро выдала: – Ну ладно, хорошо, давай лучше вернёмся к предыдущей теме разговора, у меня появилась мысль. Конечно, на счёт семьи я не согласна, но в остальном вполне может быть. И всё-таки, я считаю смена губернатора пойдёт нам на пользу. Нам нужно каким-то образом, хоть немного поднять уровень жизни населения в столице и параллельно с этим, изменить зарплаты. И всё станет намного лучше. Если бы ещё не эти олигархи, в руках которых находятся чуть-ли не весь капитал республики, то...

Андрей уже полностью забыл, что он хотел сделать. И с каждым новым вопросом, он всё больше считал подобный разговор бессмысленным. Поэтому немного грубым и ироничным голосом, возразил:

– Что? Ты что не понимаешь, что тебе дают голосовать ровно за тех, кто выгоден Кравець, у нас глава республики

сидит у руля уже почти двадцать пять лет и это только официально-легитимный срок. Какое тут «отлично»? Ты думаешь он даст хоть что-то изменить, губернатору столицы его республики, не так, как ему удобно? Да он фактически приватизировал её. Изменения возможны только после абсолютной смены верхушки. Какие зарплаты? У нас даже общество уже неправильно работает. Блять, да ты посмотри на любого пацана в шестнадцать лет, у него же всё на лице написано, о чём он думает, как ему надоела его система образования, которая уже дано не работает, так как должна. Он попросту не может себя реализовывать там, где он хочет. И скорей всего он будет не на своём месте, в следствии чего деградация как личность – неизбежная. Та большинство из нас находятся не на своём месте, мы занимаемся тем, что нам доступно, ты не можешь просто взять и начать заниматься тем чем хочешь, только семь процентов людей могут себе это позволить. А почему? Потому что общество работает неправильно! Львиная доля людей идут туда, где им не нужно быть, по разным причинам. Хотя вина, в основном, лежит не на конкретном человеке, кто бы что ни думал. Просто общество не подсказало, не смогло углядеть в нём потенциал и дать не только надежду, но и шанс.

– Смена губернатора чтобы повысились зарплаты, я ахреневаю... Нам только революция поможет, а то, что мы меняем чиновников каждый год, от этого ничего не изменится, мы просто меняем одних людей на других. У нас в поли-

тике добиваются власти только бедные, которые ищут большие деньги и богатые, ищущие, где приумножить свои уже огромные деньги.

– Подожди, я поняла. Но по-твоему, олигархи не мешают развиваться нашему городу? А как же монополизация? И их сыновья, которых они пропихивают во власть? Они ведь все как на подбор.

Андрей громко вздохнул: – Ну во-первых сменой губернатора ты олигархов не уберёшь. А во-вторых, я бы не сказал, что они все одинаковые, но это не важно. А в третьих... – Сабрина перебила, сказав что-то быстро и не совсем понятно, но Андрей потарался додумать за не услышанным, – Что? Почему не все? Ну, скажем так, являясь таким же самым сыном человека, вроде как, обеспеченного деньгами в достаточном количестве, я видел совсем других представителей богатых семей. Я знал одного человека, мы не были знакомы, он являлся сыном одного из главных бизнесменов Фееры в области би... – он задумался, – А в прочем, это и не столь важно. Главное, что он с себя представлял, – Андрей немного поднял голову, чтобы вспомнить, – Он был совершенно другим: в пору умным, веселым, даже отзывчивым.

Сабрина тихо слушала и когда Андрей сделал паузу, спросила:

– А где он сейчас?

– Мёртв. Это было его осознанное решение... они настолько были разные с родителями, что он не выдержал и... –

вздыхнул, – Ладно... зря начал об этом... Просто хотел сказать, что главное воспитание! Мразь воспитывает – мразь, но бывают и исключения. А в сторону этих «золотых» детей, могу сказать только одно. Живя в таких же условиях, как и они – я понял многое и могу объяснить всё их поведение, – Андрей немного прервал свои слова, чтобы посмотреть на Сабрину и убедиться, что она продолжает слушать и не собирается возражать, – Как по мне – всё просто: им слишком легко всё достаётся. Объясняю, на примерах, когда ты покупаешь себе что-то новое, ты ощущаешь радость от покупки. Таким образом считаешь, что не зря работал или копил и сразу же начинаешь копить на что-то другое, ведь у тебя ещё многого нет того, что ты хотел бы. Другими словами, таким образом, ты «ловишь кайф» от жизни, – вздохнул, – А в их случаи, где им с детства предоставляли за спасибо то, на что ты копишь годами, то чтобы получить уровень такой радости, как у тебя, им нужно будет сделать что-то больше, масштабней и дороже. А дальше, таким образом, повышать ставки им с каждым днём, всё труднее, нежели остальным. Понимаешь?

– Какие они бедные! – Сабрина, – Может мне их ещё и пожалеть?!

– Как хочешь, им твоё злорадство до отного места, – Андрей говорил, не отрываясь от доски, – Я знал многих детей нынешних депутатов. Я видел, как они воспитывались, будучи моими ровестниками. Естественно им покупалось аб-

солютно всё, что они хотели. И этим они теряли огромный кусок восприятия жизни. А позже «подарки» превратились в требования, теперь им всегда было нужно всё больше и больше. И смотря на подобных, я понимал, что в конце, это приведёт к двум на выбор исходам. Либо попадая на место, которое сочтётся деньгами, они начнут беспросветно воровать, не ощущая ничего внутри, ни радости, ни счастья, делая это инстинктивно, делая то, что делал и делает его родитель, ну или второй исход – сядет на наркотики. Потому, что это самый последний способ получить кайф от жизни. А, как правило, всё вышеперечисленное исполнилось по очереди – сначала одно, а потом закончилось вторым.

Сабрина с взглядом непонятности тихо спросила: – Наркотики? Почему?

Ответ последовал незамедлительно: – Ну, а ты подумай, как можно ещё получить кайф от жизни, если ты получаешь лучших женщин, ешь в престижных ресторанах, едешь в самые дорогие места на самом презентабельном транспорте, популярнейшая одежда шьётся сразу на тебя? Больше как от наркотиков, получить что-то новое – невозможно. Мотивация пропадает. Они уже не чувствуют радости ни в чём.

– Кстати, а почему ты разграничиваешь их от себя? Ты же сам сказал, что ты такой же.

Быстрым и сухим тоном, Андрей выдал ответ, который на самом деле не был ответом, а являлся просто «заглушкой»: – Я не говорил, что я такой же. Я это я. Я не отношу себя ни к

кому. Андрей зло посмотрел на неё. Хотя ответ ей показался довольно глупым.

– А наркотики? – Сабрина сразу же перевела взгляд на доску, лежавшую на столе и призадумалась, что же за белая субстанции была на ней, – На сколько я видела вчера, ты не подсел на них, а что тебе помогло избежать такой же участи? Ты такое же исключение, как и тот, о котором ты говорил до этого?

– Не подсел?! А что ты скажешь об этом? – Андрей плавно показал пальцем в сторону кровати, – Посмотри туда.

Из-за плохого освещения, ей пришлось подняться с места, Сабрина удивлённо подошла к кровати и увидела вместо стены, полностью стеклянную поверхность. От пола до потолка. Которую до этого не замечала. Подойдя ещё ближе, она рассмотрела заставленную стенку, разделённую на семь полок, полностью сосудами алкоголя. Абсолютно всех видов и цен. От горилки и вин до бренди и скотча. Некоторые полки даже выставлены по цвету бутылочного стекла, в стиле радуги. Она долго высматривала всё. Сабрина даже немного почувствовала себя, как будто в музее, где множество экспонатов, к которым нельзя дотрагиваться.

– Алкоголь же не наркотик, – уверенно сказала она.

– Что?! – фыркнул Андрей, – Ещё какой! У него большие привыкание чем у всего остального. Плюс он легален и дешёвый, – после этого Андрей медленно посмотрел на бутылку коньяка, которую купил неделю назад. Подумывая его

сейчас открыть. Он стоял на средней полке и выделялся фигуристым горлышком, поэтому ему было легко его заметить в тёмной комнате. Но передумал, и решил открыть его, где-то через час.

Сабрина не хотела поэтому поводу ничего говорить и села назад на место. Она уже даже немного устала, ведь за ночь, Сабрина от силы проспала часов пять и те моменты, которые она хотела оспорить в выше сказанном Андреем, давно «утонули» в её голове. Поэтому решила задать последний вопрос, который и так напрашивался сам собой. Этот вопрос был представителем самых банальных вопросов. Ответ, на который интересовал наверно большую часть населения этого города. Но чёткого ответа – никто не мог дать.

– Хорошо. Я тебя поняла. Ну тогда в чём наша проблема? Те люди, которые живут на одну зарплату и являюсь обычными рабочими, – это был риторический вопрос, Сабрина не ожидала внятного ответа.

Андрей услышав формулировку вопроса, хотел её просто «послать», ему уже надоело размусоливать эту тему. Но сдержался и просто проигнорировал, демонстративно закатив глаза. Увидев его реакцию, она краем рта ухмыльнулась. Потом подошла к окну и начала смотреть на улицы. Там уже было немного светло. Окно Андрея выходило на дорогу и в обычные часы, там можно увидеть большое количество людей. Сейчас же не было ни единой души. Андрей же сразу развернулся к столу и достал свёрток с того же нижнего ящи-

ка и недолго думая, быстро разорвал его и высыпал содержащиеся на доску. Потом взял в руки пластиковую карточку и начал давить розовый порошок, чтобы прибрать некоторые комочки, получившиеся при перевозке. В кармане Сабрины, раздался резкий гудок. Она достала смартфон и увидела, что он почти разрядился. Не долго думая, она решила спросить у Андрея о наличие в его доме зарядного шнура. Развернулась и увидела, как он сидит и бесшумно щёлкает пальцами, смотря в пол. Андрей быстро перевёл на неё взгляд и немного грубо, но с уверенностью выдал:

– Наша проблема в том, что мы делаем детей тогда, когда мы нищие...

– Что? – прищурившись спросила Сабрина, пытаясь усвоить услышанное.

– Это мой ответ – на твой вопрос.

Прозвучало расчётливо и сухо, чего Андрей не хотел. Сабрина, поняла о чём он, но не могла ничего ответить – слишком внезапным это было.

– У людей нет денег, а они заводят кучу детей и ничего не могут дать им. У нас люди женятся в восемнадцать лет, а детей заводят ещё раньше... – он немного подержал паузу, посмотрел в удивлённые глаза Сабрины и продолжил, – Главная проблема у нас, это институт брака, в том виде в котором он существует. Купить квартиру тридцать пять квадратных метров и жить в нём пятью людьми, задолбать там друг друга и воспитать свою агрессивную копию, потому что

шанс сделать именно это в атмосфере криков и ругани, наиболее вероятен. И после, это поколение, живёт среди нас и они же – плодят таких же.

– Ты не прав... – она смотрела ему в глаза, – Это грубое суждение... – закивала головой и пыталась искать менее грубые слова чем он, – Ты заикнулся... – он перебил.

– Не прав? – после Андрей посмотрел в окно и увидел там скорый рассвет.

На основе этого, решил высказать всё что хотел, чтобы побыстрее приняться за своё дело и не важно, чем это закончиться и что она о нём будет думать в дальнейшем.

– А хочешь, я угадаю как всё было у тебя? – он не дал ей с реагировать, – По тебе я могу предположить, что скорей всего, в детстве, тебя родители до такой степени задолбали претензиями и придирками, что ты начала всё меньше и меньше прислушиваться к их мнению. А потом и в принципе отказывалась слушать, что тебе говорят. С шестнадцати лет, ты старалась не сидеть дома. Бродила, гуляла, подыскивала единомышленников. Естественно возвращалась, но всё чаще промышляла этим, – Сабрина с выпученными глазами слушала его, что Андрею с каждой секундой казалось слишком странным, а ещё страннее были её зрачки, которые с каждым словом ставали всё ближе и ближе к «выброске из орбиты», – И вскоре ты, наперекор, пошла и сделала, например, тату, – указав пальцем на её ногу, – Да? Или переспала с кем-то. С тем, кто тебя поддержал, кому на тебя было не наплевать или

как минимум делал такой вид. С этого момента и началась твоя разгульная жизнь. Семья сто процентов не была рада такому, но вот проблема – виноваты по большей части они, а не ты... – Андрей встал со стула, тем самым отпугнув Сабрину, которая инстинктивно отошла от окна в сторону кровати.

– Ч-что? – шёпотом и в недоумении сказала она, да так что второй этого не услышал. Она ещё не смогла прийти в себя, не понимая зачем только что получила в свой адрес столько оскорблений.

– Из года в год я понимаю, что понятие социальной инженерии – главное, что нужно знать людям живя здесь, – с этими словами он начал сбавлять темп подачи слов и «сделал» себя по тише, – Нужно изменить абсолютно всю парадигму общества. В своё время, я пытался этому поспособствовать, хоть как-то. Но не вышло. И да я вижу твои глаза, думай обо мне что хочешь. Возможно, я ошибаюсь, но я не хотел тебя оскорбить. Цинизм не имеет ничего общего с хамством или грубостью. Я говорю лишь свои мысли ввиду наблюдений и стараюсь называть вещи своими именами.

Он встал, посмотрел в её налитые злости глаза и прошёл мимо, чтобы открыть дверцу на террасу. Андрей прихватил с собой доску с розовым веществом и прошёл через проём. Сабрина последовала за ним. Она хотела тоже высказаться. Весомых аргументов у неё, конечно же, не сыскалось, но ей этого и не нужно было, чтобы погасить пламя ненависти.

Но зайдя на террасу и повернув голову направо, она потеряла дар речи. Ступив босой ногой на тёплую плитку, она была неистово удивлена. Эта небольшая комнатка на крыше, представляла собой «зелёный рай». Вся территория была устелена и обвешена растениями. Разных видов и подвидов. Разных расцветок и размеров. Где-то стояли в ряд маленькие цветки в цвет радуги, а где-то была мастерски выстроена лесенка из одинаковой формы, но немного разных величин цветы. Сабрина про себя подумала: «рай перфекциониста». Везде стояли приспособления для растений. Куча красивых подставок и специальных столиков. Все горшки были в цвет карбона, но абсолютно все – разной конструкции. И к каждому растению была пристроена трубка. Эта немного странная конструкция, которая сводила все шлангочки к середине террасы. Где стоял стол, на котором располагались баллоны для воды и удобрений. Около этого стола стоял Андрей и осматривал стальные балки, которые находились по углам и были обкручены красивой лозой. Она была фиолетового цвета и вела к маленькому цветку похожему на большую шестерёнку, лежащую в огромном горшке. Это растение находилось практически посередине всей площади и вело свои ростки ко всем углам. Сабрина крутилась на все триста шестьдесят градусов и не могла поверить в такую красоту. Её взор падал, на каждое растение и она не могла дать ему точного определение. Так как в этой комнате на самом деле не было обычных растений. Абсолютно все были выве-

дены самим Андреем или его знакомыми. Да некоторые всё же повторялись или были выведены задолго до его рождения, но всё же он не знал этих видов и тоже вывел их сам. Он начал этим заниматься ещё семь лет назад, после того, как его дядя показал своё открытие. И самолично вывел килограммовый лимон. Дальше ей бросился в глаза подвешанный на стене зелёно-чёрный флаг, установленный так, чтобы видно его было только находящимся на террасе, она знала, что он обозначает, но в секунду перевела взгляд и стала наблюдать за Андреем, который открыл крышку в большом механизме и вылил туда десять литров воды. Потом придержал её и одной рукой высыпал удобрение, которое стряхнул с доски. Закрыв крышку, нажал на кнопку. Вскоре эта машина начала гудеть и «развозить» воду по трубкам ко всем растениям. Он тщательно высматривал каждую трубку, чтобы быть уверенным в том, что к каждому горшку дойдёт своя часть воды. Сабрина Глависьна медленно шла к нему, теперь её взгляд заинтересовал этот механизм. Идя, она пересилила свой интерес перед всем этим и взглянула на Андрея. Уже забыв всё, что хотела сказать до этого и направлялась только лишь за ответами на вопросы, которые всё больше и больше заполняли её голову. Она смотрела на него, как на гения. Не успев подойти, Андрей её увидел и остановил: – Что?! – он был зол, – Ты ещё здесь?!

– Да, – неуверенно ответила.

Он посмотрел вниз на улицу и сказал: – Я думаю тебе по-

ра.

Сабрину не смущал его тон, она улыбаясь, продолжала идти: – Я хотела...

– Нет! – уже действительно грозно крикнул Андрей, – Тебе пора!

Элай стоял перед пешеходным переходом и долго смотрел на то, как рабочие забрасывают ямы с дождевой водой на дороге – щебнем. Минуты две он тихо смотрел и в момент, когда его заметили, он спокойно перевёл взгляд на бригадира и крикнул: – Вы – гниды!

Только один услышал и начал язвительно кричать в его сторону и даже идти к нему. Все остальные с удивлением смотрели на вопящего коллегу. Элай не услышал ничего из-за проезжающих машин. Спокойно развернулся, поправил сумку с ноутбуком и пошёл в университет. На улице было восемь часов утра и недавно прошёл дождь, поэтому дорога была устелена лужами. Стараясь миновать водяную поверхность – Элай ходил зигзагами, чтобы не промочить ботинки и не запачкать сиреневое пальто в брызгах грязи.

И вот, он уже добрался ко входу в университет. Пройдя через ворота, он направился к своему корпусу. Перед входом собралось много людей. Судя по тому, как куча преподавателей настраивали аппаратуру и бегали из стороны в сторону, Элай предположил, что вероятней всего была какая-то линейка. Большинство из них, имели чёрный цвет одежды. Элай безразлично прошёл мимо них. В свою очередь на него

тоже никто не обратил внимания. Зайдя в здание, он удивился. На этажах никого не было. Чему Элай был неведомо рад, ведь ему не придётся толкаться идучи по коридору. В будние дни в этом корпусе было не протолкнуться. Он улыбнулся и пошёл по середине прохода, прямо в нужный ему кабинет, где его уже ждала Влада.

Зайдя в него, он увидел, что в кабинете была только она. Влада в свою очередь, была чрезмерно рада его видеть и искренни прыгнула обнять его. Но он её остановил своим скептическим взглядом и тихо поприветствовал. Влада с улыбкой на лице, ответила тем же.

– Как настроение? – улыбчиво смотря ему в его тёмно-синие глаза, поинтересовалась Влада.

– Неважно, – ответил и подошёл к столу, – Кстати, что там на улице происходит? – действительно с интересом спросил, параллельно вытягивая свой ноутбук.

– А ты, что не в курсе?

– Да вроде как нет.

– Ну... вчера... помнишь Алёну?

– Кого? У нас много Алён.

– Ну у Марка девушка была...

– Была? А что случилось?

– Насколько я знаю, несчастный случай. Упала с большой высоты и разбилась.

«Это конечно не тот человек, за которым я буду горевать, но всё же...» – про себя подумал он.

– Ясно, – немного загляделся на сиреневые пуговицы на джемпере Влады и тут же продолжил, – А не знаешь, Дэриэл здесь?

– Нееет, он ещё не очухался. Ему же дали неделю выходных.

– За что? – удивлённо выкатил глаза.

– Ну он же был свидетелем этого, даже в некоторых версиях – подозреваемый.

– Это шутка? – она удручённо покрутила головой.

Элай ещё больше выкатил глаза и достал смартфон, чтобы набрать его. Но вспомнил, что забыл его зарядить. И с разочарованностью в глазах, положил его обратно в карман.

Элай отошёл от неё к окну, чтобы посмотреть на то самое действие. Минуты две он наблюдал. Влада, даже удивилась. И после того, как она решила поинтересоваться его самочувствием – он резко пошёл в её сторону, открыл и включил ноутбук, решив в максимально быстром темпе закончить свои дела и созвониться с другом, потому как у Влады, номера Дэриэла не было. На столе рядом с нею, стоял её ноутбук. Элай попросил Владу приподняться со стула, чтобы он мог дотянуться до принтера, который был подключён к рабочему компьютеру и стоял в самом углу стола. Она согласилась и попыталась это сделать. Но с боку них стояли огромные стопки бумаг, а Влада на секунду забыла о их присутствии и зацепилась ногой об одну.

Вчерашний день был обозначен красным в календаре

Элая. Он ненавидел его из-за завоза бумаги на факультет. Каждый первый день университета славился тем, что в час дня десятки гружёных машин развозят на факультеты фантазмагорическое количество бумаги, книг и канцелярии. В его воспоминании навсегда останется тот день, когда он в первый год по «счастливой» случайности попал в ряды студентов, которых отобрали для разноса закупленного, вернувшись домой в тот день под ночь. С тех пор, Элай старается первую неделю вообще не ходить сюда. Ну или хотя бы не задерживаться надолго, чтобы не отказывать в помощи людям в грубой форме.

Влада зацепилась ногой об метровую стопку канцелярской бумаги и не совладав с равновесием полетела в низ на пол. Элай резко увидев, что твориться – быстрым захватом поймал её, он ухватился за её кофту в районе живота. А потом другой рукой за спину и тянул к себе.

Такое резкое и быстрое движение, было обусловлено тем, как Элай заметил, что именно грозит Владе, в случае падения на спину. На полу была куча принадлежностей, валявшиеся, виду вчерашнего не нахождения им должного места. В их числе были: степлеры; картриджи для принтера; несколько маленьких, железных глобусов и дыроколы. Короче, упав, повредить себе что-нибудь, было вполне возможно.

После того, как она стала на ноги, они заметили, что её зелёный джемпер не выдержал такого растяжения и на нём уже виднелась огромная дыра. Он от увиденного даже немного

смутился, так как в следствии стал виден чёрный лифчик Влады. Он сразу же извинился за созданную им проблему. И предложил взамен свой свитер. Влада ещё прибывала в растерянности и удивлённо смотрела на возможную перспективу в виде места куда она могла приземлиться и ощущала некую фрустрацию. Но после осознания, всего случившегося – не могла отказаться от такого предложения, ведь ей ещё нужно было до обеда здесь находиться. Она поблагодарила его, за реакцию и за его чёрный свитер. И быстренько сбросила с себя джемпер и сразу же смущённо схватила руками одежду, которую он протянул ей отведя глаза к стене.

И одел пальто обратно. Где под ним, трудно, но можно было разглядеть надпись на футболке: «Считаешь себя вне политики? А политика так не считает!». Белой, с чёрными буквами и тёплой. Одна из его любимых. У него много таких.

– Наверно нужно собрать все эти бумаги, – Влада присела и начала складывать листы в одну стопку.

– Забей! – он остановил Владу, взявшись за её плечи и немного потянул на себя.

Она доверчиво кивнула и Элай всё же подсунул ноутбук к принтеру и подключил его, а потом и подключил её ноут к своему напрямую. Быстрым «кликом» мышки, он запустил программу на экране, которая сама в нужном темпе начала процедуру по подключению принтера к устройству.

Тыкнув пальцем в монитор, он сказал: – Специально для тебя нашёл.

Она улыбочиво закивала головой и внимательно начала следить за курсором. Элай, всё это время думал, о том, что рассказала ему Влада и удивился, почему Дэриэл ему не написал. Хотя сразу же принял во внимание то, что он не знал, как бы сам поступил в таком случае. Да и всю полноту сложившееся ситуации, он тоже не знал.

– А что ты ещё знаешь? Кто тебе сказал? – он резко задал вопрос.

– Ты о случившемся? – она не до конца его поняла.

– Да, ты откуда узнала?

– Я... мне Лиза сказала... Это всё, что я знаю, – она посмотрела на него с прискорбным выражением лица, – Да и она бы не стала скрывать ничего, – после небольшой паузы, она развернулась и продолжила следить.

Элай подошёл к дивану, скинул с него все связки ручек, карандашей и стикеров, потом сел. Начал ждать. Посмотрел на настенные часы и немного расстроился, что перебивает тут уже двадцать минут, ведь у него есть ещё работа. И через секунду услышал голос Влады: – Всё. Спасибо тебе огромное, – он кивнул, – Да и ещё... – Элай остановился и напряжённо посмотрел, – У меня проблема. Может и здесь сможешь... Я смотрела фильм, а он оказался не на нужном мне языке. Ну я нажимала комбинацию клавиш для смены раскладки, а оно не меняется. Что не так?

В его голове «прокручивалась» только одна мысль: «Лучше бы природа сделала тебя менее привлекательной и доба-

вила чуть больше мозгов. Ведь красоты тебе не занимать».

Потом заглушил эту мысль и сказал: – Просто при поиске – смотри на язык перевода. Это всё что нужно. И беспокоюсь лишними проблемами, – Элай улыбнулся ей во весь рот, радуясь, что он стал уже на шаг ближе для покидания этого здания.

Он встал и забрал ноутбук со стола, услышал благодарственные слова в свой адрес и направился к дверям. Влада тоже приподнялась и со словами:

– Чуть не забыла, я нашла твои....

Снова присела к куче листов. Элай посмотрел на неё, но ничего не сказал. Ему уже было всё равно. Но удача снова была не на её стороне. Теперь она зацепила локтем ещё одну стопку.

По середине комнаты стояло два дивана и вокруг них в три ряда были выставлены стопки всех видов папок, бумаг и методичек. Новая затронутая ею стопка потянула за собой ещё одну стопку, а та в свою очередь ещё две. Таким образом абсолютно всё, что вчерашние первокурсники выставляли в течении шести часов, было повалено, как домино. Некоторые из них попадали на столы и по сбрасывали всё с них, а остальные равномерно легли на пол. Всё это сотворило огромный грохот и на него сразу же начали сбегаться с коридора и соседних кабинетов.

Влада была в растерянности и даже немного в страхе от сотворившего. Конечно, ничего противозаконного она не

сделала, но в тот момент, чувствовала большую вину. Элай стоял непоколебим и смотрел на подавленную Владу.

Она сидела на коленях перед огромной кучей бардака. И не понимала, как это произошло и тем более, как это побыстрее исправить. Он подошёл к ней, поднял её и через пару секунд она начала в ужасе всё осматривать и что-то выискивать.

– Что ты ищешь? – удивился.

– Статьи... – её тело охватила тревога и она начала разговаривать рывками, – о которых ты... меня просил... я нашла... и собрала в... красную папку, – её голос дрожал, она не знала, что делать.

Элай снова взял её за плечи: – Стоп. Вот они. Успокойся. Всё нормально, – Элай поднял папку, которая лежала около тетрадей, и попытался прочитать заголовки статей через красный пластик.

И в момент в кабинете номер «177», вошло десять новых «посетителей», сбежавшиеся на шум из-за тонких стен. Одна из которых заведовала этим кабинетом.

Быстро и без промедления осмотрев присутствующих и сообразив, что нужно делать, Элай крикнул: – Лекора! Если в следующем году, ты ещё раз оставишь это в таком состоянии... – обвёл пальцем весь кабинет, – Хотя я тут учиться и работать, в тот момент, уже наверно не буду – но я обязательно приду проверить, и если всё будет на том же месте, то я мало того, что разбросаю, но и в дополнение – сожгу всё к

хуям! Надеюсь, ты меня поняла, – устрашающе закончил.

Немного сжав папку в руке, он направился к выходу из кабинета и прошёл мимо них. В след ему последовали злые взгляды всех, кто слышали его. В их головах застыла лишь одна фраза, а некоторые из них даже произнесли тихо вслух: «Ну и мудака». Кроме Влады, она единственная смотрела ему вслед с удивлённо-благодарными глазами.

Элай естественно этих обращений в свой адрес – не услышал. Да и ему было бы всё равно. Он держал в руке папку, с ещё дополнительной работой и чётко знал, что делать дальше. Обидно было лишь то, что это случилось по его просьбе.

Элай учился и работал в этом университете. Его работа заключалась в вести новостную колонку в студенческой газете. Деньги небольшие, но и работы мало. Да и учиться никто не заставлял. Ему это нравилось, но и в тот же момент он задумывался, что нужно стремиться куда-то больше, а не сидеть на одном месте. Но такие мысли быстро «уплывали» и всё шло, как и всегда.

Поэтому он направился в каптёрку, метр на два, которая ещё с прошлого года была ему дана, как работнику университета. Он достал связку ключей с кармана, перебрал её и схватил нужный. Зайдя в неё, он тут же бросил ключи на стул и подошёл к столу. Снял сумку и быстро принялся доставать статьи из папки. Пересчитав их, Элай огорчился, ведь о наличии аж в семь штук, он никак не ожидал. Но тут же примирившись с этой цифрой, он начал просматривать их в том

порядке, в котором они лежали: – Тааак... Что у нас тут? Изнасилование? Опять Дэлила... ага... Стоп, это у нас какое за неделю? Десятое? – Элай посмотрел на стопку в углу на столе и быстро пересчитав белые папки, ответил сам себе, – Нет, седьмое. Понятно, значит даже не близко к рекорду. Не интересно, – и бросил статью на стол, намереваясь продолжить читать.

Но внезапно постучали в двери и к нему в кабинет, вошелся Марк. После чего первый с неожиданностью приосанился.

– Значит не соврали, ты на месте, – угрюмо второй.

Элай, это последний человек в мире, который хотел бы видеть Марка, но выгонять, он не решился. Посмотрев на его странную гримасу, он вспомнил о узнавшем сегодня инциденте и сразу хотел проанализировать его состояние и параллельно узнать, зачем он пришёл. Задержав взгляд на лице Элая, Марк спросил: – Где Дэриэл? – после вопроса, он смотрел ему прямо в глаза.

Элая взбудоражил этот вопрос, так как в его голосе было что-то неладное. Но виду не подал, спокойно ответив: – Со вчерашнего дня не видел, – ответил и вновь пожалел, что не зарядил смартфон, ведь сейчас бы не помешало оповестить Дэриэла о том, что его ищут.

Марк не до конца поверил в его слова, но всё же не стал давить, ввиду многочисленных источников, где он мог узнать эту информацию. Элай увидел в его руках пару листов бума-

ги и заинтересовался. Но не задал ни единого вопроса, из-за того, что не хотел дальше продолжать с ним диалог. Они простояли смотря друг другу в глаза секунд пять и Марк решил прервать это своим уходом из кабинета, скользя кроссовками по старому паркету. Он уже был в дверном проёме, как вспомнил о второй причине своего прихода: – Стоп. Держи, – развернувшись, отдал несколько листов ему, – Размести!

Марк уже снова хотел уходить, но Элай получивши сразу сие листы в руки, прочитал заголовок и спросил вдогонку:

– Что опять новости под статью?! – Элай подумал, что Вениамин Грамм ещё приготовила ему работы.

– Нет, просто разместить, – он с нервным взглядом развернулся.

Элай одним глазом увидел там некоторые фразы, которые сподвигли, его на вопрос: – Политика? Что? – недоумённо фыркнув, он продолжал рассматривать статью и моментами посматривал на Марка.

– Ну может быть. Что за вопросы? – Марк не вышел с кабинета и продолжил стоять у выхода.

– Кто тебе её дал? – Элай не понял ситуации и продолжал выяснять.

– Никто! А какая разница? Нужно, чтобы она была на первой странице! – Марк не понимал почему Элай задаёт, по его мнению, тупые вопросы, – считая Элая подобным тем, кому он отдавал такие же публикации в прошлом, где ни то

что вопроса к нему не поступало, даже звука не было в его сторону.

Элай решил разобраться на месте и постарался быстро «пробежать» по ней глазами. Всё это время на него злобно смотрел Марк.

Техника чтения у него была отличная. Ему понадобилось меньше минуты чтоб выразить ей приговор. После абсолютного понимания смысла, он просто вынес главные, по его мнению, тезисы, произнеся их в голос.

– «...и в конце концов мы верим и надеемся, что таких несчастных случаев, как с Краповой Алёной – больше не произойдёт! И спасибо нашему меценату Алексею Сильвэстровичу Спавыну. Этот благородной души человек, организовал сегодняшнюю церемонию. И лично присутствовал на ней. Так что просим вас принять участия в ближайших выборах губернатора. Партия Помощи – «Со Спавыным, скоро будет лучше»! Голос...», – он остановился, бросил её на стол, нервно вздохнул и посмотрел ему прямо в глаза.

– Ну да, ты прочитал её, и что? – Марк не понимал намёков.

– Щас подожди, – саркастично, – Сейчас объясню. Хотя в принципе тут нечего объяснять. Лучше просто задать один простой вопрос, – Марк напрягся и уже никуда не спешил, – Не бойся, он риторический, – Элай снова язвительно блеснул, – Ты решил заработать на смерти своей девушки?

После слов комната затихла намертво. Марк обалдел от

Элаевой дерзости, всё что его останавливало от «резких движений», это совершенно спокойная гримаса того же Элая. После высказанного, он ничего не почувствовал. Естественно, Элай понимал, как это может отразиться на его лице, в прямом смысле, но всё же, это его не остановило.

– Я сейчас сделаю вид, что ничего не слышал и уйду. Но не дай бог, эта статья завтра не появится на первой странице, – Марк всё время смотрел в глаза, как и второй и при этом ещё вдобавок, ни разу не моргнув, – Ну я думаю ты меня понял.

– Нет, не выйдет. Так что, в принципе, можешь её забрать обратно, – он потянулся за ней рукой и продолжил, – И запомни, что я не размещаю глупую политическую агитацию.

Как только он посмотрел на Марка, держа и направляя статью к нему, в его лицо полетел кулак, который он не успел парировать. В след за ним Марк ударил Элая левой рукой в живот и второй сразу увернулся в сторону стола. После быстрого уклонения, Марк упёрся в стену, а третий удар, который должен был пойти в след второму – направился в ту же стену. С носа у Элая уже потихоньку начала капать кровь. Он в быстром темпе осмотрел стол, около которого, он невольно оказался и схватил свои фиолетовые ножницы и мгновенно развернулся на сто восемьдесят градусов, чтобы воспользоваться ими. Чуть не зацепившись ножницами за воротник своего же пальто, Элай с огромной злостью полоснул Марка по запястью. В свою очередь уже у второго начала течь кровь, но не сильно. Царапина была не глубокая. В от-

вет Элаю, Марк ещё раз замахнулся и хотел ударить его прямо в бороду, чтобы хоть на какое-то время он потерял равновесие и отобрать у него острый предмет. Но промахнулся, пригнувшись Элай ушёл от удара и постарался отойти от него подальше к противоположной стене. Теперь они поменялись местами и смотрели друг на друга с отдышкой. С лица Марка явно стекал пот, ведь он всё это время находился в очень тёплой парке. Элай старался не делать резких движений, чтобы это закончить. Они вообще не обращали внимание на свои кровотечения. Правая рука Марка уже полностью была красная, а по бороде у Элая стекала небольшая струя, из-за этого, Марк ухмылялся, наслаждаясь тем, что вновь сумел разбить нос Элаю.

– Стоп, – крикнул Элай и демонстративно опускал на пол ножницы, – Я не хочу продолжать, – Марк слушая его, прикидывал свои шансы на один точный удар, но реализовать это ему мешали очень узкие стены, – Я сейчас, это бросаю и ты быстро уходишь... – глаза на выкат и не моргая, говорил он.

И опять на шум, начали сходятся люди. В этот момент открываются двери и в них заходит Лиза, вместе с Владой. Не успев понять, кто вошёл – Элай тут же бросает ножницы в угол, а после этого Марк выскакивает из кабинета, попутно толкнув Элая, Владу и Лизу около дверного проёма. Лиза углядев кровь, без разбора, тут же побежала в ближайший мед пункт, за помощью, решил быть хоть в чём-то полезной,

ведь от одного вида крови, она теряла сознание. Влада же, не успев понять, что произошло и кто её только что толкнул, с вопросом посмотрела на Элая и ужаснулась. Он в свою очередь постарался быстро вытереть лицо руками, но красные разводы по всей шее, лице и немного на одежде – уже было некуда скрыть.

– Ээээ... Это что?! Ты в порядке?! Кто это был?! Как?! За что?! – она судорожно одной рукой доставала смартфон, в порывах вызвать скорую, а второй хотела проверить его шею на порезы, подумав, что одна из ран находится там.

Владислава была в панике, её руки судорожно тряслись и она ели удерживала свой гаджет.

– Стоп, – Элай постарался её остановить, так как понял намерения, и взял её за руки, пытаясь успокоить.

Смотря ей прямо в глаза, он объяснил, что это кровь из носа и она скоро перестанет течь. И что с ним всё нормально.

Влада немного успокоилась, но его руки не захотела отпускать, а сильнее сжала: – Что... Что дальше? Задери голову. Тебе в мед...умытьс...пошли к ракови... – теперь он остановил Владу, соединил её ладошки и немного сжал.

– Всё нормально, не бойся, – говорил плавным тоном.

В этот момент его живот жутко занял от боли, он хотел схватиться за него, но не стал чтобы не пугать её и произнёс: – Я сейчас умоюсь и пойду домой. А Грамму, если спросит, передай, что все будет готово в срок.

Дэриэл шёл по асфальтированной дорожке стараясь уво-

рачиваться от листьев летящих ему навстречу. На нём была тёплая ветровка без капюшона.

Он шагал к остановке, которая находилась в сорока метрах. Около неё уже было небольшое количество людей, собравшихся для «погрузки» в маршрутку. Дэриэл подошёл и стал рассматривать присутствующих в поисках Элиаса. И только зайдя в середину народа, он заметил его сидящего в углу.

Это был парень с русыми волосами и лёгкой бородкой. Одевался всегда более-менее ярко. Даже сейчас, на нём были жёлтые кроссовки, коричневые Джинсы и чёрная куртка, тоже Джинсовая. Его улыбка всегда пробуждала у других хорошее настроение и таким же образом, он нравился девушкам. Друзья и родственники, всегда выделяли в нём одну ярко-выраженную черту, честность.

Подойдя к нему ближе, они встретились взглядами и с облегчением пожали друг другу руки. Потом, они отошли немного в сторону, чтобы пообщаться.

– Почему ты написал именно это место для встречи? – Элиас задал весьма логичный вопрос и сразу же посмотрел через плечо на парня лет двадцати, стоящего около них и курящего сигарету. На Элиаса летело невероятное количество дыма, что естественно ему не нравилось.

– Я к отцу хочу зайти, решил, что эта остановка будет нашим ориентиром. Она находится, как раз по пути, – всё время слушая ответ, он то и делая посматривал на курильщика,

а дым не переставал лететь.

– Ну что, пошли? – спросил Дэриэл.

– Да, пожалуй пой... .

В этот момент подъезжает маршрутка, в которую сразу начинают заскакивать люди и в том числе этот парень с сигаретой. Увидев транспорт, его расстроило, что он не успел до конца докурить и начал судорожно втягивать в себя последние комки дыма. Естественно, Элиаса это огорчило, вспоминая таких людей на личном опыте, которые потом всю эту тучу дыма, выпускают в салон. Он сделал быстрый рывок, благо курильщик стоял и ждал своей очереди зайти, взялся за его воротник кожаной куртки и потянул на себя. Сказать, что парень ошалел – ничего не сказать. Поэтому, он резко развернулся и выдал:

– Да ты охуе... – и сразу же затих увидев двоих парней такого же роста и «раму» побольше с его.

Дэриэл просто смотрел, он быстро понял ситуацию, но решил промолчать и вступать в конфликт только если это будет необходимо.

– Нормально докури, отдышись и заходи в автобус, – сказал Элиас смотря ему прямо в глаза, пока автобус уже отъезжал от остановки по изьямистой дороге, – Да и просто – уважай людей рядом с тобой.

Парень всё выслушал и немного с опаской отошёл, хотя злобного взгляда со своей гримасы не убрал. Элиас повернулся, мол, вот теперь можно идти.

Они сразу же направились по маршруту Дэриэла и он тут же задал вопрос терзающий его уже целый день: – Так, что ты имел в виду, когда писал, что всё плохо? – Элиас тяжело вздохнул, а Дэриэл внимательно смотрел на его лицо и старался не отставать.

– Помнишь позавчера, когда мы пошли на... – его перебил Дэриэл.

– Честно говоря – с трудом. Я помню только как факт, что мы там были. А вот чтобы... Неужели там было всё так плохо?

– Ну, это для кого как... В общем, когда мы разделились, вы с Алисой остались сидеть в беседке, – девушка Элиаса, – Был я тогда конечно под градусом, но не сильно. И в какой-то момент пришёл во вторую гостиную, там никого не было. Я сел на диван передохнуть. Люди начали расходиться. Как слышу плачь... – Дэриэл удивился, – начинаю искать источник и зайдя в следующую комнату – вижу одинокую, ревущую Анабель, – в этот момент Элиас скрежетнул зубами, Дэриэл же не совсем понял о ком идёт речь забежав глазами и Элиас уточнил, – Ломинова... – Дэриэл кивнул, – Я её конечно расспросил, что да как. Ну и оказалось, что у них с её парнем... ну точнее её бывшим парнем... был секс и он почему-то её бросил, – Дэриэл нахмурил брови, – Ещё так интересно, на сколько она мне сказала, он именно после соития её бросил, причём тут же, возможно даже в той комнате – я уже не помню, – эту фразу Элиас закончил с недоумени-

ем и немного на повышенном тоне, – Да и внедряться в эту ситуацию у меня не было желания, я просто принял это как данность и стал уже действовать от этого факта.

– А кто был её парнем?

– Да, кто его знает, кто-то при бабле, – брезгливо.

– Подожди, а это не она мелькала на видео на местный пабликах в мессенджере? Она там вроде и не совсем одетая засветилась.

– Именно так. Этот пацанчик наснимал видео. И до и во время и сразу после семя извержения. Короче контента там вышло на минут тридцать, – Дэриэл хотел задать вопрос, но ответ его опередил, – Подробности не спрашивай. Я был не в курсе, что происходит в другой части дома. И интереса у меня это не вызывало, поэтому не узнавал.

– Семя извержение? – Дэриэл засмеялся, – Ты с каких под начал использовать такие слова.

– С недавних, – с грустью ответил, – После того, как познакомился с юристами... – Дэриэл слегка затих, всё время они шли не останавливаясь, а Элиас продолжал, – Она долго ревела. Я в свою очередь нашёл кухню, сделал ей кофе. Потом посидели немного, поговорили. Я её успокоил, она вроде, как отошла, даже немного начала понимать мои шутки. Увидев это, я понял, что свою миссию я выполнил, попрощался и ушёл. Понимая, что вас уже нет, я решил пройтись пешком. Алиса предупреждала меня, что уйдёт по раньше. Шёл около полутора часа и где-то в три ночи я подошёл к

своему дому. Меня там «очень» неплохо встретили, – он судорожно скривил лицо, Дэриэл остановился, Элиас тоже и посмотрев ему в глаза, моментально ответив, – Отряд полиции... – Дэриэл выпучил глаза.

– Родителей на тот момент не было дома и меня сразу же и без объяснений повязали и повезли в участок. Там меня начали «мурыжить», но всё же я смог выяснить, что Анабель, написала на меня заявление.

Дэриэл ещё больше выпучил глаза.

– Да-да не удивляйтесь, – произнёс Элиас с иронией, – В этом заявлении меня обвиняли в изнасиловании не совершеннолетних. Саму Анабель.

– Подожди... А причём тут несовершенно... – Дэриэла перебил Элиас.

– Ей оказалось ещё семнадцать... – секундное затишье и снова полились вопросы.

– Подожди, какое заявление, ты же не совершал ничего. Почему она это сделала? Где доказательства? Что вообще тогда происходило? – Дэриэл начал жестикулировать руками пытаясь уложить эту абсурдность в своей голове.

– Вот так, примерно, я заговорил, когда мне это сказали. Только намного громче, – угрюмо ответил, – Но ответа, от них, не последовало и я сразу же, получил ударом в грудь, – он поднёс руку к правой груди, чтобы прощупать синяк.

– А ты пытался, ну я не знаю, с ней поговорить чтоли?

– Пытался – ничего не вышло. Оказывается, что суд, уже

запретил мне подходить к ней ближе, чем на сто метров.

– Ну, а свидетели? – Дэриэл глубоко вздохнул.

– На сколько я понял, её отец тупо всех запугал или перекупил. Я даже пробовал поговорить с ней через общих знакомых, но с её окружения никто не захотел пойти мне на встречу. И в принципе, я их могу понять. Идти против потенциального кандидата в губернаторы – страшно. Кто его знает, что будет дальше.

Теперь Элиас глубоко вздохнул, нервно за кляцал зубами и пнул ногой небольшой камень в кусты. Дэриэл же продолжал задавать вопросы:

– А как Алиса?

– Что Алиса?

– Ну как она восприняла эту новость?

– Ну... она поверила мне, – уверенно ответил, – и поддержала. И даже её родители. У нас с ними были не очень хорошие отношения. И представив раньше о том, что случилось сейчас, мне было бы сложно предположить, на какой стороне они бы оказались. Но всё сложилось, как никогда лучше. Они и знакомых на уши подняли и деньгами помогли на адвокатов. Если бы это ещё помогло...

– А на какой стадии пребывает это дело?

– Скоро будет суд, на котором вроде, как всё решиться...

– И когда?

– Дату ещё не определили, но это будет вот-вот. Я так понял они не хотят затягивать.

Они оба затихли и тихо опять пошли по дороге. Элиас достал смартфон, чтобы посмотреть на время. Вытягивая его из кармана куртки, он чуть ли не выронил пачку мятных жвачек. Быстрым захватом двух пальцев, он поймал её за полметра перед землёй и раз уж она оказалась в руках взял себе одну и протянул пачку Дэриэлу. Второй, не отказался.

– Слушай, я, конечно, работал с Ломиновым... но, мне кажется меня он слушать не будет, если я ему позвоню и попр...

– Успокойся... Понятное дело, что тогда, он в лучшем случае, просто положит трубку. А в худшем... даже не хочу думать об этом...

– Это да, но сидеть и ждать тоже не выход...

– А что остаётся? Наши юристы работают со свидетелями, полицией, алиби. А я с Алисой в этом им помогаем, как можем, – следующие три минуты они обдумывали сказанное и услышанное, пока Элиас не созрел, – Ну хорошо, а что там у тебя? – Элиас хотел задать этот вопрос ещё с самого начала, но воздерживался.

– Ты... в курсе? – нервно удивился Дэриэл и сразу приготовил позицию, в которой нужно было не взболтнуть лишнего.

– Да, – сказал с заключительным тоном и как только тот хотел открыть рот, Элиас перебил: – Подожди, я сразу проясню ситуацию, чтобы ты не думал, что у меня есть хоть малейшая мысль, что это ты мог её туда столкнуть. Я к этим

мразям не отношусь и на твоём месте тоже бы не стал обращать внимания.

Эти слова Элиас произнёс совершенно искренни. И Дэриэлу было приятно услышать это, но он не знал, что ответить. Элиас был лучшим другом для него в последние два месяца. И он действительно не хотел ему врать, но и сказать правду не мог, будучи обеспокоенным за свою свободу и в конце концов за жизнь. Нет, он не боялся, что Элиас его выдаст, просто Дэриэл ещё сам не до конца всё осознал. Ведь в действительности, он не ощущал полной ответственности за содеянное, потому что в тот момент не контролировал себя. Это и пугало. За сегодняшний день, который практически полностью, провёл бегая по полицейским отделениям, он много размышлял на этот счёт.

В тот момент, как Элиас сказал это, он действительно почувствовал себя невообразимо плохо, его сжирала собственная совесть. Понимая, что ему нужно что-то ответить, он попытался открыть рот: – Ну... спасибо... – Дэриэл хотел сказать это слово в конце, а перед этим ещё что-то добавить, но как говориться – не дано. Его мозг в этот момент не смог сформулировать ничего внятного.

– Ты что-то подписывал?

– Эээ... Подписку о невыезде и всё. Та я всё равно не собирался никуда выезжать.

– Официальную или просто на бумаге?

– На бумаге.

– Ну как и я... Кстати, а ресторан же прикрыли, видел? – Дэриэл кивнул, – Наверно владелец «Думафеля» решил перестраховаться. Офигеть, за два дня просто вывезли всё. Я там проходил сегодня в обед. Всё оборудование, посуду, мебель и остальной хлам вывезли в кратчайшие сроки, – Мда... а как продвигается твоё дело?

– Ну сегодня я пробыл в участке целый день, первую половину дня с отцом, а вторую с мамой. И так, как у них нет никаких прямых доказательств, – тут он резко добавил, – Как ни странно. Но посадить кого-то нужно. Ещё, конечно, играет роль мой отец, у него довольно большой авторитет и рукопожатен он повсюду в городе, даже с улыбками и уважением. Но мне кажется, это мало чему поможет.

– Как и у меня... – добавил Элиас, – Не важно, что человек невиновен, главное...

Внезапно зазвенел смартфон, который Элиас держал всё время в руках. Разглядывая экран и читая сообщение, Элиас тихо выругался, что сподвигло Дэриэла на вопрос: – Это по «делу»?

– Да... – вздыхая, закивал головой.

Становилось всё холоднее и темнее. Дорогу уже стало намного хуже видно. Большинство фонарей впереди не источали свет. Дэриэл молчал, Элай задумчиво положил смартфон в карман и начал тереть свои ладони от холода.

– Слушай, – Элиас принял решение из сложившейся ситуации, – Только что написала Алиса, – Дэриэл поднял го-

лову, – Яяя... Блин, извини короче... Я не знал... Она написала, что нам срочно нужно встретиться с юристом, там на счёт заседания... – Дэриэл понимающе кивнул, – Так, что если меня не будет, они решат без меня. Алиса уже выехала. В следующий раз обязательно соберёмся. Но сейчас я даже не знаю, когда у меня есть свободная минутка. Думал хотя бы пару часов есть, а оно вон как...

– Я понимаю. Ну тогда удачи тебе там!

– И тебе!

Элиас протянул руку для рукопожатия, Дэриэл тут же протянул свою руку. Они попрощались и Элай в ускоренном темпе пошёл на ту самую автобусную остановку.

Дэриэл смотрел ему вслед, пока не вспомнил, куда он изначально шёл. Потом взялся за голову, потёр ладонями затылок, с разной интенсивностью и по степенно успокаиваясь, произнёс: «Нет, я всё же пойду» – сказал он себе и пошёл к отцу на работу. Дорогу в тёмное время суток ему указывали огромные вмятины на самой дороге. К ремонту которых не принимались уже около двадцати лет. Хотя, он и с закрытыми глазами смог бы туда дойти, учитывая сколько его отец там проработал.

Дэриэл поспешил, чтобы не возвращаться домой в полном мраке. Подойдя к зданию, его узнала местная охрана и пропустила. Дэриэла знали чуть-ли не все сотрудники большинства корпусов.

Он зашёл в пристройку, потом ещё раз показался на про-

ходной, работники даже улыбнулись, увидев знакомое лицо, и Дэриэл уже вошёл в само здание. Первая часть проходной имела форму круга, в котором по середине была небольшая площадь с газоном, под частичным укрытием в виде автоматической крыши, которую регулируют под погоду. Эта часть здания была сделана для психически нездоровых людей, но так скажем «не буйных». Вокруг этой территории был коридор, выхода на который из этого круга было два. Один для пациентов и второй для работников. Первый был закрыт.

Дэриэл прошёл по этому коридору и стал на проходе к пересечению двух других, один из которых вёл непосредственно в середину купола и к переходу в следующую часть корпуса. Но первый коридор, естественно, ограждали от больных, турникетами.

Дэриэл стал с боку и принялся ждать. Его отца уже проинформировали о визите по связи ещё на входе. Дэриэл немного вздохнул и начал от скуки осматривать пациентов. Его взор припал на одну из присутствующих там. Где-то по середине площадки для прогулок (круга) стояла девушка с рыжими волосами, примерно его возраста, но лица не было видно.

Сначала он хотел удивиться, тому, что в подобном месте увидел столь молодую девушку, но на мгновение он кое о чём задумался и в секунду данная картина начала его наталкивать лишь на гнетущие мысли. Он весь день сомневался, но внезапно созрел и всё-таки понял, что может ошибаться. А значит ему нужен тот, кто возможно сможет всё разъяснить

или хотябы что-то подсказать.

«Как думаешь, Дэриэл?», – говорил сам з собой, прищурившись. «Она же моя ровесница... Что же случилось в её жизни, что она оказалась здесь?» – параллельно, он заметил, что смотрела девушка на свою руку, в частности предплечья с которой, как ему показалось, она смахивала пепел или землю. Дэриэл стоял в недоумении и как только он начал пытаться всмотреться в её руки, чтобы понять, могла ли она держать в них что-то запрещённое для пациентов, как на его плечо, положил руку отец, Олег Клынков. И с улыбкой на лице, произнёс: – Ты кого там высматриваешь?

Дэриэл посмотрел на него, и опять развернулся взглядом на ту самую девушку, к которой уже подошли санитары что-то ей говоря и Дэриэл решил откинуть эту мысль. Развернувшись к отцу и непринуждённо ответил: – Та так, фигня.

– Я час назад общался с твоей мамой, если завтра позвонят и скажут приехать, звони мне. Я уже начальство предупредил, съездим ещё раз, – с серьёзным лицом поведал.

– Хорошо, – кивнул, – Спасибо, пап.

Олег достал с кармана пачку и они вместе отошли к углу для курения. С неё, он вынул сигарету и зажигалку. Быстрым движением подпалил и сразу же затянулся. После выдоха в сторону, спросил: – Что хотел? Или уже соскучился просто? – после вопроса у него на лице выступила улыбка.

Дэриэл тоже улыбнулся и кивнул. После второй затяжки, с сигареты повалился пепел, который мгновенно попал на

чисто-белый халат Олега Клынкova. Увидев, он моментально стряхнул и продолжил слушать сына.

– Я вот почему пришёл, помнишь ты предлагал... и я подумал... может и нужно... Так что... – Дэриэл боялся сказать свою мысль в слух.

– Ты о чём? – Олег посмотрел на него с не пониманием в глазах и на секунду задумался, – Аа... Я тебя понял, – Дэриэл кивнул, – Хорошо. Светлана Фурустэвич – хорошая психотерапевтка. Я с ней поговорю и назначу вам день для встречи. Как договорюсь – я тебе дам знать. Ладно?

– Да, – у Дэриэла не получилось сказать это вслух и полностью, но за него всё сделали, – Ну хорошо тогда, буду идти – сказал Дэриэл.

– Уже? – удивлённо посмотрел на него Олег Клынков туша сигарету об урну.

– Уже, – Дэриэл виновато кивнул, – Мне ещё нужно одному другу помочь, говорил сам не справится. Просил быть по раньше. А к тебе, мне по пути было, решил зайти. Звонить не хотел. Так-то, я очень спешу.

– Ах так... – Олег с имитировал обиженное лицо, – Ну ладно... – Дэриэл знал, что это была его игра и искренне улыбнулся.

Они обнялись и спокойными походками разошлись в разные стороны.

Выйдя из здания, Дэриэл посмотрел на время на наручных часах. По дороге на улицу Дэлилу, он забежал в Ламель,

решив потратить последние деньги, лежавшие в кармане ещё с первого числа.

Тук-Тук. Стук в двери. С середины дома слышны медленные и неуверенные шаги, которые недоверчиво остановились перед дверьми. Десять секунд стояла тишина и как только Дэриэл опустил лицо на часы, Джына резко открыла. Из-за чего слегка его напугала. Она стояла в грязной от пыли синей футболке и серых Джинсах, естественно в обтяжку, это можно было заметить по ключам, лежавшим в её переднем кармане, их можно было пересчитать не вытягивая. За ней было видно старый шкаф, стоявший по середине комнаты. Она уже около часа старалась передвинуть его. Чтобы вскоре выбросить на свалку. Джына смотрела на гостя и поправляла волосы скручивая их в пучок. Причина была простой, она просто не успела вчера вымыть голову и решила этого не показывать. Перед ней стоял Дэриэл с маленьким прозрачным пакетиком. Джына увидев через полиэтилен наполнение кулька, радостно вскрикнула: – Чай? – и протянула руки, чтобы посмотреть какой именно.

Дэриэл поддержал её хорошее расположение духа и добавил с улыбкой, вытягивая из кармана: – С лимоном!

- Глава 4 -

День, одиннадцать часов. Преподаватель истории начинает пару.

– Итак, сегодня у нас практическое занятие, так что к доске пойдёт... – большинство из семнадцати студентов, находящихся в аудитории сжались на стульях, – Тавроэв!

Выдохнув, Милан толкнул Марвина Тавроэва, который сидел рядом с ним и всматривался в экран планшета. Марвин обратил на него внимание и одного взгляда Милана было достаточно, чтобы сообразить в чём дело.

– Й-Я?! – он обратился к преподавателю.

– Да! – сухо ответил Алексей Григорович.

– У меня нь... – заикался, – У меня не получится! Можно не я...

– Нет, нельзя. У тебя всё получится!

Студент медленно и немного со злостью к жизни, идёт к доске. Остановившись, устало смотрит на неё, стараясь сосредоточиться.

– Почему стоишь? – Марвин открыл рот для того чтобы начать говорить, – Сотри всё с доски, – его перебил преподаватель.

Он стёр и положил обратно мочалку.

– Всё стер? Молодец, я же тебе говорил, что у тебя всё получится, иди садись. Сэквойя – к доске.

Услышав, Марвин радостно побежал на своё место, а Алиса Сэквойя с непониманием и злым удивлением демонстративно поднялась со своего места. После чего пошла к доске. Попутно ловя на себе кучу взглядов, а особенно Милана, который по-дружески смеялся ей в след. И процитировал своего отца – «Земля – мёртвого найдёт».

У доски, Алиса начала рассказывать заданную тему на сегодня. Хотя и не рада была опросу, но тему она знала. Милану было не интересно, как и всем сидящим в этой аудитории, кроме преподавателя конечно. Они учились на юристов, и история по понятным причинам, в своём расписании их только злила. Но ничего не поделаешь, приходилось сдавать и её. Милан немного отвлёкся и решил осмотреться, ведь в этой аудитории, он был второй раз за два года. В этом учреждении существовало правило. Аудитории прикреплялись, к учащимся группам и они следили за её сохранностью. И так повелось, что и плакаты там были соответственно сделаны студентами и для студентов. Например, на стене этой аудитории красовались плакаты с фотографией одного из древних философов и его якобы цитатой: «Девушки учатся лучше мальчиков, потому что им нечего класть на учёбу». Также и другие: «Ты молод? Образован? Полон идей? Жаждешь работать и зарабатывать, но не знаешь с чего начать? Жаль...». Ну и т.д. Можно было подумать, что работники учреждения будут против такого, но нет. Все отнеслись к такому довольно нормально.

Не успев Милан дочитать остальное, как в аудиторию заходит другая преподавательница и начинается объявление.

– Всем доброго дня! Спешу сообщить вам, что сегодня в актовом зале будет мероприятие, – по рядам студентов прошла волна вопросов между собой, оглашающий преподаватель это заметила и добавила, – Кто не в курсе, это в честь Дня учителя/преподавателя! – укоризненно сказала преподавательница.

Марвин сидел в непонимании на счёт сегодняшней даты и решил переспросить.

– А я ду-думал в честь Всемирного дня животных...

– Он вчера был! Сегодня седьмое! – язвительно крикнула всё та же преподавательница.

Марвин понял свою оплошность, чем позабавил всех присутствующих, которые начали немного посмеиваться, но так чтобы никто не увидел. Даже Алексей Григорович подставил ко рту кулак, чтобы, так скажем, пустить смешок.

– В честь этого, пара будет короткой и естественно последней, – добавила преподавательница.

Все студенты сразу взбодрились – услышав столь отличную новость. В том числе и Алексей Григорович, он тихим жестом дал знать Алисе, о том, что она может садиться на своё место, а хорошую оценку она уже заработала. И продолжил слушать.

– Спасибо за внимание, – она вышла и закрыла дверь.

Пара вернулась на круги своя. У Милана за сегодня, это

уже была вторая и за время перемены, он всерьёз задумывался, чтобы не пойти на неё, но в последний момент его увидел Алексей Григорович и деваться не было куда. А так, как пары уже не будет, да и тетрадь у него была одна, он её положил во внутренний карман кофты, потом поднялся с места и не спеша, стараясь не мешать присутствующим, вышел из аудитории. Студентам на паре разрешалось спокойно выходить, когда им захочется или будет нужно, предполагалось, что это поспособствует удобству студентам, которые при первой необходимости организма будут выходить и тем самым не мешать.

Закрыв за собой двери, Милан стал наблюдал ситуацию. В коридоре находилось много студентов, а в конце стояла преподавательница рисования, что-то им вещая. Преподавательница представляла собой девушку двадцати четырёх лет, симпатичной наружности. К которой у Милана было довольно не однозначное отношение. Хотя на самом деле предмет, который преподавала она, был более профильным и обособленным, но Милан понимал его, как рисование. В конце прошлого года, когда Дима Вуурин закрывал свою сессию, а первый уже свою – закрыл, то они вместе, по просьбе Милана, ходили на её консультации. Там он, ввиду не знания ей всех студентов в лицо, научился рисовать дерево, прошу прощение, красивое дерево. Ну и естественно узнал её поближе. Человеком она была добрым, но ответственным.

Милан, увидел, как та самая Лалис Погорил вещала около пятидесяти студентам какую-то информацию на счёт их же

будущих экзаменов. Милан прошёл немного в глубь собравшихся и стал приблизительно по середине, чтобы удобно было смотреть. И совершенно не стесняясь ничего, он начал откровенно пялиться на неё. Но по большей части его интересовало только лицо. Это он пояснял и Диме, на тех самых консультациях, что конечно второму показалось странным, так как её лицо, по его скромному мнению, далеко уступало её формам, но не стал лишнего говорить и тем более спорить, ввиду своего отсутствия к этому интереса. Сегодня Лалис накрутила себе волосы на плойке, что было очень даже красиво и нанесла на глаза тушь в небольшом количестве. Губы... Милан не успел рассмотреть точный оттенок помады, ему помешал чей-то грубый и громкий голос, но очень знакомый.

Милан начал оборачиваться и смотреть на других присутствующих, стоявших около него и искать причину. Сначала ему на глаза ничего неприятного не попадалось, пока он не услышал опять этот, по его мнению, мерзкий звук и уже повернулся к источнику. Справа от него, около стены сидел на стуле ещё один преподаватель, тоже довольно молодой, лет двадцати девяти и вместе с ним двое студенток, выглядящих как первокурсницы, максимум второй. Его Милан знал лично и прекрасно осознавал, что это учитель. Им был Александр Михайлович, именно ему Дима покрасил инструменты под конец третьего курса. А источником оказался смех этого мужчины, он видимо смеялся над шутками, которые

сам же и «травил». А вот почему звук не понравился Милану, большинство людей смеётся на выдохе, а этот человек смеялся на вдохе, вы можете сами попробовать и понять, что за звук будет исходить. Милан нервно посмотрел на него и постарался абстрагироваться. Снова развернулся к Лалис лицом и боковым зрением увидел несколько студентов, зло смотрящих в сторону тех троих, что мешало ему не обращать внимания.

После, он решил просто отойти, чтобы не слышать. Не вышло. Теперь уже сами студентки начали громко смеяться, а тот хохоча продолжал рассказывать. И уже сама Лалис мельком обратила на них внимание, но не подавала виду что ей мешают.

После Милан резко изменил свои планы, развернулся и подойдя к нему – не стесняясь и достаточно размахнувшись дал ему неплохого подзатыльника. Удар был не сильным и тем самым не громким, услышали и заметили это только те, кто был рядом. Студентки перепугались и раскрыв глаза на максимум, выбежали с коридора. Те, кому тоже «посчастливилось» быть свидетелем этой ситуации, медленно и незаметно для всех отошли с такими же выпученными глазами, не понимая, что будет дальше. Таких было не много, максимум человек пять, все остальные остались в неведении. Милан наклонился к его уху и обычным голосом, произнёс: – По тише, пожалуйста...

И ушёл, став поближе к противоположной стене. Внезап-

но, Лалис и все студенты начали расходиться, вся информация ею была дана и все узнали всё, что хотели. Тот самый преподаватель встал с места и был в ярости. Милан услышал скрип стула, но ему было откровенно всё равно, это даже не заставило его оторвать взгляд от Лалис заходящей в лифт. Преподаватель не мог равнозначно отреагировать на случившейся. Стоя увидев, что сие момент почти никто не углядел, расчётливо посмотрел во все глаза на Милана, левой рукой поправив причёску и с красным лицом от гнева направился к лифту.

Оставшийся студены перешёптывались, время от времени бросали взгляды на Милана, а потом незамедлительно ушли. Потихоньку в коридоре людей ставало всё меньше и меньше. Милан начал спокойно смотреть на уходящие спины.

– Милка! – раздался громкий зов, с правой стороны коридора.

Милан понял, что это обращаются к нему и с ухмылкой повернулся.

На стуле около стены, сидел Марвин и улыбочиво махал ему. Марвин, только что пришёл и ничего до этого не видел. А вот Дэриэл, стоявший у самой стены и пришедший за долго, всё чётко наблюдал, но виду не подал, просто молча поприветствовал. Милан подошёл и демонстративно замахнулся около лица Марвина рукой, на что второй отреагировал позитивно и ожидая этого. Прозвище «Милка», он получил естественно исходя из своего имени и понятное дело,

оно ему не нравилось. Называли его так, только друзья или враги.

– Домой идёшь? – спросил Дэриэл, держа в руках стакан зелёного чая, купившего себе, пять минут назад.

– Да, только я думаю после перемены... – зевая закончил Милан и опёрся об стену, ввиду нехватки стула.

Резко вспомнив и воспользовавшись секундным молчанием остальных, Марвин легко пнул своей ногой ногу Дэриэла, чтобы обратить внимание и начал рассказывать: – Слушайте. И-история. Вчера на перемене хо... одил похавать. Стою в очереди, – Дэриэл услышав начало, заинтересовался, Милан же хоть и не смотрел на него, а разминал кисти, но тоже слушал, – за мной стоят две подружки. Одна говорит: «Беру тут кофе на обезжиренном молоке, и есть больше не хочется и худею по не многу», – пауза, – А вторая говорит: «Да? Я тоже на диете. Ну тогда... Наверно, и я возьму. Дайте пожалуйста...», говорит продавщице, «Мне кофе на обезжиренном молоке... и пии-ирожок с мясом», – закончил и вместе с Дэриэлом засмеялся.

– Да, интересные люди, – Дэриэл.

– Но их не трудно понять, – добавил Марвин.

Милан тоже хихикнул, а отсмеявшись Клынков сменил опорную ногу, на которую придавал груз всего тела и продолжил стоять. Дальше из той же аудитории, с которой вышел Милан, появились ещё несколько людей и к ним подошли двое девушек. Алиса и Сабрина. И вторая сразу игри-

во попыталась сбросить Марвина со стула и сесть сама, она была весьма взбалмошной, но он был готов к этому и не дал себя так провести. Первая же подошла вплотную к Милану и по-дружески положила на его плечё левую руку, а второй держала и читала буклет.

– Снова ты?! – спросил Милан.

– Ну конечно! – Алиса.

– Что поставил, опять пять?

– Ну конечно! – уже с улыбкой.

– Ну тогда пошла отсюда, – Милан легко толкнул её в сторону, а потом засмотревшись на буклет в её руках, потянул обратно и забрал его себе.

Увидев в нём пару картинок и название, Милан незамедлительно поинтересовался: – Ты что себе татуировку хочешь сделать?! – не дав ей ответить, он решил додумать ответ за неё, – Ты лучше парня себе уже найди! Думаешь я не знаю, что ты ночью делаешь? Свет ведь горит, а окно находится, если ты не забыла, прям напротив моего, – он поиграл бровями.

Все улыбнулись после слов Милана и продолжили смотреть, что будет дальше.

– Нет парня – нет проблем, – Алиса отшутилась и постаралась забрать буклет, но Милан отдалил руку.

– У парня! – резко добавила Сабрина.

Услышав это, Милан одобрительно закивал головой. В ответ ему, Алиса смешно и демонстративно оскалила зубы,

быстро ухватила и забрала буклет, ответив при этом: – Нет, это не я хочу себе татушку.

– Я хочу! – сказала Сабрина и снова попыталась сбросить Марвина.

Марвин начал уже руками держаться за стул и пытаться помешать ей ногами. Во время этой «борьбы», Алиса внезапно что-то углядела и заинтересовано подошла к Сабрине сзади, чтобы осмотреть её рубашку. Она провела по ней лёгкими касаниями и убедившись в своих догадках, отвела её на пол метра от всех и при этом, тихо, но нервно прошептала, чтобы никто из других не услышал: – Вчерашняя рубашка... Ты что опять дома не ночевала? – укоризненно.

– Не важно, – удивлённо и бегая зрачками.

После чего Сабрина Глависьна тут же обернулась к твоим парням.

– Кстати! – выкрикнул Марвин, обращаясь ко всем пятерым, – На счёт та-ату. Вспомнил, одну историю, отец рассказывал, – все опять начали внимательно слушать, особенно последняя, – Пару лет назад, мой отец ездил в командировку и познакомился там с одним мастером та-ату. Говорит, что у них была вечная проблема-а. Значит, постоянно приходят малолетки и просят сделать иероглифы. «Какие иероглифы?» – спрашивает мастер. «Ну чтоб прикольной!» – по-онятный ответ.

– Ну он додумался взять пару импортных консервов и с них брать эти символы. И вот самое интересное, уже как семь

лет, по миру хо-о-одят люди с надписями в переводе, типа: «Съесть до ноября следующего года», «Со-сом», «Жирность», «Если просрочиться, присылать по этому адресу...» и т. д.

Сразу после слов все неистово «ржали», так как по-другому это не назовёшь.

– А если серьёзно, – Сабрина старалась отдышаться от смеха параллельно говорить, – Я хочу себе тату. Кто-нибудь знает, есть тату обозначающее скорость?

Не успев никто ответить, как с угла появляется Женя и слышав вопрос ещё будучи за поворотом, в быстром темпе и без доли смеха в глазах, отвечает: – Знаю, пройденный путь поделить на время.

Никто из присутствующих не понял, что он сказал. Но это и не заботило их, всех интересовало лишь одно. Почему лицо Жени было побито. Под глазом слабо замазан тональником небольшой фингал, верхняя и нижняя губа разбита, левая сторона шеи была очень красная, а местами даже синяя и на левом глазу был чётко виден синяк около зрачка.

– Милан, Дер, можно вас? – Женя попросил их отойти, ибо не знал никого из девушек.

Взглянув на которых, лишь кивнул из вежливости и протянул руку Марвину, чтобы поздороваться. Марвин ответил взаимностью, Дэриэл ужаснулся, а Милан уже на нервах смотрел на Женю и оба, молча пошли за ним. В паре метрах, сразу начался диалог: – Кто? Когда?

– Вчера. Марк с пацанами. Меня и Клима.

– Клима тоже? Как он? – спрашивал только Милан.

– Вроде норм. Ему меньше досталось, – Женя, говоря, по-сматривал и на Дэриэла.

– За что? Сколько их было?

– Не знаю за что. Они ничего не говорили в процессе. Трое. Нам кстати повезло, что Марвин проходил мимо. Он подбежал к нам и они побоялись три на три и ушли. Он помог очухаться и не бояться за дальнейшую дорогу, – и благодарительно кивнул в сторону Марвина, где тот смотрел на них и ответил аналогично.

Милан тоже обернулся на Марвина, но расстерянным взглядом.

Паралельно диалогу, с угла выглянул идущий с последней пары Дима. Он очень удивился троим друзьям, находящимся в его учебном корпусе. Но тут же заметив Марвина неподалёку их, решил не показываться на глаза. А спокойно вернулся обратно. Его никто не углядел.

– Ты так на паре сидел? – Дэриэл.

– Нет, у меня только две следующие пары должны были быть.

– Вы уже что-то предпринимали?

– Ну я предлагал Климу пойти в полицию, снять вместе побои, но он сказал, что это не поможет.

– Он прав, это бесполезно, – Милан вздохнул.

– Знаю. Поэтому я предлагал прийти не с пустыми рука-

ми.

– Чувак, – Милан улыбнулся, – Это конечно неплохая мысль, но не сработает с такими людьми.

– Клим и это говорил, – честно сказал Женя, – Вот поэтому я пришёл сейчас к тебе, – Милан задумчиво слушал, – Ты говорил, что у тебя отец работает в полиции, может...

– Я понял... я бы с радостью, но он работает, скажем так, не в той области. Занимается наркотиками и всё что с ними связано. И никто не даст ему возможность влезть туда, куда он хочет. Я уже с ним говорил на такие темы, – Милан задумался, – Да и знакомых у него там нет. И честно говоря, я этому рад, не назвал бы их адекватными людьми.

– Ясно... – Женя с грустными глазами затих, – То есть вариантов больше нет и нужно просто забыть про это?

Весь диалог был исполнен в максимально быстром темпе. Во время диалога лицо Милана редко издавало хоть какие-то эмоции, настрой полностью на поглощение информации и сохранение чистого рассудка.

– Нееет, такого нельзя забывать... и у меня, на этот случай, есть один вариант. А пока, пошли домой, – и хлопнул Дэриэла по плечу.

Прокрутив ключом в замочной скважине, Клим вошёл в свой дом. Зайдя, он посадил совёнка на пуфик и погладил, аккуратно снял куртку и повесил в стенной шкаф-купе вместе с шарфом. Посмотрелся в зеркало, чтобы оценить, свой замазанный тональником фингал на левом глазу и разбитую

левую часть бороды. «Вроде незаметно, но всё ещё болит» – сказал он себе. Медленно снимая кроссовки, Клим услышал разговоры в квартире, что сильно его удивило, ведь его родители должны были приехать только завтра. Разувшись, к нему на звуки закрытия двери пришла мать. Она была одета в тёмное, вечерние платье и на каблуках.

– Ты уже пришёл? Почему так рано? – спросила она удивлённым взглядом.

– Так пары закончились. Две пары и три консультации... вроде даже поздно. А я думал вы завтра... – перебила мама.

– Ну да, но мы передумали, – она развернулась к зеркалу и поправила причёску, – У нас появился веский повод.

– Ну хорошо, – он потянулся к Вере, чтобы взять её на руки.

– Так, стоп! – сказала Александра Филомэнко.

Сова испугалась, ведь это был практически крик, она спрыгнула с пуфика и походкой пингвина, побежала в сторону комнаты, но Клим её поймал и посадил на ладонь.

– У нас гости. Если хочешь сидеть за столом – её не приноси. А оставь где-нибудь в ванной.

– Хоро... – он задумался и через пару секунд, продолжил, – А я не голоден, – Клим всё же был не прочь поесть, но ему нужно было покормить Веру, поэтому решил пойти на маленькие жертвы.

Клим забрал с куртки маленькую жестяную баночку и держал её в руках.

– Ну тогда хорошо, – сказала мать и они вместе направились в гостиную.

Идя, Клим смотрел на баночку и читал её название шёпотом, – Перепелиный фарш. Мда... – говорил он с совой, – Я даже не думал, что найду такое...

На это совёнок как будто пискнул, но возможно Климу и показалось.

– Мам?

– Да?

– А что за гости?

– Наши старые бизнес-партнёры. Помнишь семью Понник? У них ещё дочка, на год старше тебя.

– Аа... Конечно, как можно их забыть! А вы что? Опять партнёрами стали... – Клим не договорил. Они зашли в гостиную и он увидел ту самую дочку, сидящую за столом, с волосами золотого цвета и смотрящую в экран смартфона.

В зале стоял огромный стол, на котором красовались куча разнообразных блюд и деликатесов. Его отец, сидел на краю стола и увидев его, поднялся и поприветствовал Клима рукопожатием и тоже не совсем здраво посмотрел на сову, но ничего не сказал, ввиду уже собравшихся гостей.

Клим увидел взгляд отца и хотел сказать, что уже уходит, но его сбили с мысли.

– Клим, как я рада тебя видеть. Как ты повзрослел за эти годы! – сказала мать семьи Понник, Эалла Понник, – Как твои дела?

Клим быстрым движением спрятал баночку в карман джинсов цвета ртути и попытался любезно ответить на вопрос. Он только начал складывать слова в предложение и не успев сказать даже: «Спасибо за беспокойство, у меня как всегда хорошо» – раздался небольшой крик. Что не очень понравилось Лэопольду Филомэнко, он угрюмо искал источник и причину крика. Им послужила дочь семьи Понник, Елизавета. Она не сразу заметила, как Клим вошёл. Но вскоре услышав и подняв глаза на него, она увидела, кого он держит в руках и крикнула – «Сова!». Лиза подбежала к нему, со словами «Привет! Как же я тебя давно не видела» и крепко обняла его. Клим от неожиданности, насколько сильно она выросла, случайно даже прижал Веру в ладони, на что вторая ответила укусом Клим за нготь и ринулась перелезть на плечё.

– Привет... – Клим растерялся и не смог практически больше ничего сказать.

Потом она приблизила к совёнку своё лицо, на тот момент, он уже был на плече, и гладила его двумя пальцами правой руки. Вере, видимо, нравилось, как её перья взъерошиваются, судя по реакции. Лиза настолько приблизилась, что родители Клим, сильно забеспокоились и отец громким тоном обратился к Климу: – Так, я же тебе говорил, что нельзя подходить с ним к столу, на котором едят, а тем более к гостям, она ведь может...

Подойдя к дочке, Эалла Понник посмотрела на совёнка и

уверенно перебила на её мнение, Лэопольда Филомэнко, хорошей новостью: – Да почему... посмотрите на неё... это же «она», я так понимаю? – Клим чувствуя за спиной тяжелый взгляд отца, кивнул, – Мне кажется, она безопасна, – на её лице начала появляться улыбка и она добавила, – Да ещё и такая миленькая.

Услышав, Лиза развернулась к маме и тоже улыбнулась. Для Клима это были хорошие новости, но всё же он знал, что его родители, были против.

Дальше сидящий за столом мужчина, державший гранёный стакан с алкоголем, слушая и обдумывая, решил высказать свой вердикт: – Я, – отец семейства Понник, – Тоже думаю, что это безопасно, – потом небольшая пауза, за которую Лэопольд немного сменил своё отношение к Эззну Понник, – А где вы её взяли? – Эззн задал вопрос, параллельно открывая бутылку бурбона, – Купили?

– Нет, я её нашёл в лесу, – ответил Клим, – Он видимо по всему выпал из гнезда, а найти это гнездо – я не смог. Ну и оставил себе...

– Что естественно было плохой идеей, – добавила Александра Филомэнко.

– Ну да... – снова виновато Клим посмотрел, – Ладно... спасибо... я не голоден, так что...

Семья Понник удивилась. И особенно Эззн: – Ты куда-то уходишь?

– Неет, я буду дома, на втором.

Семья Филомэнко имела свой бизнес, по большей части, в сфере продажи бижутерии и владела большими состояниями, так что их жилой дом был огромен. Он состоял с трёх этажей, в каждом из которых было всё для существования. Туалет, кухня, гостиная, ванная, игровая, личный кабинет и другое. То есть по факту, все трое членов семьи жили отдельно от друг друга.

– Ааа... так ты не уходишь... ну так отлично. А то я думал, что мы уже соврали Элизе, – отец её так называл, – Она согласилась идти сюда, только если здесь будешь ты.

Лиза быстро развернулась к отцу и смущённо посмотрела на него, из-за того, что он взболтнул лишнего. Эзл виновато улыбнулся, её мама тоже. Климу очень льстил, этот факт и они с Лизой, встретились взглядами.

– Ну тогда, если хочешь, пошли со мной, – сказал ей, – Мне нужно совёнка, покормить.

Клим подошёл к деревянным ступенькам и начал подниматься вверх. Лиза легко кивнула и пошла за ним. Когда он увидел, что она не была обута в тапочки, а только в белые тряпичные чулки, он протянул руку к одной из полок на лестничном коридоре, в основном такие полки делают для цветов или рамок с фотографией, но в этом случае там лежали самые ситуационные вещи. Клим взял оттуда одну пару бежевого цвета и опустил их к ногам Лизы.

– Вот держи, так будет теплее, – она согласилась и обула их.

Эалла улыбнулась при виде этой ситуации. А Эззн, параллельно, встал со стула и втихую выключил пультом телевизор, который всё это время выдавал свою интерпритацию новостей. Лэпольд заметил это, дёрнувшись, но промолчал.

На секунду Клим вспомнил, что закончил перестановку в гостиной третьего этажа, о чём просил его отец и решил оповестить его об этом. Но родители Климa уже не смотрели на него, вернувшись к своему разговору. Достав договор, Лэопольд и Александра обсуждали детали сделки и она что-то настойчиво ему пыталась объяснить, тыча указательным пальцем в листок бумаги. Клим понял, что сейчас не подходящее время для этого и они с Лизой поднялись на второй этаж.

Поднимаясь, Лиза решила поинтересоваться: – А у неё есть имя?

– Да, конечно – Вера.

– Вера? – они уже были на втором этаже, – Интересно... – в её голову закралась плохая мысль, но она не решилась об этом спросить.

Совёнок ели держался у него плече, и то и дело мог упасть, но для того, чтобы этого не случилось, он вцепился клювом в клетчатую рубашку Климa. Потом они повернули налево. Зайдя на кухню, Клим достал с кармана жестяную баночку, которую Лиза из любопытства, игриво выдернула у него из рук. Клим удивился.

– Это корм... она только такое ест, – поставил на барную

стойку маленькое блюдечко.

– Ничего себе, – она выпучила глаза после прочитанного названия на банке, – А где ты такое достал? В интернете?

– Нет, через Ламель, у нас так быстрее.

– А где открывашка? – Клим уже взял её и держал в руке.

– А зачем тебе?

– Открыть... ты же кормить его собрался?

– Ну да. Так... я сам могу.

– Так, а какая разница? – Клим с непонятностью на лице, дал её ей.

Она моментально начала раскурочивать и буквально за шесть секунд, банка была открыта. После увиденного Клим поражённо посмотрел на неё. Лиза увидев такую реакцию озадачилась: – Что-то не так?

– Да ничего... а как ты научилась так... мне бы больше двадцати секунд понадобилось...

– Аа... так у меня собака дома. Его еда запаковывается точно в такие жестяные банки. Мне поэтому и интересно стало чем кормить собрался.

– Интересно... – заулыбался Клим, – Хотел бы я посмотреть на него. Давно я собак не видел. А как зовут?

– Зовут – Серый... Ну так приходи... мы живем во всё том же доме...

– Эм... – Клим замешкался, – Давно я там уже не был...

– Это да... – Лиза опустила глаза и насыпала немного корма на маленькую тарелку.

Как только Вера увидела это, сразу же рванула к еде. Она начала быстро спускаться по руке Клима и раскрывать клюв. Лиза наблюдала за этим и мило улыбалась. Клим в этот момент смотрел только на Лизу.

– А тот сад ещё остался, в котором мы играли? – на Клима налетела волна воспоминаний.

Лиза убрала вылезшую на глаза прядь волос за ухо и продолжила:

– Ну не совсем конечно... там за эти годы уже почти всё развалилось и заросло.

– Понятно... – Клим с улыбкой вспоминал, как они вдвоем ещё маленькими бегали по нему летом, – Лиз...

– Да? – Лиза склонилась над барной стойкой, смотря на совёнка, как он ест и пальцем левой руки водила по шершавой и острой крышки этой жестяной банки. Ей нравился звук дергающейся кожи об жёсть, но услышав обращение к её персоне, подняла голову, продолжая водить пальцем.

– А вот ты помнишь, почему наши родители перестали дружить? Я расспрашивал, но так и не понял сути, мне тогда и четырнадцати не было. И вообще, по-моему, они немного юлили, – она смотрела на него своими голубыми глазами, прикусив губу, не зная, как тактично ответить на его вопрос, – Да и про то, что они уже вновь общаются и сотрудничают, я тоже узнал только сегодня...

– А что тебе говорили твои родители, конечно, если не секрет? – Лиза решила узнать, его версию перед тем, как рас-

сказать ему правду.

– Оо, та уже сложно вспомнить. Ну там было о том, что ювелирный магазин, который держали наши родители, – Лиза кивнула, – Стал приносить нехилые доходы и когда уже велись разговоры о открытии нового филиала и о том, кто будет фактическим владельцем, то вот тут начались споры...

Параллельно со словами Клима, Вера уже наелась и захотела сойти с барной стойки, видимо сесть на свою новую жёрдочку, которую ей купил Клим. Тот это заметил, и как обычно, не мешал. Совёнок подошёл к концу стойки и готовился прыгнуть с неё. Высота примерно – 1,25 метра. Увидев это краем глаза и не зная, о истинных замыслах пернатого, Лиза подумала, что сова сейчас свалиться и предполагая, что та не умеет летать, в следствии покалечиться. Поэтому резко развернувшись на девяносто градусов, она попыталась словить его.левой рукой. Той, которой водила по жести. И вот из-за такого поворота, не успев убрать руку от острого, у неё произошёл надрез на руке от указательного пальца до середины ладони.

Лиза не знала, что Вере ничего не угрожало, ведь для таких случаев Клим положил под стойку большую подушку. Ну из-за угла, её не было видно.

Поймав той самой рукой, держа её и видя течение крови, она не знала, что делать. Порез был не глубокий, но длинный, что естественно повлекло за собой действительно неплохой поток крови. Клим не сразу увидел это. Но углядев

уже почти полностью красную левую руку Лизы, перья Веры и в конце концов, стоящую с выпученными глазами в ступоре саму Лизу, он вспомнил один «яркий» момент из своего детства. Эта история у Клима пронеслась перед глазами за секунду.

Когда им было по одиннадцать и десять лет, Лиза и Клим приезжали к его бабушки. И в какой-то день, они вдвоём из любопытства зашли в мастерскую и начали рассматривать хлам, что накопился за несколько десятилетий. Большинство вещей находилось в каких-то связанных мешках. И чтоб понять, что в них, Клим начал ощупывать. Ощупал первый и понял, что там газеты, размотал и смотрел. Лизу это заинтересовало, и она решила узнать, что находится в остальных. Во втором оказалась кукурузная крупа, в третьем – лук, а вот с четвёртым Лизе не повезло. Там был металлический мусор. Начав ощупывать этот мешок обоими руками, она почувствовала что-то твёрдое, а через мгновение ощутила небольшую теплоту в руках и с недоумением развернулась к Климу, со словами: – Тут что-то тяжёлое...

Клим сразу не посмотрел на её, а читал газету двадцатилетней давности. И только через пару секунд поднял голову, увидев её красные от крови руки и начал кричать.

Лиза озадачено обернулась и застыла от ужаса. С этого мешка торчали старые заржавевшие лезвия от бритвы, но всё ещё острые. Клим продолжал ей кричать, пытаясь сказать, что нужно идти в дом, там есть бинт и всё остальное. Но она

не реагировала, а тупо стояла, смотря как с её рук стекала красная субстанция. Она даже не кричала. Хотя конечно, в начале, она хотела, пока была хоть немного в адекватном состоянии, но потом застыла.

История закончилась для неё хорошо. Сначала Клим снял с себя футболку и перемотал ей обе руки, дальше отвёл в дом и уже там, продезинфицировал рану и наложил, с помощью бабушки, нормальные бинты. В процессе этого, Лиза почти не выходила из этого «транса». В тот день Клим впервые от бабушки узнал, что существует вот такая проблема у людей, точнее фобия, боязнь крови.

Кровь уже капала на плитку. Он резко рванул к ней, осторожно одной рукой отобрал сову и положил на подушку, второй зажал поток крови и повёл за собой в следующую комнату.

Дорога от кухни до комнаты уже виднелась красным горошком на плитке. Зайдя, Клим сразу же открыл ящик в шкафу. Достал пластырь, бинт и спирт. Одной рукой продезинфицировал, нацепил большой, двухслойный пластырь с молнией и поверх перевязал ей порез, через всю ладонь и палец. Во время того как Клим лил дезинфектор, она даже не пискнула.

Лиза продолжала всё время смотреть на свою руку. Завязывая узелок и обрезая лишние концы бинта, Клим, убедился, что кровь не видно и бинт прилегал к кисти Лизы. А потом уже, начал пытаться вывести её из стазиса. Всячески

махая руками перед её лицом, щёлкая пальцами и лёгкими пощёчинами, чем немного испачкал её щеки в крови. Ничего не помогло. Поэтому, решил поступить, как и его бабушка девять лет назад – достал нашатырь. Вдохнув немного реанимирующего пара, Лизе стало немного лучше. Она зашевелила головой, осмотрела комнату, потом снова взглянула на свою забинтованную руку и произнесла: – Опять... – она подняла глаза на Клима.

– Да, опять. Как и девять лет назад, – прискорбно выдал.

– Спасибо тебе, – хмуро и устало улыбнулась, – А где мы?

– В другой комнате. Всё в порядке? Тебе лучше?

– Да, всё отлично.

– Как рука? Не болит? Не чувствуешь, кровь продолжает идти?

– Только пульсирует, но кровь не чувствую... – улыбнулась кончиком рта.

– Хорошо. Тогда пошли на кухню, мне нужно теперь всё это вытереть, – они поднялись со стульев и пошли назад на кухню, – Осторожно, на полу кровь.

Лиза шла не уверенно, шатаясь в разные стороны. Они подошли к раковине и Клим пропустил её, первой умыться. Она начала мыть руки, но делала это слишком медленно. Ещё не отошла. Он это заметил и подойдя к ней слева, включил тёплую воду посильнее. Потом поднёс свои к воде и стараясь не намочить бинт, начал обмывать ей руки. Лиза поблагодарила его улыбкой.

Её руки через полминуты, были уже чисты, как и Клима, которые вымылись в процессе. Они стояли около барной стойки и приходили в себя. В воздухе была неловкая пауза. Лиза тяжело вздыхала и смотрела на Клима завидуя его уверенности и спокойствию. Клим же, смотрел на её руку, боясь, что где-то напортачил, завязывая бинт. Потом медленно поднял глаза и увидел небольшие оставшиеся разводы крови её на щеках. Улыбнулся, уверенно открыл кран, намочил руку и пошёл к ней. Она стояла не двигаясь, в непонимании. Клим подошёл, и вытер ей щёки. Потом опустил руку, чтобы показать смесь крови и воды на ладони и добавил: – А за это, извини... – и прискорбно улыбнулся.

Лиза медленно провела рукой по своей мокрой щеке и посмотрела на его ладонь. Дыхание Клима участилось, он смотрел в её глаза и не знал, как снова повернуть диалог в прежние русло. Единственная идея, которая ему пришла в голову это спросить:

– Лиз... – она подняла голову, – Ты не в курсе, что наши родители там так долго обсуждают... – Лиза не дослушав его вопроса, сделала рывок к нему и приложив свою правую, мокрую руку к его левой стороне лица, поцеловала его, в губы.

Лиза думала это сделать, ещё, как только увидела его, но храбрости хватило лишь сейчас, да и момент был почти идеален для неё. После поцелуя продолжительностью в полторы секунды, Клим нервно отпрянул от Лизы. Проблема в том,

что из-за большого страха и неуверенности, она слишком сильно надавила рукой, на его фингал. Плюс ко всему, мокрая поверхность руки поспособствовала частично, снятию тональника с лица Клим.

Для него это было слишком резко и неожиданно. Отойдя от неё где-то на метр, он ухватился за свой левый глаз, который уже начал зудеть. Лиза недоумённо и обиженно смотрела на него:

– Тебе не понравилось... – она рефлекторно сжала руку в кулак и не договорив вопрос, почувствовала что-то не естественное, пучками пальцев.

Потом резко взглянула на Клим, который, кстати, уже убрал руку с лица и ужаснулась: – Это что?! Фингал? Кто тебя так? – она подошла поближе.

– Да, но... – Клим не знал, что ответить, Лиза же вновь пыталась прислонить руку к его глазу, – Подожди, не надо, – он остановил.

Они замолчали и смотрели друг на друга. Клим стоял и не мог вместить в голове разные мысли, одна из которых: «Меня поцеловала Лиза, самая красивая девушка моего школьного класса. Второй лучший друг из детства...». Продолжалось это секунд восемь, пока Клим не решился и не поцеловал её сам. Ему было стыдно, завести разговор о том, откуда у него эти подбития и решил закрыть тему, вот так. Она держала его за плечи, он же держал свои руки у неё на спине. В обоих закрыты глаза. Это продолжалось на протяжении двух

минут, пока Лиза с учащённым дыханием не остановилась, чтобы сказать пару слов:

– Я хотела сделать это ещё в школе, – слушая её, Клим не знал, куда лучше смотреть, в глаза или же на губы, по которым, уже в разные стороны, была размазанная помада, – На выпускном... но тогда у меня не хватило смелости.

– Подожди... Я тебе тогда нравился?

Лиза решила не отвечать на этот глупый вопрос, просто умилительно улыбнулась и положила свою забинтованную руку, теперь уже на правую часть лица Клима для того, чтобы продолжить всё тот же процесс. Как резко зазвонил смартфон. Она совершенно нехотя остановилась. Доставая его с кармана и смотря при этом Климу в глаза, в её голову прокрадывалось желание, выбросить смартфон в окно, даже не смотря на то, что это может быть очень важно. Но всё-таки, Лиза прочла.

– Что там? – Клим поинтересовался.

– Мама пишет, что пора уходить... нам ещё нужно закупить оборудования... – Клим хотел что-то сказать, но она его перебила, – слушай, приходи завтра... – Клим снова хотел что-то сказать, но нет, – Ну или после завтра... или когда сможешь... адрес ты знаешь... – неуверенно и не давая ни секунды на ответ, талдычила Лиза.

– Хэх, – Клим влюблённо посмотрел на неё, и тихо добавил, – Обязательно... А пока, – он уже принял тот факт, что времени у них нет, – Поможешь мне? – неуверенно достал

тональник с кармана.

Лиза кивнула и принялась исправлять свою ошибку. Заняло это минуту. После они ещё пару секунд переглянулись и Клим, нехотя, повёл её к выходу.

Услышав, что их родители находятся около дверей, Лиза поцеловала его губы на прощание. После чего, Клим по её наводке вытер свои губы. И она побежала впереди него ко входу, одеваться. Клим обычной походкой прошёл по коридору к своему отцу, который провожал уже одетую семью Понник. Все ждали Лизу. Она ловко подбежала к шкафу и быстро одела своё пальто и перчатки, да так, что никто даже не заметил повязки, на её руке. Полминуты и все уже были готовы к выходу. Перед открытием дверей, Клим произнёс: – До свидания.

Взамен он услышал аналогичное, от её родителей, а от Лизы лёгкую улыбку. Двери закрылись. Лёопольд Филомэнко, внимательно взглянул на Клима и ему показалось, что губы второго не естественно красные, но через секунду, он откинул эту мысль и ушёл, ни сказав ни слова, в свой кабинет по левую сторону гостиной. Клим же засмотрелся на входную дверь и размышлял на разные темы. Потом вспомнил про сову и решил снова подняться на верх и посмотреть, всё ли в порядке с ним сейчас. Как только он подошёл к лестнице, зазвонил смартфон. Он поднял трубку, где услышал резкую фразу в свой адрес:

– Ало, дурак, ты шо дыбил?

– Ало, – Клим узнал голос и юмор Димы, – Да, привет.

– Привет, слушай... – неловкая пауза, – Я тут узнал... короче, как ты? Нормально всё?

– Если ты о вчерашнем – то нормально.

– То есть, чувствуешь себя неплохо?

– Ну сегодня с утра было не очень, а вот сейчас уже даже отлично! Честно.

– Ну тогда хорошо... слушай, может выйдем сегодня? Погуляем. Я звонил Дэриэлу – он не против.

– А я с Жекой общался, он сегодня не может, а вот завтра – только за.

– Завтра говоришь? Тогда договорились, я ещё Милану перезвоню потом. Давай, Толян, пока, – опять юмор Димы.

– И тебе! – с улыбкой закончил Клим и положил трубку.

Дима засунул смартфон в карман, параллельно бросая взгляд на разные, яркие картины, висевшие у него дома на стене. За авторством его же. Дальше он сел за стол и увидел, как его папа, сидя за тем же столом, переключал пультом каналы на маленькой плазме, что подтолкнуло Диму на некую мысль.

– Пап?

– Аа...

– Ты вот замечал, – на лице Димы появилась улыбка, – насколько быстро исчезает доверие к своим близким, когда ты ищешь пульт от телевизора?

Сергей Вуурин развернулся к сыну с немим вопросом: –

Эээ... Ты о чём?

– О чём? – Дима ещё больше заулыбался, – Давай я тебе процитирую ваш диалог с мамой, перед тем, как я вышел из комнаты. Твои слова к маме: «Ты сидишь на пульте?». Мама: «Нет». Ты: «Встань».

Сергей Вуурын дико захохотал. Мама Димы подходя с тарелкой салата, поставила её на стол и подхватила эту тему: – Вот-вот, я же тебе говорила, что не брала её! Следующий раз не встану! И помогать искать не буду!

– Так, – с серьёзными глазами Сергей Вуурын посмотрел на свою жену, – Я тебя когда-то купил, так что – молчи!

– В смысле купил? – Юлия Вуурына в недоумении даже забыла о жарящейся, курке в духовке. К слову, Дима тоже не понял сути и слушал дальше.

– А ты забыла, как я тебя на свадьбе выкупил?

– Так там же какие-то копейки были... – с выпученными глазами Юлия смотрела на своего мужа.

– Ну копейки не копейки, а сколько просили за столько и купил.

Услышав это, Юлия не смогла придумать никакого контраргумента и ушла за курицей с полными глазами раздражённости. Дима, уже не мочь держать в себе смех, после ухода матери – не громко проржался. А отец – улыбнулся.

Потом Дима встал поправить тарелки на столе и попить воды из стакана.

– Кстати, история, пока не забыл, – сказал отец, – Недав-

но общался со старым товарищем... Он рассказывал, что у него друг работает, в одной из восточных стран, на крайнем севере, от туда к ближайшему населенному пункту – двести тысяч километров и... – он остановился, глядя на смех подавившегося водой Димы.

– Что такое? – поинтересовался отец.

– Да так... – ухмыльнулся Дима, – Точно уверен, что двести тысяч?

– Ну конечно...

– А ничего, что земля по экватору всего сорок тысяч? Может там двадцать?

– Это точно? – задумчиво спросил Сергей.

– Однозначно!

– Ну может и двадцать... – отец Димы немного разочаровался в этой истории, – Но это уже не так звучит.

– Это да... – согласился Дима и уже уверенно допил воду.

Потом поправил рукава своей фиолетовой футболки и сел обратно. Сергей же продолжил смотреть в экран телевизора и тщательно подбирать контент, который он будет сегодня впитывать.

– Так, ну и всё, – сказала Юлия, поставив на стол жареную курицу.

На столе в этот момент уже находились несколько блюд и все с аппетитом начали накладывать еду на тарелки. Дима положил себе три ложки салата, также картошки и мяса, после чего начал умеренно есть.

– Дим, ну что, ты решил на счёт своего дня рождения? Вы будете куда-то идти? – спросила Юлия Вуурына.

– Ну, наверное, да, – немного невнятно сказал он, ввиду жевания еды в этот момент, – Точно ещё не знаю.

– А почему нужно куда-то идти, нас скорей всего дома не будет, могли бы и здесь сесть. В чём проблема? – поинтересовался отец семейства.

– Пааап, – мягкотело ответил Дима, – Знаю я ваше: «нас не будет». Я помню уже приходил с друзьями. Тебе напомнить, чем это закончилось?

Мама Димы наострила уши, ведь этого случая она не слышала.

– Ты о том случае, что был три года назад? – Дима кивнул, – Я что-то ничего плохого там, не припоминаю.

– Нет, для тебя то, как раз было отлично. А у нас был праздник – День студента. Ты мне сказал, что вас не будет. Мы пришли...

Мама перебила его тревожным взглядом: – Вы случаем ничего не разбили?

– Нет мам, ничего. Да не про это история. Так вот... Дальше через час возвращается папа. Думаю, понятно, хотел уже всех провожать, но ни тут-то было. Он оказывается тоже был, скажем так, в хорошем расположении духа.

Тут Юлия начала не двузначно смотреть на Сергея, но тот попытался немо отмахиваться и всячески отрекаться от слов Димы.

– Стоп. Этого не было! – сказал Сергей переглядываясь.

– Всм... – Дима осмотрел реакцию своей мамы и уверенно продолжил, – Мааам, да какая разница, это было три года назад. Так вот, я не закончил. На моё удивление, он просто сделал себе чай. И сел вместе с нами. А потом, через некоторое время начал травить истории. Сначала, как в армии дрался со сослуживцами. Естественно в нашей компании, никто не мог потягаться с таким жизненным опытом, – после этих слов самооценка Сергея Вуурына, явно поднялась, – Потом, как двадцать лет назад заблудившись на отдыхе, в каком-то курорте, ты не смог найти выход к цивилизованной части этого полуострова и от голода съел обезьяну, – мать Дима закивала головой, давая понять, что эту историю, она знает, – Или ещё как накурился в студенческие годы и катался в лифте, а позже пошёл к детской площадке на «качельки».

– Это да, – улыбнулся папа Димы, – Так я не понял, а что плохого то?

– Я же говорю – тебе ничего. А у нас другие планы были тогда, на этот вечер... – Сергей задумался и начал анализировать слова сына, – Та короче паап, главное, что я сюда приглашать никого не буду и точка.

– Дим, а деньги у тебя есть чтобы куда-то пойти? Тебе хватает? – поинтересовалась Юлия, – Просто у нас с папой сейчас трудных период... – Сергей нахмурился, – Ну как всегда. Зима, осень... под лето всё улучшиться... – перебивает отец,

пока Дима понимающе кивает.

– Ну подожди... подожди... – по доброму, – Что-то же мы выделить ему сможем.

– Не нужно, – спокойно выдал Дима, – Серьёзно. У меня есть немного, плюс ещё пацаны подарят же. Я думаю хватит, – уверенно закончил.

– Точно? А как с днём рождения Клим? У него ведь вскоре после твоего. На подарок хватит?

– Это уже мои проблемы. Я с ними сам разберусь, – и подмигнул обоим.

– Тогда я рада, – Юлия кивнула и решила закрыть тему.

Дима к этому моменту уже вдоволь наелся. Потом достал с середины стола, нарезанный хлеб. И из того же места подвинул тарелку с вареньем. Взял чайную ложку и намазал поверху. Сразу же осторожно преподнёс его ко рту, чтобы в незамедлительном порядке съесть, не запачкав футболку. Параллельно увидев, что родители заняты едой, достал смартфон и начал медленно просматривать новостную ленту месенджера.

Вечер, тёмные улицы и редко проезжающие машины. Милан достал смартфон, чтобы во-первых, удивиться на сколько рано заканчивается смена у полиции, патрулировавшая его улицу, которую он наблюдал только что и во-вторых, посмотреть на время и понять на сколько, он уже опаздывает домой. Посмотрел, оказалось не на много, всего лишь на каких-то два часа.

Засунув руки в карман, от холода, Милан возненавидел эту погоду. Но не из-за того, что ему холодно, иммунитет у него был отличный, то есть заболеть при таких условиях в теории он не мог. Просто осень ему не нравилась своей дождливостью, а судя по тучам, он мог начаться в любой момент. «Как думаешь Милан, ты достаточно сегодня нагулялся или нет?» – задал сам себе вопрос и остановился на перекрёстке. Машин – не было, да и ездили здесь они редко из-за паршивой дороги. Милан задумался. Он прогуливался каждый день в разных направлениях, обходя вдоль и поперёк, открывая для себя новые просторы своего города. И вот стоя там, он не знал идти ли ему домой или же ещё пройтись. «Лаадно, домой так домой...» – решил и повернул налево.

По левую сторону его руки, было пару двух этажных домов, а дальше небольшой сад. В нём он разглядел двух парней на деревянной лавочке. Милан вальяжно прошёл мимо них и остановился около крайнего дерева. Стал и начал спокойно наблюдать за ними. Они его не увидели и продолжали беседовать. Говорили они о чём-то смешном, Милан не слышал контекста, но его это не заботило. Одного звали Калэб, а второго Эдуард. Он их узнал. Со стороны, они внушали доверие, да и вели себя подобающе, не смотря на то, что в такое время на улицах Дэлилы – это редкость. Милан методично всматривался в каждого по несколько секунд, потом посмотрел на часы и задумался. В данный момент его тяготело сегодняшние время суток, и что он действительно уже

опаздывает. Но через секунду, он справился с этой мыслью и уверенно направился к ним. Калэб, сидя на лавочке, рассказывал своё мнение, а Эдик зашнуровывал ботинки рядом со скамейкой и слушал его. На спине у Милана висел рюкзак на правом плече, на одной лямке. Подтянув левой рукой его к себе поближе, с правого бокового кармана, он мастерски достал травматический пистолет. И всё ещё, той самой походкой, пошёл к ним. Подойдя и будучи уже в двух метрах, Милан направил пистолет на Калэба и пока тот, только поднимал на него голову, услышав надвигающиеся на него шаги, Милан холоднокровно нажал на курок. Резиновая пуля попала ровно в то место, куда он намеревался попасть. В коленную чашечку. Калэба откинуло и сбросило с лавочки на Эдика. Как только Эдик услышал выстрел, он поднялся, но Калэб был довольно крупных размеров и толкнул его своим телом, что повлекло за собой «изучения асфальта» обоих. Эта ситуация позабавила Милана, ведь он думал, что ему придется потратить две пули на то, чтобы сбросить обоих с ног.

– Чё пацаны? Как дела? – Милан зловеще сказал в их сторону и щёлкнул пальцами левой руки.

Эдик и Калэб были в ужасе. Калэб в шоковом состоянии шупал своё колено, подумав, что Милан стрелял с огнестрела. Но на самом деле, там всего лишь начинала образовываться гематома. Эдик пытаясь найти правильное решение и выйти с этой экстренной ситуации, не нашёл ничего лучше,

чем попытаться резко напасть на Минала и отобрать оружие. Но как только он успел подняться, Милан тут же выстрелил ему в левое плечо и его отбросило на землю, что было уже помягче, чем асфальт. И естественно вторая гематома была уже на подходе, только у Эдика. Оба эти выстрелы были тихими, ибо Милан знал толк в травматике, которую себе приобретал. И понимал, что главное не давать им сильно орать и никто сюда не сбежится. После второго выстрела, отойдя от шока, Калэб крикнул: – СУКА!! МИЛКА, ЧТО ТЫ ТВОРИШЬ?!

– Не ори, придурок... – Милан ответил, – А за то, что меня назвал... – и снова выстрелил ему, но уже в ягодицы. В этот момент Милан не целился и попал случайно, так что, в принципе, он мог запросто промазать во мраке.

После второго выстрела, Калэб понял, что это не смертельно и начал корчиться уже от боли в двух местах. Эдик продолжал лежать, он полностью понимал сложившееся ситуацию и как она может закончиться. Поэтому развернулся к нему лицом, не двигался и не дёргался, смотря ему в глаза.

– Ну чё пацаны... чья идея была избить вчера двоих? – он осмотрелся и продолжил, – А Марк где? Я рассчитывал и на него, – Милан с жуткой улыбкой смотрел на них и крутил в правой руке пистолет для пушного устрашения.

Они оба молчали, ибо знали Милана и боялись его. Он был довольно интересной личностью в кругах района, большинство людей, которые его знали, не могли охарактеризо-

вать Милана в двух словах и говорили просто: «Веди себя перед ним по-людски и будет тебе счастье». Милан внимательно переводил взгляды, от одного на другого ожидая ответа. Но ничего не услышал и поэтому продолжил задавать вопросы: – Вы, чё, сука? – он уже не выдержал и слегка поднял тон, – Отвечайте, – и пальнул Эдику в грудь, – Где эта мразь?

Эдик скрутился от боли. Увидев, что Милан не остановиться, Калэб крикнул: – Его здесь нет, он с утра уехал из города... не знаю куда...

Милан злостно и поистине с дьявольской ненавистью, посмотрел на него.

– Я не врууу, – Калэба охватил ещё больший страх, увидев этот дьявольский взор, – Он сам мне скаааз... ал, – под конец Калэб даже заикнулся.

Милан демонстративно оскалив зубы, задумался. И поправил причёску, причесав свои чёрные волосы на левую сторону.

– Та мы их по приколу, не наша идея была... Марка... А они что, твои друзья? – жалостливо и с пищащим хрипом спросил Калэб, – Да? Ну мы же не знали...

Милан услышал это и расчётливо подошёл к нему, направляя пистолет прямо в глотку. Увидев это, Калэб выпучил глаза и чуть ли не заорал, благо Милан схватил его за затылок и преподнёс пистолет к виску.

– А КАКАЯ НАХУЙ РАЗНИЦА, КТО ОНИ?! ДЛЯ ТЕБЯ

ЕСТЬ РАЗНИЦА?! – сорвался.

– Нет, нет, нет, извини-извини!! – в этот момент Калэб действительно забеспокоился за свою жизнь. Милан с этим пистолетом выглядел как настоящий маньяк. На его лице уже больше минуты не сходила улыбка безумия. Естественно, это было только на публику. И да, в глубине души у Милана к этим двоим была ненависть, но сдержанная.

– А почему этот молчит? – со странной «искрой» в глазах спросил Милан и отпустил Калэба.

– Не знаю... – ответил Калэб.

Эдик с невероятным ужасом, посмотрел на Милана. Всё это время, он лежал и не вставал, даже не пытаясь что-то сделать или как-то разругить ситуацию.

– Так, что? Я думаю... нужно ударить его за это... тебе... – Милан посмотрел на Калэба с улыбкой, – Он молчит... а ты за него тут отдуваешься. Или ты считаешь, что он этого не заслужил?

Калэб занервничал и произнёс: – Ну...

Милан нацелил на него пистолет и приподнял левую бровь, ожидая ответа.

– Нет, конечно заслужил... – ответ был дан.

Они оба с Эдиком нервно переглянулись и без слов пришли к одному возможному решению этой ситуации. Калэб начал медленно подползать к Эдику. В этот момент Эдуард не знал, как реагировать на эту ситуацию. Ползя по шершавому асфальту, а потом по земле, Калэб всё же добрался до

него и с небольшого размаха приложился в правое плечё, удар был не очень сильным, но для виду Эдик якобы скорчился от боли.

– Неплохо, – сказал Милан, – Ну а теперь, наверное, твоя очередь... – он посмотрел на Эдика и тоже направил на него дуло.

Эдик с жалостливыми глазами, не знал, что ответить. И после нескольких секунд молчания и скитаний мыслей в голове, приготовившись к очередной пуле в свою сторону, выдал: – Я не буду этого делать, – и сразу же сжал зубы и при закрыл глаза.

– Аа... ну как хочешь... я же никого не заставляю. Это ваше дело, – непринуждённо прокомментировал Милан, он так любил шутить.

Эдик и Калэб переглянулись и в глазах первого виднелась злоба ко второму. Калэб же не понял, что произошло, и просто лежал с выпученными глазами.

– Значит так, – сказал Милан, – Если я узнаю, что вы ещё кого-то тронули – я приду ещё раз. А Марка – я найду сам. Передавайте ему привет.

Они оба кивнули. И Милан уже собирался уходить, но после сделанного шага – он резко рассмеялся. И снова повернулся к ним, которые уже собирались вставать с рыхлой земли.

– Кстати! – они резко снова упали на землю, – Знаете, что в этой ситуации самое смешное? – Калэб зашатал головой и

продолжил смотреть ему в глаза, Эдик молчал и ждал, когда можно уже будет подняться, – Самое смешное в этой ситуации то, что мой отец работает в полиции... – Милан ещё сильнее рассмеялся, – И мне ничего за это не будет! – и ушёл домой. А парни лежали на земле, пока Милан не зашел за рог улицы и уже тогда пытались встать.

– Интерлюдия 2 –

«Сводки по столице за неделю: смертей в автокатастрофе – 13; смертей домашнего насилия – детской/взрослой, 17/9; смертей по неосторожности – 9; уличных смертей – 33; смертей политиков – 1; смертей журналистов – 3; самоубийств – 21; смертей на мосту (самоубийств) – 11.

Уголовных дел, заведённых после этих происшествий: 11.

*Примечание 1: новая рубрика, с именем «Не смертельно, но пробирает», где буду описывать самый «яркий» случай за неделю, где в конечном итоге были пострадавшие, но без летального.

Со слов очевидцев. Ламель. Касса супермаркета. Стоит женщина и ждёт пока её покупки посчитают. Впереди неё мужчина, расплатившись собирает всё по пакетам. Женщине уже дают сдачу, она начинает забирать её с монетницы и внезапно, тот мужчина, со всей силы хватает её за руку, и кричит: «Стой!». Женщина испугалась попытки воровства и постаралась спрятать в карман все свои деньги, на что получила быстрый удар по лицу от этой персоны. Факт: сотрясение мозга и пока ещё просто открытое уголовное дело. Со слов мужчины, оказывается, он так себя повёл, ибо не успел забрать НАКЛЕЕЧКИ, которые так любезно дал ему Ламель, для дальнейших скидок. Женщина об этом даже не задумывалась. Виновный сообщил, что об поступке не жалеет и не

раскаивается.

Приветствую. Перед главной темой, хочу рассказать, о своих наблюдениях. С каждым днём, мне всё больше кажется, что меня пытаются выследить. В моём районе, в тёмное время суток, стали появляться странные люди, которые норовят спросить о моей деятельности у кого бы, то ни было. Поэтому, я хочу им передать, что не боюсь и не перестану заниматься тем, чем занимаюсь.

А дальше к теме. Вчера был свидетелем судебного слушания, по делу Анатолия Григоровича Ламеля и его сети супермаркетов, который выступал против Алексея Сильвэстровича Спавина. Я не особо горел желанием, смотреть на это, но всё же пошёл. Ведь, все мы понимаем, что прямых доказательств, по делу Анатолия, нет. Только лишь домыслы. А если бы и были, то до суда, они бы точно не «дожили». Опять же, все мы понимаем, что Анатолий Григорович, пошёл в суд, из простого страха, который его ни к чему хорошему, не приведёт.

Длилось это около двух часов, всё время Анатолий, «испражнялся» разными популистическими высказываниями и тупыми лозунгами, уровня, не допустите этого беспредела. И если вы не знали, то самого Спавина, на заседании – не было. Только пару доверенных его лиц и адвокат.

Откровенно говоря, это было посмешище. Да, если смотреть на это с взглядов простых, собравшихся людей в том зале, то Ламель устроил настоящую тираду. Голословность,

красноречие, обвинение своего противника во всех смертных грехах, да так, что я уверен, никто даже не усомнился в его словах. Но стоило лишь, посмотреть на это, со стороны знающего и понимающего человека в юрисдикции и праве, то эти слова, превращаются в пыль, ничем не подкреплённую за собой и пустой тратой времени. На секунду, мне даже показалось, что его же собственный адвокат, смеялся с него, но потом резко закрыл лицо, чтобы никто не заметил.

Никто и никогда не сможет выиграть дело в судах нашей республики, пока тех самых судей назначает подконтрольные дупутаты Верфи Главе республики! Ну неужели этого не поняли даже те, кто имеет бизнес здесь... Я даже не смотрю уже на то, что у Анатолия нет доказательств о давлении на него через третьих лиц. Хотя это, напомним, не имеет значения.

Так, этот судебный процесс, ничем путным и не закончился. Но всё же дело закрывать не стали. Перенесли на следующую неделю. Не знаю почему... может Спавын ещё денег не перевёл суду на карточку. Или ещё что-то. Ну в любом случае Анатолию Григоровичу – ничего не светит. И скорей всего, его бизнесу осталось жить, меньше года, а то и месяца...

Впрочем, закончим с Анатолием. Поговорить я хотел не о нём, я уже сказал своё окончательное мнение о этом человеке. А поговорить я хочу, о судах, в принципе.

Люблю я бывать на судебных заседаниях... и это нежела-

ние увидеть несчастных людей, выходящих из этой залы с пустыми карманами или поломанной жизнью, а просто наблюдение за людьми, без лишних эмоций. Я считаю, что каждый должен, ознакомиться с такой неотъемлемой частью нашей жизни. Или, как минимум, знать свои права. Если, конечно, ещё этого не сделали.

Вы спросите, зачем? Если мне понадобится, то я обязательно всё узнаю и ознакомлюсь или выйду с любой непреодолимой ситуации. Ведь так? Я уверяю вас, два года назад, я думал также.

Так вот. Эти же два года назад, я проходил, вместе с другом, практику, в разных учреждениях. В их списке, также был суд. За это время, а это около двух месяцев, я наблюдал, за многими случаями. Начну, пожалуй, с одного примера. Одна супружеская пара – решила развестись. По воле случая, я знал этих людей. Лично. До этого, они жили в моём доме, прекрасные люди, да и дочь у них была хоть и маленькая, но не громкая, что самое важное. А потом переехали. И через, где-то, полгода, я узнаю, что буду свидетелем их развода. Я, конечно, удивился, ведь знал их как действительно любящую друг друга пару. Но как говорить, что имеем, что имеем. Так вот, прихожу на заседание. Сажусь, достаю листочек и жду начала. Я даже понятие не имел, во что это выльется. Походу этого, они кричали друг на друга, орали матом. По-моему, кто-то из них даже пытался плюнуть друг на друга. Я сидел и не мог поверить, ведь это, та же самая лю-

бовная пара, которые ещё недавно ходили за ручку, целовались на лавочке, дарили друг другу подарки. И самое смешное, что причина развода тривиальна – симпатия пропала. И начали неистово ненавидеть друг друга. Дошло до того, что в один момент, они начали в суде, делить, внимание, КУХОННЫЕ ПРИБОРЫ. На это у них ушло больше получаса! Там в списке было много чего: кастрюли, вилки, ложки, ножи и даже полотенца! Причём они не вылитые с драгоценных металлов – простая нержавейка и кафельная посуда. А самое интересное, что её мужу, почти ничего не досталось. Только лишь на одном основании, что он мужчина, а ей нужно содержать ребёнка. На которого у него, как постановил суд, больше нет никаких прав.

И возьму на себя такое право, говорить, что вот так и закончилась жизнь, в этого мужчины. У него не осталось, на тот момент, живых родителей, семьи, работы и возможно друзей, с его стороны, на суде, никого не было. И он спрыгнул с моста. Правда, случилось это через два месяца.

Тот человек, который, по моей просьбе, учил меня чинить розетки. Остался гол, без права на ребёнка, без квартиры и ещё обязан на алименты. И вот возвращаемся назад к мысли, ведь он тоже, как и большинство из вас, не знал своих прав. Думал, что если у него будут какие-то проблемы, то он их в миг решит.

И таких историй у меня масса. Например, жил слепой инвалид. Дедушка с собакой поводырём. Собака безумно ум-

ная, понимающая, для этого дедушки был настоящим другом. И вот семилетний ребёнок, решил посмеяться над дедушкой и забрать у него палку, собака, разумеется зарычала, но не больше. Тут же выскочила его мама, накинулась на собаку и начала избивать дедушку. А одна девушка, увидев сложившееся ситуацию, сначала попыталась объяснить этой даме, а потом не выдержав, дала другой палкой, этой мадам по роже. Сидит теперь, второй год пошёл уж, из семи. Ещё помню, как эта же самая мать, после установления срока и количества моральной компенсации, подошла и демонстративно сказала: «В следующий раз, смотри с какой машины выходит тот, на кого ты кидаешься». Интересно, не правда ли?

Потом слушал дело одного школьника. И как совершенно нелепый случай, привёл к непоправимым последствиям. Седьмой класс. Последний урок. Все договорились не идти, а сбежать домой. Один из класса, я уже не помню, то ли не услышал, то ли его не было. Не важно. Главное, что он, не зная этого, пришёл на урок. Учитель увидел это и оценил. Поставив ему одному хорошую оценку, а всем – двойки. И за это, его на следующий день за школой избили всем составом этого класса. Вышел у этого парня целый «букет»: сотрясение мозга, несколько переломанных рёбер, две поломанные руки, а главное зацеплен позвоночник, что естественно приковало его к инвалидной коляске, навсегда. А вот виновных – не нашли. Их было настолько много, что в итоге, оказалось

– ни одного.

Но вы скажите, ну да бывают плохие люди, но хорошие ведь тоже побеждают в судах. Да, побеждают, но их было так мало, что в конце практики, я около трёх недель подряд, не наблюдал их. А дел было много, около девяти надень чтоли. И когда это всё же случилось, девушка судилась с мужчиной, который её избил, а доказательств было очень мало, хотя все понимали, кто прав, а кто нет, я подошёл и сфотографировался с ней. Увековечил на память так скажем.

А о простых случаях, где, например, как недавно двое «мажоров», ой извините, сыновей высокопоставленных офицеров полиции, разбили прохожему парню мошонку, просто так, а за это, им по судебному указанию, этот парень, ещё и должен был платить компенсацию, хоть и не большую. Или какой-то там, глава коммерческой компании, решил скинуть все недостатки на одного из сотрудников, совершенно не виноватом в этом, а он, не найдя никого выхода или помощи со стороны общества, тоже спрыгнул с моста и как по мне зря, сейчас эти долги повесили на его семью. Ну и обыденные случаи ДТП, когда пешеходов сбивают насмерть, велосипедистов или мотоциклистов и им ничего за этого не предъявляют – я и говорить не хочу. Эти люди даже в суд не приходят, они заранее переводят на конкретные счета, нужную сумму.

И это я даже тысячную часть случаев не рассказал. Так вот, я уверен на девяносто три процента, что прочитав сие,

вы всё равно считаете, что однажды встряв в такой или подобной этим ситуаций, вы бы решили её даже не напрягаясь. Вас бы не заставили, ни платить кому-то деньги, если вина лежит не на вас, ни что-либо другое. Да и в принципе, вы бы не попали бы в подобную ситуацию, ведь вы такой умный и смекалистый, что выкрутились бы с любой передраги. Короче говоря, точно также, как думали все эти выше перечисленные люди. Смотря на них перед судебным заседанием, на их лицах виднелась уверенность и рвение к тому, что всё будет отлично и через пару часов, они поедут домой. Ну, а после заседания... хотелось помочь им хоть чем-то, но в голову лезла только одна мысль, а именно: «Жаль, что у меня нет знакомого плотника...».

Парень с ноутбуком |23.08|

– Глава 5 -

– Я, пожалуй, возьму что-нибудь лёгкое, чтобы не испортить фигуру.

– Блять, Элай, я тебе лицо сейчас испорчу! Я для чего тебя звал? Бери шкаф и потащили! – сказал нервно Дэриэл на что второй улыбнулся и ухватился.

Они худо-бедно перетасили старый и облезлый шкаф из одного угла дома, в противоположный. С большим шумом, но всё же поставили его на пол и не надорвались, шкаф был увесистый. Одновременно устало выдохнув. В этот момент, в комнату вбежала Джына, чем слегка напугала обоих, ведь стояли они к ней спиной. В знак благодарности она вручила обоим, по кружке зелёного чая.

– Вот вам, передохните.

– Ааагааа, – измотано ответили они, в унисон.

Они взяли чашки в руки и сели в той же комнате, за стол. Сложили руки на него и начали потихоньку, попивать чай. Элай, пил большими глотками, он ещё в детстве научился пить и есть, не остывшую еду. Дэриэл же не мог позволить себе такую «роскошь» и ожидал пока остынет.

– Да, кстати, – вскрикнула Джына, – Там ещё одна старая, деревянная тумбочка, на кухне осталась. Поможете выбросить?

Дэриэл, поставив чашку на стол, без тени сомнения, уже

начал подниматься со стула. Но Элай его остановил: – Подожди, пей чай. Я уже свой допил, – и поставил пустую чашку на стол, – Я вынесу, мне всё равно на улицу нужно.

Дэриэл одарил его благодарным взглядом и Элай с Джыной, направились на кухню. Он остался сидеть один и через минуту, услышал из кухни, голос Элая, который гласил о какой-то тяжелой «хреновине». Дэриэл сидел в небольшой комнате, в которой были белые стены и деревянный пол. Из мебели, там был старый шкаф, стол на четырёх человек, четыре уже разваливающихся, но весьма симпатичных стула и один зелёный пуфик. Он засмотрелся на последнего, где только что сидела Джына, вспомнив, как этот же самый пуфик, ещё год назад, он сам сюда заносил, когда они все вместе, приходили сюда. Всё больше всматриваясь в него, он начал с приятной улыбкой, вспоминать.

Милан и Женя, уже сидели за столом и обсуждали Женину новую курсовую работу. Как тут, в эту комнату, с большой голословностью, заходит Дима с Климом и идущим немного сзади, смеющимся Дэриэлом. Параллельно идя к столу, Дима с большим энтузиазмом, что-то рассказывал Климу, на что тот, только улыбался, осторожно держа Веру. И только когда эта троица, была уже в двух метрах от стола, Женя и Милан, могли слышать, о чём идёт речь:

– ...возраст – это всего лишь цифра. Он не определяет ум человека и его взгляды на жизнь. Всё зависит не от прожитых лет, а от пережитых обстоятельств в жизни... – Дима бы так

и дальше продолжал, но к счастью Клим, его перебили.

– Что, опять пиво не продали? – Милан.

– Да! Ну не хочу я носить с собой паспорт. Вот почему для военкома, я выгляжу, на совершенно летнего, а для продащицы – нет! А?

Они все вместе улыбнулись, слушая возмущение Димы, потом поздоровались за руки и сели за стол.

– Так что? Будем без пива? – резонно поинтересовался Дэриэл.

– Почему? Время ещё есть. Я потом схожу, – ответил Милан.

– Если что, мне что-то лёгкое возьми, – добавил Клим, а Милан кивнул и набрав воздуха в лёгкие, моментально сдул со стола всю пыль, чтобы можно было, поиграть в карты. Клим же, осмотрев стол на чистоту, посадил на него совёнка.

– Клим, – услышав своё имя, посмотрел на Милана, – Ну как, всё нормально с глазом? Никаких осложнений?

– Нет, всё нормально. Я его немного замазываю, а так, он уже почти не болит, – Клим посмотрел на засмотревшегося, на старый шкаф, Женю, – А у тебя как? Нормально?

– Уже намного лучше...

– Так, стоп! – Дима не выдержал, – Давайте, не об этом!

– А о чём... – не успел спросить Дэриэл, как его перебил крик Димы.

– Анекдот!!

– Ну давай... – Милан сложил руки на стол и начал улы-

баясь слушать.

– Почему пишут семёрку с горизонтальной чёрточкой посередине? – Дима подержал паузу, пока обводил всех взглядом, чтобы удостовериться в интересе всех присутствующих, – Когда пророк, сошёл с горы, со скрижалями, став читать десять заповедей и дошёл до седьмой «Не прелюбодействуй», то народ хором, стал кричать: «Зачеркни семёрочку, зачеркни!».

Все по улыбались, но быстро утихли. Женя смеялся дольше всех, из-за чего поймал на себе, странные взгляды, других. Потом увидел это и прокомментировал: – Действительно смешной анекдот. Ведь в те времена, всеобщих цифр, ещё не было.

– Эм... – Дима призадумался, – А с этой стороны, я к анекдоту, не подходил...

Остальные тоже притихли. Милан начал искать по карманам карты. Дэриэл зевал. Клим методично гладил сову.

– Ну ладно, – Дима не собирался останавливаться и решил разрядить обстановку, довольно не тривиальной фразой, – Как говорится, если капля спермы содержит в себе больше жизни, чем капля крови, то почему бы вампирам не сосать... – его перебил Клим.

– Ну Димоон... хватит материться.

– А что тут такого? – Дима возмутился, они с Климом, сидели напротив и настойчиво смотрели друг на друга.

Клим и Дима, были лучшими друзьями, ещё с детства. Так

что, стоит ли материться, это их давнишний спор. Он появился, из-за того, что окружение в каждого было, диаметрально разное. И естественно – воспитание, такое же. Они ещё школу не закончили, а разногласия в этой области, уже имелись. Никаких обид, при этом, у них не было, только лишь не большие убеждения.

– Во-первых: это не мат. А во-вторых: я употребляю мат, только там, где он нужен.

– Все равно, здесь можно было бы и без этого, – Милан, Дэриэл и Женя, внимательно следили за каждым словом перешёптываясь, чтобы не мешать спору.

– Хорошо... ладно... я понимаю, что ты клонишь, к тому, что нужно самосовершенствоваться и всё в этом роде. Стремиться к прекрасному. Бросать вредные привычки. Перестать использовать слова паразиты. И вообще носить нимб над головой. С этим я согласен, – Клим иронично кивнул, – Но ты ведь не будешь отрицать, что и в твоём воспитании присутствуют огрехи?

– Ты о чём?

– Ну ты с девяти и до четырнадцати лет, в основном жил со своей аристократической бабушкой, – Клим на секунду прибрал улыбку, – Воспитывался ею же по принципу, мальчик должен всегда говорить правду и в то же время проявлять воспитанность. Но вот проблема, смешивание этих качеств, иногда приводит к неожиданному результату, – держа недолгую паузу, для «нагона» интриги, Дима продолжил, –

Ну что, вспомнил?

– Нет, а что?

– Тогда, я напомним... – он улыбнулся, – Тебе одиннадцать лет. Мы вдвоём у меня дома, вместе с моей мамой, сидим за столом, едим. После того как всё съел, ты встал из-за стола и с невозмутимым видом, возгласил: «Большое спасибо, всё было очень вкусно, но мне не понравилось». И ты даже этого не заметил, – Клим выпучил глаза, от ужаса, – Да-да, – и сразу же, шутя, показывая другим пальцем на Клима, Дима добавил, – Воспитанное хуйло... – и начал дико смеяться, что повлекло за собой смех всех остальных, кроме самого же Клима. Он ошеломлённо пытался вспомнить этот случай, чтобы удостовериться в точности утверждений Димы.

– Да не может быть, – говорил он, хотя в принципе, в глубине души, Клим понимал, что подобное могло с ним приключиться.

– Может, и было, – сквозь слёзы смеха, говорил Дима.

– Тогда, я хоть не обидел твою маму?

– Да не беспокойся, все уже давно забыли это... – Дима знал, что Клим довольно сердобольная личность и сразу же пытался погасить его обеспокоенность.

– Ну возможно ты прав. Но не один я такой. У тебя больше проколов в воспитании было, чем у меня. Ты ведь не забыл, тот звонок? – Дима задумался, – Я говорю о моей старой кличке, которая благополучно от меня отцепилась.

Дэриэл и Милан, вспомнив эту ситуацию – улыбнулись.

Дима саркастично оскалил зубы, в ответ Климу. И только Женя сидел, не понимая прикола. Клим сначала, не хотел озвучивать всю ситуацию целиком, думая, что все уже и так поняли. Но узнав в лице Жени, непонимание – решил поведать. Женя только недавно влился в этот коллектив и поэтому знал о них всех, немного.

– Ты же знаешь, что моего отца зовут Лэопольд? – Женя «угукнул», – Стало быть понимаешь, какое у меня отчество. Так вот, исходя из него, Дима придумал мне кличку – Леопёрдович, – услышав, Дима, как создатель этого слова, улыбнулся, – Меня сначала это раздражало, но потом я привык и перестал обращать внимание. А Дима параллельно с этим, начал использовать её постоянно. И вот, звонит он мне, а я был в ванной. Мой отец поднимает трубку, чтобы предупредить звонившего, об этом. А тут его перебивают: «Алло, Леопёрдович, чё ты, как сам?». Ну это, по словам Димы. И в ответ ему, я уже, будучи в коридоре, слышу: «Это не Леопёрдович, а сам Леопёрд», – Женя улыбчиво посмотрел на Диму, на что тот, безнадежно развёл руками, – Так вот с того момента, мой отец – невлюбил Диму...

– Шо, так и не простил? – поинтересовался Дима.

– Неа... все ещё просит, держаться от тебя подальше...

– Обидно... но ничего... – закончил Дима.

– Так, – взял на себя инициативу Милан, – Раз уж мы тут заговорили, про отцов. У меня как раз, есть одна история, – все удивились, ведь Милан редко рассказывал хоть что-ни-

будь о своей семье, а тут целая история, – Месяц назад, ездили в соседнюю республику Ловъеко. На дороге видим аварию. Машина угадила в яму и «влетела» в мост. Остановились, вышли, видим девушку за рулём. Вроде целая. Думали помочь чем-то, но она сказала, что всё хорошо. Потом через пару минут, приезжают на ДТП, патрульные. Начинают составлять протокол, ну мы собрались уже ехать, как к нам подходит один и просит пройти к нему в машину. Мы сначала думали, что он хочет попросить нас, так как эвакуатора нет, помочь дотянуть до населенного пункта. Но, нет. Сидим в их машине и слушаем, как эта девушка, начинает обвинять нас в том, что мы её, якобы, оказываться подрезали и как она из-за нас, врезалась в мост. Я хотел возмутиться, но отец меня остановил и тихо попросил, дать ей закончить. Она полчаса распиналась, а мы с отцом, слушали и кивали. В конце, когда уже она замолчала, отец сначала показал своё удостоверение, после чего инспектор сразу протянул ему руку для приветствия и говорит: «Хорошо, идёмте ко мне в машину, сейчас взглянем на всю ситуацию, с моего видеорегистратора». Лицо той девушки, было невозможно передать словами. И скорей всего, дало бы фору, любому мему в и-нете.

– Пф, неплохо, – задумчиво прокомментировал Дэриэл.

– Согласен... – Диму это натолкнуло на одну мысль, – А на счёт Ловъеко, я тоже знаю одну историю и как раз от отца, – Дима взял в руки Веру и поглаживая её, продолжил рассказывать, – Год назад, в одной школе, отец устанавливал

проекторы. Был довольно большой заказ. И в процессе прикреплении к потолку, ему потребовался нож, а свой, он оставил на столе. Увидев, папа попросил ребят подать нож, они там стояли всем классом и наблюдали. Так там пятеро потянулись в карман и достали три кнопочных и две бабочки, – Клим озадачился, – И самое интересное, что никто даже не придал этому значение, – а теперь уже удивился Женя, – о республике Ловьеко, было много разных слухов и историй, так что, такое было уже не удивительно слышать для некоторых людей.

– Кстати! – возгласил Дэриэл, – У меня тоже есть одна история, – Женя вслушиваясь, параллельно попросил Диму, взять себе совёнка. Дима передал его и тот, посадил Веру, себе на плечё и продолжил слушать, – Неделю назад, у пациента отца, была операция. Случай это был очень тяжёлый, только десять процентов, что пациент выживет. Об этом пациента оповестили. И перед вводом наркоза, он резко начал говорить. Попросился, рассказать историю, ну и из-за того, что он действительно может не выжить, конечно, дали ему выговориться. Пересказываю по памяти: «Знаете, у меня была очень яркая и занимательная жизнь. Где я только не был... один раз, я ездил в командировку и случайно познакомился с девушкой. Она была изумительно красивая. Вино, рестораны, все дела... её квартира... и знаете, утром просыпаюсь. А её – нет. Дверь закрыта, на столе ключ. Ну, я в полном шоке стою. Ищу по квартире, хоть какие-то зацепки. И вот,

на кухне записка. И как думаете, что там? Не знаете? Так вот. Если выживу – узнаете! Всё, я мотивацию дал, остальное за вами. Я готов к операции!», – все с изумлением, раскрыв рот, слушали Дэриэла, – Так что, вот так нужно мотивировать врачей, – Дима, не выдержав высокой планки интриги, вскрикнул.

– Ну! Что он рассказал то?

Дэриэл осмотрел всех и изрёк: – Да умер он. Я же говорю десять процентов. Не вышло спасти мужика.

– Тфу, – Дима сымитировал плевков, и с большим сарказмом, добавил, – Ахренительно!

Все остальные тоже не ожидали такого поворота событий. Женя посадил Веру на стол и взял колоду карт, в руки. Милан засмотрелся на совёнка и кое-что вспомнил: – Клим, получилось вымыть его от крови?

– Да...

– Сильно запачкала?

– Ну так... средне...

– Стоп, ты уже им поведал? – Клим озадачено поднял голову, на слова Димы.

– Ты про Лизу? – и не дожидаясь ответа, закончил, – Аа... да! Рассказал.

Все поняли, о чём говорит Дима и согласились кивками в его сторону, Женя же параллельно ещё и раздавал карты.

– Отлично тогда. Жека, раздавай на меня, – Женя передал ему карты и продолжил раскладывать по кругу остальным, –

И между прочим, если ты конечно, помнишь, я ещё в школе, говорил, что ты ей нравишься. А ты, отрицал! – Дима начал смехотворно пародировать Клима, – «Не может быть; я такого не замечал; посмотри на меня, это не возможно!», – Милан заулыбался, слушая и складывая карты в руке в красивый веер, – Если бы ты хоть на секунду перестал, тревожиться о всякой этической и эстетической херни и увидел, как она, на тебя смотрела – ты бы понял, это сам! Так что, слушайся всегда меня и с тобой, будет всё отлично, – закончил и тут же походил семеркой, на Женю.

– Хэх, хорошо, – согласился Клим, – В следующий раз, постараюсь прислушаться к тебе.

– Оо, Клим опять проиграл, – спустя пару секунд, констатировал Дима с каменным лицом.

– Что козырь вновь хреста? – Дэриэл.

– Да, не везёт мне с хрестой, – вздохнул Клим.

– Дэриэл... Дэриэл... Дэриэл! – Элай кричал, заходя в комнату.

Дэриэл полностью погряз в воспоминания и не слышал его. И уже после седьмого выкрикивания его имени, он машинально, увёл взгляд от столешницы и перенаправил его на входной проём, где стоял Элай.

– Что?

– Ты почему не отзываешься, я тебе уже минуту ору. Мне Элиас звонил, – Дэриэл заинтересовался, – Ты говорил, что хотел бы встретиться со всеми, посидеть, пообщаться. Так

вот, они не прочь. Только присутствие Элиаса – будет не долгим.

– Отлично, – он приподнялся со стула, – Ты с тумбочкой закончил?

– Да, но там ещё немного досок осталось. Нужно их тоже выбросить.

– Ну тогда, ты звони и договаривайся, где встретимся, а я к доскам, – Элай кивнул, начал набирать номер выйдя в коридор.

Дэриэл взял в руки чашку и пошёл на кухню. Где Джына с моющим средством, в резиновых перчатках, на коленях, мыла старую электрическую плиту. Дэриэл увидев её, остановил на ней взгляд и начал наблюдать. Его завораживали её ярко-рыжие волосы, так что, в любой удобный момент, Дэриэл незаметно для неё, не спускал с них глаз. У него было только где-то семь секунд, после чего, Джына его заметила и ему пришлось, перестать за ней следить и искать глазами, выше перечисленные доски.

Кухня была маленькая. В правом углу стояла эта же плита, на полу много разного мусора, состоящий в основном из содранных, старых обоев. И слева от Джыны, куча разных, длины и ширины, досок. Дэриэл подошёл к ним и уже хотел брать, как услышал голос Джыны: – Ты за досками?

– Да, их же на выброс?

– Да, но... я могу и сама их выбросить, – и улыбнулась.

– Кхм... – он кашлянул, параллельно поднимая все дос-

ки, – Я всё равно, буду уходить, а так хоть полезное дело сделаю.

– Уже? – она расстроилась.

– Да, хочу со всем встретиться. Такое ощущение, что уже пару лет, не собирались вместе...

Она поднялась, сняла перчатки и с грустью в голосе спросила:

– Как там Элиас? Есть какие-то новости?

– Элиас? Говорит, что пока всё тихо... но как оно на самом деле... – отрицательно закивал.

Левой рукой, Дэриэл подровнял доски, чтобы они не запачкали его куртку.

– А ты? – Джына решила начать вопрос издалека, медленно поднимая на него свои глаза.

– Что я? – он понял вопрос, но надеялся, что Джына спрашивает не о том, о чём он думает и старался не встречаться с ней взглядами.

– Ну... как ты себя чувствуешь после... – он её перебил.

– Я понял... нормально.

Джына увидела, что он сказал это, только для того, чтобы закрыть тему.

– В общем, я хотела сказать, что если тебе захочется с кем-то об этом поговорить, то ты знаешь где меня найти, – милая и сострадательная улыбка так и пестрила из неё, – И... завтра придёшь? – неуверенно.

– А ты сомневаешься? – слова вылетели из его уст, без

какой-либо эмоции.

Джына, стояла и всматривалась в его совершенно пустое, измотанное, но уверенное лицо. Он задумчиво кивнул, она же постаралась его обнять на прощание, но ей помешали довольно широкие доски, у него в руках. Состоялась забавная сцена, закончившаяся неловкими улыбками обоих.

Немая пауза длилась ровно столько, сколько шёл к ним Элай, которому надоело ждать у выхода. Он и разорвал их завораживающие взгляды, друг от друга.

– Алло, – они обернулись к нему, – Мы опаздываем. Я же говорил, что у Элиаса и так не много времени, а он уже там, – почти что, крикнул.

Перед уходом, Дэриэл ещё раз поправил доски и обычным шагом пошёл на выход: – Пошли через свалку, я доски выброшу.

– Окей, только пошли.

Выходя из дома, Дэриэл повернулся к Джыне и мило подмигнул. В ответ, она улыбнулась.

Через десять минут пешей ходьбы, они были уже на месте. Дэриэл с Элаем, подошёл к столику, за которым уже сидел Андрей с Элиасом. И по последним словам, вырывающихся из уст Элиаса, перед умолчанием и немым рукопожатием, можно было понять, что Элиас только что рассказывал Андрею, о своей сложившейся, не простой, жизненной ситуации. И как Андрей, ещё больше показал своё ненавистное выражение лица, ко всему, что его окружает и происходит

вокруг.

Хоть Андрей и постоянно ходил с недовольной и презрительной ко всем гримасой, но люди, знающее его, могли найти между постоянной и текущей, несколько отличий.

Все сели по местам, друг напротив друга и немного замешкались. Андрей погряз в своих размышлениях. Элиас, тоже о чём-то думал, но всё же вроде хотел задать какой-то вопрос. Но у него не выходило внятно сформулировать свою мысль. Элай пытался спрятать небольшие следы разбитого носа, сев слегка боком, которые он тщательно замазал тональником и просто молчал, не захотев рассказывать, ибо стыдно.

Дома у Джыны у него получилось и никто не заметил, так что теперь ему нужно было довести работу до конца. А Дэриэл не знал с чего начать. Но всё же нужно было, что-то делать и он взял это на себя: – Пацаны, почему мо... – его бесцеремонно перебил Андрей.

– Дэр, тебя может уже все заебали, – Дэриэл понял, о чём идёт речь, – Но я должен спросить. Как ощущения?

– Ну...

Он уже третий день не может нормально уснуть. И каждый раз, когда его об этом спрашивают, Дэриэл старается абстрагироваться и ответить на этот вопрос, совершенно не задумываясь: – Уже всё нормально... – услышав это, Андрей странно кивнул и умолк.

Дэриэл снова оглядел всех и понял, что нужно их расше-

велить.

– Нет, серьёзно, это не дело... Что никто больше не хочет ничего сказать? – все озадачено посмотрели на него, – Ну может... кто-то хочет рассказать какую-то историю... или ещё что-то...

– Какую историю? – Элиас немного недопонял.

– Ну не знаю, может с вами, за эту неделю, что-то приключилось интересное.

– Ну я рассказал уже всем, свою историю... – ответил Элиас.

– Да я не... – Дэриэл умолк, поняв, что нужно начать самому, подать так скажем, пример.

Потеряв общение с Климом, Женей, Миланом и Димой, Дэриэл искал новых друзей. И случайно нашёл, как раз тех людей, которым не нужны были друзья. Он познакомился с ними, при интересных обстоятельствах. Университет, в котором они учатся, раз в году заставлял всех студентов ходить на выходную уборку. Происходило это в парке. Естественно, они не имели права никого заставлять, но почему-то, все послушно соглашались и не оспаривали это. Так вот, с прежней компанией, Дэриэл просто прогуливал этот день. Они все вместе шли к Милану и там, на его спец. площадке, играли в пейнтбол, три на три, к ним присоединялась ещё и его соседка, Алиса Сэквойя.

А вот, когда он остался один, Дэриэл решил прийти туда, демонстративно сесть и смотреть, как другие работают.

Взглянуть на их реакцию, так сказать. А там таких сообразительных людей, как оказалось, ещё трое было. И Дэриэл не только сам познакомился с ними, но при этом, ещё и их познакомил друг с другом. То есть они уже не первый год приходили туда, понаблюдать и видели друг друга, но им было всё равно. Так вот и началось их общение.

– Ааа... я понял, – отозвался Элай, – у меня есть одна история, случай на работе, сегодня, – Дэриэл посмотрел на Элая и улыбнулся, давая понять, чтобы он продолжал, – Сегодня, после редактирования статей, иду отдать их на распечатку. Это коммерческая организация, где делают не только распечатку, но и фотографии для портфолио или на паспорт и всякое другое. Стою в очереди и слышу разговор двух людей. Клиент показал на телефоне несколько фоток и сказал, что хочет примерно такие, только формата А4. Обычные лицевые и поясные портреты. Продавец спрашивает, с чего вдруг решил сфотографироваться, парни же редко этим занимаются. Он отвечает, что купил себе недавно мотоцикл. Продавец не понял причину и переспросил. А мужик, без лишних сомнений, отвечает: "Вдруг разобьюсь, а у меня ни одной нормальной фотки нет. Я везде как какой-то урод, с друзьями на пьянках или полуголый на пляже. А так, обо мне, хоть какая-то память останется", – Элай не совсем понял, какого рода истории, подразумевались.

Дэриэл и Элиас, после рассказа Элая, покривили лицами. Но особо виду не подали. Андрей даже не моргнул после

кульминации. Он смотрел на пустую бутылку, стоявшую под столом, которую уже успел опустошить, и как будто молился, чтобы в ней появились, хотя бы ещё пару глотков.

– Мм... есть ещё одна... – Дэриэл напрягся, когда Элай вновь заговорил, но всё же не стал его перебивать, – Зашёл сегодня к Грамму, – Элай посмотрел на Дэриэла, на что тот кивнул, – ...отчитаться за проделанную работу и в процессе, он говорит: «Что-то у друга последнее время вообще непруха». Я: «Почему?». Он: «Да как-то вместе всё. Машину разбил, жена ушла от него. Сейчас звонил ему, а он вообще умер...»

– А что случилось? – Элиас.

– Я не узнавал, – не принуждённо сказал Элай.

Не успел Элиас, даже закатить глаза после услышанного, как Андрей вскрикнул: – Элай, закрой рот...

Элиасу и Дэриэлу не понравилась такая грубость Андрея, но по сути, он был прав и они решили промолчать. Элай посмотрел на Андрея и тихо ответил: – Ладно... – хотя и слегка обиделся.

Помолчав и подумав, Андрей понял, что «перегнул» и добавил: – Ну я серьёзно... только хуже делаешь... и так, дела не очень... а тут ты ещё с такими историями... – Элай понимающе кивнул, – Ты лучше расскажи, как там на работе дела... как там Влада? – спокойно посмотрев на него.

Элай слабо смутился, так как после этого, на него взглянули остальные: – Влада? Эээ... Не знаю, отдыхает, наверное.

– Отдыхает? Мда, только ты отдыхать не хочешь, я вижу.

– Ты о чём? Не понимаю тебя, – уводил взгляд.

– Та понимаешь ты всё, – Дэриэл и Элиас не хотели встречать и молчали переглядываясь, – Просто строишь дурачка.

– Мы же уже говорили об этом...

– Это я говорил, а ты как всегда слушал и делал вид что тебе интересно.

– Не правда... – бегая глазами.

– Что не правда? – смотря ровно на него, – Ты посмотри на себя? Ты что не понимаешь, что это необходимо тебе?! Был бы ты геем, я бы слова не сказал, но ты же сто процентный гетеро. Почему ты себя так ведёшь с ней?

– Успокойся, Влада хороший человек, но... – Андрей всё время перебивал.

– Что «но»? – Элай молчал, – Ну, договаривай. Тебе неудобно от того, что скажут другие, увидев вас вместе? – после этого Элай поднял взгляд на Андрея, – Ты заболел? С каких под тебя вообще стало это волновать? Посмотри на неё! Да тебе повезло, что ты приглянулся такому человеку...

Три секунды молчания и продолжил: – Элай, – он вновь посмотрел на первого, а тот на второго, – Скоро выпуск, а зная тебя, ты так никого и не найдёшь. Владе, кем бы она ни была, возможно удалось бы внедрить в твою жизнь чего-то позитивного, ибо если этого сделать, то... – задумался, а двое других всё ещё не решались на комментарии, – ...месяца два назад сидим с ним, – он продолжал, побросав

взгляды на Дэриэла с Элиасом, – Эл, не обижайся, они имеют право услышать это, – Элай промолчал, – Говорит мол, – повернулся к Дэриэлу и Элиасу, – «Какой смысл заводить девушку, если мы с ней не похожи и она не будет подходить мне по всем параметрам?» – пять секунд на обдумывание и как только Элиас хотел добавить что-то от себя, Андрей вскрикнул: – А ты, сука, всем подходишь по параметрам?! Ты же, наверное, настолько идеален и удобен, что за тобой очередь выстраивается, а ты только выбираешь, да?! – никто ничего не отвечал и никак не реагировал на высказывание, – через пять секунд добавил, – С друзьями не повезло, то хоть здесь не протупи... – и опустил глаза на стол.

Элай выслушал, но ничего не ответил. Просто кивнул, как всегда и всё. Андрей на большее и не рассчитывал.

В голове у каждого витала мысль: "Что говорить дальше?". И буквально через несколько секунд, как «мана» небесная, приходит им на помощь, звонок на смартфон Элиаса. У Элиаса, с ним была поломка, что слышать собеседника, он мог только по громкой связи и все об этом знали. Поэтому, он без единого вопроса включил громкую связь и начал диалог. Это была Алиса, которую он быстро предупредил, что кроме него, её слышат ещё трое.

– Передавай там всем привет, – услышав слова Алисы, все молча закивали, – Эл, я только что, была в ТЦ. И скоро буду дома.

– А ту кофту себе купила? Ну, которая мне понрави-

лась? – Элиас.

Алиса подержала паузу и обиженно ответила: – Нет...

– Почему? Она же красивая была... могла бы...

– Я её мерила... Но оказалось, что я слишком плоская для неё! – прискорбно крикнула Алиса, что вызвало у всех четверых парней, тихий рывок смеха, который утих через несколько секунд.

– Ну бывает, – решил как-то подбодрить Элиас, – Не унывай. С таким потенциалом, ты бы могла работать манекенщицей. Как вариант...

– Но ведь манекенщицы должны быть ещё и красивые... – тут Алиса ожидала комплимент, и подтверждение её красоты.

– Ну... – Элиас подержал секундную паузу, а остальные пацаны уже намного сильнее начали вслушиваться в их разговор, нежели в начале, – Ты знаешь, не обязательно... – и все засмеялись.

Элиас понял, что таким образом, может поднять настроение всем остальным, а Алиса всё равно уже привыкла к его характеру. И не обижается.

– Класс, мог бы хотя бы притвориться... – понимающе и любя отреагировала Алиса, – Ладно... ты же не забыл, что через час приедет наш юрист?

Снова маленькая вдумчивая пауза от Элиаса, во время которой он вернулся обратно в свои само пожирающие мысли, о своём недалеком и неизбежном будущем, – Да, помню... я

уже скоро буду... – с грустью в голосе, он закончил.

– Хорошо, я тебя жду – и уже хотела бросить трубку, но внезапно кое-что вспомнила, – Подожди, ты сегодня ещё не говорил мне, что любить меня...

Недолго думая, Элиас снова с улыбкой на лице, ответил: – Так, а я тебя сегодня и не любил.

Алиса, не зная, как ему ответить, в таком же роде. Поняв, что с этого тоже уже все смеются, притворилась обиженной и бросила трубку. Элиас знал, что ничего серьёзного не случилось. Всего лишь ещё она маленькая шутка. Которую, придя домой, она уже не вспомнит.

– Лаадно, – Элиас обратился к всем присутствующим, – Мне действительно уже пора. Спасибо, что позвали, – искренни поблагодарил он всех. Элиас понимал, что такие, дружеские посиделки, хоть и не весёлые, но у него, уже возможно последние, хотя бы на ближайшее восемь лет.

Он в быстром порядке пожал всем руки и направился домой, к Алисе. Остальные проводили его взглядами. И как только он зашёл за поворот, приподнялись с мест.

– Что всё? По домам? – Дэриэл угрюмо спросил.

– Не совсем, сейчас мне в другую сторону, – ответил Элай.

– Тебе, случаем, не в конец Дэлилы?

– Да, а что? – снова Элай.

– Тогда нам как раз по пути, – Андрей.

– Ты снова за алкоголем?

– А как по-другому? – иронично ответил Дэриэлу, – Вы-

зову такси, нагружу, на пару десятков литров и снова не буду выходить из дому, несколько дней.

– Андрей... – занервничал Дэриэл, – Зачем ты себя так травмишь?

– А какая разница? – Элай же молчал и слушал, – Печень – молчит и держится – значит, бояться не о чем, – и пошёл в нужную ему сторону. Попутно махая ему рукой, в виде прощания.

Элай вяло развёл руками, безразлично плюнул на землю и пошёл, за ним. Оставив одного Дэриэла.

Второй же, недолго постояв, пошёл домой. Дорога, ввиду много численных размышлений, выдалась, мучительно долгой, да и к несчастью, начался дождь. И через двадцать минут, Дэриэл уже доходил к своему дому. Как внезапно, со стороны двора и гаражей, его окрикнули: – Клынков! – прячась под небольшим накрытием, стояла Лиза Лэкора. По её одежде, было видно, что на дождь она никак не рассчитывала. Машина Лизы стояла в пяти метрах от неё.

Услышав знакомую речь – Дэриэл содрогнулся. И резко окинул взгляд в её сторону. Совершенно без каких-либо неудобств, он стоял под непрерывными потоками капель, летящих на него. Увидев, что она не собирается подходить к нему, он решил сам это сделать и тем самым, побыстрее от неё отвязаться. Подойдя, под козырёк беседки и презрительно посмотрев на Лизу, грубо изрёк:

– У тебя две минуты.

– Я от Ломинова, – Дэриэл саркастично фыркнул, – Что в этом смешного? – расчётливо выдала она.

– Ломинов, никогда через тебя, мне, не передавал бы информацию. Он не дебил!

– Ну смотри сам... Я пришла передать тебе, что он перестаёт работать с тобой. Так что... – не дав договорить, Дэриэл не выдержал и снова язвительно фыркнул.

– Во-первый, я ещё вчера ему сообщил, что не буду сотрудничать больше, – она пыталась возразить, но Дэриэл не дал, – И делал это я лично. А во-вторых... от куда ты знаешь?! Он, бы тебе это не выдал!

Лиза не знала, что и ответить, так как не надеялась, что Дэриэл, её так быстро раскусит – Ну я... а что тут... – Лэкора очевидно начала запинаться.

– Короче! Лиза! Уйди, нахрен, с моего двора!

– Подожди, я же не просто так пришла...

– Да, что ты говоришь?! Оказывается, тебе всё же что-то нужно от меня? – Дэриэл всеми силами пытался оскорбить её, чтобы дальше не вести с ней диалог, но сарказм ему в этом, не помог.

– Я... хочу... – она говорила отрывками, как буд-то, дразнила его, хотя такого умысла, у неё не было, – попасть на работу к Ломинову, на твоё место.

– И? – он ждал хоть какой-нибудь ясности в её словах, – Ты что, хочешь моего благословения? Ну так пожалуйста, иди!

Дэриэл уже хотел разворачиваться, как она добавила: – Ну так, я хочу, понять. Чем ты его так заинтересовал? Подскажи, что конкретно он в тебе нашёл. Может ты ему писал что-то не для простых глаз? – Дэриэл выпучил на неё злостно-удивлённые глаза.

– Подожди... подожди-подожди... – переборов, уже волну гнева, подходящую к его горлу, он решил, немного погасить накал температуры, с помощью, иронии, – То есть ты, хочешь попросить человека, которого всегда, при удобном случае, лишала премии, – но у него не получилось, эмоции ударили в голову, – нормальных заказов, нормальных клиентов, пыталась несколько раз выгнать, повесить недостачу и три раза лишала зарплаты, подсказать что-то? – Дэриэл уже был на грани ухода в неконтролируемую агрессию.

– Я заплачу!

Лиза вообще не осознавала, к чему это может привести и не переставала, «подливать масло в огонь». Дэриэл уже действительно рассматривал вариант, выпустить наружу, свой гнев и краем глаза осмотрел двор, на наличие людей. Он был пуст, десять часов вечера. Но всё же смог выдрать из себя умеренно громкую фразу, в надежде закончить это прямо сейчас:

– Лиза, уйобывай. Либо... – он не закончил, боясь с дуру, сказать лишнего и резко повернулся к подъезду и начал быстро идти.

Но Лиза, не успокоилась и начала кричать ему вслед: –

Ну тогда попроси Элая, чтоб он мне помог, он ведь тебя послушает... ой... – она задумалась, но всё ещё продолжала все свои мысли говорить вслух, с той же громкостью, – или Элиаса... вечно я путаю их имена... Элиаса скоро посадят ведь... или это про Элая... дай мне, короче, номер того, которого не посадят! Если ты не хочешь, я с ним, переговорю и договорюсь.

Лэкора в прошлом работала на его месте, также писала статьи, но вскоре получила возможность пойти выше с большей зарплатой и привилегиями, где она решила не менять традиций и так же портила жизнь другим, как и ей до этого. Но когда Лиза узнала, о каких деньгах идёт речь в предложении для Дэриэла, то решила вспомнить прошлое.

Кстати говоря, Вениамин Грамм, который ей и поведал это, рассказал и о том, что впервые это предложение было преподнесено Элаю Лугорському, о чём Дэриэл не знал. Но Лиза решила идти от простого к сложному. А самому Грамму было наиболее выгодно именно Лиза при Ломинове. Свой человек так сказать. Кем Дэриэл для него всё-таки не был.

Дэриэл, уже успел отойти на пять метров, остановившись около бетонного столба. Слыша слова Лизы, он начинал терять над собой контроль. Ненависть, боязнь самого себя, отторжение к ней и адреналин. Это всё, что ощущал в этот момент. Сразу после того, как он остановился, Лиза увидела, что Дэриэл начал медленно к ней поворачиваться. И странно смотреть. Как-то дико, ей так показалось. А потом и ид-

ти на встречу. Сначала не быстро, первый метр он прошёл плавно, а потом набрал скорость. На втором метре Лиза поняла, что прямо сейчас звонить Элаю он вряд ли собирался. Не моргал, не говорил ничего. Шёл и шёл. И вот когда Дэриэл показал зубы (оскал), Лиза, не удивительно, повелась крайне разумно. Она резко выбежала с беседки через первый вход и встала позади её, прячась за плотными, деревянными стенками, всё ещё находясь под козырьком от дождя. Дэриэл пробежал в беседку через второй вход и начал останавливаться, но его состояние при этом только ухудшалось. Дэриэл начал нервно дышать и пытался искать её силуэт, думая, что она повежала по прямой. По сути их ограджало сорока сантиметровые доски, вбитые в землю.

И через пару секунд, Лиза решила не рисковать и как только поняла, что никакого диалога он вести с ней не собирается, быстро сорвалась с места и убежала под ливнем к машине, стоящей в трёх метрах. Села, завела и в ужасе не оглядываясь уехала.

Он услышал шум мотора, но больше не двинулся с места. Наверно, тогда Лизу спасло лишь то, что Дэриэл был далеко, чтобы выплеснуть на ней эту ярость. И вот поэтому, сумел сдержаться и не совершить, очередной поступок, о котором бы, снова жалел. И единственное, к чему, у него получилось додуматься, в этот ужасный момент, это погасить эту душе-раздирающую злость, сделав себе больно. Правой ладонью, он со всей силы, сжал себе нос и начал его вдавливать. И

удивительно, но план – сработал. И гнев начал потихоньку угасать. Но вот не задача, с носа – толстой струёй, пошла кровь. И он начал терять сознание, от переутомления. К счастью, он не упал на доски и не разбил себе голову, а успел опереться об столб и медленно опустился. Просидел так не долго, через двадцать минут закончился дождь, а через полтора часа, он пришёл в себя и всё же пошёл домой.

– Глава 6 –

Милан сидел на диване, у себя дома и вдумчиво, перебирал в руках смартфон. Потом, судя по всему, придя к какому-то выводу, он начал искать по дому глазами, своего отца. Подошёл к двери, обул тапочки и пошёл на звук. Пройдя через две комнаты, он встал в дверном проёме и наблюдал, как его отец, во время, как в районе опять плохое интернет-подключение, на плазме, решил переблокировать все «отечественные» каналы.

– Паа, – вскрикнул он, идучи к нему, на что отец, удивлённо посмотрел.

– Что интернет отключили и ты решил выйти из комнаты, поболтать с семьёй? Вроде неплохие люди, да? – шутя, изрёк Виктор, ожидая, ответной шутки от сына, которой он собственно – не получил.

– Пап. Я пришёл поговорить. На счёт серьёзного дела. И... – Милан осмотрелся, – Хорошо, что мамы тут нет, – Виктор, услышав – напрягся.

– Ты о чём? Что-то действительно серьёзное? Выкладывай... – уже немного тише закончил.

– Я не хотел, говорить об этом. Но подумав, я понял, что это может привести к «сложным» поворотам событий, – Виктор угрюмо продолжал слушать, – Я сделал кое-что не законное... – Виктор ещё сильнее напрягся, – Я устроил са-

мосуд, для двух гнид, по моему наблюдению, я им оформил, тяжкие телесные. Эти мрази, избили моих друзей и скорей всего, естественно анализируя их «знакомства», они не понесли бы за это наказания, – его отец, мало того, что молчал, так ещё и не изменил выражения лица, когда выслушивал, – Но, честно говоря, предпосылок для страха, у меня нет. Третьего и последнего из этой группы, к его счастью, мне встретить не удалось. И ему, от меня, не попало, а он у них самый влиятельный, – Виктор открыл рот, чтобы задать вопрос, но Милан опередил его, сказав, что фамилия, не имеет значения и это сработало, – И как мне кажется, я их достаточно припугнул, для того, чтобы они боялись и не говорили об этом никому.

– И ещё, – Милан уже тихо, но уверенно заканчивал свою мысль, – Чтобы ты понимал. Я не прошу, в друг чего, помочь мне избежать ответственности. Ты знаешь, что я никогда не просил тебя о помощи и не попрошу. И тем более не потерплю, такой помощи мне, без моего ведома. Просто хочу сказать, что я никогда не делаю ничего, заранее не подумав. Просто бывают ситуации, где думать не хочется. Я всегда готов ответить за то, что делал и делаю, – отец Милана знал, что он так скажет, – Я хочу, чтобы ты был просто в курсе, если чего-то случится. А маму, поставим в известность, уже по факту... хорошо?

Виктор всматривался в глаза своего сына. Ожидая, хоть какой-нибудь эмоции от него. Он хотел увидеть в нём хотя

бы каплю неуверенности в своём поведении и вскоре, надавить на эту слабость, своим авторитетом, чтобы всё же обсудить с ним всю ситуацию. Но Милан был подобен киборгу. Чрезвычайно красноречив и непоколебим.

– И много раз ты уже так делал? – бессильно спросил отец.

Медленно вздыхая, Милан пробормотал: – А какая уже разница?

Потом они вместе вздохнули и Виктор продолжил: – Давай поступим так. Если в один «прекрасный» день тебя заберут в участок, не стесняясь говоришь им, моё имя, тогда они дадут тебе время на звонок. Я должен быть первым, кто об этом узнает, ладно?

– Думаю, да, – спокойно закончил Милан, – Хорошо. Пошёл я спать.

«Тук-тук», входные двери, дома номер № 433, распахнулись.

– Клим! Привет! Заходи, – радостный таким гостям и уже немного подвыпивший, вскрикнул, отец Лизы, Эзз Понник.

Клим прошёл в дом. Зайдя в прихожую, он подошёл к столу, куда положил, державшие в руках, шоколадный торт, фирмы «Поршен» и букет незабудок, состоящий из двадцати одной. Уверенно пожал с Эззом руки и спросил, нет ли дома Лизы.

– Сейчас нет, но скоро будет. Она в ателье поехала, – Эзз, зорким взглядом, оценил лежащий на столе букет и улыбаясь добавил, – А ты, я вижу, подготовился... и неплохо,

так скажу.

– Спасибо... только вот, вам, лично, ничего не принёс...

– Да лаааадно, ничего... я торт тоже люблю, – он хлопнул его по плечу, – Но в следующий раз, так сказать... – и подмигнул, – А то здесь, без этого никак...

– Хорошо, – тоже улыбаясь, добавил Клим.

– Так ты раздевайся и проходи на кухню. Там Эалла уже что-то готовит. Надеюсь вкусное, – пока тот снимал обувь, Эззн поинтересовался: – А ты что, совуха не брал с собой?

– Брал, – и достал с кармана курточки сову, – Ему просто немного холодно, – и дал подержать Эззну.

– Лиза, говорила тебя Верой зовут, – он обратился к сове, но Клим решил ответить за него, – Хорошо. Ну тогда пошли. Да, Верочка? – он снова обратился к совёнку.

Потом, Эззн подал Климу тапочки и проводил его на кухню. Клим, идя по коридору, рассматривал дом и сравнивал его с воспоминаниями из детства, когда они с Лизой, бегали по этим коридорам ещё в девять лет. Размер этого дома был небольшой, хоть он и состоял из двух этажей. В нём было шесть комнат, две из которых находились на втором этаже. Ремонт был прост: паркетные полы, простые выкрашенные стены в голубоватый оттенок, обычные люстры. Потолки белые. На стенах или полках, не было ни одной картины или статуэтки, ну или практически, там были лишь фотографии их родных. Проще говоря, максимальный минимализм. Что естественно очень нравилось Климу, ведь, он тоже разделял

такие взгляды на ремонт. Что, конечно, не скажешь о его родителях. От гостей, которые приходили в их дом, он частенько в детстве, случайно слышал, непонятное, для него, слово «вычурность».

Пока шли, в гостиной, Клим обратил внимание на отключённую плазму от питательных кабелей. Подходя всё ближе к кухни, Клим чуял отчётливый запах свежеспеченного печенья. Идентификация, у него, прошла моментальная. Так как, снова, он ел такое же в детстве, будучи в гостях.

Они вместе вошли на кухню, и Эалла обрадовалась, не ожидая увидеть гостей.

– Клим! Привет! – ставя на барную стойку противень с печеньем, крикнула она.

– Добрый день, это вам! – он вручил ей торт и обнял её, всё ещё держа букет цветов в руке.

– Ты к Лизе? Она скоро придёт! А пока её ждём, не хочешь печеньки? Только они пока горячее.

Пока ждали Лизу, Клим успел познакомиться с питомцем этой семьи, в лице старой собаки, именуемую Серый, потому что она была серой. Потом несколько шуточных историй от Эзна и они уже вместе услышали открывающуюся, входную дверь. Проходит минута, как Лиза уже появилась на кухне. Там она была дико удивлена не только присутствию Клим, но и резкому нападению со стороны Серого, который пытался в быстром порядке облизать её лицо, но не сумел достать из-за роста. Как-никак, почти метр семьдесят пять,

впрочем, как и Клима. Отсмеявшись, от немного испуганного лица Лизы, не ожидающей такого нападения со стороны её пса, Клим подарил ей букет, за что первая, решила отблагодарить его, поцелуем в щеку.

Не успели они отойти от друг друга, как Эззн решил задать важный для него вопрос: – Почему не говорила, что Клим придёт? Я бы хоть пивка какого-нибудь посоветовал ему взять...

Но она не нашла ничего лучше, чем просто улыбнуться. Эалла же, параллельно, предложила Лизе, попробовать печенье. Та взяла себе одно и одно дала Климу. Ну не совсем дала, сначала она пыталась, положить его, ему прямо в рот, но Клим удивлённо перехватил его рукой и неуверенно поблагодарил. Печенье им понравилось, о чём они сразу сообщили Эалле. Так как, чего греха таить, печенье действительно было превосходное. Увидев, что Серый всё ещё «липнет» к Лизе, она отломил половинку и дала ему. Потом начала усердно его гладить и чесать. Мать Лизы попросила Эззна и Клима помочь ей перенести уже пустую противень, сначала одну, а потом и вторую в кладовку. Они согласились и чтобы не мешало нести, Эззн отпустил с рук сову, которая уже практически уснула в его ладонях и посадил её на стол, рядом со стаканом воды. Из которого, совёнок решил испить. Он пытался запрыгнуть на него и сесть по удобней на ободок. Но не тут то было. Лиза, заметив Веру, хватко подобрала, села на пол и начала теперь гладить обоих питомцев. Сделав

дело, а потом вернувшись обратно на кухню, Эззи и Клим, увидели данную «картину». По случаю, Эззи вспомнил историю из прошлого:

– Фух... Ну не может она пройти мимо животного, не погладив. Причём любого. Помню случай, когда мы с её мамой, – он это рассказывал Климу, хотя слушали все, – забирали вас с деревни. Ну это тогда, когда вы с Иллизой, у твоей бабушки несколько месяцев гостили, – Клим опустил глаза, а Эззи продолжал говорить, – И вот вызвались забрать вас обоих. На выходе Лиза оделась первой и выбежала на улицу, а ты ещё собирался. Мы попрощались с бабушкой... Не помнишь этого случая? – Клим, смотря в пол, отрицательно кивнул, – Выходим и видим, как Иллиза, стоит и гладит, на поле быка, там напротив дома было небольшое поле, – Эззи для большего контраста, выпучил глаза, – Лежит этот бычара, а рядом она. Трет рога, сам к ней ласкается и вообще ноль агрессии. Потом уже, через несколько месяцев, от твоей бабушки узнал, что вся деревня боялась этого быка. Двух мужиков чуть не убил, а хозяина так вообще, к стене рогами прижал, – дослушав, Клим тоже выпучил глаза и развернулся с немым взглядом к Лизе. На что вторая, развела руками. Потом поднялась и вручила совёнка, Климу в руки. Поблагодарила маму за печенье и тихонько потащила Клима, к себе в комнату. Не дав успеть тому, ничего сказать.

– А вы что, чай не будете? – удивилась Эалла.

– Потом! – кричала Лиза, будучи уже на втором этаже.

Эззн спокойно включил чайник и начал по-тихому есть печенье.

Они вошли в комнату, Лиза закрыла дверь и принялась жадно целовать Клима. На что второй, был не против. И подержал, так сказать, её инициативу. Так они и продолжали «упиваться» друг другом, пока Лиза случайно, через плечё Клима, не увидела себя в зеркале. Как выяснилось, каким-то образом, у неё потекла тушь. Обеспокоившись, что она может запачкать его и себя заодно, Лиза решила прерваться и объяснить ему ситуацию. Чтобы отойти на пару минут и исправить эту оплошность. Клим не возражал.

Пока она пошла в соседнюю комнату, он посадил Веру на стол и тихо произнеся: «А здесь всё изменилось...» – начал осматриваться.

Как выяснилось, по антуражу, Лиза была большим фанатом стимпанка. Об этом, можно было судить, как минимум, по кровати. Обе её боковины были сделаны, в виде огромных шестерёнок. Справа металлический стол, на столешнице которой, вырезана схема внутренностей, механических часов. На столе куча разных документов, а по углам стоят две стойки, на одной бутафорский револьвер с гусеничными полосами на дуле, а на втором механический слон. По середине стола, лежал, медного цвета ноутбук, на котором нарисована металлическая свеча. Над столом полка, на которой лежит огромный кожаный цилиндр (головной убор), с двумя маленькими, алюминиевыми, согнутыми дымарями на макуш-

ке. И стильные гогглы, выполняют функцию защиты глаз от пыли, искор и ветра. Но в данном случае, только для красоты. У них стояли зелёные линзы, и сами линзы были в форме шестеренок. На фотообоях, которые были поклеены на главной стене комнаты, был рисунок железной дороги, по которой мчится паровой поезд. Бронзовая люстра на семь лампочек, в которых был засыпан, какой-то блестящий порошок зелёного цвета. Над кроватью, висели вплотную, трое механических часов, корпуса которых, имели тоже механический вид. И помимо, того, что просто показывали время, так ещё, как полагается шестерёнкам, крутили друг друга. На стуле, стоявшего около стола, лежала подушка, которая выглядела, как маленький машинный мотор, серого цвета. Потом он взглянул в другую комнату, но решил не заходить, с его курса ему был виден небольшой камин, выполнен в виде топки, находящиеся в паровозах. Клим был в шоке, насколько это дня него было круто.

В углу комнаты, стояла тумбочка, похожая на катушку Тесла. Но заинтересовало его не это, а то, что стояло на ней. Это был простой аквариум, без каких-либо интересностей. Подойдя по ближе, Клим увидел там оранжевую жабку. Она почему-то не двигалась и он подумал, что она бутафорская, как и многое в этой комнате. Он протянул руки к аквариуму, потрогать, так сказать. И как только её коснулся, она подпрыгнула и вцепилась зубами в его палец. Клим встрепенулся от такой неожиданности и дёрнул рукой, от чего жабка

улетела под кровать. И тут же он услышал голос: – Я уже почти. Ещё минута, – соблазняющее, говорила она, но Климу сейчас было не до этого.

От страха, он кое-как подцепил это скользкое создание и посадил её обратно. «Вроде целая» подумал и стал тихонько ждать Лизу, опасаясь, что всё же где-то «наследил». Лиза вышла к нему, уже без макияжа, но такая же красивая. Ему показалось, что ещё красивее, чем до этого. Быстрым шагом, да ещё и вприпрыжку, она направлялась к нему. Немного ошарашен тем, что случилось минуту назад, Клим её задержал уже около себя и тихонько показал пальцем на тумбочку, спросив при этом: – Ты же говорила, что у тебя только собака?

Она засмотрелась на аквариум и переспросила: – Ты о жабке? – он с острахом кивнул, – Ну это папин «собутыльник», точнее он так его стал называть. Извини, я забыла о нём. Он его кормит с пинцета, мясом. А пока папа убирался, попросил меня, его приютить, – Клим молчал, стараясь переварить эту информацию, – Кстати! Нужно же его отдать. Убираться то папа, закончил, – она улыбнулась, взяла аквариум в руки и вышла из комнаты, зовя при этом отца.

– Что?

– Ты жабку собираешься забирать?

– Точно! Неси!

Эззн быстро поднялся по ступеням и принял в руки своего питомца. Параллельно передавая аквариум, Лиза спро-

сила:

– Ты же хотел его отвести к бабушке, что передумал?

– Хотел. Плюс, я хотел, чтобы она и следила за ним. Но у неё бронхит, ей не до этого. Конечно, слава богу, бабушка уже выздоравливает, – Клим, слушая это, резко задумался и опустил глаза, Лиза краем заметила это и притихла, погасив в себе весь энтузиазм, что вселил в неё её отец, который продолжал рассказывать дальше, – Никогда не забуду этот случай, – с ухмылкой добавил он, – Ой! А Клим же не в курсе! – Эззн смеясь вскрикнул, чем заставил поднять на себя его глаза, – Наша бабушка, живущая на первом этаже, переносит бронхит. Врач ей посоветовал для укрепления здоровья прогулки в сосновом лесу. До леса, как выяснилось, идти далеко и она вынесла нам мозг по этому поводу. Она хотела, чтобы мы, ей посадили под окном сосну. Мы сначала думали, что это шутка. Но, нет. Ладно, купил дерево, посадил на клумбе. И на следующий день, к нам, пришла бабушка, живущая на третьем этаже. И потребовала пересадить сосну, так как дерево вырастит и ей будет темно, а окулист, ей запретил читать и смотреть телевизор в темноте. И можно подумать, ну и фиг с ним, можно пересадить, да? Только вот загвоздочка... обеим бабушкам по восемьдесят три года! – договорив, отец семейства засмеялся.

Клим же ели-ели выдавил из себя лишь улыбку, но достаточную, чтобы Эззн не засомневался в её искренности. Но не для Лизы, она это заметила и постаралась, как можно быст-

рее закончить этот разговор. Получилось. Лиза и Клим, через минуту, уже были за запертой дверью её комнаты, а Эз-зи остался, с интересом, разглядывать свой аквариум и понемногу спускаться по лестнице.

– С каких пор ты так любишь стимпанк?

Лиза грустно посмотрела на Клима и не собираясь отвечать, задала свой вопрос: – Когда это случилось? Вера Владимировна...

Смотря в пол, Клим выдавил из себя: – Её не стало меньше двух месяцев назад... – осела умиротворительная тишина, во время которой, Клим так и остался, молча стоять, а Лиза по-тихому села на кровать.

– ... ты был там?

– Где?

– ... на похоронах?

– Нет... не захотел...

– Боялся, что не выдержишь?

– Чего? Бабушкиного мёртвого тела? Нееет... да и к тому же, если ты забыла, я агностик в этом деле и прощаться или упокоевать чью-то душу, мне не нужно. Я по-своему с ней простился... – весь ответ он проговаривал максимально сдержано и кропотливо.

– Хм, всегда удивлялась тому, как глубоко религиозная бабушка, воспитала агностика.

– Так здесь нет ничего странного, если у тебя родители атеисты, то ты в любом случае начнешь критически мыслить

в этой области.

И в этот момент должно было снова начаться, словесное затишье, но Лиза не захотела этого и внезапно, задала неожиданный вопрос для Клим: – А помнишь, как ты купил себе арбалет? – Клим удивлённо посмотрел на неё, – На местной какой-то барахолке, вместе с двумя стальными болтами в подарок. Нам тогда было, по двенадцать и тринадцать лет. И мы решили их опробовать, – договорив, они оба улыбнулись, предвкушая вместе им известную концовку, – Нашли какой-то старый, прогневавший, уличный, деревянный туалет. Стоящий поблизости и никому не принадлежавший, по территории. Ты первый спустил на него курок. Болт прошёл насквозь и застрял в дереве, растущим за ним. Потом дверь со скрипом открылась и мы увидели соседа, со спущенными штанами. А над головой у него, огромная дыра, на задней стенке туалета. Проходит секунда и дед бросается на тебя, чтобы отобрать арбалет. Он же был ветераном, да и ещё, как рассказывала Вера Владимировна, немного маразматик, вот и подумал, что его «заказали». Минут двадцать, он за нами гонялся, – Клим, на этом моменте ухмыльнулся, вспоминая какие увороты крутил, на том огороде, – Мы убежали конечно, но на следующий день, он написал на нас заявление...

– Угу, – угрюмо прокомментировал Клим.

– И вот я никогда не забуду, как она нас защищала... И лично к нему, просить за нас прощение ходила и в отделение

ездила раз двадцать. Хотя мы действительно были виноваты, она ни слова нам не сказала. Только лишь в конце, когда всё закончилось, попросила нас, больше таким не заниматься.

Клим легко кивнул головой и несколько секунд помолчав, подхватил: – А помнишь, как мы ночью, смотрели ужастики? После чего, ты не могла всю ночь уснуть. Поднялась на второй этаж и от страха, в темноте коридора, запустила в бабушку палкой колбасы.

– Помню, – Лиза улыбнулась, – Но это не смешно. Ты даже не представляешь, на сколько я тогда перепугалась, – она задумалась и с ехидной улыбкой, заговорила, – Ммм... ровно настолько, на сколько ты перепугался, когда в стиральную машинку, залил не то средство, – Клим закатил глаза от стыда, – В тот день, в доме, пены не было разве что, на втором этаже.

– Ну я же не хотел, плюс ко всему купил тебе новый ноутбук.

– Так, а я на тебя не злюсь и тогда не злилась, – спокойно закончила она.

Сова же всё это время, тихо сидела на столе, пытаюсь уснуть.

Клим успокоился и тихонько всматриваясь в её глаза, вспомнил одну непримечательную историю: – А помнишь, как на новый год, ты решила нам с бабушкой приготовить подарок и накупила шоколадок?

– Помню, мне тогда было одиннадцать.

– Хэх, да. Ты их завернула в разноцветный картон и заклеила герметично. И чтобы клей побыстрее высох, ты... – они оба уже начинали смеяться, поэтому Клим договаривал перебивками, – ... решила... взять фен... и им, помочь клею... и когда мы, уже в новогоднюю ночь распаковали это, там остались лишь напоминания о шоколаде, в виде коричневых луж на дне. Ты сильно расстроилась и бабушка приняла решение, тут же ехать, покупать новые подарки, от твоего имени. Какие же вы радостные вернулись с пакетами... накупили всем... и моим родителям и твоим... – и снова Клим, задумчиво опустил голову, вспоминая ещё интересные случаи, связанные с бабушкой.

Лиза была тронута такими подробностями. Ведь даже она сама, смутно это помнила. Она не могла смотреть на него таким. Поэтому умеренно поднялась с кровати, настырно положила свои руки, на его шею и молча поцеловала. Клим сначала ощутил шершавое прикосновение от заживающей раны на её ладони, а потом подхватил её инициативу и обнял её. Продлился поцелуй недолго, внезапно она же, после десятисекундной продолжительности, разорвала его: – Подожди... – запыхаясь и с отдышкой, вызванной в следствии обильного количества эндорфинов, прошептала она, – Я хочу кое-что тебе сказать, – Клим нехотя остановился.

Его дыхание сильно участилось и ему трудно было услышать её тихий голос за своим громким дыханием.

– ... я... у меня есть одна новость... точнее предложе-

ние... для тебя... и я надеюсь, ты сочтёшь его позитивным.

– Ты о чём?

– Кхм. Дело в том, что мои родители, открывают гостиницу в Дьеврессе. И я буду управлять ею. Хочу сделать всё в стиле стимпанка. Как здесь, – обвела рукой по всей комнате, – Естественно живя при этом там...

– Клим, отпрянув от неё, тихо сказав: – Это другая страна... – Лиза кивнула.

– Ты хочешь там остаться жить?

– Да, но только не сама... с тобой... Перед этим, я три года прожила там и могу сказать, что в Дьеврессе, люди, на голову лучше живут, нежели тут.

– Та я знаю, сам бывал...

– Здесь с бизнесом не выйдем... уровень коррупции слишком огромен... мои родители не настолько богаты, нежели твои... и такие огромные откаты делать, просто не потянут... а работать нужно... скоро мои с твоими всё же дойдут к какому-то компромиссу, после чего мы будем собирать вещи... на всегда... Конечно, ты вправе отказать... но...

– Лиз, – она безнадёжно продолжала смотреть на него, – Даже если я соглашусь, мои родители будут категорически против. Они всю жизнь меня готовили к тому, что я стану на их место. И жить буду здесь.

Лиза опустила глаза, повернулась к сове, которая к этому моменту уже спала и тихо проговорила: – Я поняла...

Оценив угнетённость ситуации, Клим тихо сказал: – Но я

– за...

Услышав, Лиза резко повернулась к нему лицом, на глазах которой, уже виднелись слезинки безысходности, превратившиеся в слезы радости.

– Кстати, фингала почти уже не видно, – она провела пальцем по его лицу.

Он кивнул и она рванула к нему, крепко обняв. Понемногу уже спуская эти слезинки, по своим щекам.

Прижимая её, Клим, с каменным лицом, тихо сам себе, сказал: – Осталось сообщить это родителям... – не совсем понимая, как будет это делать.

Небольшой коридор, ведущий к кабинету ректора университета, всякого рода администрации и других кабинетов. С одной стороны, стоит ряд лавочек забитых студентами, ждущих открытия библиотеки, с другой очередь, уже малого количества, стоячих людей непосредственно по серьёзным вопросам к администрации этого учебного заведения. Милан и Женя, молча стоят в этой очереди, под стенкой. Им уже изрядно надоело сие и от изнеможения, они стали молчать, так как темы для разговора, закончились.

Милан засмотрелся на стоящую к нему лицом преподавательницу Лалис Погорилову, стоящую в конце коридора и разговаривающую со своими студентами. Она заметила его и что смотрит на неё, но не отвлекалась от дела.

А Женя обратил внимание на другое. В двух метрах, двое подружек, стояли и пялились в свои смартфоны. К ним под-

ходит паренёк, примерно их же возраста и начинает смотреть, через плечё одной из девушек, в экран её девайса. И через десять секунд тихо выдаёт: – Фото в кимано? Ты на карате ходишь? Если, конечно, не секрет, – и улыбнулся, а девушка сначала дико удивилась, вопросу, а потом кокетливо ответила: – Возможно...

Не вполне поняв ответ, парень сначала замешкался, а потом и вовсе начал сдавать назад, сказав: «Ясно». И хотел разворачиваться и возвращаться к другу, стоящего в метре. Но девушка, настырно добавила: – Когда мне говорят «ясно», у меня такое впечатление, что меня нахер посылают.

Не ожидав таких слов, парень выпучил глаза, секунды три подумал и неуверенно выдал: «Ясно», – и всё же отошёл. Девушка не успела удивиться, как уже друг этого парня, слышав диалог, комментирует:

– Я всё равно сильнее тебя, – будучи довольно худым.

Девушка ухмыльнувшись: – Ты сейчас сарьёзно? – он кивнул, – И почему же? Просто из-за того, что ты парень?

– Нееет, – спокойно, – Потому что у меня травмат, – девушка, вытаращив глаза продолжила стоять в очереди, стараясь больше не смотреть в их сторону.

– Жек, – изрёк Милан, который уже проводил взглядом учительницу, заходящую в лифт и нехотя отвёл взгляд.

– Что? – Женя, которому надоело разглядывать людей в очереди.

– Во сколько мы сегодня выходим?

Женя удивлённо посмотрел на него: – А я, что тебе не говорил? – теперь Милан удивился, – Ты понимаешь... такая ситуация... я не могу... у мамы сегодня химия-терапия. Там какое-то обострение. Серьёзное дело... и я хочу сегодня, быть с ней... – Милан, удручённо опустил взгляд и медленно кивнул.

– Жек, а я хотел спросить ещё до этого, но забыл... и только вспомнил... А как у вас на счёт финансов, помощь плоды принесёт?

– Финансов? Нет. Уже давно, проблема состоит не в деньгах. Нам хватает, спасибо за беспокойство, – улыбнулся краем рта, второй отреагировал идентично.

Милан не был рад, что затронул эту тему и хотел уже перевести диалог, но подумал, что если тон разговора уже таков, нужно этим воспользоваться.

– А ну тогда конечно... держись... и маме передай, что всё будет отлично... – Женя, смотря в пол, кивнул, – А можно ещё один вопрос? – тот поднял взгляд, – Может, конечно, тебе будет неприятно это вспоминать, но мне интересно, ты никогда не рассказывал... так... что случилось с твоим отцом? – Женя задумался.

– Несчастный случай на работе... он работал в тяжелой промышленности.

– Прискорбно... а давно?

– Уже как пять лет...

– Кхм... я конечно могу сказать, что я тебе сочувствую, но

на самом деле, ты же понимаешь, что я не могу даже представить, как это, – Женя кивнул, – И как ты это пережил?

– Да в общем-то – никак. Депрессия... – он улыбнулся, – Отходил-отходил... судя по всему, так и не прошло... – на секунду, они вместе замолчали, – Хотя... – медленно выдал Женя, – Знаешь... игры мне помогли...

– Игры? – недоумённо спросил.

– Полгода назад, я для себя открыл небольшую находку, которая мне помогла. В том числе и немного улучшить своё моральное состояние, – Милан оглянулся, чтобы удостовериться, что никто их не подслушивает, – Я никому не говорил этого, так что и ты пожалуйста, не рассказывай, – Милан кивнул, – Когда мне было одиннадцать лет, отец купил мне игровой ноутбук, – вообще-то Женя был скрытной личностью и только с Миланом, он позволял себе разоткровенничаться, – Дорогая вещь тогда была, та и сейчас тоже. Мы постоянно играли на нём. Даже вместе следили за новинками игр. А после смерти отца, я полностью потерял интерес и не мог даже зайти в них. Но когда всё же это сделал, то кое-что обнаружил. В одной гоночной игре, в которую раньше играл. Ещё остались сохранения. И на старте, слева от меня, при запуске трассы, появился «призрак» старого рекорда. То есть сохранённая проекция, того, кто проехал за лучший результат. Как ты уже понял, этот «призрак» принадлежал моему отцу. Я увлёкся, начал играть. Сейчас пытаюсь перегнать его. Уже раз сто проиграл... – улыбнулся.

– Интересно, – заворожённо говорил Милан, – А если перегонешь? Проедешь первым к финишу?

– Не перегоню. Остановлюсь на финише, – Евгений опустил взгляд, – Не хочу, чтобы и он исчез из моей жизни. – Милана очень растрогала эта история, но в лице, он никак не изменился, – Это помогло. И помогает по сей день. Но к самим играм я остался равнодушен, только для убивания времени.

В эту тихую минуту, пока они оба смотрели в пол, к ним, из-за угла подбежал Дэриэл.

– Вот вы где! А я вас ищу! Почему на обед не идёте? – он поздоровался с ними за руку и Женя, посмотрев на часы, снова объяснив ситуацию уже Дэриэлу, пожелав Милану удачи в разговоре с ректором, и попросив, потом в подробностях рассказать, что было, направился, прямиком в больницу.

Дэриэл захотел поддержать Милана, чтобы ему одному, не было скучно и стал с ним в очередь. Которая не слишком быстро двигалась. Милан уже как двадцать минут, находился первый в ней.

– Так ты говоришь не знаешь, почему он тебя вызывает?

– Ну есть парочку предпосылок к этому. Так что, как только я выйду, обязательно вас, в них, посвящу, – конечно, Милан врал, он прекрасно понимал, причину интереса ректора к его персоне, в противном случае, он бы тут не стоял. Милан решил максимально отсрочить рассказ о том, как он недавно «пострелял», ведь друзья вряд ли оценили бы такой

риск, хорошими словами.

К Милану, проходя мимо, подошёл какой-то парень и протянул ему свою руку, поздороваться. Милан инстинктивно тоже протянул, но внезапно посмотрел на него и неуверенно спросил: – Мы знакомы?

На что получил справедливый ответ: – Я твой одноклассник! – и парень зашёл в библиотеку. Дэриэл посмеялся, Милан иронично улыбнулся. В коридоре уже ставало довольно шумно илюдно, ведь скоро начало пары.

– Ты мне напомнил сегодняшней случай, – Милан с интересом смотрел на него, – Сегодня ждём препода, на вторую пару. Он опаздывает. Пишу ему смс «пары не будет» и забываю добавить, в конце вопросительный знак. Через пару минут, приходит ответ: «Ок», – Милан засмеялся.

Но его улыбку тут же снесло, злое лицо ректора, выглянувшее и выкрикнувшее, из своего кабинета: «Зымовый!». Милан, не раздумывая, спокойно посмотрев, на удивлённое лицо Дэриэла и подмигнув, вошёл в кабинет.

Милан закрыл за собой двери, сел напротив Анатолия Ивановича и ждал, какого-нибудь действия. Анатолий Иванович, был уже пенсионного возраста. Выглядел он, как добрый старичок, работающий всю жизнь, исключительно заведующим попугайчиками в зоомагазине. У него была кличка, в кругах студентов – «Адвокат». В связи с тем, что он всегда, при любом конфликте и в любом случае, до последнего находится на стороне студентов, даже если они, не правы. Но

вот Милан, это был особый случай.

– Зымовый Милан... какой по счёту раз, ты уже сидишь на этом месте? – хрипло и спокойно, произнёс Анатолий.

– Ну как? На сколько, я помню, седьмой, – честно и быстро, выдал он и сразу же продолжил, – Но ведь, дело же не в количестве, а в нужде моего, пребывания здесь. Я могу и завтра сюда прийти и после завтра. Да вообще, каждый день – мне не трудно. Можете не слушать, но я всё ещё, не признаю тех обвинений, которые мне предъявляли, на протяжении всего времени.

Анатолий Иванович, тяжело вздохнул: – Милан, Милан, Милан... это уже я слышал, от тебя.

– Ну так, а я и не изменил своё мнение.

– Я знаю... – он подержал пяти секундную паузу, – Наверно, мне не нужно сомневаться, о твоём участии, в «ситуации», что случилась три дня назад. Когда на двух наших студентов, было совершено нападение. Калэб Рановских и Эдуард Калчугин, получили ранения из...

– Подождите-подождите. Вы, наверное, ошиблись, – он начал говорить кривым, саркастичным голосом, – Просто я слышал, другое. ЧЕТЫРЕ дня назад. Напали на наших двух студентов. Клима Филомэнко и Евгена Фарола. А вот напали на них, как раз те, которых вы только что перечислили, только там был ещё и третий нападавший, Марк...

– Милан хватит! – крикнул ректор и моментально посмотрел на окна своего кабинета, чтобы убедиться, что он заве-

сил жалюзи. Завесил.

– А вы что не знали?! Да ладно! – иронично добавил Милан, – Ааа, я понял вашу логику. Они не знакомы с важными для вас людьми. Какой из них толк будет потом, да?

– Милан, перестань нести чушь!

– Чушь?! Хорошо... тогда объясните, какой путь сейчас проходит это дело. И какую роль, лично вы исполняете в нём?

– Наблюдателя! Пока что.

– Аа, да да да. Давайте, я перефразирую, – Милан окончательно вошёл в свой любимый образ, – Роль – ссыкла ебаного! Как вам? По-моему – как раз! – Милан, демонстративно поднялся со стула и развёл руками.

– Сядь и закрой рот! Либо мне придётся применить совершенно иные меры! – как ни странно, Милан послушался и сел, но улыбка с лица, у него не слазила, – Ты знаешь, что в этом деле, нельзя делать резких движений? Вот и я, стараюсь как могу, – после столь тяжёлых слов для Анатолия, у него по немного начинали трястись руки.

– А почему тогда, я могу делать такие движения, а вы нет? Я могу продвигать, некую справедливость, а вы... – Милан «проглотил» матерное слово, вертящееся, у него на языке, – боитесь. И кстати, заявления в полицию от этих двух было? Нееееет, – за этим последовала довольная улыбка, – Ну так советую вам от этого и отталкиваться. И скорей всего, не станут. Об этом свидетельствует, мой диалог с вами. А не про-

куратурой.

– То есть, ты хочешь сказать, что ты всегда прав?! И нужно творить самосуд?!

– Может и нет. А как поступать, если они не понимают по-другому? А на счёт, прав я всегда или нет, где я ошибся?

– Тебе сказать где ты ошибся? Знаешь такого Александра Михайловича?! Преподавателя, так скажем, – он поиграл скулами, – подвергшийся угнетению, с твоей стороны!

– Я же вам уже говорил, почему у меня, к нему, такое отношение. Если вы забыли, то я напомним. Этот человек, нас в хуй не ставил!

– Милан!

– Я не закончил! Он систематически опаздывал к нам на третью пару, ровно от пятнадцати до двадцати минут. Он вёл, только у нас пары. Так что у меня состоялась теория о том, что, либо он тупой, либо не уважает как таковых, студентов, к которым приходит. И в конце, моя вторая теория подтвердилось. И, следуя этому, я потребовал одно из двух, оплатить штраф или уволиться. И, акцентирую, я это сделал, без какого-нибудь насилия! Честным путём! Он – проигнорировал! Как и вы! И вы это знаете!

– Думаешь, мне он нравится? Думаешь, я не хочу его отсюда вышвырнуть? Милан, ты же знаешь, что у меня некем его замени...

– Подождите, – перебил Милан, – Вы так и не ответили, – он упрямо продолжал добиваться своего, – Почему, я пыта-

уюсь что-то делать, а вы нет?

– Милан, перестань это тянуть из меня! Да, я боюсь, что меня могут посадить за это! За то, что буду лезть куда не следует. Да я боюсь, что они могут прийти ко мне домой, к моей жене и моим детям.

– Ваши дети, живут даже не в этой республике, а совершенно в другой стране! Вы и ваша жена? Да вам, уже шестьдесят лет. Почему мне двадцать и я не боюсь рисковать своей жизнью и моими относительно молодыми родителями? А вы сколько надеетесь ещё прожить?! Два года, три? Вы видели статистику, знакомы с ней? По которой, в среднем мужчины живут пятьдесят один год. Вы мало прожили?! Вам уже нечем рисковать! – слушая Милана, Анатолий Иванович, начал сильно нервничать, что не дало ему ответить.

– Так что, я вообще не понимаю, зачем вы меня сюда вызвали. Наши дискуссии, всегда заканчиваются, на одном и том же. Только сейчас, я хочу поставить жирную точку. Я забираю свои слова обратно и сюда, к вам, больше не приду, – Милан снова поднялся с места, Анатолий последовал ему, – Ведь сегодня, своим чрезмерно пассивным поведением, я доказал ещё одну свою теорию. Вы меня боитесь! Но вот дилемма... Я никогда вам не угрожал и не собираюсь. Все те угрозы, которые я мог извергать, были адресованы определенным людям. Тем, которые, с моей точки зрения, заслуживают этого. И всё равно при этом, остаются лишь угрозами. И извините, но в свете последних событий, вы давно пере-

стали, для на всех, хоть что-то значит. Ну и в конце... причина по которой вы меня сюда вызвали... у вас нет доказательств, что это сделал я, даже косвенных. У вас, только слухи и разные бредни! А я, в них, участвовать не собираюсь, — закончив мысль, он вышел из кабинета.

Через медленно, закрывающиеся двери, Анатолий видел, как он пошёл к студенту, о котором его спрашивал Ломинов и они вместе, ушли по коридору. А Анатолий Иванович, так и продолжал стоять, засмотревшись в деревянную дверь.

- Глава 7 -

– Повтори ещё раз, что тебя беспокоит?

Дэриэл сидел в кабинете, обставленного светлого оттенка мебелью и смотрел доктору в глаза. Его нос зудел, но он старался перебороть себя и не обращать на это внимания.

– Смотри... – Екатерина Валериевна, начала использовать успокаивающий тон, – Я психологиня и чтобы мне стать полезной твоей проблеме, со мной нужно разговаривать или хотя бы, по минимуму, честно отвечать на мои вопросы.

Дэриэл не знал, как лучше объяснить свою проблему, к тому же, он не вполне верил, что это того стоит и ему действительно это поможет. Но всё же его утешал сам факт, что он, хоть и нехотя, но убил человека. И то, что вчера этого не повторилось с Лизой Лэкорой, ему не придавало оптимизма.

Подобное, значило его отчаяние, из-за этого, не знал, как и к кому лучше обратиться, чтобы ему действительно помогли, потому что, как он считает: «Не ровен час и это вновь может повториться».

– У меня бывают моменты... Когда мне тяжело себя контролировать, – хрипло выдавил из себя.

Естественно, он старался не взболтнуть лишнего. И в тоже время, он чувствовал себя идиотом, потому что, придя сюда сам и чётко зная свою проблему, он не мог внятно ничего

сказать.

– В каком смысле? И что за моменты? – она вздохнула, – Можешь, пожалуйста, мне по подробней описать один из таких и что ты при этом чувствуешь?

Сомнения Дэриэла, об этом походе к психологу, подогревались. Дело в том, что он не смог дождаться приёма к доктору, которого посоветовал ему отец, ввиду плотного графика Светланы Фурустевич. А после инцидента с Лэкорой, он не смог больше ждать, боясь за себя и своё здоровье. Поэтому, не найдя ничего лучше, пошёл к психологине, которая работала в его университете. Но с каждой секундой, проведённой на этом сеансе, он жалел о своём решении.

– Они вызываются, в следствии моего, так скажем, негодования, – Дэриэл юлил как мог.

– Хорошо, я начинаю понимать, но всё же, мне нужна твоя помощь... Ты хочешь сказать, что тебя мучают, какие-то приступы, при которых ты начинаешь вести себя не так как обычно?

– Да, наверное, вы правы... Это что-то на вроде того, – Дэриэл был рад, что ему не пришлось ещё раз ей, завуалировано искать объяснение.

– Я поняла. Теперь можешь, пожалуйста, постараться припомнить, когда это началось? Или какой-то случай, связанный с твоей проблемой?

Он задумался. После пары секунд капания в голове, Дэриэл нашёл что рассказать: – Ну, например, встречая свою

коллегу по работе... Есть у меня одна такая... И анализируя её логические цепочки, отношение к другим людям, да и вообще к жизни... Мне хочется подойти к ней вплотную и «не лицепрятно» выразить своё мнение, о её деятельности и поступках, направленных, как минимум, в мою сторону и сторону моих друзей и знакомых. [Секундное молчание].

– Я поняла... Ну ведь это только лишь на словах? Так?

– Нууу... Я бы не сказал так уверенно... – Екатерина Валериевна немного расширила глаза и напряглась, – Если исходить из фактов, то в прошлый раз, моё терпение было на грани. И это слово в полной мере здесь подходит, так как, действительно ещё бы чуть-чуть и всё... во всяком случае мне так показалось.

– И как ты себя чувствуешь? – не зная, что ответить, спросила она.

– Скорее подавлено, – без задней мысли ответил Дэриэл. Он уже немного расслабившись, выдавал всё больше и больше информации. Пытаясь всё же улучшить как-то своё моральное состояние.

Екатерина Валериевна пыталась, что-то выдать из себя, но суть в том, что она ещё не сталкивалась с такой проблемой. Ведь стаж всего в два года практики, на этой работе и возраст в двадцать семь лет, ко многому не располагал. Нет, она, конечно, знала о такой проблеме, но только лишь из учебников и видя конечную стадию этого отклонения в пациентов психбольниц. И из-за этого, между вопросами, она

делала неприлично большие паузы. Что Дэриэл вроде не замечал. И не найдя ничего лучше, она решила сделать так, как ей советовал её наставник по практике, ещё шесть лет назад.

– Дэриэл, послушай... Мне знакома твоя проблема... – он сидел на удобном и мягком кресле, ожидая каких-то позитивных советов от неё, – И я очень рада, что ты пришёл ко мне с этим недугом. Ведь проблема эта действительно серьёзная и её нужно обязательно и причём в кратчайшие сроки – решить. Чтобы она не ухудшалась. Поэтому, мы сделаем так, – Дэриэл внимательно слушал, – Я передам твоё дело в психбольницу, чтобы они тебя обследовали и уже решили, что нам с тобой делать. Походишь туда недельку другую и...

– Стоп. Что?! – Дэриэл встревожился и занервничал, причём серьёзно.

– Ну, а что ты хотел? У тебя действительно проблемы и их нужно решать...

– Подождите, ну если узнают, что я направлен на лечение в психбольницу, то меня мало того, что выгонят с работы, так ещё и с универа пошлют...

– Не бойся, я договорюсь с ректором, – Екатерина Валериевна пыталась снова «заполонить» всё пространство своим успокаивающим голосом, но не вышло. Хоть Дэриэл возможно и был психом, но не дураком.

– Да что вы говорите? – задумался, – А те двое студентов, которых вы тоже направляли туда, вы и за них просили? Если да, то плохо это делали, так как если вы не знаете, они

повеселись три месяца назад. Но вы наверняка слышали об этом. Я-то думал они всерьёз психи, а оказывается вы всех туда направляете. У них, что тоже были похожие диагнозы на мой?

– Неееет, это были другие случаи... – Екатерина тревожно и с дрожью в голосе начала заминать тему, – У них были намного серьёзней проблемы. Так, что не сравнивай. У тебя ещё есть шанс, – она все ещё пыталась его успокоить.

Но Дэриэл не был зол, хоть и повысил тон. Он был испуган.

– Да, у меня он есть, но сейчас вы отбираете его.

Пока Екатерина искала слова для парирования, Дэриэла посетило одно увлекательнейшее воспоминание, когда они с Элаем ещё не были знакомы, он слышал о конфликте, которому в то время не придавал значения. Да и замяли его быстро. А теперь всё сложилось в одну картину и в голове Дэриэла вышло нечто подобное: Элай, каким-то образом, прознал о одной из версий причин взятия на работу Екатерины Валериевны и составив, так скажем, пробную версию её биографии, которую втихую поместил на страницы газеты.

Был ли Элай до конца честен в своей статье – не известно. И ко всему этому Дэриэл точно не помнил, о чём там конкретно говорилось, но наблюдая масштабы конфликта, он был уверен, что речь шла о физической близости ректора и Екатерины.

Это был первый скандал и первое предупреждение Элаю.

Второе же предупреждение было, после статьи с этими же двумя студентами. Подробную информацию о которых, Дэриэл уже подзабыл. И как оказалось, со слов Элая, писать ему о Екатерине Валериевне – было строго на строго запрещено, ибо пригрозили административной статьёй.

– Дэриэл послушай, те студенты имели действительно большие проблемы со здоровьем, но излечимы нашей медициной. И это они выбрали себе такую судьбу, а ни, кто-то другой. Тем более они были направлены в нашу республиканскую. А тебя я порекомендую в Кролив.

– Крол... Вы серьёзно? – Дэриэл выпучил глаза, – Это же ещё хуже!

– Кто тебе сказал? – удивлённо и тихо произнесла она и уже понемногу начала вставать со стула.

– Секундочку... Вы там были?

– Лично – нет, но знаю от достоверных источников, что...

– Хэ-хэ! – от Дэриэла это прозвучало слишком дерзко, что не понравилось Екатерине и она уже подошла к двери, немного опасаясь его.

– Дэриэл выслушай, это же делается не ради смеха, а для улучшения твоего самочувствия.

Дэриэл слышал очень много историй о больнице Кролив и о том, как именно там «лечат», но понял, что объяснять это – бесполезно. Лечебница Кролив находилась в Сичевській області и имела «славу» с самым жестоким обращением с пациентами.

– Я... – резко сменил риторику, – Вас понимаю и даже поддерживаю, – ему самому это было мерзко произносить, но нужно как-то было исправить и урегулировать «натянутую» обстановку и не поднять градус агрессии, который он уже чутка чувствовал, вырывающегося из груди, – Но поймите меня... Я хочу доучиться и получить опыт в работе, которая мне нравится, – она хотела возразить, – Дайте договорить... Эти проблемы у меня начались недавно и я уверен, что они так же быстро уйдут, как и пришли. Я буду рад, если вы пойдёте мне навстречу в этом деле. Я готов приходить сюда столько, сколько нужно. Делать всё для своего оздоровления, но только не в больницу. Потому что там закончиться моя жизнь, – в его глазах виднелась настойчивость, уверенность и щепотка страха.

Она молчала и смотрела на него. Процесс убеждения сошёл с мёртвой точки. Теперь страх Екатерины Валериевны связанный с персоной Дэриэла, плавно переходил в страх, что она может совершить большую ошибку, как с теми ребятами, попавших в больницу с её направления по просьбе с выше, если не довериться.

Дэриэл ошибся, они не вешались, а пропали. Тело смогли отыскать лишь одного, а поэтому официальная версия была такова, что двое повесились. А Элай, как единственный, кто узнал об этом из студентов, тоже получил не совсем правильную информацию при написании статьи. В те дни, когда началась шумиха по этому делу, Екатерина Валериевна три дня

просидела дома и всё время рыдала, боясь осознать того, что непосредственно виновата в их смерти. Хотя, естественно, не было точных доказательств. Дело замяли, как и многие другие. Без нахождения виновных, всё «повесили» на самих ребят (иронично).

– Ну допустим я доверюсь тебе... – Дэриэл с надеждой посмотрел на неё, – Только мне нужно, чтобы ты, как минимум стал на учёт и ходил сюда официально и чётко по графику. В твоей электронной карте будет записан твой диагноз, симптомы, самочувствие на каждый день и лечебная программа, начиная с 15-го числа, – Дэриэл опустил голову, – Подожди, это никак не повлияет на твою жизнь и является обязательным пунктом в нашей договоренности. Или мне придётся передать твоё дело в больницу...

Не долго думая, Дэриэл осознает, что выбора у него практически нет. И нужно соглашаться хотя бы на это. В порывах затянуть этот момент выбора, ещё хоть на мгновение, он снова осмотрел кабинет. Крутя головой в разные стороны, Дэриэл засмотрелся на свои витражные часы, увидев там семь часов вечера на циферблате и приятное для его глаза переливание фиолетового цвета в розовый, падающего на сами часы. Он удручённо кивнул головой, привстал со стула и с фразой: «Хорошо, я согласен...» – медленно пошёл в её сторону.

– Сколько?!

– Я же сказала, пять минут.

– Пять минут ехать на такси?!

– Да!

– Так, а зачем мы вообще тогда вызывали такси? Пешком бы прошлись. Сколько там идти к этому ресторану...

– Да не хочу я, тем более, мы на каблуках. Так что – садись.

Джына, вместе с Сабриной, села на заднее сидение автомобиля и тот без лишних разговоров – тронулся. На часах уже восемь вечера и темнота понемногу начала заполнять улицы своим присутствием. С каждым метром дороги, которые они проезжали, сидя на удобном сидении у Джыны всё больше закрывались глаза от недосыпа, из-за того, что прошлой ночью, они с Дэриэлом, чуть ли не до утра красили в гостиной её дома.

За окном машины мелькали красочные огни ночной Фее-ры, в чём ей помогали разноцветные плафоны фонарей, вывески магазинов, дорожные знаки и фары других машин. Сабрина, всё время ворочалась и осматривала своё платье, на наличие на нём какого-то изъяна. Что абсолютно не мешало засыпать второй. Сон был неизбежен, как вдруг... [Тыдыщ].

Джына проснулась в воздухе и мгновенно поняла, что они, только что проехали яму на дороге. Она сама не ощутила, как вырубилась на несколько минут. После чего, немного встряхнула головой для того, чтобы до конца проснуться и уже увидела, как Сабрина отдавала деньги таксисту, который припарковался возле нужного им ресторана. Они вышли и

направились к входу. Двери здесь были стеклянные, через которые их увидел швейцар и в быстром порядке, распахнул их. Пройдя вовнутрь, к ним подошёл официант и проводил к столику. Он оказался в углу широкого зала и по пути к нему, между Джыной и Сабриной, состоялся диалог:

– Слушай, это заведение выглядит очень дорогим. Интересно будет взглянуть на меню, – сказала Джына своей новой подруге, так как изначально разговор был о посещение иного места.

– Уже можешь не беспокоиться, – сказала, не пояснив сути своих слов и тут же добавила Сабрина, – А вот те, о который я рассказывала. Ты извини если что ещё раз, что они появились в последний момент. Планировали в двоём, а получилось так, – Джына закивала головой, давая понять, что ничего страшного, – Если что, не суди сторого. Все мы разные, – улыбнулась и подмигнула.

За столиком уже сидели двое девушек, к которым присоединились Джына и Сабрина. Они подошли, улыбаясь поздоровались, представились и присели за стол.

– Хрыстына, вы уже что-то заказали? – спросила Сабрина.

– Да. Борщ – четверо блюд, на всех. Вина пару бутылок и несколько салатов, – ответила девушка, сидящая в джинсах и тёмной кофте, всматриваясь в свой маникюр.

Все, удовлетворившись услышанным заказом, молча закивали. В зале звучала приятная для ушей музыка из расставленной по углам хорошей стерео системы. Официанты

бегали по залу от столика к столику и вежливо подавали еду.

– О чём говорить будем? – спросила Сабрина.

– О чём угодно, но только не о еде. Я уже не могу дождаться... – они слегка улыбнулись на слова Хрыстыны и начали перебирать темы для разговора в голове, – А что там с Алисой? Никто в последнее время не говорил с ней? – Хрыстына посмотрела на Сабрину и вторую подругу, с которой пришла.

– Я говорила. Вчера. Ей сейчас не до этого...

Как в разговор вступила новая, до этого почти не известная Джыне, особа. С глубоким декольте, но длинным платьем, естественно сравнительно с остальными девушками. Всё время до этого говорившая с кем-то по смартфону.

– Это капец! – сказала она и продолжила смотреть в экран смартфона.

– Лия, ты задолбала ныть, – раздражённо вскрикнула Хрыстына, – Успокойся уже. Что получилось – то получилось. Смирись.

Но Лие было всё равно, она продолжала строчить кому-то смс.

– А что случилось? – поинтересовалась Джына.

– Та ничего страшного, просто... – Хрыстыну перебила Лия.

– Ничего страшного?! Ты серьёзно?! А если мне негде будет жить?! То, что, ты к себе меняпустишь?

– Нет, конечно, – это, был довольно грубый тон, но на самом деле, это не о чём не говорило, так как они были луч-

шими подругами.

Лия отвернулась от холодного взгляда Хрыстыны, в свой смартфон.

– Так что всё-таки случилось?

– Кхм... Лия просто потерпела неудачу эпического масштаба, но полностью по своей вине, – холоднокровно ответила её подруга.

– Что? – этот вопрос-возмущение, был ответом на незнакомое слово, сказанное Хрыстыной, – Хочешь сказать, что это я виновата?

– А кто ещё? – спокойно добавила она.

Не найдя ответа, Лия зло фыркнула и отвернулась. В действительности понимая правоту второй, но нехотя этого признавать.

– Так. Что произошло? – настояла Джына.

– Короче, – Сабрина тоже, – У Лии было два парня... – Джына посмотрела на Лию, – И до этого дня, они о друг друге не знали. Но как говорить, этот день должен был настать. Один всё же как-то прознал о втором и оставил ему послание. Маркером... У Лии на заднице... Пока она спала... – после этих слов, Сабрина пустила лёгкий смешок, но тут же утихла, после пристального взгляда на них в исполнении Лии, – Ну я думаю далее рассказывать, нет смысла.

Все молчали. Хрыстына судорожно смотрела через весь зал на кухню и искала там повара, готовящего их заказ. В этом ресторане кухня была за стеклянными стенами. Лия по

очереди пыталась набрать номер то одного то другого, а после послала обоим смс с одинаковым текстом. Сабрина читала меню, а Джыну, в это время, мучил один вопрос: «Лия... Лия... Где-то это имя я уже слышала...». Она всё больше пожирала взглядом Лию так, чтобы та этого не увидела. Но ответ лежал на поверхности. И в один момент, она к нему пришла. «Точно» – она вспомнила, как за обедом в университете, какие-то парни, обсуждали личную жизнь Лии. Но справедливости ради, ей было интересно слушать её биографию от других. Да и обсуждавшие, умели красиво рассказать. Вот что ей удалось краем уха услышать за время перемены:

– Ль-ия? – заикаясь, – Тебе понравилась Лия Летуч? Серьёзно? – спрашивает неизвестный Джыне студент у другого такого же неизвестного.

– Ну да, а что? Она вроде норм. Или нет? – неуверенно.

– Ааа, ты по хоо... ду не в курсе... Эх... Так-то оно так, да не совсем. Шмара она немного, а так в принципе норм... – и саркастично улыбнулся, а втором с интересом слушал дальше, – Короче. Пока ты первые годы учёбы просиживал в о-общаге, – он ехидно улыбнулся, – Я не сидел на месте. И заметил Ль-июю на новый год у кого-то на хате. Подойти сразу – я постеснялся. И начал понемногу мониторить её в универе, оказалось у нас несколько общих зна-акомых. По-знакомился, но как друг. И заметил, что у неё всегда были деньги на новые вещи и очень частые походы в рестораны с друзьями. Это бросалось в глаза, ведь откуда, если родители

у неё не бо-огатые, да и стипендию она не получала. Так что, о получении ей этих денег, слухи ходили разные. А правду я узнал только через пару месяцев после знакомства с ней, от её подруги.

– Так-так... – друг, был уже в предвкушении.

– Как она мне рассказала, у Ли-ии – не было постоянного места жительства. И выяснилось, для того чтобы не тратить денег на жильё и еду, она специально начинала встречаться с парнями, чтобы жить у них. Делала это быстро и оперативно, ну а какой парень откажется от такой компании. Пожив немного, она расходилась и сразу же переезжала к новому. А для этого, будучи с одним, она им... еет ещё пару вариантов.

– Неплохо, – ухмыляясь, прокомментировал. А ты не хотел подставить её, ну в смысле рассказать тем пацанам правду?

– Нееет. Скажу тебе так... Лохи не переведутся. Расскажешь одним, найдутся другие...

После воспоминаний. Джына снова осмотрела всех сидящих за столом, только теперь её взгляд остановился на Хрыстыне. Которая, впервые за всё время положила свои руки на стол и не смотрела на них. И вот теперь Джына могла вполне разглядеть её маникюр, которым она весь вечер любит. И тут же пришло разочарование, ведь никакого маникюра, там вовсе нет. А наблюдается вполне мужская стрижка ногтей, почти под корень. Потом её взор медленно поднялся на лицо и на котором так же не было макияжа. За исключение

помады, тёмно-красного цвета. Природа наградила Хрыстыну довольно привлекательной естественной красотой, в особенности её «острые» контуры лица.

Джына думала продолжать дальше «сканировать» девушку, пока не заметила, как губы Хрыстыны, начали двигаться и услышала: – Ооо, – эта реакция была на официанта, подошедшего к ним с подносом, – А где моё? – на подносе было лишь три главных блюда и Хрыстына сразу определила, что там не хватает конкретно её порции.

– Вы имеете ввиду заказ на вынос? – вежливо спросил официант.

– Ну да, – Сабрина и Джына удивились.

– Через минуту – оно будет готово, – вежливо закончил и после одобрительного кивка Хрыстыны, удалился.

– Ты не останешься? – неуверенно выдала Сабрина.

– А зачем? Вы планировали собраться вдвоём, вот пусть так и остаётся. И извините за то, что мы вам помешали, – без сарказма и иронии, – Я заберу сейчас свой заказ и уйду, что советую и тебе, – укоризненно посмотрела на Лию.

– Та почему? Давай ещё посидим, – Лия пыталась её остановить, но та уже смотрела в сторону идущего к ним официанта, который вручил ей заветное лакомство. Она не могла перестать смотреть на завёрнутый пакет, своими голодными глазами. Лия продолжала что-то гласить Хрыстыне, но её это не интересовало, она уже представила, как придёт домой и примется трапезничать.

– Всё, – Хрыстына встала со стула, – Всем удачи. И да, Лия, если в четвёртый раз, у тебя опять повториться такая же ситуация, пожалуйста, не звони больше мне или Сабрине со словами «Это конец... Я не знаю, что делать... Помоги...», и бросать трубку, – Лия ненавистно отвернулась, – Ибо, я надеюсь ты помнишь сказку о мальчике и стае волков, – не дожидаясь ответа, она надела синий шарфик, который всё это время висел на её стуле и добавила, – Кстати, если что, я всё оплатила. Приятного вечера, – и ушла.

Сабрина и Джына всё это время молча следили за ситуацией. И в конце кивками благодарственно, проводили её взглядами. Смотря Хрыстыне в спину, в голове Джыны на секунду промелькнула мысль о том, что если бы её новый друг, с которым их познакомил Дэриэл, Элай, имел немного иной пол, то он бы точно был похож на Хрыстыну. Но как быстро эта мысль пришла, то так же идентично и покинула её. И как только Джына «вышла» из своих тягучих и постоянных размышлений и развернулась к столу, она заметила пустой стул Сабрины.

А на столе стояло, не тронутое блюдо. Вердикт был понятен, она куда-то вышла. Но вот почему не предупредила, она не поняла. Или может предупредила, но Джына не слышала. Идти куда-то на поиски Сабрины, ей не хотелось, поэтому она решила просто подождать, когда она вернётся и пока не спрашивать ничего. Но ясно было лишь одно, теперь за столиком осталась сидеть только она и Лия.

Вскоре «пришла» скука, в этот момент ей хотелось достать свой смартфон и залезть в интернет, но вспомнив, что ещё в такси сквозь сон, слышала последние гудки перед его разрядкой, она передумала. Чуток помяв руки и обдумывая свои действия, она взглянула на Лию, с надеждой, что та тоже ищет повода заговорить с ней. Но нет, она в это время, всё также смотрела в экран своего смартфона и частично поправляла свои светлые волосы, левой рукой. Увидев это, Джына как-то инстинктивно, тоже дотронулась своих волос и убедилась, что с причёской всё в порядке. «Так, стоп!» – подумала она. «Успокойся» – она почесала нос и продолжила думать. «Мне нужно придумать тему для разговора», – она продолжала говорить сама с собой, потом на секунду засмотрелась на свои руки, высматривая рыже-огненный маникюр и резко подняв голову на Лию, выдала без подготовки и обдумывания: – Привет ещё раз. Сколько ты говоришь, у тебя парней было? – Лия даже не ожидала такого вопроса, судя по её реакции, где она выпучила глаза и резко содрогнулась, с ужасом посмотрев на Джыну.

Вечер, половина девятого. Дэриэл был уже на пол пути к дому и всю дорогу жалел, что не прихватил с собой куртку. Плюс ко всему, у него разболелась голова, из-за переживаний за своё будущее, на которое мог повлиять тот документ, подписанный пол часа назад и гласивший, что теперь он приходится под надзором больницы университета, подконтрольной городского Психологического центра. Хотя пе-

реживаниями, это было трудно назвать, так как это переросло уже в реальный страх и тихую панику. Но терпение, дойти как минимум до дома без проблем, ему хватило.

Он вошёл и увидел, что его мать ещё на работе. Потом снял кроссовки и пронёс их в свою комнату. Зайдя, он кинул ключи на кровать и всё остальное из своих карманов в штанах и застопорился. Не долго думая, он открыл рот, и не видя никакого другого выхода чтобы «остыть», хотел во всё горло закричать. Но не стал. Потом сам не зная почему, закрыл рот и со всего размаху, левой рукой, ударил по столу.

Все лежащие на нём вещи подпрыгнули и слетели с него. Стол не сломался, но осталась вмятина на столешнице. Рука Дэриэла покраснела, но он этого не почувствовал, его переполняло удовлетворение. И ближайšie несколько минут, он больше не злился ни на кого и не боялся ничего. В это мгновение, он чувствовал лишь нежное умиротворение.

Дэриэл сел на кровать, убрал с неё ноутбук и уставился в окно. За ним витала уже приличная темнота. Через дорогу виднелся парк Крыив и пустые улицы. Сам не зная почему, он закрыл жалюзи, потом резко окинул взгляд на часы, а потом также резко – отвёл его. Возможно, боясь за то, что мама уже сильно задерживается, а возможно что-то иное. Поняв, что количество времени, он так и не сумел разглядеть, сделал тоже самое во второй раз, уже медленнее. На циферблате было 9:40, но он снова этого не увидел. Дэриэл перестал моргать, его внимание привлекло отражение его комнатной, са-

латовой люстры в витражной рамке часов. И каждый раз, когда Дэриэл замечал красивое преломление световых лучей, на его часах, он вспоминал, как возымел эти самые часы.

Восемь вечера. Середина октября.

– Мааам... – Женя проглотил огромный ком, скопившийся в горле за последний час, – Тебе очень больно? – и поднял безнадежный взгляд на неё.

Лежащая его мать на кушетке больницы, повернула на него голову. И уже в какой раз, показала ему на сколько она исхудала за эти пару месяцев болезни. Тело было настолько худым, что не понимающий в этом человек, подумал бы, что мышцы начали атрофироваться...

Но врачи говорят, что это только кажется и до этого ещё далеко.

Его мать, смотря в глаза – пыталась перебарывая боль, изобразить улыбку и открыла рот чтобы ответить, как в палату вбежали несколько врачей, как по звонку и не дали ей произнести ни слова.

Двое начали копошиться около аппаратуры, стоящей слева от кровати. Один осматривал её состояние, а последний подошёл к Жене. Женя не поднял на него взгляда, понимая кто это мог бы быть, а продолжал смотреть на неё, ужасаясь на сколько она изменилась, сравнительно с фотографией её же, стоящей в рамке на тумбочке справа, сделанной только год назад и принесённой им же.

Его правый глаз заслезился. И так как, он не хотел, чтобы

его мать увидела это, он отвёл взгляд. Прямоком на вход в палату, где около дверей стояла ещё одна тумбочка, с ещё двумя фото в рамках. На одной Женя с отцом стоит и держит праздничный торт на своё десятилетие. А вот вторая сослужила ему катализатором в рвении абстрагироваться от происходящего, для того чтобы у него, хоть на секунду, перестало «зудеть» сердце.

Десять месяцев назад, когда Арине Владимировне ещё не поставили этот ужасный диагноз (рак), она ездила в соседнюю страну к родственникам. По приезду она привезла свои давнишние вещи и фотографии. И была среди них фото старого образца. На ней его матери лет семнадцать. Женю эта фотография очень зацепила. Он оцифровал её, распечатал в большом размере и вставил в рамку. Вечером поставил фотографию на полку и пошёл тогда ещё с незнакомым ему Миланом, знакомиться с городом.

Через некоторое время ему последовал звонок, она была в слезах. Сначала он испугался, подумав, что случилось что-то серьёзное. Женя уже был готов рвать домой, но потом он услышал “Спасибо”. У него в голове не укладывалось, от чего такое состояние, что говорить стало трудно. “Спасибо за фотографию” – наконец добавила она. Его мать была настолько счастлива от сюрприза, что её просто переполняли чувства и эмоции.

Он в первый раз видел маму в таком состоянии после смерти отца и не рассчитывал, что обычная, старая фотогра-

фия в рамке, ошастливит её настолько. Отец Жени, всегда учил его быть сильным и редко показывать свои эмоции на публику. Но он и представить себе не мог, через что Жене придётся пройти за всю жизнь. Именно из-за этого он и стал, как считают его ровесники и друзья, через шур молчаливым и замкнутым в себе, но не стеснительным.

Женя пришёл в себя и тут же не намеренно спустил с глаз по несколько слёз. Но быстро вытер их с лица и резко повернулся к матери.

Ситуация не изменилась, врачи всё также стояли на своём месте. Он решил подойти ближе, но его задержал лечащий врач. Одним взглядом показавший, что на сегодня приём придётся закончить, ибо процедуры ждать не могут. Он понял намёк и уже с прощальным взглядом развернулся к матери. Которая слезливо, от боли, подняла на него взгляд и на её губах Женя прочёл: "Я тебя люблю", и маленький кивок головы, вместо прощания на сегодня.

В край подавленный Женя, вышел из палаты и у дверей его уже ждал Дэриэл. Который, с немым вопросом смотрел на него, слегка опустивши голову. Милан стоял в метре от него и тоже многозначительно держал взгляд. Через пару секунд, уже и Клим его заметил, показывая рукой в его сторону Диме, сидящему на скамейке. И только, когда все встали в полукруг, Дима задал вопрос: "Ну как там?". К слову, на который Клим плохо отреагировал, посмотрев на него и давая понять, что такие вопросы здесь не уместны.

Женя вдумчиво, смотря в пол, произнёс: – Знаете... – все затихли, чего-то предвкушая, – Когда отец лежал в больнице, перед смертью, он сказал интересную вещь, попробую процитировать: "Раньше я не любил спать, потому что, когда ты засыпаешь, ты на семь часов как бы выпадаешь из реальности. А сейчас, я безумно люблю спать, потому что, когда ты засыпаешь, ты на семь часов как бы выпадаешь из реальности", – в конце Женя злостно и измучено ухмыльнулся, – Тогда я не понял, о чём он говорил, в чём была суть, но не теперь.

Никто даже не знал, как реагировать на такие слова, поэтому все просто промолчали. Все кроме Димы. Он терпеть не мог пропускать через себя такие ощущения как: переживания, грусть, соболезнования кому-то, и главное, быть лишним раз серьёзным. Из-за того, что как он считает, если думать о плохом, то легче не станет. По этой причине, он, как и всегда, пока все переваривали слова Жени, «врезался» со словами: – А я вот от своего отца, когда мне было десять лет, услышал другую фразу... – он начал трясти указательным пальцем, – Слушайте и вдумывайтесь... – с каждым произнесённым им словом, Дэриэл и Милан, ждали от Димы чего-то философско-важного для Жени.

Но не Клим, который вполне осознавал и ожидал какую-то «хрень», рвущееся из Димы: – "Еда – это лучшее удовольствие, которое можно получить не снимая штанов" – все изнемогая смех, фыркнули. Клим и Женя тоже, но слабее.

– Смешно, конечно, но мне ты это уже рассказывал, – улыбнулся Клим.

– Да?! – недоумённо выразился Дима, – Это плохо, не люблю повторяться, – всерьёз продолжил он, – Слушайте тогда новую историю.

Сначала все взглянули на Женю и только после того, как убедились, что тот тоже заинтересовался, решили, что это будет уместно: – Короче, три дня назад купил отец себе новый смартфон. Ну и пришлось мне учить его пользоваться. С седьмого раза, он вроде, понял какие иконки, что делают... и тут в конце, последняя проверка на память. И на мой вопрос о конкретной функции одной из иконок, папа зашёл не в то приложение. Ну я ему как бы логично отвечаю: "Выйди отсюда". И он, со спокойной душой, просто молча встаёт и уходит в туалет, – теперь же все начали смеяться, и Женя даже начал забывать о своих переживаниях, – Да-да, смешной мужик он, – слегка добавил он.

– Угу, я ещё помню, как он нарисовал картину и назвал её "Десять алых писюнов", – подметил Милан, – Нет, я конечно её не видел, но название говорит само за себя...

– И слава богу, что не видел, – прошептал Клим с Димой скревив лицо.

– Подожди, – Дэриэл обратился к Диме, – Ты случайно не в него пошёл художником?

– Я?! Та это он подсмотрел у меня! – по-доброму возмутился Дима, – Ещё в детстве, я помню, как много любил ри-

совать часами на пролёт. Излюбленными, спиртовыми фломастерами. Наутро, конечно, болела голова... И приходилось ещё чуть-чуть порисовать, чтобы прийти в себя, но это такое.

Все тут же поняли отсылку и переглянувшись, снова заулыбались.

– Через пару секунд, все начали под утихать, но ненадолго.

– Да, кстати, забыл рассказать, – Все повернулись лицом к Жене, – Пока я ждал приёма к маме – сидел в очереди. Ко мне подошёл Мамин лечащий врач. Мы немного сдружились с ним за эти дни... – все кивнули, – Он рассказал, с чем ему пришлось столкнуться этим утром... – он сделал паузу на рассказе, увидев, как с кармана Клима что-то лезет... – Клим там у тебя... – и показал пальцем.

– Ооо, ты проснулась! – И достал сову с кармана, – Выспалась?! – Полусонная Вера, ещё не успев до конца открыть глаза, начала вертеться в руках Клима, – Надеюсь, что да, ибо я – нет.

– Ты о чём? – поинтересовался Милан.

– Я о том, что эта ночная подруга, не давала мне всю ночь уснуть, бегая по комнатах и скидывая всё со толов на своём пути. Я, естественно, тоже не спал. А вот под утро, она уснула – а я уже нет!

– Хм, весело. Стоп, а ты что не у Лизы ночевал? – Дима заулыбался.

– Та нет, а с чего я должен у неё ночевать?

– Ну не знаю... Почему-то мне так подумалось. Но при-
знайся, хотелось бы, а?

– Ну, а почему бы и нет? – улыбочиво логично подметил
Клим.

– Ах ты старый развратник, – в шутку обвинил его Дима
и слегка толкнул.

– А почему старый-то? – Дэриэл не совсем понял юмор
Димы.

– Как почему? Уже как пол года ему третий десяток
идёт, – подтрунивая Дима.

Такой юмор Димы – не всем «зашёл» и чтобы на этом не
заострять внимание, Женя продолжил: – Вы меня перебили.
Так вот, началось всё с того, как к доктору на утро пришла
мать с сыном и говорит: "У меня ребёнок плохо дышит но-
сом. Я его и заставляла и била и уговаривала и угрожала...
Всё равно не хочет дышать носом", – тут он остановился,
увидев, как на него удивлённо смотрят остальные и отреаги-
ровал, – Я тоже удивился. Дальше: "Полтора года бьюсь, –
она говорит, – не могу ничего поделатъ, и решила вот прийти
всё-таки к вам". Её сын, пацану лет двенадцать и как говорит
врач, с явными признаками, какого-то аденоидного типа ли-
ца, ну или как-то так. С его слов, у парня большой нос,
открытый рот, выраженная верхняя челюсть, большие перед-
ние зубы. Дальше он начал говорить о каких-то миндалинах,
но это я уже не запомнил. Главное не в этом, а в том, что у

него были перекрыты дыхательные пути. И в ужасе говорит ей, мол операция нужна, причём тут же и срочно. А она начинает махать руками и возмущаться, говоря: "Нет, не нужна никакая операция! Просто объясните ему как дышать!", – все раскрыли рты и даже немного смеясь, были в шоке, – У меня такое же лицо было, когда я впервые это услышал. И это ещё не всё! Операцию они всё же провели, получилось уговорить его мать и объяснить ситуацию. А после, парень в тихую рассказал, что последние полгода, мать заклеивала ему дома ему рот скотчем, заставляя дышать носом... – Тут все и выпучили глаза, – Вот так. Цивилизация. Образование. Всё без толку... И вы представляете этот парень рыжий и с зелёными глазами. Таких динозавров беречь нужно, а она его чуть не убила. Ну теперь пацану ничего не угрожает. Хотя... С такой матерью...

– Мдаа, – изрёк Дэриэл.

– Та это всё из-за пропоганды. Изо всех щелей постоянно рассказывают о бездуховности больниц и врачей. Заманивая таким образом в церковь, – все согласившись кивали, – Поэтому такое и происходит, – прокомментировал Милан со злой гримасой, – Всё из этого грёбанного зомбоящика, хоть и не смотришь, но на подкорке всё пишется, – в конце все опять кивнули, все кроме Клима, он переглянувшись задумался.

И через несколько секунд, Дима спросил: – Ну что? Будем уже уходить?

Услышав это, Женя напрягся, медленно повернулся лицом к маминой палате. Увидев сверху над дверьми сверкающим шрифтом: "Не беспокоить" и молча смирившись, начал медленно перебирать ноги.

Они спустились со второго этажа и на стене около приёмной, увидели надпись: "В случае пожарной тревоги, следовать инструкции техники безопасности". И справа была предоставлена инструкция и схема эвакуации, на которые Дима не здраво отреагировал: – О! ТэБэшка! Моя родимая...

Клим тоже странно подавился слюной. Остальные же юмора не поняли и стали ждать разъяснений.

– В смысле? Мы вам не говорили о важности техники безопасности? – он отчётливо выделил последние слова, на что Клим, смотря на Диму, закивал головой, сообщая ему о необязательности, посвящать их в это.

– Эм, а что такого в ТБ интересного? – задал логичный вопрос Дэриэл, – Она здесь как-то неправильно сделана? Я просто не разбираюсь.

– Да я не об этом. Просто у нас с Климом был один случай... Кстати, я почему-то считал, что об этом рассказывал, – остальные отрицательно кивнули.

– Ну ладно... Расскажу.

Клим снова закивал головой: – Я бы не стал...

– Да почему?! – отвязно, заявил он, – Крутой же случай, – Клим снова поперхнулся от услышанного, – Мы тогда сло-

ва мужика, на всю жизнь запомнили, – и начал рассказ, – На первом курсе ездили мы тремя группами на экскурсию по различным заводам. Один из последних был металлургический. Зашли мы в цех, а нас человек шестьдесят. Вокруг куча станков и инструментов, в разных углах что-то режут, чеканят и ещё какую-то хрень вытворяют. А один работник всё нам показывает и объясняет, что мол, да и как. И тут на очереди гильотина для металлических листов. Он её там запустил, срезал несколько миллиметровых листов и говорит: "Только обязательно придерживайтесь техники безопасности!! И не пихайте руки под гильотину. Вот так как я!".

– И суёт правую руку, а там «чик»... – Дэриэл, Милан и Женя широко раскрыли глаза, – Кисть правой руки отлетела на метр и из того места начал плескаться фонтан крови. Пятеро девок сразу упали в обморок и ещё десять на месте спустили всё из желудка, даже несколько пацанов этим согрешили, – всё это, он рассказывал немного посмеиваясь для пущего интереса и в конце задумался, – Я вроде норм выдержал, а вот как Клим, не помню... – все посмотрели на Клима.

– Что? Ааа... Та тоже нормально. У меня же нет боязни крови, – сухо подвёл он, – Просто неприятно было такое наблюдать.

– Это да... Ну вот и после этого, ТБ я соблюдаю железобетонно.

Обдумав всё и отойдя от такой информации, они даль-

ше продолжили свой путь к выходу. Около проходной стояла большая очередь людей в регистратуру. В основном это были семейные пары с ребёнком, в очереди к детским терапевтам. И вот они впятером, почти приблизились к выходу из больницы, как в четырёх метрах от дверей им перегородил дорогу десятилетний, пухлый мальчик. Он сидел на полу боком к ним. И так получилось, что переступить его было сложно, да и неудобно перед всеми. Поэтому Милан, из-за того, что шёл первым, решил остановиться и подождать, чтобы он увидел их и отошёл.

Малец их увидел, но не отходил. Проходит секунд пять и он дальше продолжает сидеть. Поняв бессмысленность потраченного времени, Милан решается сам подвинуть паренька, как вдруг подбегает его мать, поднимает сына с пола и с пониманием пропускает ребят.

Не успели они продвинуться и на метр, как к ним вплотную подходит уже отец. И капризно так, своей жене: – Ты чего?

– Людям пройти нужно.

– И что?! – он.

Ребята, после этих слов посмотрели на них, потом осмотрелись между собой, Милан злостно шёпотом высказал несколько слов, в их адрес и всё же повёл остальных к выходу. А семья продолжила стоять у прохода выясняя отношения.

Женя забрал свой портфель у гардеробе и двери больницы

за ними закрылись. Сразу расходятся по домам – они не захотели. И подошли к рядом стоящей беседке.

– Жек, ты в понедельник будешь в универе?

– Хмм... Да... У меня консультация на девять.

– О! Тогда отлично. Заглянешь к нам? – он развернулся к Милану, – С бесперебойником опять какая-та хрень.

– Снова? Тот самый? – Милан зевая кивнул, – Значит, опять провод перебился. Ок, посмотрю. Кхм... Кстати, ты заметил, что замены изоляции хватило на год, – он сделал глубокий вдох, потом задумался и вспомнив кое-что – заулыбался, – Хэх, а ведь серьёзно, ровно, мать его, год.

– В смысле? – Милан не понял.

– Ну сегодня какое? Двадцатое?

– Блин, точно! И это значит, что у нас сегодня годовщина знакомства, – с пафосной иронией закончил он, а все улыбнулись.

– Вы вроде рассказывали, а я вот запомнил. Напомните, как вы познакомились? – вклинился Клим.

– Та там в принципе, нет ничего интересного.

– Ну всё же, – добавил тот же Клим.

– Эм... Ну хорошо, слушайте.

Милан и Дима, стоящие ближе к друг-другу, одновременно взглянули на лавочку, стоящую позади них, переглянувшись улыбнулись и довольными сели на неё, заняв там всё место. Остальные продолжили стоять.

– Два года назад, когда у меня здесь не было знакомых

и друзей, я много раз оставался после пар на кафедре. Там всегда было много разной аппаратуры и приборов. С которыми я знакомился. Мне разрешали пользоваться техникой и расходниками. И помогал немного. В основном это была перепайка клавиатур, мышей, микросхем, лужения проводов и прочего. И вот в один день, попросили меня помочь в одной аудитории с бесперебойником. Я согласился. Ели нашёл эту аудиторию. И вот, стою перед дверьми, хочу открыть, как слышу дикий ржачь. Оборачиваюсь и вижу, как на подоконнике сидит девушка...

– Шалава! – с серьёзным лицом перебил его Милан и все весело захихикали.

– Ну или так... Я сначала не понял в чём прикол, но потом услышал её комментарии. Смех вызвала моя рубашка и деревянная бабочка, – Дэриэл скривил недоумевающую рожу, – Сейчас я, конечно, понимаю, что она за человек, но тогда я был в замешательстве. Просто перед этим я всю жизнь со школы, так ходил. Ну дресс-код такой был: бабочка, рубашка и брюки.

Клим был рад услышанному и щёлкнув пальцами, указав на него указательным, и поправив свой галстук, он выказал свой респект, из-за того, что был в идентичной ситуации, только от воспитания своей бабушки. Раньше Дима всегда подкалывал Клима за это, ожидая что рано или поздно, он изменит свой фасон. Но уже пару лет как Дима привык и смирился.

Женю улыбнулся, такой жест: – Через секунду она уже начинает тыкать в меня пальцами и звать прохожих студентов. И внезапно для меня, отворяются двери кабинета и из них выходит чувак в чёрном поло, ростом, навскидку, метр восемьдесят. Сначала он мне показался каким-то преподавом, – Милан, слушая это, приосанился и гордо улыбнулся, – Параллельно с этим, та всё ещё продолжала ржать и пыталась привлечь моё внимание. Хотя около неё сидела какая-то персона, что пыталась её утихомирить, но мне уже ставало не по себе. Милан вышел в коридор, как потом оказалось ему дали задание встретить меня. Плюс ко всему, он какого-то хрена услышав имя «Женя», ждал увидеть девушку, – Милан развёл руками, – Высматривал всё высматривал, и через секунду резко пошёл к той на подоконнике. Я сейчас так чётко описываю, потому, что видел подобное впервые, – пояснил он, – Так вот, он подошёл к ней и без каких-либо слов, зарядил серьёзную пощёчину. Никто даже не удивился этому. После удара, он сказал: «Ты можешь хотя бы один день вести себя по-людски?!». Потом развернулся и подошёл ко мне. Та в слезах резко убежала, за ней пошла сидевшая рядом. Ну, а дальше как-то раздружились.

– На самом деле – интересная история, – сказал Дэриэл и все закивали.

– Так, а что это за персоналии? Я о девушках, – заинтересовался Клим.

– Да это Лия и Хрыстына с моей группы, – устало буркнул

Милан.

– Аааа! – почти в такт, выдали остальные и лениво, но вдумчиво затихли.

– Эх, ладно, будем идти? – устало спросил Дима.

– Да, наверное, – снова проявил инициативу Дэриэл, ответив за всех, и посмотрел на свой фитнес браслет, чтобы узнать время. Который, как всегда «отнекивался» в предоставлении этой информации, в виде потухшего экрана.

Дэриэл вдохнул полной грудью и со словами: «Ну, наверное, этот день настал» – снял его с левой руки и легко выбросил в урну.

– Что ты делаешь?! – возмутился Дима, как единственный увидевший это.

– Хлам выбрасываю, – все подошли к урне, посмотреть.

– Он так и не заработал? Так я же мог посмотреть, вдруг бы... – Женю перебили.

– Я уже узнавал, там только замена аккумулятора возможна. Да мне уже по барабану на него, он всё равно сильно устарел. Обидно только, что придётся время смотреть на смарт, а это неудобно.

– Так, подожди, – и внезапно для всех достает из портфеля целлофановый пакет, в который что-то замотано, – Если тебе не принципиально, то вот могу подогнать, – это слово совершенно не относится к лексикону Жени, но дружба с Миланом приносит свои «плоды», – Такие простые часы, – и распаковал их.

– Это твои?

– Ну в некотором роде – да, но я их заказывал не для того, чтобы носить. Брал, чтобы унять из них нужные мне детали. Для дипломной работы.

– Заказывал? Как сюда могли что-то доставить? По почте или что? – Клим.

– Ну да, это действительно было трудно, но фирма, что доставляе электро-двигатели для машин, частично выполняет ещё эту функцию.

– Аа, ну да, я машинами же не интересуюсь, поэтому и не был в курсе, – Клим махнул рукой.

– Тебе они уже не нужны? – Дэриэл взял их в руки, и уже успел обрадоваться такому подарку, – Ты уже с тех всё достал?

– Нет, – Евгений.

– А как же ты будешь?

– Пока моя курсовая под серьёзным вопросом. Поэтому забирай. А сам я не люблю механику.

– Ааа, – он обрадовался, – Ну тогда спасибо! – и надел их на правую руку.

Красивые витражные вставки по обоим сторонам циферблата, настолько блестели, что сразу выяснить их истинный цвет, было трудно. Довольно увесистый корпус, металлический ремешок и изящный циферблат сразу расположили, их к нему.

– Блин, ну это круто. Стоп! А они дорогие?

– Не беспокойся, мне они практически ничего не стоили.

– Слушай, ну круто в двойне тогда, – и протянул ему руку в счёт благодарности.

Они пожали руки и устало потихоньку уже начинали окончательно уходить.

[Тук-тук]

Дэриэл отпрянул с испуга от окна и внезапно обратил внимание на левую руку. Она покраснела, но не болела. В раёне косточек рука просто онемела. Но двигать кистью он мог.

[Тук-тук]

Постукивание в окно с закрытыми жалюзи, продолжалось. Отойдя от непривычного ощущения в руке и начиная привыкать, к Дэриэлу пришёл страх. «Кто это мог бы быть?» – повторял он в полтона, сам себе. «Сейчас уже одиннадцать часов... Элай? Нет. Андрей? Точно нет. Или может Элиас? Да ну нет... Элиас бы позвонил. Тогда, кто это?»

[Тук-тук-тук!]

Даже жалюзи зашевелились, ровно настолько, насколько волосы на голове у Дэриэла.

– Блять, а если это действительно за мной уже кто-то пришёл... Стоп! – уже громче и уверение вскрикнул он, но звукоизоляция всё же была лучше и ни единого звука за окном, не проскользнуло, – Мамы же нет дома! Это она опять забыла ключи, а смарт у меня, как всегда сел, – и взглянул на него, лежащего на кровати, – Ну точно! Сел! – и на радостях, убеждая себя, что всё плохое позади, уверенно потянулся к

окну.

Он поднял жалюзи и увидел Марка. Собиравшегося ещё раз хорошенько «трухануть» это окно, не веря, что Дэриэла нет дома. Марк был упрямым.

Разглядев Дэриэла, Марк медленно отвёл кисть от стекла, на которой отчётливо виднелась не зажившая рана и плавно поманил, зазывая к себе, при этом ехидно и малость грозно, улыбаясь.

– Кхм... – Лия удивлённо прокашлялась, – А причём здесь мои парни? – Джына тоже опешила, ведь этот вопрос она только обдумывала и сомневалась озвучивать или нет, это произошло не произвольно, из-за волнения, – Да и в принципе их и не так много было.

– Ну я не... – Джына пыталась объясниться, но Лия продолжала, нервничая, перебивать её.

– Ну честно. За этот месяц у меня только двое парней было!

– Эм...

– Хорошо! Сейчас расскажу, – Джына решила успокоиться и замолчать, ведь по-честному, она толком и не знала, о чём с ней говорить, а так она сама ведёт разговор, хоть и весьма на странную тему.

Услышав неожиданный и неудобный для себя вопрос, Лия начала как маленькая девочка оправдываться, перед совершенно незнакомым для себя человеком. Её откровенность связана с тем, что пристыдить или уличить её в чём-то похаб-

ном или без культурном, так резко и без лишних слов, делал только её отец и лучшая и единственная подруга Хрыстына. Поэтому Лия выпустила из себя через чур много лишней, личной информации. Пытаясь оправдаться, из-за того, что в своё время не вышло оправдаться перед отцом, ушедшего из семьи.

– Расстались мы с ним, потому что он – эгоист. Да! Самый настоящий эгоист! Мы с ним про встречались две недели, я даже успела к нему переехать. А он неожиданно для меня оказался сволочем. Я всегда помогала ему, а он, ты представляешь, не захотел помогать моей подруге! А у неё было настоящее горе. Она, случайно забеременела. А от кого точно – не помнила, – Джына оценила такой «поворот» и уже слушала с интересом, – Поэтому, я решила ей помочь. Так, как я знала, что у него есть знакомый, который является сыном городского чиновника. Богатая семья, отец и сын. Я попросила его, пока ещё срока беременности не видно по животе, познакомить его с моей подругой. Тот особо не отказывался от случайного секса, она его соблазнит и скажет, что ребёнок его. Только, говорю, всё надо делать очень быстро, срок поджимает, а он, на отрез! – Джына выпучила глаза, – Да-да, я тоже охренела от его эгоизма! Хотя если честно, неладное я заметила ещё раньше. Дело в том, что уже на десятый день отношений, он перестал уделять мне должного внимания. Мы практически полностью перестали ходить куда-нибудь. Да и подарков из него уже стало клещами не вытащить.

Всё как-то угасало. А мне хотелось сюрпризов, романтизма, а не унылый быт. Так я жить не хочу.

Джына не знала, как правильно вести диалог с человеком, интересующего такого рода ценности. Параллельно в тихую, посматривая в зал, в поисках подруги. Она надеялась, что Сабрина в скором времени вернётся и тема разговора сменится.

– Я, конечно, не особо разбираюсь в таких проблемах. Но моё личное мнение подсказывает, что тебе нужно было поговорить с ним об этом и всё обсудить.

– Пф... Унижаться перед ним, я не собираюсь, – слегка повышая голос, возмущённо заявила Лия.

Джына не совсем поняла о каком унижении идёт речь: – Ну хорошо тогда. А почему бы тебе самой, скажем так, было не «завести механизм романтики»? Ну раз он устал, то взяла бы всё в свои руки. Например, преподнесла ему какой-то презент или устроила сюрприз.

После услышанного, лицо Лии, нужно было видеть. Словами это тяжело передать. В её глазах был виден гнев, было такое ощущение, как будто Джына предложила ей снять своему парню пару проституток.

– Что? Нахрен, мне для него что-то было делать, или покупать! Он – мужик, значит, он должен это делать!

«Теперь мне понятно, почему её парень охладел к ней» – подумала Джына.

Не желая дальше слушать эти, по её мнению, «охрени-

тельные» истории, она уже всерьёз задумалась отойти поискать подругу. Хотя обида, из-за того, что её не предупредили ни о чём, присутствовала. Но Лию было уже не остановить:

– Есть вещи, которые прощать нельзя! Ты сейчас пойдёшь. Вот, например, чего бы ты не смогла стерпеть в отношениях с парнем?

Джыну уже воротило слушать её, и она придумала как удачно «соскочить»:

– Садизма! – с уверенностью произнесла она.

Чего Лия совершенно не ожидала, судя по тому, как она отпрянула и вжалась в стул, быстро заткнувшись.

Джына спокойно поднялась, подобрав свой клатч и набирая скорость, пошагала к выходу. Она не хотела больше никак контактировать с Лией и ничего у неё спрашивать, решив просто отдышаться на улице. Шаг за шагом, она подходила к дверям выхода, вокруг мелькали люди, но она этого не замечала, предвкушая уже чистый воздух улицы, который хотела ощутить. И увидевший её швейцар, быстро среагировав, открыл ей немедленно дверь и она вышла из ресторана «Думафель». Отошла на пару метров к бордюру и остановилась, обдумывая дальнейшие шаги. Джына уже была не рада, что одела платье, а не что-то по проще. И внезапно из толпы людей, стоявшей около стоянки машин этого ресторана, её кто-то узнал. Это было скопление людей, скажем так, класса вип. Об этом говорило название и самой стоянки. Их там было две. Одна для простых машин. Вторая для машин сто-

имостью свыше двух миллионов. Это было условное разграничение, вызванное только ценою самой стоянки. Цена, которой составляла, как хороший ужин, в этом же ресторане.

И вот какая-то девушка, начала всё сильнее и сильнее всматривался в лицо Джыны. Она этого не замечала и уже шагнула вперёд к летнему залу, как эта, тёмноволосая девушка, крикнув, направляясь к ней: – Комаренко?

Она остановилась, потом плавно и с интересом повернулась на зов. И увидела, как к ней направляется, бывшая её, школьная одноклассница, Вулана Кравэц.

– Да лааадно! Джына, неужели ты? – уже в полуметре, ошарашено спросила.

Удивление Джыны от их встречи, было не большое, так как в школе друзьями они практически не были. Да и то, что она живёт здесь – Джына знала. И в момент, как Вулана подошла, Джына смогла её как следует разглядеть. Она всё так же продолжала выглядеть, как и пять лет назад. Умеренный макияж, тёмные туфли, со средней длиной каблука, обтягивающие чёрные кожаные штаны, серая кожанка и градиентные очки. Ну и ещё, всё это естественно, от каких-то известных модельеров, из-за чего цены на эти вещи были в десятки раз больше. Единственное, что потерпело изменений, это её формы. Да, сравнивать Вулану заканчивающую школу и сейчас, было бы глупо.

Понятное дело, что Джына не могла что-то противопоставить ей, но и завести какой-то от неё не исходило в момент

циничного «сканирования».

А вишенкой на торте был гребень, торчащий в волосах Вуланы, выполненный в виде жука-реаниматора. В принципе это логичный ход, ведь она являлась дочерью главы этой республики, в которой он (жук) являлся историческим символом. Жук-реаниматор, навсегда засел в чёрной книге мира.

На заднем фоне виднелся кабриолет Вуланы, она определила это по тому, что её «друзья», то и дело на них посматривающие и выкрикивающие, что-то типа «нам пора». Которые, как всегда, думала Джына, хотели только приблизиться к её отцу через неё.

– Ну как видишь... – ответила Джына.

– Красивое платье... – Вулана ухмыльнулась, теперь уже осматривая Джыну и составляла её образ подходящий ей по своему мнению.

– Спасибо, ты тоже прекрасно выглядишь.

Оба эти комплимента пестрили лёгким лицемерием.

– Слушай... – в глазах Вуланы виднелась искра настырного любопытства, – Я удивлена. Мне очень интересно, как ты живущая в СТРАНЕ, – она чересчур пошло выделила это слово, – Приехала к нам, в республику? Неужели у нас что-то интересное всё же имеется? – ухмылка.

Видите ли, на тот момент, когда они вместе учились, была определённая обстановка, сейчас она немного изменилась, что дипломы о образовании, даже школьные, котирующиеся

не только на этих территориях, а ещё и за границей, выдавали только в Дьеврессе, родине Джыны. И вот отец Вуланы, всё тот же глава республики Вдалог, привёз её туда отучиться.

В то время был очень острый вопрос мигрантов в Дьевресс со Вдалога и Лоружына. И коренные жители, в том числе и их дети, естественно были против большого приезда, ибо мигранты, по большей части, не были обучены политической грамоте. Поэтому при получения гражданства, такой человек, по статистике становился электоратом популистов или даже завуалированных врагов Дьевресса, так как он не отождествлял себя с этой державой.

И тогдашняя политика страны и в частности самой большой партии, которая всячески пыталась закрыть границу и запретила предоставление гражданства по всем причинам, кроме экзамена на вменяемость, истории и понимании причинно следственной связей (да, было и такое). Подобная ситуация длилась на протяжении десяти лет. Так что тогда, эти двое девушек, оказались по разные «баррикады».

Первые выступали за полное закрытие границы и прекращение сотрудничества, вторые же за признание их (Вдалога и Луружына) суверенитета и открытия границ для торговли. На, что первые никак не могли пойти из принципа и собственного уважения.

Что в конечном итоге выливалось, на районном уровне, в целые драки. А в больших городах бывали даже вооружен-

ные конфликты. Так что политика, прямым образом повлияла на жизнь своей молодёжи даже через года.

– Нет, серьёзно, ответь мне пожалуйста. А то меня прямо распирает от любопытства, – теперь между девушками уже проступала небольшая агрессия, видневшаяся в глазах и тонах речи.

Джына озлобленно промолчала. Кстати, не совсем понятно почему, ведь у неё были аргументы. Возможно всё же некий стыд имелся, а возможно она хотела услышать всё, что ей скажут, продумывая хороший ответ.

– Угу, понятно. Почему же ты так в школе не молчала, что правда глаза колит? – Джына сдержала смех и ухмыльнулась, Вулана же на ухмылку, не обратила внимания, – Ведь всё что нужно было вам, это подумать своей головой, а не бежать за «стадом».

А вот тут, она решила ответить. Данные слова её никак не трогали, но нельзя же было это так оставить. Но не успела, Вулана внезапно решила продолжить.

– Знаешь, наш диалог мне напомнил ту ситуацию в школе, – Джына напряглась, – Когда твоего брата, при всех, выгнали из неё, а он скандалил из учителями, то ты, – Вулана знала, по чему лучше «ударить», – Почему-то замолкала, замирала, – хихикнула, – И чуть ли не упала в обморок, – Вулана скорчила самую мерзкую рожу, которую смогла и добавила, – Ты ж, надеюсь, сейчас такое не сделаешь?

А вот как раз это, Джыне прошло как лезвием. Для неё

это было действительно больно, беря во внимание, что раны о тех воспоминаниях – у неё только-только начали заживать. Глаза были наполнены яростью, не говоря уже о блестящих слезах, рвущихся из изумрудных зрачков. Которых постоянно пытались заслонить собой рыжие волосы, развивающиеся по ветру и окутавшие её уже на пол лица. Держа левую руку за спиной, она с ненавистью зажала в кулак, вместе с попавшим в него частью платья, которое, от достаточно сильных рук, чуть ли не начало рваться. Этот момент затянулся и Джына, пыталась решить для себя, что делать дальше.

Испугал ли Дэриэла такой «сюрприз»? Да он, понятное дело, не ожидал такой встречи, но увидев довольную рожу Марка в своём окне, зазывая его наружу – он даже заинтересовался. Ведь, за «инцидент», связанный с его другом Димой – он ещё «не рассчитался». Но на деле, естественно, он себя вёл, как не понимающий, в чём дело, человек.

Дэриэл покорно поднял окно, обулся в кроссовки и быстрым движением, взяв ключи, пролез через него. Став на твёрдую землю, Марк махнул ему, чтобы тот шёл за ним. Кулак Дэриэла всё так же был онемевшим. Но это вновь не беспокоило, ведь единственное, что его интересовало, то, что он собирается идти, не зная куда с «клинически дурным человеком». Этот диагноз поставил ему за глаза, тогда ещё Клим.

Причиной такого странного значения, послужил неадекватный стиль поведения. Выражалось это в том, что в один момент он может быть агрессивным дуболомом, а через

мгновения ока, уже тихим авантюристом с ехидным выражением лица или задушевым соратником пытающегося навязать тебе своё видение мира.

На улице глубокая ночь, практически не видно дорогу и только редко проезжающие машины, подсвечивали им путь. Из-за того, что они шли по одноместной дорожке, Марк шёл впереди, Дэриэл в метре позади. Шли молча, Марк всегда любил заинтересовать, а Дэриэл просто не задавал «тупых» вопросов. Через пять минут молчания, они зашли за поворот, направляясь к менее людным местам. Где уже был нормальный двух местный, побитый тротуар, там они и сровнялись, начав идти уже в ногу.

– Почему молчишь? Тебе не интересно, куда мы идём? – ехидно начал диалог Марк.

– Почему не интересно? Интересно. Вот дойдём и посмотрю, – холодно ответил Дэриэл, Марк даже слегка разочаровался в нём, как в собеседнике.

Шаг за шагом, они «погружались» в жилые районы. Где Дэриэл всё меньше и меньше понимал, где они теперь находятся. Улицы тихие и избитые. Тишина Марку уже начала надоедать и он, изменил свои же правила, по не многу начиная выдавать план действий.

– Если что, знай – я не виню тебя за Алёну, – Дэриэл слегка опешил, но не подал виду, – Я верю в несчастные случаи. И просто хочу, чтобы ты мне всё рассказал.

– Что рассказал? – лицо Дэриэла не менялось.

– Всё, – Дэриэл в принципе ожидал, какого-то идиотизма от него и чтобы закончить бесполезный диалог, кивнул головой. При этом у него дёрнулся глаз и Дэриэл принял это, за эдакий «знак», продолжая идти.

Снова они затихли. Марку это уже всерьёз не нравилось, ведь он привык, что в подобных ситуациях его самого пытаются разговорить, а тут почему-то полный «штиль». И снова ему приходилось, «разжигать» диалог.

– Эх, а помнишь, как мы в двоём ещё недавно, ходили в зал, занимались... Да, помнишь! Ухх, жаль, что ты тогда ушёл. Сейчас там мой отец всё профинансировал и отреставрировал. Так что, теперь, там сам бог бы ничего не узнал.

– Прекрасно, – саркастично и наплевательски, изрёк Дэриэл.

– И я так думаю, – второй принял это за искренность.

Опять Дэриэл не поддержал разговор. Пройдя уже около трёхсот метров, Марк не удержался и снова с загадочностью произнёс: – Ты хотя бы какое-то представление имеешь, куда мы идём? Знакома эта дорога?

– Уже имею, – из-за того, что последние пятьдесят метров, они шли разными дворами и только-только вышли на свет фонарей, Дэриэл увидел тот самый, но уже недавно закрывшийся, ресторан Думафель, со строительной стороны.

А вот тут и начали проступать различные эмоции и излишние ощущения у Дэриэла.

– Ну вот, мы почти на месте. Идём, покажешь мне всё в

деталях. Я хочу это увидеть.

В Дэриэла снова дёрнулся глаз и уже слегка, затрепетало в груди. Это конечно ему совсем не нравилось, но проблема в том, что по старым «традициям», Дэриэл не мог отказаться. Так как Марк его подозревает, Дэриэл, по их понятиям, перед ним виноват и должен загладить свою вину хоть чем-то. Будь-то драка или простое пояснение ситуации на пальцах. Если же откажется, тогда точно, драка неизбежна.

Они прошли вовнутрь и увидели, что здание уже никто не охраняет. Ведь всё равно там уже не было что красть. И вот они у лестницы, поднимаются выше. И даже идя по ней, Марк продолжал задавать непонятные вопросы: – А вот почему ты там стоял?

– Где?! – взбудоражено буркнул Дэриэл.

– Ну около обрыва, – Марк вновь шёл по лестнице первым и Дэриэл не мог видеть его лицо при этом, – И вообще, зачем ты подошёл к Алёне? Она что, тебя подозвала к себе?!

– Что... – сорвался на тупые предъявления Марка, но всё же вовремя «сглотнул» своё негодование, – Нет, это она ко мне подошла и я, если что, её к себе не звал.

– Она? – они вышли на второй этаж и сразу начали подниматься на третий, – И о чём же вы говорили? – и моментально развернулся посмотреть на лицо Дэриэла.

Не увидев в нём ничего необычного, развернулся обратно и продолжил подниматься вверх. Дэриэл не понял этого жеста и ответил:

– Разговор исходил только от неё, она там что-то рассказывала, о вашем бухиче и о... – и снова затих, вспомнив, что Алёна ещё говорила и о Диме, где после этого его накрыло мурашкой по спине и холодом по всему телу.

И вот наконец они поднялись на верх. Самая недостроенная часть здания. Они находились в десяти метрах от того самого обрыва.

Не скрою, Дэриэла слегка трясло. Но не от Марка, а от того места, где он стоял несколько дней назад и наблюдал сверху лежащую внизу Алёну. Плюс ко всему, ночь несла свои плоды, придавая улице хлада. К чему, он совершенно не приготовился, а Марк вполне. Марк был в зимней куртке, а Дэриэл в осенней.

Дэриэл старался не бросать лишних взглядов в сторону того места, где всё и произошло.

– Ну что? Это вроде там случилось, идём, – и махнул ему идти за собой.

– Нет! – наотрез и грубо, рубанул Дэриэл.

– Марк обернулся с удивлением: – Как нет? Меня туда вёл следователь, – уверенно гласил Марк.

– Сожалею, но ты ошибся. Я думаю, ты не будешь спорить об этом со мной, – Марк задумался и снова ехидно посмотрел ему в глаза.

– Лааадно, поверю. А где тогда?

– В той стороне, – и уверенно с каменным лицом, повёл его в левую часть крыла.

Он соврал, Марк указал правильно. Дэриэл не хотел возвращаться на то место. Боясь, что он, может повести себя как-то не так, находясь там. Поэтому повёл его на такое-же место, только зеркальное. Ремонт там был похожий, только почище. Но различить эти места, всё равно тяжело.

Марк был в некой фрустрации, с одной стороны вроде как похоже, а с другой, что-то не сходилось.

– Странно... Точно тут?!

– Гарантирую, – убеждающее провозгласил Дэриэл.

Дерзкий тон Марка, Дэриэла не на шутку напугал, что было понятно по его «Гарантирую», с лёгким проглатыванием последних букв при произношении, но потом Марк добавил: – Ну хорошо, возможно меня память подвела.

И Дэриэл с лёгкостью вздохнул, как внезапно: – Итак, показывай!

– Что именно? – с круглыми глазами выдавил низким тоном Дэриэл.

– Ну я же говорил. Как это могло произойти?

– Уууух, – он вяло набрал в лёгкие воздух и начал обдумывать свой рассказ, – Эм... Ну хорошо... Смотри... Я вышел из зала через эти двери, – и показал указательным пальцем на дырку в стене, где раньше были двери с похожим проёмом с тем местом, – Подошёл к этим перилам, – к перилам у похожего обрыва, только безопаснее.

Марк открыл рот, чтобы задать вопрос и Дэриэл как будто зная, каким будет вопрос, ответил на него заочно: – Я вышел

оттуда, просто чтобы отдышаться от того балагана. Алёны там я не замечал, она подошла ко мне через несколько минут, – Марк спокойно прикрыл рот и продолжил слушать.

– Ну если вкратце, то она подошла и начала мне рассказывать о том, как вы погуляли недавно. Это продолжалось минут семь. Вскоре мне надоело. И предупредив её об этом, я направился назад в зал к столику. И уже в дверях, услышал какой-то грохот, я обернулся и увидел, как Алёна висит у обрыва пытаясь кричать о помощи. Я в ужасе побежал к ней и как только был уже в полуметре, она не смогла удержаться. Вот и всё... – рассказывал эмоционально жестикулируя.

Дэриэл закончил и немного опасаясь и трясаясь, отошёл от конца бетонной плиты. А Марк наоборот, заинтересованно продвинулся вперёд. Дойдя до конца, остановился, взялся за перила и начал смотреть прямо вниз, пытаясь что-то там разглядеть. Он муторно и вдумчиво смотрел вниз и не шевелился, держась только за левую часть перила, довольно хлипкого. Дэриэл понимал, что внизу темень и он, даже очень захотев, не сможет там ничего разглядеть.

И через несколько десятков секунд ожидания, Марк медленно отпрянул от обрыва: – Боже... Как уже стемнело... Ну что ж... Я думаю, мы теперь всё по этому делу, выяснили, – мрачно улыбнулся, поворачиваясь к нему лицом.

Дэриэл был поражён реакцией Марка, но снова не выказал ничего, продержав всё внутри себя с каменным лицом наружу. Он был просто в шоке. И причина была в том, как

вообще можно улыбаться, после того, о чём они говорили. А главное, если они всё обсудили, то что Марк собирается делать дальше.

– Подойди, у меня к тебе ещё пару вопросов, только уже по другому поводу.

– По какому? – пробурчал Дэриэл.

– Про друзей хотел твоих поговорить, – Дэриэлу, это ничего не сказало и он продолжил ждать ещё каких-то пояснений, – Да иди сюда говорю, – хоть это и выглядело странно, но говорил он эти слова совершенно по дружески.

Сам не зная почему, не долго думая, Дэриэл всё же подходит к нему и стаёт около обрыва, сильно ухватившись при этом, за правое перило и смотря Марку прямо в глаза. Хотя в глубине души умоляет самого себя просто уйти отсюда.

– Как тебе твоя новая компания друзей? Какая это уже? Третья?

И вновь, у Дэриэла «проснулась» мысль о Диме, которая только набирала оборотов при разговоре о его друзьях.

– А что? – Дэриэл не мог полностью абстрагировался от места, где он находится.

– Да ничего, конечно, просто мне жаль, что мы тогда рассорились, два года назад.

– Рассорились? Два года назад? – Марк кивнул, – Мы не рассорились, просто я решил сменить круг общения, – Дэриэл возмутился на неправильную трактовку действительности, – И всё. А вот год назад, когда ты избил Женю и Кли-

ма... – его голос дрогнул в этот момент, – Вот тогда, мы по настоящему поссорились, – После каждого сказанного слова Дэриэл чувствовал некую лёгкость происходящего, что-то такое сильное рвущейся с груди. Которому, если не сопротивляться, а давать «дорогу» – становится легче и лучше.

– Кстати о друзьях, давно я не видел Калэба и Эдика. Где они?

– Не важно, – раздражённо и резко ответил.

– Ты спрашиваешь меня о моих друзьях, но не хочешь говорить о своих? Так выходит?

– Эээбб, ну ты прав, хорошо... – злостная улыбка, – Ты же слышал, что я говорил, что не прощу им то, что они сделали? Ну вот и ответ.

– Да я слышал и это не ответ, – спокойно, смотря прямо в глаза.

– Кхм, – кашлянул, – Нет, это ответ, – две секунды переглядывания, – Ну не притворяйся, что не слышал о них. Все знают об этом.

– О чём? – пренебрежительно, – Что ты с ними сделал?

– Хэх... Я? Ничего, – Дэриэл прищурил глаза, слушал дальше и Марк не выдержал, ему хотелось по хвастаться, – Мой тебе совет – никогда не попадайся в отечественные псих больницы. Никогда. Там с людьми делают очень страшные вещи.

– Псих бо... Так это те два студента? – спросил и тут же ответил сам себе на пол тона, – Рановских и Калчугин, ну

да, точно... – Марк просто хитро скривился.

Сдесь можно было много задать второму вопросов, которые для первого не имели никакого смысла.

Марк пытался смягчить воспоминания добрым тоном своего голоса, – Но это не важно. Ты вот луше вспомни, как мы тогда ходили в зал. Как было кайфово зависать там по четыре часа в день. Отрабатывать на молодых наши приёмы. А потом рассекать по городу на внедорожнике под 120 в час, – и с глазами стервятника заулыбался.

Тут нужно понимать, что два года назад, Дэриэл действительно тесно общался с Марком. И связывало их, как оказалось потом, только стортзал, да и в общем-то познакомились они тоже там. Такая дружба возникла, из-за того, что в тот момент у Дэриэла, друзей не было, ибо после колледжа он единственный пошёл в этот университет и возможность для общения со старыми знакомыми исчезла.

Вскоре Дэриэл понял с кем, он связался. Заметив у Марка и его окружения – серьёзную склонность, к без причинному насилию. И животной потребности в показе своих сил и возможностей, над другими. Марк воспринимал Дэриэла за своего, только за его физические данные, ибо тогда и по сей день уважал лишь силу и тех, у кого она имелась. И после того, как Дэриэл осознал, что это за люди, он покинул зал, чтобы больше не видеть их хотябы вне университета. Случайно найдя уже новых друзей. Как он для себя потом решил, около идеальных «мракобесов», это Дима был автором

такой ироничной фразы. И понял, что сами тренировки ему и не нужны были никогда.

– Я такого не делал, – с сухостью в горле и отворачиваясь процедил Дэриэл.

– Да ладно! Все мы это делали. И вообще, нечего этого стыдиться. Слабый должен знать своё место!

Внезапно Дэриэл засопел, пытаясь не слушать Марка. В его груди что-то начинало возникать, из-за этого ему становилось тяжелее дышать. Но он вполне понимал, что плохая проходимость углекислого газа, только из-за того, что он сопротивляется этому. Будь бы он расслабился, всё пошло бы намного легче, но критичней в последствии.

– Чё молчишь-то? – Дэриэл не ответил, стараясь приглушить это в себе, он не хотел этого признавать, но к сожалению, это действительно была злость, – Да и кстати, ты заметил, что адекватность выбора твоего круга общения, со временем только падает? Не веришь? – Дэриэл всё слышал, но не совсем понимал, что ему нужно было отвечать, – Ну вот смотри. Что было вначале? Я. Сдесь и комментировать нечего, просто попадание в яблочко, да? – Дэриэл проигнорировал это, – Потом: Дима – я думаю ты не будешь спорить, что он явный придурок, а теперь ещё и слабоумный! – У Дэриэла опять дёрнулся глаз, уже вместе с правой рукой, но Марк этого всего не замечал, – Клим – честно говоря даже на придурка не тянет, только какой-то неграмотный дурачок. Дальше Жека – ну этот просто молчаливый даун, ещё у него там

с семьёй что-то случилось. Как говорится, не повезло лоху, значит так и будет, – и вот с этого момента Дэриэл начал ощущать явную боль, которая пыталась вырваться наружу через выплеск эмоции или проще говоря, либо крик, либо удар, – Ну и в конце Милан, тут претензий у меня нет, здесь ты явно не прогадал. У нас с ним конечно были расхожести во мнениях, но это такое. Могли бы тоже стать нормальными друзьями, кем, впрочем, я хотел бы остаться и с тобой, – и с задумчивой улыбкой посмотрел на него.

Тем временем, Дэриэл терпел со всех сил.

– А что теперь? – Марк начал говорить ещё медленнее и умиротворённо, для того чтобы Дэриэл всерьёз поверил в чистоту и правоту его критики, – Элиас? Кто это? Ты его до конца знаешь? По мне, так он реальный кретин. Андрей? Мутная личность, мало что про него слышал, но главное, что ничего хорошего, – Дэриэл уже мог слышать Марка только через слово, его организм готовился к серьёзному выбросу адреналина в кровь, – И Элай... Ну этот просто деградант. Нет, раньше я думал, что он тупо терпила. Как и многие другие. А сейчас, он стал реальной гнидой. Ну и вот, всё по полочкам разложил.

Всё. Терпение Дэриэла было на пределе. Ещё одно провокационное слово для него и ничем хорошим это не закончится. Но Марка не смущало учащённое дыхание Дэриэла и раскрыты до упора глазницы.

– И да... Ты извини, что я начал тебя расспрашивать про

Алёну. Она мне, собственно, так-то особо не нравилась, просто содержать её было не дорого. Но, конечно, был бы кто-то другой, в этой ситуации, а не ты, тот, кого не жалко, на ногах он бы не стоял, – и по-доброму улыбнулся, – А вообще я хотел поговорить с тобой на счёт восстановления нормальных и главное дружеских отношений. Просто хотелось «интересно» начать разговор. Да и место тут колоритное, так что всё сложилось, как нельзя кстати. А Алёна... Ну что сказать... Бывает...

А вот это был действительно сильный удар, по неожиданности Дэриэла. Слова Марка его отрезвили. И вы знаете, Дэриэл остепенился. Он нашёл в себе силы перебороть гнев и переключиться на другое. Продолжив слушать его, а главное слышать. И на фоне только, что сказанного, Дэриэл призабыл его предыдущие слова. И начал уже, теперь это «переваривать».

Он был действительно в шоке. Ведь за столько лет, он считал, что знает этого человека вдоль и поперёк. Но нет. Конечно же, Дэриэл знал, что Марк не собственник. Но чтобы хотя бы на секунду не предаться беспокойности и горечи утраты, а только делая это ради шоу и собственной выгоды. Это было действительно для него «жёстко».

– Ну так что? Может завтра как-то пересечёмся? – Марк уже всеми фибрами души чувствовал свои переговоры успешными и отошёл от конца плиты, на пол метра, в надежде, что они уже будут идти домой.

Дэриэл же на это умилительно улыбнулся и многозначительно поднял волнующий его вопрос:

– А если тебе на Алёну так пофиг было, тогда зачем ты это сделал с Димой?

– Аб... Ну так получилось... – Марк уже не ожидал от него таких критических вопросов, поэтому не смог дать нормального ответа. Предвкушая от Дэриэла, в этот момент, только дружеский жим руки.

– Получилось? Хэх! – в этот момент он решил, что даже публичное признание вины Марком в отношении Димы, не означает, что Дэриэл должен решить это кулаками, ведь стоило бы это ему скорее всего очень «дорого» и пока он был в адекватном состоянии, действовал как мог, – Мда... – он тихо посмеялся, и сразу же изменил свой тон, на грубый, – Слышь?! Иди от сюда, пожалуйста. Я не хочу больше видеть твоё мерзкое лицо, – Дэриэл сказал это, по максимуму сдерживая вновь проступающую к его жилам, горячую кровь.

– В смысле? – и опять подошёл к обрыву, только уже ближе к Дэриэлу, – Ты о чём? – да так близко, что Дэриэл обратил внимание на его правое ухо.

На нём виднелся глубокий разрыв, от верха раковины до середины.

– Я вижу, ты так и не решился на пластику уха, – Дэриэлу казалось, что это прозвучит с завуалированной насмешкой и Марк хоть немного, припомнив их последнюю встречу, всё же оскорбиться и уйдёт. Ибо Дэриэл вновь чувствовал

тяжесть сдерживания себя в руках.

– Так скоро сделаю, – без задней мысли, начал отвечать Марк, – Я планировал через месяц. Но вот, из-за этого форс-мажора, – он покрутил кистью правой руки около лица Дэриэла, на ней была свежая, уродливая рана, через всю тыльную сторону кисти, – Я, наверное, перенесу ещё на пару месяцев и сделаю всё вместе.

Рана была ну очень свежая, о чём не мог не поинтересоваться Дэриэл:

– Что ты мне показываешь?!

– Ну это не давно, опять же тоже твой друг. Это Элай-дегенерат.

– Что?! – Дэриэл возмущённо повернулся туловищем к нему.

– Да-да, я же говорил, что он дегенерат. Вчера пришёл к нему, дал ему статью на печать. И он – не захотел размещать. Представляешь? Отказался! Ну я ему и дал пару раз в лицо. А он мразь, пустил в ход колюще-режущее. Да ещё и в конце ему так круто повезло уйти от моей коронной двоечки.

Дэриэл секунды три, с выпученными глазами это обдумывал, а потом резко оскалился и улыбнулся. Дерзко и нагло.

– ХЭХ, дегенерат говоришь? – с бешеным лицом, наливаясь адреналина возгласил он, – Ха-ха.

Марк там что-то пытался отвечать, судя по тому в каком темпе открывался и закрывался его рот. Но Дэриэл уже не слышал его, его глаза почти полностью залились красной пе-

ленной и всё.

Кулак, левой руки, Дэриэла сжался и внезапно для Марка, с размаха, уверенно рассекая воздух, с разворота, той стороной, где после удара чувствительность была на минимуме, вlepил Марку в весок.

Джына стояла пошатываясь, стараясь отойти от такого «удара». Вулана, помнила всё, что происходило неприятного с Джыной за время их знакомства.

Гнев нарастал, несколько секунд колебалась в решении, произносить это или нет, но в конце решила: – Закрой рот, – Вулана не ожидала такой грубости, судя по её лицу, – А теперь слушай сюда, – Вулана хотела возразить, но Джына среагировала первой и повторила, – Я сказала закрой рот и слушай.

Вулана разрешила с ней так разговаривать, исключительно из-за не ожиданности таких оборотов из уст Джыны.

– Нет, я не собираюсь реветь из-за твоих жалких потуг меня оскорбить. И раз уж ты вспомнила моего брата, хочь спросить, в тебе говорит простое злорадство или ревность? – ехидно улыбнулась, – Ты, что думаешь, я не помню, как ты делала ему не двухзначные намёки? – Вулана неприятно ухмыльнулась, бегая глазами, – И да, спасибо, что помогаешь мне не забывать эти случаи. Но у меня и так хорошая память. Настолько хорошая, что я отлично помню, как под конец учёбы, не дав закончить, тебя выдворили из страны, – после этих слов, Вулана была уже не такая резкая, – После

того, как раскрыли весь беспредел, который творили твои соотечественники. Уголовка, экстремизм, – Вулана хотела язвительно вклинить слово, но первая вновь не позволила, – Я знаю, что ты была не виновата. Но раз уж ты любишь позлорадствовать, то почему мне нельзя? Как это отдуваться за то, что ты не делала, оказавшись случайно не в то время и не в том месте? – презрительно оскалилась.

– Это была не случайность! В то время, на моего отца было совершено нападения и никто не сомневался, в заказчике, – намёк на спец службы Дъевресса.

Вулане было больно вспоминать те дни, ни з кем другим она бы не стала об этом говорить, но старая знакомая, со временем превратившаяся в соперницу, это было другое дело, – Да если это было бы простое недоразумение, то у меня бы точно получилось договориться с вашими ментами. Так что, это был политический заказ, не носи херни, – обозлилась до предела.

– Во-первых! – Вулана даже испугалась от громкости голоса Джыны, хотя она не то чтобы и кричала, ну во всяком случае, люди в дали этого не слышали, – Не менты, а полиция. И во-вторых, ты бы никогда не смогла договориться с ними. Это у тебя можно. И раз уж ты уверена, что твоя республика уже под стать моей стране. И моё присутствие, видите ли тебе на это намекает, то спешу тебя огорчить, что пока твой отец сидит у власти, ничего не изменилось. И даже мнимые улучшение инфраструктуры центра города, огром-

ными вливаниями бюджетных денег – ничего не принесёт. Ведь не цивилизационные блага ценят современные люди, а уровень свобод. Да и не вооружённым взглядом видно, что больше пошло в кому-то карман, нежели на реконструкцию. Да что там говорить, если даже в паре километров от этого самого ресторана на дороге присутствуют ямы, а это центр, – секундное молчание, – Система правления, как и социальные институты, так и социальные лифты уже давно здесь подстроены под удобства чиновников, – Вулана слушала и не перебивала, не воспринимая её слова всерьёз,

На самом деле в слове «республика» не было ничего плохого, просто в последние десятилетия, страны оккупировавшие части соседей, постоянно обзывали отторгнутое «республикой». Поэтому этим словом часто пренебрегали.

– Вулана, очнись! У вас иммиграция за эти пять лет выросла в четыре с лишним раз! О чём ты мне говоришь? – небольшая пауза от Джыны, для того чтобы хотя бы попытаться донести до Вуланы, часть проблем, – Аа, ты вроде ещё упрекала меня за то, что я зарекалась сюда никогда не ехать, да? Так я бы с радостью, если бы не огромная просьба моего декана. К сожалению, наши универы, вместе разработали программу для студентов по обмену опыта. Так вот меня попросили поучаствовать. Так как никто вообще не хотел сюда ехать. А вместо меня в Дъевресс, с удовольствием, поехали пятеро ваших студентов. Понимаешь? Пятеро. Вот это прировняли. Ведь диплом вашего универа, всё ещё, как

ни странно, не принимают нигде, – Вулана не хотела в это верить, но всё же в глубине души понимала, что таков расклад вполне может быть. Поэтому промолчала на всё, с саркастичной гримасой, пытаясь таким образом высмеять её.

– Тебе пофиг, да? Ну конечно... – и опять такая же холодная пауза, – Знаешь Вулана, надеюсь, что за этот год, во время учёбы, мы больше не встретимся. А после этого, я уеду никогда не вернусь. Прощай... – и ушла в другую сторону от друзей Вуланы, которые всё время то и делали, что высматривали их.

Но как только она развернулась и начала набирать скорость, с угла ей крикнула Сабрина: – Джына! – с отдышкой и в ужасе подбежала к ней, – А я тебя повсюду ищу... Что у тебя со смартфоном?! – возмутилась она, но не дав Джине ответить, резко продолжила, – Такси Хрыстыны... – ей было трудно говорить, – Я не знаю... В общем, – она утёрла глаза, – Что-то случилось и Хрыстына прямо сейчас едет в больницу. У неё тяжёлое состояние... и... Мне нужна твоя помощь! Ты поможешь? – первая ужаснулась и не сумев ничего сформулировать, кроме произвольных звуков, кивнула и побежала вслед за второй.

Вулана же не слышала этого, тихо оставшись стоять на тротуаре и смотрела вслед Джине. Её не обидели подобные слова, но всё-таки что-то заставило задуматься. Через двадцать секунд, её снова окликнули люди с её же компании, но она громко и чётко ответила: «Отстаньте!». После этого они

полностью затихают, она молча возвращается на парковку, садиться за свой транспорт и под негодование других уезжает.

[Бааам]. Марк неожиданно для себя отлетел в сторону центра этой бетонной плиты. Но на ногах выстоял и резко ухватился правой рукой за голову. Она жутко начала болеть, что заставило его выкрикнуть:

– Сука, ты что творишь?!

Дэриэл ничего не ответил на это, просто грозно улыбнулся и начал, как терминатор, идти напрямиком на него. И Марк понял, что началась серьёзная, по его меркам разборка. Уже в полуметре от сближения Марк успел с ориентироваться и встать в нужную стойку для удара. И теперь при сближении, они оба сделали замах, одновременно. [Клац]. Марк попал ему в плече, а Дэриэл промахнулся, из-за ловкого уворота Марка. Дэриэл, это почувствовал и немного пошатнулся, отойдя на метр назад.

– Алё! Ты чего начал?! – вскрикнул Марк, – Что случи...

Ему не дал договорить резкий рывок Дэрила в его сторону и точный удар кулака в его правый глаз. [Баах]. Марк упал, но быстро прижав этот глаз левой ладонью, поднялся, начав ощупывать его. На что Дэриэл только захрустел пальцами рук и скрежетнул зубами.

– Как тебе, гнида, такое?!

– Ааа! Боже! Ты, что захотел умереть?! Ты же знаешь, что мой батя сделает с тобой за это, и указал пальцем на свой

глаз.

Там ничего серьёзного, просто огромное количество лопнувших капилляров, что привело к полному покраснению глаза. Кстати, довольно жуткое зрелище, но на зрение, это никак не повлияло. А Марк, на почве жуткой боли, в этот момент считал по-другому.

– Обязательно сделает. Только сразу после того, как я сделаю с тобой то, что ты сделал с Димой, тварь! – и резво снова пошёл на него, сжав оба кулака на уровне шеи.

И в этот момент Марк, как-то сильно протрезвел и понял, что всё может закончиться здесь, не так как он на это рассчитывал.

Они снова вцепились. Только теперь Дэриэл ударил первый. Попадая в грудь. Удар был не самым сильным, но эффективным. За счёт чего, Марк не смог повернуть свою контратаку. После чего, Дэриэл ухватил его правую руку своей левой и инстинктивно заломал её. Попутно дав ему в челюсть и по рёбрам. Дальше отпустил руку, так как этот захват подразумевал только удержания и успокоение противника. Но не как не методичное избиение.

Пелена с его глаз не слазила, а значит, в интересах Дэриэла, было продолжать, как бык, «перелопачивать» своего противника.

Последний удар по рёбрам, заставил Марка на какое-то время присесть на колени, спиной к Дэриэлу. Дэриэл не воспользовался такой возможностью, но видимо зря. Ведь па-

раллельно, это сослужило лёгким моментом, что дало Марку шанс быстро и неожиданно для Дэриэла, подняться и дать, точно такой же, быстрый и точный удар, в его левый глаз. И добавить в нос, его, как он говорит, коронной «двоечкой». И отойдя от Дэриэла, ближе к стене, чтобы наблюдать за ним.

Какое же было удивление Марка, когда он увидел, что Дэриэлу было совершенно пофиг на это. Да, он слегка откинулся назад и в конце концов, чуть ли не упал. Но через пару секунд, полностью отошёл и теперь уже побежал на Марка. Тот не понимал, от куда у него такая выдержка. Но это была во-все не выдержка, а временная не работа главных и ключевых инстинктов человека. Инстинкт страха и самосохранения.

Во время бега на Марка, у Дэриэла с этого глаза начала течь кровь, капая ему на куртку. Что вполне заметил и Марк. И был в реальной панике, ведь он всерьёз делал ставку, что Дэриэл после потёков крови, слегка остепениться и начнёт остывать. Но такого, он совсем не ожидал и по сути, заставил, в быстром темпе наклониться и поднять с пола, хорошего размера камень. И бросить в Дэриэла со страха.

Марк особо не целился, но всё же попал «хорошо». Точно в левое плечё. Дэриэла откинуло в сторону и всё же немного остепенило. Но не потушило его агрессию, а просто заставило остановиться на неопределённое время, в полу согнутом состоянии, для восстановления нужного количества кислорода в голове и ухода боли от места попадания камня.

Дэриэл пытался дышать размерено и моментами посмат-

ривал на Марка.

– Так ты решил, закончить свою жизнь, придурок?! Ааа?! – победоносно крикнул Марк, но о смерти он говорил не серьёзно.

– Кхм, – Дэриэл начал закашливаться, из-за плохого телоположения, его слюна затекла в не нужные части рта, – Кхххм, не совсем, но я считаю, что даже вот такая смерть лучше чем... – он говорил очень медленно, но со временем «набирал оборотов», – Если я и умру, то хоть не так, как твоя Алёна... Сказавши, как дура, не те слова и из-за чего, как вот такой твой же камень, была, – резко показал пальцем на лифтовую шахту, – Сброшена мной, – в таком состоянии, тяжело было утверждать, что это говорил именно Дэриэл, а не кто-то иной.

– Ээээ, – Марк недоумевал со слов Дэриэла, – Гэ-гэ-гэ, – потом истерическая улыбка и снова удивлённый взгляд.

Марк пытался обдумывать услышанное: – Подожди, ты хочешь сказать... Нет... Ты сказал, что... Стоп! Повтори!

– Я сказал, что, – откровенно улыбаясь и распрямляя плечи, которые уже прилично были вымазаны в кровь с его глаза, Дэриэл вылавливал каждый миллиметр перекосившегося лица Марка, от удивления, – Мёртвой, она смотрелась лучше. И уверен, что в этом вы с ней скоро будете похожи. Я вас воссоединю, так сказать, – этот Дэриэл, не был, тем самым Дэриэлом, с которым были знакомы все, от его матери до Элиаса.

Это был кто-то похож на него визуально, но вёл он себя совсем по другому. Над ним, в момент, взяла власть его весьма конкретная болезнь и рулила как хотела, пытаясь со всех сил потратить весь свой гнев.

И с огромнейшим удовольствием, он вновь почувствовал всплеск адреналина и воодушевившись этой фразой, с запачканной левой частью лица в кровь, он помчал в сторону Марка. И вот с этих слов, да и вообще с этого момента было понятно одно. Дэриэл решил для себя, что этот бой идёт для него насмерть. Он не знал, о чём там думает Марк, но сам понимал, что теперь, дать ему уйти живым – не может.

Марк, по правде говоря, ещё почему-то не осознал глубины «вопроса», хотя, казалось бы. Но он не мог поверить, что жизнь ему подкинет такую подлянку.

Дэриэл был одним из последних, с кем бы хотел драться Марк насмерть. Ведь, он знал его физические данные. Тяжело было сказать, что Марк был сильнее.

Да что говорить, даже Милан, в первые дни знакомства с Дэриэлом, был в некоем замешательстве. Ибо стало не ясно, кто в их компании мощнее. Нет, никакой конкуренции в этом не было, просто они привыкли устанавливать в своей компании условные категории и ориентиры. Кто лучше разбирается в технике, кто в уголовном кодексе, ну или кого лучше позвать помочь «разобраться» с кем-то.

Дэриэл быстро сократил дистанцию с Марком и уже, так как отбрасывать было не куда, капитально придавил его к

стене. [Туф].

– Да тебе пи... – это было последнее, что смог выдать Марк.

Дэриэл начал просто избивать его. Правой, он бил апперкотом по прессу, левой, ровно в лицо. То, что удары левой почти не ощущались, ему было только плюсом. Раз, два, три, четыре, пять, шесть ударов и у Марка начала идти кровь со рта. Дэриэл был этому только рад.

Потом слегка остановился, чтобы передохнуть, из-за чего Марк не смог держать себя на ногах и свалился на пол. Глазами умоляя его остановиться и трясая руками перед своим лицом, толи закрывая его, толи перекрещиваясь или показывая ему какие-то жесты. Не понятно.

Что вновь заставило Дэриэла улыбнуться и быстрым движением, прибрал его руки, адресовал ему два точных удара с левой руки, во всё тот же левый глаз.

А вот тут, Марк уже перестал на него видеть, пытаюсь интенсивно начать им мигать, в какой-то безумной надежде, что зрение вновь вернётся.

Теперь уже Дэриэл уселся на его живот, зажимая коленями ему руки и начал раз за разом, бить его то в лоб, то в нос, то по челюсти. Удар за ударом. Каждый удар нёс за собой новую рану на его лице. А кровь с глаза Дэриэла, нашла теперь другое место скопления, прямиком на лицо Марку. И уже на, где-то, девятый удар в таком положении, его физиономия начинала превращаться в «кашу». Из-за этого у Дэ-

риэла даже слегка поднялось настроение, чувствуя, что он, наконец отомстил за всех, кого тронул Марк:

– Ну вот! Как и заказывали! Слышь! Я, конечно, понимаю, что тебе уже неверное пофиг, – он кричал это в его глаза, – Ну как же много людей жаждали твоей смерти, жаль, что большинство, так и не узнает, что тебя убил именно я! – продолжал Дэриэл в состоянии аффекта, – Ааа?! Как ты думаешь?! – с этого момента его правая начала болеть от ударов, но левая всё так же ничего не чувствовала и Дэриэл придумал следующее.

Ему было не привычно бить только левой, так что удары приняли некую метаморфозу. Каждый удар с кулака, был сразу же продолжен ударом с локтя. Во время этого месива, кровь Дэриэла льющееся с его глаза и кулака, разбитого о череп Марка, соединялись с пестрившеюся кровью и слюной всё того же Марка, в мерзкую жижу. И, наверное, теперь, лицо Марка, даже родная мать бы не узнала.

И вот где-то после пятого вот такого удара, с витражных часов, внезапно слетает крышка циферблата и падает прямо Марку на лицо. Дэриэл разочаровано остановился, Марк уже почти не шевелился, только с последних сил, правой рукой, в конвульсиях пытался дотянуться до своего рта. И недолго думая, Дэриэл подвинул эту крышку к оставшемуся видящему глазу Марка и с последних сил и злостью, надавил на него. Живая и двигающееся рука Марка, до этого, в момент упала. А Дэриэл, после такого, довольно «эффектного» поступка –

выдохнул и уже полностью успокоился.

Ему понадобилось сорок секунд, чтобы окончательно прийти в себя и начать мыслить примерно адекватно. К этому моменту, Марк был уже естественно мёртв, его лицо было похоже на лица людей, из каких-то фильмов ужасов. Вокруг тела бала огромная лужа крови. А само тело было как будто обескровленное. Выглядело это так, что вся кровь вытекла с него через отверстия на лице. И именно отверстия. Это теперь было тяжело назвать глазами, ртом или носом.

Дэриэл с ужасом осмотрелся и не мог поверить, что это он сотворил. Он пытался не кричать, но у него слабо это выходило. Его руки тряслись, как у столетнего деда. С которых капала кровь.

[Буум]. Где-то сверху, что-то упало. Скорей всего старая штукатурка. Это испугало Дэриэла, заставив резко подняться на ноги и начать что-то предпринимать. Он был полностью в крови. Дэриэл, со страха, быстро снял куртку, а потом так же быстро и свитер. В надежде, избавиться от улики. Это первое, что пришло ему в голову. Дальше он увидел, что штаны так же запачканы в кровь, но в такую погоду, он не мог себе позволить раздеться до гола. И в осознании того, что он не знает, что делать дальше – Дэриэл опустилсся, в отчаянии на колени, в лужу крови.

В такой позе, он стоял ровно минуту, выглядело это так, как будто он начал молиться. Потом медленно поднял голову на тело Марка и уверенно произнёс: – Так... нужно изба-

ВИТЬСЯ ОТ ТЕЛА...

– Глава 8 –

– Ха-ха-ха! Я всё равно тебя догоню! – бежал и кричал пятилетний мальчик.

– Оп! Ты бэл! – и убежал.

А девочка, за которой и гнался этот мальчик, в растерянности осознав, что теперь ей нужно догонять кого-то, рванула за ним.

Клим сидел на лавочке около дома Лизы, на детской площадке и наблюдал. Старался вобрать в себя, от этих ребят, хоть немного позитива, чтобы стало легче обдумать всё, что накопилось в голове.

Смотря на них, у него на лице виднелась «детская улыбка», но вот, как только он, случайно, переводил взгляд и задумывался о своём – его начинала охватывать грусть.

И вот он взял себя в руки, резко и уверенно встал с лавочки и хотел уже «рвануть» к Лизе, как у него потемнело в глазах из-за внезапного поднятия тела. Клим слегка опешил, посмеявшись при этом над собой. И когда эффект прошёл, он вновь направился к дому Елизаветы.

Шаг за шагом, поправляя кислотно-оранжевый галстук, он подходил к металлическим дверям.

Руки уже тянуться к звонку, но на удивление остановились. «Стоп» – проговорил он. «Что мне делать? Почему всё вышло именно так?» – и облокотился на декоративный, ма-

ленький заборчик, поставленный вокруг дверей в виде ромба.

«Ну я же понимал, что так будет... Тогда почему сейчас мне так обидно и не приятно... Не понимаю» – он выдохнул полной грудью и начал анализировать то, что говорил своим родителям и какую аргументацию использовал несколько часов назад.

Спокойное утро в шесть часов, семьи Филомэнко. Вся семья собралась на первом этаже и монотонно приходила в себя после пробуждения. Отец ел штрудель, сидя за журнальным столиком, запивая чёрным кофе. Мать, в шести метрах от него, за гладильной доской, гладит свои шесть галстуков, чтобы вскоре подобрать один из них под смокинг. А Клим сидел в раздумываниях и пытаясь перекричать звуки телевизора с новостями в голове и придумать, как лучше «подойти» к родителям. С тем, что он хочет, в начале следующего года, уехать с Лизой с республики, хотя бы на время.

И в конечном итоге, как минимум, отложить его «интегрирование» в их семейный бизнес. Который ему, собственно, никогда не был интересен. Но продолжать дело семьи, он не отказываться.

И вот взяв всю волю в кулак и допив стакан сока, решился и поднялся: – Так... Отец...

И даже не дослушав его до конца, быстро переживав штрудель, отец вскрикнул:

– Сколько раз я тебе говорил... Не тревожь меня, пока я

пью кофе и смотрю новости! Жди...

Мать же, зная какой будет ответ отца, даже не поднимала голову, а продолжала гладить уже предпоследний галстук.

– Нет, ну всё же...

– Ты слышишь, что я тебе говорю! У тебя же не срочное дело! – уже не успев переживать, крикнул Лэопольд.

Александра слегка подняла глаза на Клима, с интересом.

– Да послушай!

Лэопольд Филомэнко поставил чашку на столик, развернулся к сыну и грозно посмотрел, приготовившись действительно выслушать его, но при этом показывая, что такое обращение к нему, ему не по нраву.

Александра Филомэнко же, просто догладила всё до конца и присела к мужу на диван, ожидая диалога.

– О, спасибо мам за то, что тоже слушаешь, – быстрым двойным нажатием на экране смартфона, Клим выключил телевизор, – У меня разговор вообще-то к вам двоим, просто думал разделись его, чтобы они вас не затруднили и не отвлекли от чего-то важного, – отец слегка развернулся к потухшему экрану плазмы и вернулся к прежнему положению тела.

– Ты уже сильно затянул... Давай к делу, – нетерпеливо сказала мать.

– Да, конечно. Но ещё хотел бы перед этим, извиниться перед тобой пап, за только что свой тон, просто это очень важно. И, наверное, почти что срочно.

Отец всё ещё продолжал «остро» смотреть на сына, но кивнул.

– Дело в том, что ко мне от Елизаветы Поник, поступило предложение о временном, – здесь следует небольшая пауза и чёткий акцент на последнем слове, – Переезде в Дьевресс.

Серьёзной реакции от них не последовало, всё что изменилось на их лицах, это мать Клима просто чуть по выше подняла подбородок. Родители понимали, что Клим ещё не закончил и слушали дальше.

– Я знаю, вы хотели, чтобы я начинал перенимать у вас опыт моей будущей работы. И я за, только это же не обязательно делать здесь. Тем более, что здесь это тяжелее. А там мы будем развивать уже совместный бизнес. Капитал у меня есть свой, в банке. Бизнес план – уже разработан её родителями. Естественно, моя учёба продолжится, но опять же там. Да и в прочем, все мы понимаем, что образование в Дьеврессе на порядок выше. Но хочу добавить, что наши с вами планы, никуда не деваются. Я всё ещё готов продолжить семейную работу. Просто хочу взять там старт. А так как, в своё время бабушка настояла, чтоб я получил среднее образование в Дьеврессе, то мне не составит проблем полностью приобщиться к тому образу жизни. Я ведь жил там.

Отец молчал и слушал, не подавая вообще никакой реакции. Мать высчитала три секунды после паузы Клима и резонно спросила: – А можно узнать, в чём причина такой коллаборации? Мы с семьёй Понник согласовали все договорён-

ности. Наша фабрика в Дьеврессе – теперь их. Их три магазина – наши. Все разошлись полюбовно и больше мы не являемся партнёрами ни в каких областях или контрактах. Так подскажи причину. Ведь, чем лучше ехать туда и начинать что-то, нежели уже принять вполне процветающую компанию?

– Ах да, извините... – он слегка задумался, в порывах найти, как можно больше интересней ответ, но вскоре понял, что лучше того, что есть уже и «крутиться» на языке – быть не может, – Взаимная любовь, – и кивнул, согласившись сам с собой.

– Ага... Вот как... – Лэопольд вяло опустил глаза, – И я так понимаю, что это случилось недавно?

– Фактически – да.

– Даже так... – Александра посмотрела на своего мужа.

Тот вскоре тоже обернулся к ней лицом. Клим ожидал, что сейчас будут серьёзные обсуждения и для того, чтобы не мешать, он задумал отойти на несколько метров и сесть на стул, но поспешил.

– Клим, мы всё обдумали и... – услышав это, он не мог понять слова отца, ведь после последнего уточнения Клина, прошло не более пяти секунд, – И решили. Ты безоговорочно остаёшься тут. Доучиваешься тут. И перенимаешь бизнес, в течении следующего года.

Клим был в ступоре. Из-за того, что родители ни на сантиметр не пошли на уступки. Естественно, он был готов, что

ему откажут. Но была надежда, что они оставят ему хотя бы какой-то манёвр, на личную жизнь с Лизой.

– Отец, ну я же не смогу в таком темпе хотя бы на день уехать, даже с города. Ты же сам говорил, что, когда ты начнёшь меня посвящать, мне придётся спать по пять часов в день, – он позволил себе перебить его.

– Верно. Всё так и будет. А кто тебе сказал, что здесь есть место компромиссу? – Клим обозлённо посмотрел на своего отца, – Но! Всё же могу дать обещание, что мы вернёмся к этому разговору через десять месяцев и возможно, – Лэопольд поднял ноту, для большего эффекта, – Пересмотрим этот вопрос.

Клим с надеждой посмотрел на мать.

– Ну, что ты на меня смотришь? Я с отцом согласна. Так что всё, дело закрыто. Если Елизавета собирается уезжать, то старайся сейчас находить время для общения с ней, ибо потом не сможешь. И я бы тебе рекомендовала для большего количества свиданий с ней, сократить время препровождения с Дмитрием Вуурыным, – Лэопольд поддержал такую инициативу матери, кивком в её сторону, – И иди собирайся в университет.

Александра поднялась с дивана, взяла галстуки и ушла в свою комнату. А Лэопольд с брезгливостью взглянув на свой уже холодный кофе, поправил рубашку и с многозначительным видом, пошёл к прихожей, готовясь к выходу.

Клим же, остался стоять в гостевой в подавленном состо-

янии, собираясь с мыслями и не понимая, что теперь ему делать. И вскоре сам того не хотя, начал собираться. Его настолько это обидело, что он совершенно забыл, что его первая пара, это экономика, которую Клим ещё месяц назад закрыл автоматом.

– Я же говорил, что поймаю, вот и поймал!

Клим нервно поднял голову с крыльца дома Лизы, на быстро пробегающих мимо него детей.

– Пфф, что-то я серьёзно отвлёкся, – прошептал он, и протёр ладонью глаза, – Ну и как я мог завести с родителями разговор так, чтобы в конце они бы пошли на уступки? – подумал немного, – И возможно ли было вообще хоть как-то договориться с ними? Мда... Я думаю, что ответ я знаю... – Клим поправил рубашку и медленно затянул галстук, – Ну что Клим? Опять будешь использовать советы Димона? Ну да... Будешь придумывать, что сказать Лизе на ходу. Потому что идей у нас, как выяснилось – цельный ноль.

И только его рука вновь приподнялась к двери семьи Понник, как:

– Клим! – его окликнули со стороны детской площадки, на что тот быстро развернулся и широко заулыбался.

Ему на встречу уже шла... Нет. Бежала... Снова нет. Мчалась Лиза с распротёртыми объятями.

Несколько секунд и Лиза уже напрыгнула на него: – Давно ждёшь? – спросила, параллельно сокращая дистанцию между из лицами.

– Только вот подошёл, – проговорил, наблюдая за тем, как к нему уже тянуться губы Лизы.

И вот поцелуй произошёл, длительностью в одиннадцать секунд, после чего Лиза резко отпрянула и взвыла:

– Подожди! Ты случайно мне не звонил? У меня смартфон был отключён.

– Аа, да нет, не звонил, – и вновь потянулся к ней, она вроде как тоже, но вдруг застопорила себя и Клима.

– Так, а почему ты мне не звонил?

Клим даже слегка растерялся, хотя вполне мог с иронизировать по этому поводу и пошутить про ревность, но не стал и задумался над ответом.

– Ахах, да я шучу. Напрягся так... – и обняла его с такой силой, что Клим даже удивился.

– Слууушай, – вновь взвыла она, – Только что случай выдался интересный... – Клим кивнул с интересом и повёл рукой, указывая ей в сторону местного парка, показывая ей дорогу. Лиза согласилась и продолжала мысль: – Захожу с подругами в троллейбус, у меня на правом плече вот эта сумка, – и показывает на квадратный рюкзак с большим средним карманом, – И как обычно тяну туда руку за проездным. Достая, показываю кондуктору. Меня конечно удивило выражение лица этой тётеньки, но я всё же прошла дальше. Села с подругами на свободные места и случайно посмотрела на проездное... А там туз кресты!

– Что?

– Мы просто перед этим играли в карты, а я забыла и положила их не в тот карман, – Клим засмеялся.

– Так самое интересное, что она меня пропустила и потом ничего не переспрашивала. Я целую дорогу боялась посмотреть в её сторону. Девочки ещё шутили надомной, что кондуктор не стала ничего мне говорить мол: "Кто их там на автовокзале знает? Может сегодня хреста козырь", – и вот как раз под конец истории, они уже подошли к детской площадке.

– Да неплохая история... Действительно сегодня случилось?

– Да, вот буквально два часа назад, а ты что расскажешь?

– Я? У меня сегодня ничего такого не случилось.

– Как ничего? Ты же говорил, что сегодня с Димой встретишься.

– Это да...

– Ну... Что ничего не произошло? Ты же каждый раз после встречи с ним что-то интересное рассказываешь.

– Это тоже да, но сегодня ничего такого вроде не было. Могу ещё старых историй рассказать.

– Давай.

– Ну хорошо, слушай. Случилось это ещё около двенадцати лет назад. Я был наказан за что-то и сидел дома. Очень хотелось мне тогда на улицу, но нельзя было. Родители на работе и тут ко мне в дверь стучит Димон...

– Так... – потирая руки сказала Лиза.

– Я открываю. Дима, естественно, хотел играть и его совершенно не устроил мой ответ. Он начал меня упрашивать. И я всё же, не долго думая, впустил его домой. Хоть мне это тоже было запрещено. Сидим значит, уже часа три, играем на компьютере. Как слышу, что на мой этаж кто-то подымается. Димон говорит: "Я в шкаф". Отец заходит ко мне и сразу с порога: «Что делаешь?». Я: «Уроки». Он: «А комп почему включён?». А Димон из-за темноты, в шкафу повалил какую-то полку. И отец с перепугу: «Что там?». Я: «Та ничего». Папа открывает шкаф и тут ему, резко: «Добрый день! А Клим играть будет?». «Нет, не будет!» – и закрыл дверь шкафа.

– Пфф, – Лиза фыркнула и рассмеялась, – Ха-ха.

– И что было дальше?

– Да ничего. Отец пошёл в свой кабинет, а я провёл Диму до двери.

– И всё?

Клим нахмурился: – Нет, не всё. Ещё он около двух недель на меня злился, а потом припоминал это целый год.

Лиза улыбнулась ему, потом осмотрела площадку вокруг них и крикнула: – Вон! Пошли туда, – ухватив его за руку, потянула его на детскую карусель.

Этот парк имел большую и долгую историю, о чём можно понять, посмотрев на окружающиеся ночные фонари, лавочки, аллейки, заборы и в конце концов газоны. Всё это выглядело как-то, что доживает свои последние дни. Ржавое,

грязное, треснувшее и совершенно не красивое.

Парк Крыив так и оставался бы помойкой, если бы за него не взялась одна организация, начавшая вкладывать в него свои собственные деньги и силы.

Лиза с ним подошла к пустой карусели. Он усадил её на первое сидение и слегка начал раскручивал. А слева от них, объединивши свои усилия, в две лопаты, двое мужчин рыли яму. К ним подходит маленькая девочка и говорит: – Пап, что вы делаете?

– Та вот, Тузика будем закапывать.

– Собаку? Как?! Он ведь живой?

– И что, что живой? Лопатой по морде и больше не живой.

Маленькая в шоке. Мужчины по улыбались, между собой и отец девочки решил всё же разъяснить: – Доченька, я шу-чу. Я же тебе говорил вчера, что сегодня будем ставить беседку. Вот эта самая беседка, – и показывает на неё лежащую в десяти метрах под деревом.

– Ааа, я поняла. А Тузика то зачем убивать?

Все захохотали. Её отец, друг отца, Клим, Лиза и несколько других родителей.

Лиза учуяла вибрацию и начала доставать свой смартфон из кармана обтягивающих джинсов. И пока она вчитывалась в сообщение, Клим засмотревшись в её глаза, вновь вспомнил о том, что не понимает, как ей рассказать о его разговоре с родителями. Он понимал, что не может никак повлиять на вердикт своего отца, да и матери тоже.

– Лиз, я уже говорил со своими р...

Пока Клим думал, он не уследил за рядом бегающими детьми, в один момент облепившие его со всех сторон и закричали: – Малая куча – дайте ещё! – и набросились на него всеми своими малыми силами.

Один, два, четыре, уже шесть мальцов накинудись на него. Кто ухватился за ногу, кто за руку. А кто попытался допрыгнуть до его плеч. Клим многие знали в этом районе, точно так же, как и Диму. А в прочем, эту игру им Дима и показал, поваливши, одним летним вечером, небольшую толпу этих самых детей, с этим выкриком, а Климу пришлось потом доставать полупьяного друга, под завалом десятерых второклассников. Такими они детям и запомнились.

– Эээ... Что началось? – пытаюсь устоять на ногах, возмутился Клим.

Лиза подняла глаза. И ей это так понравилось, что она, быстро спрятав смартфон, с радостью тоже запрыгнула на него. После этого Клим уже не устоял и повалился вместе со всеми на землю под огромный хохот детей.

По дороге из парка, Лиза и Клим шли обтряхивая одежду один другого от пыли и земли. И вспоминая этот весёлый момент: – Круто было.

– Не то слово, – полуоринично сказал он, а Лиза заметила ещё один лист, прицепившегося к штанине Клим, теперь уже последнего и ловко сняла его, чего Клим даже не увидел.

– А ещё к слову, о той девочке и её собаке. Посмотрев на

неё, на секунду, мне припомнился один случай из детства.

– Ты о том случае, когда тебя в десять лет наш Жук, – так звали собаку в бабушки Клима, – Во время прогулки протащил тридцать метров по газону?

– Да нет! – и смеясь толкнула его, – Я о том, как меня в начале заставляли Серого выгуливать, – Клим кивнул, – Так вот, я не помню, как я к этому додумалась, но повела я себя тогда очень круто. Сидим мы значит всей семьей в гостинной. И родителям так надоело уже выгуливать собаку, что они уговорили меня на игру: "Кто первый произнесёт какое-либо слово – тот и идёт с псом". Я быстро придумала одну идею... – хитро улыбнулась, – Молча пошла собрала собаку к прогулке, оделась, обулась и уже открывая дверь, слышу крик мамы: "Молодец, Лизя". На что я умерая от смеха, ответила: "Вот ты и проиграла!".

Клим загорелся улыбкой: – Хитро...

Но уже через пару секунд, он повернулся с серьёзным лицом: – А знаешь? Раньше же мне родители запрещали иметь дома животных. Убеждая в том, что они только мешают жить, да и грязи от них много в доме. Поэтому я никогда не имел интереса к братьям нашим меньшим. И вот только начав жить с этим маленьким совёнком, я начинаю кое-что понимать.

– Что понимать?

– Смысл во всём этом. Бредёшь ты такой, устало по улице, на плечи давит вязкая погода. Смартфон сел и денег на

проезд, снять не выходит. Поэтому приходится идти семь километров пешком. Вскоре начинается ливень, а ты с утра увидел в окне, лето, судя по термометру и одел новенькую рубашку, – Лиза ещё никогда так внимательно не смотрела на него, – Через четыре часа ходьбы – хочется всерьёз упасть мёртвым грузом на землю. Но останавливает почти уже пройденный до конца путь. Заходишь в дом, стараешься быстро проскользнуть мимо родителей и не нужных вопросов. Получается. Поднимаешься, открываешь дверь в свою спальню и уже с закрытыми и подготовленными глазами ко сну, подходишь инстинктивно к кровати. И слышишь внезапное: "Угу!". Открываешь глаза и видишь, на кровати совёнка. Который по случаю того, что уже вечер – в полную силу бодрствует. Он со всех сил пытается допрыгнуть до твоего роста, так как полёт ещё не освоил. И тебе почему-то сразу становится веселее и лучше на "душе". Всё плохое, в миг забывается и ты уже на радостях идёшь ему за едой, – пауза, – И вот с того момента, знаешь... Я тебя стал понимать. Так, что извини, за то, что в детстве я отговаривал тебя заводить животных. Я не понимал, о чём гово...

Она, на эмоциях, обняла его и поцеловала. Продлилось это снова не долго. Их отвлёк диалог проходящей бабушки с внучкой: – И что, ты теперь будешь каждый день ходить в школу, вместо садика? – подыгрывая спросила бабушка.

– М-да.

– А сколько ты там уже раз была?

– Очень много. Больше, чем вот, – и показала десять пальцев на руках.

– Больше? А какой же у тебя любимый урок?

Недолго думая: – Последний! – бабушка замолкает, а девочка добавляет: – А какой он, мне всё равно.

Клим с Лизой оторвались от своих дел, переглянулись с улыбкой, по ностальгировали слегка и ускорились по аллее.

– Слушай, мне нужно помочь маме на кухне, у них там бизнес-встреча намечена. Зайдём, родители будут рады тебя видеть. А как закончим подготовку, вместе куда-нибудь свалим. Согласен? – неуверенно спросила она.

– Хотел бы... но у меня тоже есть много работы. Отец просил, – Лиза понимающе закивала, – Слушай, я поговорил с родителями... о переезде... – по интонации Клим, она в миг поняла каков был итог разговора, – К сожалению... Наши планы придётся перенести, на неопределенный срок... Как минимум, наверное, на год. Я не смог убедить их. И в принципе, я это понимал, но всё же, меня это сильно зацепило.

Елизавета другого и не ожидала, но естественно, надежда умирает последней. Давить на Клим, чтобы тот шёл на конфронтацию с родителями, ради неё, она не собиралась. Да и не хотела. И после этих слов, она честно отпустила свои намерения и полностью приняла вот такой поворот событий. И с этого момента начала потихоньку свыкаться с этой мыслью.

И видя, как Клим зол на себя за это и дальше будет про-

должать это делать, не зависимо от того, что она ему сейчас скажет, нежно подошла к нему и влюбленно обняла, без единого слова.

В этот момент все всё поняли, им больше не нужно было ничего говорить друг другу, кроме главного. Он: – Давай постоим так хотя бы минуты две.

Через секунду, она: – Я люблю тебя.

На детской площадке, которую сейчас наблюдал Клима, уже не гуляли дети, никто не бегал. Родителя по загоняли всех домой. Прохожих практически не было. Что было слегка странно. Всё как-то вмиг затихло. Лиза прикрыла глаза и они продолжили стоять дальше. В этой позе, обнявшись, они простояли один час, семнадцать минут и сорок пять секунд, перед тем как, разойтись по домам.

Линии, изгибы, царапины, шрамы, Дэриэл тщательно рассматривал свои ладони, чтобы убедиться в том, что он отмыл всю кровь с них. Они были чисты, но Дэриэл упорно верил, что всё-таки следы где-то ещё оставались. По дороге сюда, ему казалось, что прохожие смотрят именно на его руки, как будто зная, что случилось вчера ночью. Вокруг него, он ощущал презрение, в каждом взгляде пешеходов чуялась брезгливость к нему. Он, как сумасшедший сидел на лавочке около детской площадки и тёр, уже до покраснения, свои руки. А когда всё же его отпускало или он старался абстрагироваться, потом по привычке, опять глядел на левую руку, на то место, где раньше располагались часы и вновь вспоми-

нал кровь и мёртвое тело Марка.

Потом тут же в глаза лезла "картина", о том, как прятал труп. Как в ужасе происходящего, сбросил его с третьего этажа на землю, чтобы оставить меньше следов. И волочил его в нижнюю часть улицы, по обрыву, на территорию местного сахарного завода. Сбросив туда тело, в овраг для химических отходов. Где его, собственно, похоронил со всеми следами убийства, в том числе со сломанными часами и своей окровавленной одеждой, вместе с новой футболкой. И всё это в ужасной нарезке моментов, вырывающихся из его памяти и предстая перед глазами.

Кстати говоря, страх страхом, ужас ужасом, но в тот момент, Дэриэл быстро сообразил куда деть труп. Поскольку он много писал статей о нахождении различных мертвецов на территории своего города, а вот с завода – ничего не было слышно. Хотя место, честно говоря, ночью было жуткое. Даже местная гопота туда не ходила.

И вот раз. И Дэриэл опять смог абстрагироваться от этих мыслей, резко подняв голову на детскую площадку и медленно осматриваясь вокруг себя.

Преыдущие мысли ушли из головы, а на место их приходили другие. Он давно не был в этом парке. Последний раз было, когда Клим, Милан, Женя, Дима и сам Дэриэл отмечали там, последнюю их встречу, перед отъездом.

И [Хлоп!]. Этот звук был создан точным хлопком руки, по плечу Дэриэла, со спины. Как же он испугался, это было

видно по тому, как он вскочил. Сердце забилося как бешеное, заставив его полностью встать со скамьи и обернуться.

– Так! Что теб... – и резко утих.

Перед ним стояла его новая знакомая Джына. Хотя в последнее время, судя по всему, они стали друг другу немного больше, чем знакомыми.

И радостно заявила: – Ты оказывается тоже здесь бываешь?!

– Ааа... Пфф... Бываю, – бегая глазами, – А ты... Эмм... – быстро сообразив, спрятал руки в карманы, чтобы она не заметила сбитые кулаки, – Как... Как дела вообще? – чуть ли не заикаясь, нашёл что спросить.

– Да нормально, вот бегаю.

Услышав это, Дэриэл осмотрел её с ног до головы. На ней был осенний, обтягивающий, спортивный костюм. Даже слегка виден перебор обтянутых мест, имея ввиду интимных.

Она вся «сверкала» огненным цветом, от рыжих волос, через апельсинового цвета костюм, до чёрных кед с красно-жёлтыми вставками. С неё так и пестрила энергия, она то и дело передавала вес с ноги на ногу, давая понять, что пришла сюда не для посиделок.

– Я тебе, кстати, вчера вечером писала, ты не ответил. Занят был?

– Ну слегка...

– Ага. А часы куда дел? – указала пальцем на его руку.

– Сломались, выбросил, – он сухо «резал» на корню, любые вопросы о вчерашнем от Джыны, боясь за своё психологическое состояние, – А ты... на чём остановился ремонт дома? – и переводил тему.

– Да вот, сейчас штукатурку заказала. Жду.

– Круто.

– А ты чем-то занят? – спросила она.

– А что?

– Да ничего, просто могли бы вести диалог по дороге. А там, может ты ко мне присоединишься и вместе побежали бы. Ну так что?

Дэриэл взглянул на свои зимние ботинки, рваные Джинсы, осенний плащ и сказал: – Конечно побегу, вперёд!

Через пять минут молчаливой, спортивной ходьбы, Джына заговорила:

– Ммм, я заметила, что у вас глубоко порядочные люди в городе есть.

– Это шутка? – Дэриэл не понял, о чём она говорит.

– Да где там! Стою, жду вчера автобус по дороге в парк. Держу в руках смарт, как ко мне, медленно подбредает мужчина. Лет сорока пяти. Людей практически нет на остановке и говорит: «Девушка, а вы курите?». Говорю: «Нет». После чего, добавляет: «Ага, я понял. И кстати, если вы не знаете, у вас в руках дорогой инструмент. И я в принципе, даже мог бы его украсть, но я очень порядочный гражданин. И не буду этого делать. До свидание».

Дэриэл аж фыркнул от удивление.

– Я там чуть с лавочки не упала. А он ничего, всё это с серьёзностью сказал и отошёл дальше ждать автобуса. Так вот знай, что здесь тебя окружают порядочные люди, – и улыбнулась.

– Все мы порядочные, пока есть не захочется, – ответил серьёзно, она услышала, но сильно не вдумывалась.

– Ну что побежали? – уже набирая скорость крикнула Джына.

– Ну... Погнали, – набрав полную грудь, ответил он и рванул вперёд за ней.

Пока бежали, Дэриэл успел углядеть проезжающую мимо парка красную машину, которой он уже традиционно выставил большой палец, меж двух соседних. Увидел ли водитель этого или нет, он не знал, ибо теперь она была тонированной, но вот чтобы Джына это не заметила, Дэриэл постарался.

Три с половиной минуты и они уже снова, пробежав во круг, подбегали к той же самой лавочке, от которой начинали.

– Так, стоп. Пауза, – громко выдыхая, он упал на скамью.

– Что сдался? – с насмешкой спросила.

– Пусть будет так, садись. Может потом ещё как-то круг сделаем.

– Лааадно.

Джына дала ему минуту на отдышку и проговорила: – Красиво тут у вас... – и снова саркастично выдала, парал-

лельно засмотревшись в даль, – Дэриэл, я хочу за кофе сходить, подождёшь?

Дэриэл поднял на неё голову, любезно кивнул, и медленно повернулся к центру парка «Крыив», краем глаза смотря ей в след.

По середине площадки, уже как всегда, обитала огромная куча свежей грязи. Ещё с того момента, как полгода назад, местные, выкопали все установленные туда качели и детские карусели, сдавши их на металлолом.

Рваные газоны, оббитые под корень бордюры. Грязные пешеходные дорожки, в основном от мусора продуктовых изделий. Вырезанные под корень все металлические фонари. Это видно по трубкам, с которых остались торчать, где за изолированные, а где оголённые провода.

Её не было минут десять, за это время Дэриэл успел прочитать несколько статей, опубликованных на анонимных каналах и подумать.

Подойдя, Джына робко предложила ему кофе, на что тот, благодарственно, отказался. Они проговорили о своём минут пять, пока не услышали: – Роза?! – раздался вопросительный крик позади них.

Что и заставило их быстро, вопрошающе обернуться.

Сзади них сидел опрятно одетый мужчина. Только что пришедший сюда. Белое пальто, очки с круглой оправой, коричневые брюки и туфли. Только пьян.

– Ой... – сказал он, – Извините, пожалуйста, что потре-

вожил. Просто со спины вы сильно похожи на мою жену в юности. Такая же невероятно красивая и огневолосая.

Джыне льстил такой комплимент, даже не взирая на исходящий из его источника, перегар. Дэриэлу же наоборот. Всмотревшись, мужчина сильно напомнил ему владельца, не так давно, закрывшегося банка «Белый», о котором он часто упоминал в своих статьях, в хорошем русле, но не решился перебить. А мужик, не увидев неприязнь к себе, начал просто выговариваться, на почве алкоголя.

– Знаете... Мы познакомились с ней на последнем курсе магистратуры. На общей лекции по метрологии. В то время я был невероятно стеснительным и не мог рядом с ней, вести связную речь. Что выливалось в мою полную импотентность в этом предмете. Что очень сильно могло бы повлиять на мой будущий, красный диплом.

«Понесло мужика», – подумал Дэриэл и облокотился. Но Джыне вроде как было интересно слушать и Дэриэл решил просто пододвинуться к ней поближе и слушать дальше. Параллельно удивившись хорошему словарному запасу рассказчика.

– Весь семестр я на этих парах был как рыба об воду, сидя спереди неё, на втором ряду. Она, кстати, тоже активностью не отличалась. И вот зачёт. Система простая. Тянешь билет, идёшь готовиться и сдаёшь в устной форме. Я билет взял, в принципе знаю предмет, но боюсь выходить, ведь она же смотрит! – интригующе вдохнул воздуха, – А она тоже сидит

и чего-то ждёт, – уже и Дэриэл увлёкся рассказом, и даже перестал замечать перегар, – Вот, так и сидим. Начался экзамен в десять, а сидели до пяти. Все учат, бегают от преподавателя и назад, пытаясь что-то у него выпытать. А мы как изгои, на разных рядах, уставившись в свои листы, ни шагу навстречу оценке. Кто сдал, кто на пересдачу, так и осталось уже всего-то пять студентов. Потом четыре, три и вот взор препода падает на наши тела. Спрашивает, мол, кто идти будет. Мы переглядываемся и продолжаем молчать. Цацкаться, конечно, он с нами не стал. На пересдачу. И вот уже там, мы с ней и познакомились. Сели рядом и разговорились. Оказывается, я ей тоже нравился и она так же стеснялась выходить. Таким образом, – он хлопнул в ладоши, – через два года, она стала моей женой, – и задумчиво улыбнулся.

Джыну очень тронула история, что Дэриэл и подметил.

– Ааа... – мужик отпил два глотка с бутылки и договорил, – Так к чему я всё это. Сегодня разводимся, – и показал пальцем в сторону городского загса.

Джына, после этих слов в корне изменилась лицом.

– В три часа, вот сижу, жду её, – и снова опрокинул сосуд, намереваясь уже допить его до конца.

Дэриэла, сложившееся ситуация, даже заставила улыбнуться. А всё потому, как он припомнил Элиаса, который каждый раз в вот таких неудобных моментах, где предполагается вести себя по тише и медленно переводить тему, на всю компанию, с напыщенной улыбкой, орёт: «Да-да, не

удивляйтесь». И тут же перестал сверкать улыбкой, для того чтобы Джына не подумала плохого о нём.

Она посмотрела на Дэриэла, с просьбой в глазах, что пора бы отсюда уходить. Дэриэл «мольбу» увидел и среагировал. Ни сказав, человеку ни слова, поднялся с места и инициативно повёл Джыну в сторону выхода из парка.

– До свидание, – промолвила она мужчине, – он кивнул, так и оставшись сидеть, дожидаясь своего времени.

Джына шла молча около него, полностью погрузившись в свои мысли.

– Что? Больная тема? – резко, но понимающе донеслась эта фраза к ней, что заставило вторую остановиться, повернуться к нему и застыть в его глазах.

– Два года назад, – тяжело вздохнула, – Моя семья была на грани развода. К счастью, конечно, всё разрешилось и ничего не произошло, но страх об этих воспоминаниях у меня ещё остался. И слово «развод» для нашей семьи, теперь приравнивается к «табу».

Продолжили идти, смотря перед собой и перекидываясь вопросами.

– А у тебя что, большая семья?

– Родители, я и брат.

– Брат? Старший?

– Да.

– Он сейчас в Дьеврессе?

– Да. Пока да.

– Почему пока?

– Думает переехать.

– Хмм... Понимаю.

– А у тебя как с этим?

– Хочу ли я переехать?

– Да, нет, я о твоей семье. Я так поняла, по твоей реакции, что ты лично никогда не сталкивался со словом «развод».

– Ну... Хэх... – он смеясь фыркнул, – Как говорить... «Никогда не говори никогда», – она от непонимания взглянула на него.

– Мои развелись, когда мне было шестнадцать, – криво улыбнувшись, развёл руками.

– Ты серьёзно?! – выдохнула она с круглыми глазами.

– Нет, блин, шутки у меня такие... – иронично и всё ещё улыбаясь процедил.

Джына с грустью осмотрела его с головы до ног.

Дэриэл углядел это: – Да не нужно меня жалеть. Откуда такой взгляд? Поверь мне, я никогда не был зол на родителей их решение. Да, конечно, узнав, этом почти за неделю, я был в ужасе. Но такое мнение, продержалось у меня не долго. После чего я осознал, что если они оба приняли такое решение, то им незачем мучить друг друга дальнейшим, совместным проживанием. И вскоре понял, что на их месте поступил бы также.

– Ты серьёзно?

– Однозначно.

– Ну, а как же дети, если они есть?

– А что дети? Поскольку им нет восемнадцати, то за них принимают решение их родители.

– Подожди, ты так говоришь о своей семье, как будто они не твои родители, а твои знакомые или коллеги. Они что тебя не любят, или у тебя какие-то проблемы в общении с ними?

– Да почему не любят? Любят, наверное. Хоть наверняка знать нельзя, но по поступкам судить можно, и по их поступкам, можно понять, что я им не безразличен и хотят мне лишь добра, – Джына даже не знала, какой ей вопрос задавать дальше, а задавать в любом случае нужно, ведь ничего же не ясно, – Да и любили ли они меня на тот момент, было уже не так важно.

– Так, стоп. В смысле не важно?! А что тогда самое важное? Ты, о чём вообще?!

– Ну, как что? Главное, чтобы эти люди после такого колоссального потрясения смогли вновь найти своё место в обществе. А всё остальное, это хорошее отношение к своему ребёнку, любовь или же просто свойственную не всем доброту характера, в случае нормальной интеграции уже фактически нового человека, судя по его новой жизненной позиции, либо появиться, либо возобновиться, если оно имело место в прошлом. А в случае исхода, где для одной из сторон, или обоим, не удастся извлечь правильные выводы из случившегося, появляются проблемы в поиске своего места в обществе. И на сколько этот человек раньше не был

добродушным, любвеобильным, ласковым, дружелюбным и в конце концов, может даже просто, адекватным и логичным в поведении, он может сломиться.

Джына практически с открытым ртом слушала. Дэриэл увидел в её глазах заворожённость и решил разрядить обстановку: – У меня есть друг, который в своё время увлекался социальной инженерией и меня немного втянул, – она воодушевлённо заулыбалась.

Передохнув минутку, Джына всё же отыскала интересующий её вопрос: – А почему раньше не было такого количества разводов, как сейчас? Как думаешь?

– Тяжело об этом говорить. Может боялись не найти себе пару в дальнейшем, может привычка, может потому, что процент религиозности был абсолютен среди населения, – и всё это время, вторая вдумчиво "впитывала" новую для неё информацию, – Это всё, что я могу сказать, – и удручённо пожал плечами, – Я не изучал этот вопрос, к сожалению.

– Понятно... – метров десять они прошли в молчании и снова продолжили, – А ты вот сказал, о том, что в такие моменты нужно своих родителей в любом случае поддерживать, – второй кивнул, – А вот твои нашли своё место в обществе? У них всё получилось?

– Вполне. Я даже слегка горжусь ими. А именно за то, что и мама и папа, в следствии нашли себе вторые половинки. И живут вполне счастливо, как мне кажется. Даже на меня у них хватает времени. Так что, я рад за них.

– Круто.

Разговор прервала ситуация по левое плечё Дэриэла. Они оба чётко услышали громкий голос, проходящей мимо девочки: – Мам, а что такое луна?

Девочку за руку тащила мать, всё больше и больше набирая скорость.

– Доча, – в её голосе была слышна усталость, – Это обратная сторона солнца. Давай поспешим! – и ускорясь ушли.

Джына с Дэриэлом, смотря им в спину, с выпученными глазами, тихонько выдохнули.

– Это что было?

– Эмм... – Дэриэл подумал-подумал, закивал головой и "выдавил" из себя, – Современное воспитание.

– Ты серьёзно? Это не единичный случай?

– Та где там! Если только у меня на работе, на которой, конечно, меня уже не видели почти неделю, большинство взрослых, имеющих уже детей, считают, что сменяемость времён года происходит в следствии отдаления и приближения нашей планеты к солнцу.

– Кхм, – она слегка улыбнулась посмеиваясь, – Подожди, а каким образом расстояние для них влияет на времени года?

– Да у них в принципе в голове нарушены причинно следственные связи, – Джына уже громко фыркнула от смеха, – Мда... – кивнул он и сначала думал посмотреть на свои часы, которых теперь нет и резко остановился, – Лаадно, спасибо тебе за компанию, пойду я, наверное.

– А ты что, спешишь куда-то? – робко и сжимая губы спросила.

– Неет, просто с утра ничего не ел... Вот и спешу домой.

– Не ел говоришь... – и хитро улыбнулась, – А как тебе вот такой вариант... Я приготовлю нам обоим ужин, а ты, чтобы мне не приходилось вытаскивать самой, поможешь мне убрать и вынести всю оставшуюся старую, деревянную мебель со второго этажа и террасы, – поправила правой рукой волосы и продолжила, коммерчески, но с добротой, смотреть на него широко открыв густо подведённые тушью глаза, регулярно, раз в две секунды, мигая веками.

Дэриэл раздумывая прищурился, даже слегка чересчур, ради шутки и ехидно улыбнулся: – И что же, в таком случае, мы будем есть?

– Ну... – она пожала плечами, – Я что-нибудь придумаю, – и смеясь выдохнула, – Только вначале перед моим домом зайдём в Ламель, – и взяла его за руку, потянув за собой.

Он, конечно, сопоставил оба варианта к тому, чтобы просто остаться сытым, и где в первом случае, ему не нужно таскать никакой мебели, чтобы поесть, а просто прийти и сварить макарон без лишних телодвижений. Но странное чувство и атмосфера, создавшаяся за это время вокруг них и некая притязательность, всё же убедила его.

[Бах, Бах, Хрусь, бах] Дэриэл стоя на террасе отбивал оставшееся фрагменты шкафа ставя его под углом и ломая, в отсутствия инструментов, где с ноги, а где с руки.

Перед ним лежал уже почти разделённый на сектора шкаф, от которого осталось лишь задняя стенка и нижняя полка с ножками. Слева от него три пуфика с просевшим и прогнившим сидалищем, а позади два долгих, но низких стола. Которые влезли лишь в двери второго этажа, но никак не первого, поэтому пришлось вынести и разобрать на дрова, вместе со всем остальным хламом на террасе.

Дэриэл подошёл к столу, подтянул к месту обрыва, установил в нужной позе и думал уже замахиваться ногой, как лёгкое потемнение на улице, бросилось ему в глаза. И он вспомнил, что сегодня ещё собирался в одно место, проговаривая это в своей голове, для того чтобы не забыть. И продолжил. Произвёл буквально три удара по каждом из столов, а потом и по пуфикам, после чего таковы уже окончательно утратили своё название.

Дэриэл даже огорчился, что необходимое в измельчении закончилось. Из-за чего, он по-ребячески ухмыльнулся и решил нанести ещё несколько ударов большим частям недавней мебели, которые уже не нуждались в этом, предварительно, филигранно поставивши их в нужном положении. На глаз, ориентировочно, он определил, что у него есть семь ударов. И начал.

Ломал он легко, я бы даже сказал очень. Дерево непривычно хрустело под его ногами. Продолжая раз за разом всё сильнее и сильнее замахиваться и всё легче отделять один и тот же материал.

И в один момент его, что-то смутило, нет не сам процесс. А то, что в сравнении с прошлым, это занятие начало приносить ему новое ощущение и было оно очень похоже на чувство облегчения. Напряжение ушло, которое присутствовало в нём до этого, а облегчение появилось.

Он давил ногами, ломал руками, комбинировал и вновь возвращался к слову под углом. Да и ещё в придачу, Дэриэл увлёкся и ненароком перебил всё, что казалось ему больше его собственной головы. Он опомнился, остановился, понял, что увлёкся, убедился, что ничего больше не пострадало и что его не услышала Джына, готовившая ужин на первом этаже.

Подумав с минуту над только что понятым, решил никогда это не вспоминать. А параллельно возвращался к дивеевине. Невзирая на кучу недосказанностей с самим с собою. Теперь дело за малым, как изначально задумывалось, всю древесину нужно переместить во двор. Чем он и занялся. Резко ухватил по обе руки, части старого стола и бросил под дерево у дома. Увидел, что упало на нужное место и принялся скидывать остальное. Буквально за пол минуты вся терраса была уже пуста, а снизу виднелась куча дров.

Дэриэл по привычке, просто накинув на себя куртку, запрыгнул на пряморастущие к крыше дерево, держась за него, слегка опустившись, с оставшееся высоты около двух метров, спрыгнул и приземлился на землю.

Отёр руки от коры. Поправил кучу и подобрал стоящую у

окна начатую бутылку розжига. Открыл и обрызгал. Потом достал с кармана спички, подпалил одну и равнодушно бросил в костёр. Загорелось моментально.

Костёр уже воспламенил по всех сторонах и рассматривая это, его начало расслаблять. Он успокоился, выбросил все лишние мысли и присел на холодную землю. Засмотревшись, Дэриэл, даже не заметил, как в нему сзади тихонько подошла Джына, уставшая звать его изнутри дома.

– Меня, что не слышно?

– Аа? – испугавшись поднялся на ноги.

– Всё уже готово.

– Да, сейчас иду, – и слегка повернул голову к костру, что и дало возможность Джыне заметить, "след" Марка на его лице.

А именно кровавый отёк, на правом глазу, в правом углу. Она ужаснулась и даже сначала не поверила своим глазам, подумав, что показалось, ведь до этого же она ничего подобного не замечала в нём. Но вспомнив, что только под таким углом она на него и не смотрела, решила проверить.

Она подошла к нему в плотную и развернула его ровно к себе. Расстояние между лицами было не больше двадцати сантиметров. И вправду, так этого покраснения – не видно. Но стоило ей повернуть недоумевавшую голову Дэриэла влево и она прояснилась во всей своей "красе".

– Что у тебя с глазом? – и всё ещё заботливо держала его голову.

После прекращения потока крови с места попадания, Дэриэл перестал обращать на неё внимание, ввиду иных появившихся душевных тягот.

И сейчас, когда он понял, что велик шанс вновь вернуться к разговору о вчерашнем, решил действовать. Внезапно обхватил Джыну обеими руками и без единой эмоции на лице, подтянул её к себе. Джына удивилась, но не сопротивлялась. И в этот момент они оба поняли, что будет дальше. Дэриэл продолжал держать инициативу, поэтому первый подвёл свои губы и поцеловал. Джына встретила такой жест хорошо. Со своей стороны, закрыла глаза, аккуратно поправила свои рыжие локоны, чтобы не лезли в лицо и плавно вовлеклась в процесс.

«Первый подъезд, второй подъезд, третий... Блин, они все практически одинаковые... И вот в какой, мать его, из них мне нужно? Так, Милан вроде говорил о синих дверях».

Шаг за шагом, по обрывкам асфальта, дорога привела Женю, к конечному подъезду. Где, собственно, и виднелась синяя дверь. Но вот проблема, ни одной «находкой» синих дверей, обзавёлся Женя, а ещё и компанией, в виде нескольких, стоящих у входа, молодых людей, старше его на пару лет каждый, вместе с семечками и пивом в руках. Кажется, он знал их по возможным подозрениям его друзей, на счёт недавнего исчезновения металлической лавочки, в местном парке. Но всё это, понятно, что бездоказательно.

В основном спортивная одежда, недоброжелательный вид

с непонятной музыкой, в сопровождении матов из ртов таких же персоналий, как и они – давая повод для сомнения Жене на проход в дом, мимо них.

«Но раз уж собрался, то нужно идти» – подумал он. Это потом он уже узнает, что можно подняться на крышу через другой дом и перейти куда нужно по крыше. А пока был уверен, что другого пути нет. И вот пора было двигаться вперёд. Шагнул и пошёл. Метров шесть пройденного пути и уже около дверей, один из них перегородил ему дорогу и остальные тупо уставились.

Женя понял, что «пахнет жареным» и даже не задумываясь решил переходить к защите. А лучшая защита, как всем известно, это нападение: – Так пацаны. Хожу по району, ищу вас. Нужно срочно нарешать мне сигу, – выдавливая агрессивное лицо из себя, огрызнулся.

Молодые люди удивились, но не сильно. Тут нужно уточнить, что Женя от них ростом не отличался, да и одежда тёмных оттенков, что как раз было у них в паритете. Из-за этого, агрессию как таковую, они не ощутили. Только неудобство, что к ним так обратился, вроде совсем незнакомый им человек. Но раз уж он знает, «нужные» слова, для разговора, стало быть, имеет своё какое-то значение в общих «кругах».

Они переглянулись, и в этот момент Женя боялся, что его сердце не выдержит такого напряжения. И вот чудо, один из них, очевидно получив зрительное одобрение от остальных, потянулся к внутреннему карману в кожанке. И достал одну

сигарету, с ментоловым фильтром.

Нужно ли мне говорить, что Женя даже в руках никогда сигарет не держал, а ни то, чтобы в рот брать. «Вот к чему приводит импровизация», – подумал он и безвыходно ухватил папиросу своими губами. Без каких-либо просьб, ему подкурили. После этого, они неловко посмотрели по сторонам, ожидая какого-то комментария от него. Женя это понял, но что делать дальше – нет.

Такого рода метод, ему порекомендовал опять же Милан. Время от времени, будучи пьяным, в целях безопасности своих друзей, он начинает лекцию, о том, как нужно вести себя в «джунглях». Но, к сожалению, Милан не всегда успевает договорить, Дима всё время умудрялся перебить и сбить с мысли, какой-то шуткой.

Чтобы не подпасть под подозрение, он вынужден был сделать хотя бы одну затяжку. Пользуясь советом Дэриэла, он знал, как это сделать безболезненно и максимально реалистично для человека, не курившего никогда.

Женя напрягся и вдохнул дым. И для того, чтоб не закашляться, он притормозил дым во рту, не давая ему попасть в лёгкие. Через пару секунд – Женя благополучно дым выпустил.

Первое затягивание промелькнуло относительно нормально. Но останавливаться было нельзя и пришло время, подходить ко второй. Следующая пошла уже тяжелее, а третья и вовсе сошла не по плану.

Женя всё же вдохнул слегка дыму, что вызвало рвотный рефлекс. Но он круто сориентировался и придушил позыв. Парни этого не заметили, но их заинтересовало резкое покраснение его лица. Что он и понял, быстро рывкнув горлом и дерзко бросив папиросу на пол, процедил: – Хуйню какую-то курите, пацаны! – и стремительно, невзирая на остальных, рванул в двери подъезда.

Дверь прикрылась, и в них никто не ломился вдогонку. Судя поэтому, можно было считать, что всё обошлось. Так, что Женя со спокойствием выдохнул, при этом немедленно поднялся по лифту на последний этаж и залез на крышу.

Стоя там, его сразу удивил вид ночного города. Хотя это был и спальный район, но моментами, он демонстрировал весьма неплохие виды.

– Женьок?! – услышал справа от себя.

– О-о, ты всё-таки здесь, значит, я не зря лез, – с облегчённостью он тянул руку, не ожидавшему встречи, Милану.

– Я вообще не предполагал тебя тут встретить. Неужели ты захотел увидеть, что значит недельная чистка? Даже Дэриэл, узнав, что это, пытался меня отговорить.

– Ну не знаю... Просто решил прогуляться и зайти к тебе.

– Ааа... Ну... Хорошо, тем более, что всё уже закончилось, – и указал пальцем на несколько мест на крыше, где был полный бардак, Женя заинтересовался этим и уставившись на одно из них, направился туда, – Осторожно только, не наступи на стекло, – заботливо изрёк Милан, вдогонку.

Женя подошёл к одному из мест и увидел там, кучу поломанных шприцов, разбитых бутылок, несколько помятых пластиковых сосудов, какой-то розовый насып около чей-то забытой шапки. А в углу крыши, чуть ниже от места, где совершается переход на соседнюю крышу, лужа крови. Сначала капли, а дальше чёткие сплевывания крови вместе со слюной. А под конец резкие, красные пятна на разграничениях двух подъездов. Окончательно стало понятно, что кто-то здесь убегал и не один. От кого, тут даже гадать не приходилось. Следы на разбрызганной крови, в виде ребристой, тяжелой резины, без единого сомнения, принадлежали Милану.

Да, впрочем, и кто «давал дёру», Жене тоже было понятно. Его терзал только лишь один вопрос: «Неужели, он здесь обошёлся без подручных средств?».

Ан нет, он осмотрелся и увидел маленькие и средние клочки лакированного дерева, отколовшегося от чего-то побольше, лежащего, по большей части, в луже крови. Вот почему он сразу его и не заметил.

"Бита..." – подумал про себя, – "Скорей всего это было место одной из групп торчков".

Сзади он услышал шаги Милана, направившегося к нему: – Вчера трое умерло. От этой херни в шприцах. Трупы убрали в обед, а под вечер уже опять торчки пришли. Тела заметили залезшие сюда на утро дети... А им по десять лет. Не хотелось, чтобы они знакомились с процедурой гниения

плоти, так рано, – Милан удручающе выдохнул.

Женя нахмурил брови и скривил зубы, представив реакцию детей на окоченелых людей. Пораскинув мозгами и прикинув, что было бы с ними (трусами) через пару тройку дней, он брезгливо сплюнул.

– Что? Тоже представил троих гниющих мешков мяса? – и полоумно улыбнулся Милан.

– И не говори... Детей реально жаль... А жильцы, что не в курсе о притоне?

– В курсе, они бояться. Уже был случай о возмущении одного дедушки с последнего этажа, соседнего подъезда. Дедуля бывший спортсмен. Внуки, дети, всё на месте. Шестидесят лет, а выглядел на сорок. Слышал, что один раз, дед не выдержал и согнал всех от сюда, пригрозив наградным пистолетом.

– И что?

– Умер через неделю, на лестничной площадке. С обколо-той шприцами ногой. Врачи постановили – заражение крови.

Милан медленно повернулся к Жене: – Дед пробегал семь кругов вокруг парка в день без остановки. Умер от заражения... – и тихо выругался, наступив со всей силы на чью-то из убегающих, забытую серую шапку.

– А на счёт трупов. Почему свои, не убирают своих?

– Ну ты смешной. А какой смысл?

– Ну как? – Женя вообще не мог сообразить о нормах морали этих людей.

– Они ведь мёртвые. У них и до этого, дружбы не было, а лишь взаимовыгодные отношения, по роду занятия.

– Ну, это понятно. А унести соратника, ну или как они там себя называют, куда-то, не считают нужным?

– Ну как видишь! – хоть Милан, вроде и выплеснул всю ярость и злость, на тех, кто медленно бегают, но всё-таки что-то в процессе диалога вновь просыпалось.

Это было видно по повышению его тона всё больше и больше.

– Жека, я прошу тебя понять, что это, блять, уже не люди. Какой им резон помогать трупам? Если это наркоман, ему уже вообще нет смысла помогать тому, кто перестал разделять его "увлечение" и скидываться на очередную дозу. А дилерам, которые тоже изредка с ними обитают, тем более, – небольшая вдумчивая пауза для передышки, и Милан продолжил разяснять поникшему Жене, – Ну, а даже если у них и сыграло желание помочь, им всё равно некуда их нести. К родителям?! Они не все свои имена знают, а тут чьих-то родителей. В скорую?! Они уже мертвы. В полицию?! Эти уроды не отреагировали на требования жильцов, на прекращения сходок на крыше. А тут каких-то три не понятных трупа. Да они на них тут же их и "повесят". Сочинят всё, что им потребуется и вынудят их "признаться" во всём. Чтобы выполнить поскорее план на месяц. Нахрен наркоманам это нужно? И поверь мне, это не мои надуманные слова, это из рассказов моего отца, у него много таких мразотных коллег.

– Да и в конце концов, хочу скачать, что они на самом то деле, сами свою жизнь не ценят. Один из них, в момент, когда я погнался за барыгой, – параллельно рассказу, он показал пальцем в сторону обрыва по левую часть, выходящую во двор, – Скорей всего подумал, что я бегу отбирать у него, только что купленное. И ты представь, он без каких-либо раздумий, взяв в охапку всё кровное, решил прыгнуть с крыши... – услышав сие, Женя ещё больше поник, а Милан смачно харкнул на пол, – Пришлось... блять... Спасти дебила от неминуемой участи, – появилась немая пауза, Женя взглянул на Милана, впервые услышав в его голосе лёгкий трепет. Милан сжал скулы и в гневе пнул стеклянную бутылку, – Ты осознаёшь?! Мне пришлось не дать ему это сделать... Чтобы завтра с утра, дети не познакомились, с мало того, что гниющим на солнце, так ещё и раскуроченным куском мяса. Я после этого, со злости, когда выгнал их, ещё и битую свою разбил... сука... – он подошёл к перилам в конце крыши, опершись на них, не равномерно дыша.

– И вот если даже они не ценят свою жизнь, то какой смысл её ценить мне или кому-то ещё, – дальше Милан затих, и смотрел снизу во двор. Женя слушал его, втихую всё обдумывая. Начав ходить по крыше, оглядываться вокруг, он случайно увидел, что вырисовывается интересных пейзаж.

Он смотрел на крышу, наждачно смоляного покрытия, усыпанную всякой дрянью и мусором. Поверх облитуую гу-

стою и ярко-красной кровью на фоне всего серого и чёрного. Которой уже надоело лежать в одном месте и она начала методично просачиваться сквозь препятствие, сливаясь во вмятину в правом нижнем углу крыши, в густую смесь. И ставая похоже на адское варево из отходов, грязи, пота и крови. А в конце арматурный, грубый для соприкосновения забор. И силуэт человека, оперившийся на него, в тёмной одежде, где при свете луны, на его штанах, виднелись полу свежие брызги и разводы крови, а вокруг многочисленные острые обломки и опилки деревянной биты.

– Мда, – прошептал он.

– Ты что там бормочешь?! – рявкнул Милан с конца крыши, – Если ты думаешь, что я тебя сюда слышу, то ты ошибаешься.

Милан сбил его с мысли, но из-за этого, на радость себе, Женя вспомнил один случай.

– Да я... Ничего... А подожди... Слууушай, хочешь расскажу историю, как я недавно в кафешку ходил?

– А что интересная история? Ибо я тебе такие истории, каждый день могу бахать, а в выходные даже по две, – с ухмылкой, ещё отходя от воспоминаний процедил он.

– Да-да, очень смешно. Значит рассказываю, – и пошёл в его сторону, – Сижу я на диванчике и наблюдаю за интересной милфой, лет тридцати.

– Так-так и что? – Милан аж зашевелился.

– Она за столиком, заказала себе десерт и какой-то сла-

боалкогольный напиток, уверенно потягивая из коктейльной трубочки. Как тут подсаживается к ней незнакомец. Паренёк высокий, среднего телосложения, нашего возраста и видно по нему, волнуется. Она даже не успела возмутиться, как он перебил: "Здравствуйте. Извините, что так бесцеремонно, но ничего, что я присяду?". Она: "Вы уже присели". Дальше: "Да, я знаю. И спасибо". А сам уже покраснел, как чёрт. Пока она оценивала его взглядом, парень резко допил залпом свою минералку, с которой подсел и: "Извините, пожалуйста, но можно ещё один вопрос?". Безразлично: "А что вас интересует?". И тот вообще без стеснений: "Ну... как вы рассматриваете предложение, заняться со мной сексом?"

Милан выгибает бровь и проговаривает: – Неплохо сказано.

– Это да, – и оба медленно приспустились, севши на шершавую крышу, – Сначала тишина. Что она, что он. Девушка, на удивление, не начала сильно возмущаться: "С какой стати?". На лице паренька, уже виднелся пот, но он не сдавал позиций. И продолжал: "Слушайте, я руководствовался своим зрением. То есть, проанализировал вас с ног до головы. Обратил на вас внимание, в момент, когда вы сюда зашли. Быстрая походка, максимально уверенное общение с официантом, даже наверно резкое". А она всё ещё слушает и не перебивает: "Вызывающе одета...". Тут её глаза начали вылазить из орбит, но он ей не дал ничего сказать, замахал руками, начал оправдываться: "Нет, я не говорю, что это плохо.

Была бы у меня возможность одеваться вызывающе, так бы и делал". Это её успокоило. А дальше, я так понял, для парня было уже как по накатанной: «Алкоголь, сладкое. За всё время, не посмотрели ни разу в зал. И уже в который раз извиняюсь и может в моей логике большие дыры и я не прав, но мне показалось, что у вас нет молодого человека. Чему причина, очевидно для меня, нехватка секса". Милфа всё ещё поглощает информацию, но уже с каменным лицом, а второй разыгрался не на шутку: "Я предлагаю секс без обязательств. При этом, я – вам ничего не должен, вы – мне. Я считаю в этом случае, сделка выгодна. А настроение уж точно, от этого, улучшиться". И улыбнулся на все тридцать два, – Милан во всю улыбался, но всё равно, следил за возможными гостями к ним на крышу, – Девушка опять, кривя губой: "Ты чё, самый умный?". А парень даже не моргнул. И через десять секунд: "Ну давай попробуем. Иди за мной". И ушли!

Милан глуповато улыбнулся: – Нет, ну это круто, конечно. Парень знает, как в жизни всё устроено. Это, кстати, очередной показатель, что вместо того, чтобы искать обходные дороги для решения своих проблем, нужно идти напрямую, в лоб и с уверенностью.

Они оба помолчали, размышляя каждый о своём. И Милан выдал: – И раз уж мы заговорили о прямолинейности, то ответь мне, пожалуйста, прямо... Женьок, нахрена ты сюда пришёл? Ты же знал, что можешь тут увидеть. По твоему лицу не видно, чтобы тебе здесь нравилось. Так, что

выкладывай. И не говори, что ты бежал сюда, чтобы рассказать эту историю.

– Милл... ну просто она показалась мне смешная, ну вот я...

– Жека, не ври, что ты видел это своими глазами. Говори честно, Дэриэл поведал тебе... – не успел Женя ответить, открыв рот, как Милан сам продолжил, – Нет, Дэриэл тебе этого не говорил бы... – опустил глаза и тут же их поднял, – Это Марвин рассказал, да? – теперь уже Женя опустил глаза, – Надо сказать, чтобы Дэриэл ему меньше какую инфу сливал. Жек, Марвин парень хороший, но, как и все любит припиздеть. Я вижу, ты и сам у него этого набрался, – улыбнулся по-доброму, – Не был, он ни в каком кафе. Там был Дэриэл и именно он был наблюдателем.

– Ааа... не знал.

– А знаешь, кто был тогда с ним? – Евгений расширил глазницы, – Да, это я подходил к той милфе. Ей кстати было двадцать девять, но выглядела на двадцать пять, – пауза, – Марвин конечно переиначил историю в деталях, – слабо возмутился, – А в целом история правдивая.

– Подожди, если это правда и ты так легко общаешься с противоположным полом, то почему тогда ты не... – он хотел спросить о учительнице Лалис Погориловой, на чьи консультации тот записался вместе с Димой, но потом подумал, что он возможно не верно трактует его отношение к ней и остановился. Боясь, что в итоге может таким образом оби-

дочь друга.

– Что почему? – молчит, – Ну говори?

– Та ничего забей, понял, что фигню скажу.

– Точно ничего? – заинтересовано Милан.

– Точно, – с уверенностью.

– Ладно. Тогда возвращаемся обратно, – второй напрягся, – Жек! Даже Дэрик не высидел бы тут, со мной. А поверь мне, вот это, – и показал рукою на лужу крови, – Ещё лёгкие дни. В основном бывает уже.

– Кххм... – вдохнул, – Окей. Ты прав. Есть кое-что. Вообще-то я планировал это рассказать только через несколько недель и при всех.

Милан внушительно напрягся и рывкнул: – Да говори уже, – потом развернулся к нему, сам не понимая, чего ждать.

– Дело в том, что через две недели, маме будут проводить операцию, решающую, – неуверенно и бегая глазами, продолжал он, – И было принято решение... Мною... Мама ещё не в курсе. Я хочу после этого всего – переехать... – Милан молчал, а он нервно сплюнул и продолжил, – Я послушал слова доктора, сам подумал и пришёл к выводу, что ей будет лучше, если мы сменим для неё обстановку.

– Я тебя понял... – хрипло и удручающе пробурчал Милан, – Я в принципе, на твоём месте, наверное, поступил бы также.

Эти слова Женю чрезвычайно порадовали. Наконец-то он

"сбросил" со своих плеч эту непосильную ношу. И дальше уже стало легче: – Спасибо тебе за поддержку. Только остальным, не говори пока. Я сам, как соберёмся, всё выдам.

– Договорились. Куда, в Дьевресс собрались?

– Пока не знаю. Возможно. У нас там несколько знакомых.

Они нам раньше предлагали помочь с переездом, думаю сейчас не откажут. Точнее надеюсь.

– Хэмм... Это всё хорошо... Но, извини меня за мою чистоту и цинизм, хотя я думаю ты это по-другому расценишь...

– Ты о чём?

– Я о том... – и специально увёл взгляд на пол, – Что я представляю какого уровня сложности операции делают в твоём случае, на такой стадии болезни, и какие там риски. А ты, как я вижу, почему-то не рассматриваешь вариант альтернативных событий, – Евгений, поняв на что Милан намекает и со всей силы, рефлекторно, вжался в пол, чтобы ненароком не пустить слезу.

Милан же заткнулся, вполне всерьёз ожидая, при этом, что в любую секунду может получить по лицу, за свои предположения. Совершенно не защищаясь, ведь его дело было лишь донести, по его мнению, тяжелую правду жизни, а не спровоцировать на агрессию.

– Жес-стоко... – заикнувшись, он смог сказать лишь одно слово.

– Я понимаю, что тебе больно об этом думать. Но случись,

тому, о чём я говорю, тебе будет ещё больней, если ты, не будешь морально к этому готов.

Женя откинул все лишнее мысли, начавшие возникать в голове, после слов Милана, и со всех сил выдавил из себя: – Я не рассматриваю такого варианта. Всё будет так, как я запланировал.

Милан вздохнул и продолжительно закивал: – Я тоже в это не верю, – слегка змешкался и продолжил, – И раз уж ты, после мной сказанного, продолжаешь слушать, – Евгений не среагировал и смотрел на ночной город, – Жек... я, конечно, говорил это тебе уже... но, всё же... не смотря на все эти титанические проблемы в твоей жизни, не вооруженным взглядом видно, что ты многого добьёшься. И я хочу, чтобы ты, всегда знал об этом, – и похлопал по плечу.

– Мда, – отчаянно опустил голову Женя, – Как говорил наш преподаватель по механики: «Инженер – это человек, который сложные вещи может объяснить простым языком, а лёгкие – сложным».

Началась тишина, минуты на полторы. Милан надеялся, что не обидел своего друга, а второй внезапно задал резонный вопрос: – Сколько ты собрался здесь ещё сидеть?

– Эх... Та я тоже уже подумывал заканчивать. Час прошёл, и никто сюда не вернулся, значит пора уходить. Давай тогда ещё пару минут и по домам.

Женя кивнул. С того места, где сидел, видеть он мог только главную дорогу, где ни единого человека, ни одной маши-

ны, за эти две минуты не проشمыгнуло. Также, как и ни единого свечения, будь то фонари, или лампы в окнах квартир.

Девять часов вечера. Сентябрь – начало коротких дней и долгих ночей. Преддверье холодов и время паноптикума синоптиков на тему скорого выпада осадков на ничем не защищённые улицы Фееры.

Стук в двери, господин Вуурин удивлённо поднял голову, потом перенёс взгляд на супругу, с немым вопросом. В ответ он увидел лишь непонятные разводы руками и плечами. Это означало, что никто из них гостей не ждал. Тем более так поздно и в такую холодную погоду.

Сергей Вуурин пошёл в сторону двери, предварительно надев свои тёплые тапочки. У них был двухкомнатный дом и городское отопление ещё не дали. Говорят, "сезон не начался", а греться от чего-то нужно. У семьи Димы на две комнаты был лишь один обогреватель, но если в зале было более-менее, то в прихожей продувало серьёзно. Включая, что за дверью улица без единого высокого здания вокруг, и весь ветер дул равномерно по всем сторонам.

Отец Димы всматривался в глазок, увидел потенциально-го гостя, но удивления с его лица так и не сошло. Он вновь развернулся к жене, которая ждала от него хоть каких-то комментариев, скривив в недоумении лицо и параллельно крутил нижний замок двери, потихоньку начав её открывать.

Дверь распахнулась на шестьдесят процентов, чтобы не выпускать лишнего тепла и на пороге у них стоял, закрыв

шею, сильно выделявшегося на фоне всего другого, красным шарфом, Дэриэл.

– Дэри? Что-то произошло? – растерянно произнёс.

– Добрый вечер, – потом взглянул на мать Димы и ответственно кивнул и ей.

Мама Димы поднялась с кресла и взбудоражено закивала головой.

– Нет, ничего не случилось, – добродушно ответил, – Я просто хотел узнать... А Дима дома?

– ... Дима? Эээ... – глава семьи замешкался с ответом, – А ты, что не знаешь? – говорил он, ели сдерживая эмоции, – Он...

– Я знаю... – перебил его, – И очень сожалею. Я просто хотел увидится с ним... Если можно.

Сергей Вуурин застопорился на пару секунд, подумал и дал ответ: – Та можно, конечно, он дома, – и показал в сторону супруги, чтобы та позвала его, а она с удивлением стояла и водила зрачками, то на Сергея, то на Дэри.

– Он в спальне сидит. Заходи, раздевайся, сейчас я тебе тапочки дам, у нас слегка дует со двора.

– Дело в том, – Дэриэл перебил, – Что я бы хотел, если это возможно, пригласить его на улицу. Здесь у двора, на лавочке.

Мама Димы подняла на мужа глаза, и медленно простонала: – Там ведь холодно, тем более нам скоро собираться...

Сергей мудро нахмурил брови и тихо успокоил её: – Ни-

чего. Ему всё равно нужно по больше дышать свежим воздухом, – тягостно и гнетуще, выдавливал слова, – А чтобы не простудиться, одень его получше, – и кивнул ей.

Юлия Вуурына с пониманием и тяжелой гримасой ушла в спальню к Диме. Дэриэл же, стоя и ожидая у двери, чувствовал себя максимально неудобно. Понимая, что к нему сейчас не выйдет тот озорной друг, который мог по десять минут перед выходом на улицу, при всех друзьях с юмором, спорить с матерью по вопросу, надевать ему шапку или нет. А выйдет тот, который возможно даже есть, без чей-то помощи уже не может. Он боялся выказать этот страх, через свою сжатую от волнения "мину". Поэтому посматривал на отца Димы, убеждаясь в том, что на него никто не смотрит.

Лицо Сергея Вуурына было направлено в окно, но взгляд стремился намного дальше. По нему было видно, что этого человека, жизнь заставила пережить, много плохого. Но всё же предоставляло надежду, что и заставляет его держаться.

По всему дому, на стенах, были розвешаны картины, но Дэриэл не мог увидеть, что именно было изображено на них, ибо все они были завешанны тряпками.

И тут, потихоньку, не без помощи своей матери, Дима вышел из комнаты. Тепло одет, крепко держа в своих руках белый пуховик. С надетой уже на голове, серой, тёплой шапкой. И пустым, до остервенения взглядом.

Увидев его, он помахал ему рукой. Реакции от Димы не последовало, после чего его отец, по-доброму хлопнул Дэри-

эла по плечу. Зайдя в прихожую, Дима прилежно протянул ему руку, где по лицу было видно, не понимание совершающих им действий. И делал лишь по просьбе своей мамы. Клынков оценил и со словами: "Привет", – тоже протянул и пожал ему руку.

Потом Диме отец указал жестом на его обувь. На вопрос, сможет ли обуться сам, он кивнул и спокойно, просунув ногу в ботинок, принялся не торопясь завязывать шнурки.

Это у него вышло не сразу, но в конечном итоге, Дима поднялся на ноги и по-детски наивно улыбнулся отцу, на что тот, улыбнувшись с просьбой: "Только не долго", приоткрыл им дверь.

Юлия Вуурына очень нервничала за сына, что и было на её лице, но углядев уверенность своего мужа, приутихла. И уже с облегчением следила, как закрываются двери их дома.

Оказавшись на улице, Дэриэл был слегка в растерянности, из-за непонимания, в правильности его поведения со старым другом. Для начала он направил его рукой, идти в сторону ближайшего столика. Который, к счастью, был в десяти метрах. Они подошли, но Дима садиться не собирался, и даже после предложения сесть от Дэриэла, он не захотел, а просто оперся на высокие её спинки. Что решил повторить и второй.

– Как себя чувствуешь? – судорожно и боясь ответа, проговорил он.

– Нормально... Ты знаешь, нормально, – чрезмерно уверенно возгласил Дима, не оборачиваясь к нему лицом.

Дэриэл даже ощутил, в его голосе, что-то из того прежнего Димы, чему сильно удивился. После чего, собственно, последовал следующий, логичный вопрос.

– Дим, ты меня помнишь?

Услышав, Дмитрий медленно повернулся лицом ко второму, пару секунд, с глупой гримасой, всматривался в его глаза и странно сказал: – Та в принципе, да. А ты меня? – и остался ожидать ответа с щенячьим взглядом.

Глупее диалога в жизни Дэриэла, ещё не было: – Да, я тоже тебя помню, Димон, – на третий вопрос о том знает он или нет, как его звать, Дэриэл не решился, надеясь на лучшее и начав уже полноценную беседу.

– Ещё рисуешь?

– Рисуешь? – и отвернул голову в сторону дороги, – Рисуешь... – и затих Дима.

Дэриэл разочаровано ждал ответа, но осознавал, что не дождётся. И с пониманием принялся дальше стараться вести беседу: – Ходишь куда-то? В парк или с родителями в галерею?

– Хожу на кухню, – с энтузиазмом произнёс Дима, – Мама просит поменьше крутить головой вовремя того, когда ем.

Дэриэл затих. Ответ его малость шокировал. После этих слов, и умерла последняя надежда о возможности наладить разговор.

Осознав, что Дима теперь возможно навсегда останется в таком состоянии, он сжал руки в кулаки, начав натужно сдер-

живать внутреннюю боль. Ему хотелось закричать, но нельзя было.

И внезапный: – Ха, смешно... Помнишь? – заставил Клынкova успокоиться и "переключиться" на внезапность.

– Что смешно? Что я должен вспомнить? – он пытался хоть за что-то ухватиться в его словах.

– Позавчера тут листья убирали. Прикольно было...

Как же Дэриэлу становилось плохо на душе, слыша подобное. Идя сюда, он верил, что всё не так плохо. Но это всего лишь вера.

На этой почве он и решился на следующий вопрос: – Слушай, я понимаю, что скорей всего ты не ответишь, но... Ты помнишь день, когда всё это случилось? Я про Марка.

– Конечно помню! – он вскрикнул и вновь повернулся ко второму.

Дэриэл даже испугался. Он настолько адекватно это сказал, что стало слегка неудобно.

– Как это можно забыть. А ты что забыл? – Дэриэл не понял ничего, – Ты же тоже там был. И Милан и Женя... И... Сова там тоже была. Помнишь её?! Такая маленькая, но такая леееееетучаааяя, – тягуче закончил.

Дэриэл понял, что он вспомнил не тот случай, а последнюю их встречу вместе, где, собственно, тоже был Марк. Но не то, чего хотел Дэриэл.

– А что ты ещё помнишь?

– Я – ничего. А ты Макс? – этот вопрос вновь выбило Дэ-

риэла с колени.

– Что? Меня не так зовут.

– Аа, я вас спутал... – и опять отвернулся.

Дэриэл был в ступоре. "О ком он говорил?" – думал он. "Что это значит?". Дэриэл не знал ни единого человека с таким именем.

Открылась дверь и с большой щели показалась беспокойное лицо Юлии, которая виновато посмотрела на Дэриэла и сказала: – Ему пора на процедуры, – и грустно перевела взгляд на сына.

Дэриэл понимающе кивнул и с болью в груди прикусил губу.

Мать Димы, тепло одевшись, спустилась с порога и подойдя к сыну, крепко обняла его, чем совершенно не удивила и не напугала Диму. Не взирая на то, что он её не слышал и не видел. А может только делал вид, что не слышит. И повела в сторону дверей, завела домой и заходя сама, обернулась к Дэриэлу, с мокрыми глазами, сказав практически без звука: "Пока". И ушла.

А Дэриэл так и не сказал главного, то, ради чего, собственно, и приходил. Хотя для себя, он в этом, наверное, больше никогда не признается.

Он хотел сказать ему, что, по его мнению, Дима, один из тех, за которых он отомстил. Имеется ввиду смерть Марка. Намереваясь, наверное, таким образом утешить и успокоить Диму, перед его плачевным состоянием. Но не сказал, не по-

тому что не успел или сбился с мысли. Нет. Он понял, что Диме от этого легче не стало бы. На его состояние очень мал круг факторов, которые могли бы повлиять уже. И уж точно в него не входит смерть Марка, того человека, сотворившего это с ним, и не важно от чей руки он пал.

И вообще, можно задать логичный вопрос, кому это в принципе могло бы помочь и принести хоть какую-то пользу?

– Глава 9 –

Одиннадцать часов дня. Андрей у себя в комнате разливает уже вторую пол литру коньяка. На столе у него только, что доставленное удобрение и новые пакеты земли, а в глазах равнодушие, сменяемое время от времени на мимолётное спокойствие после терпкого вкуса напитка.

И вот перед ним, на столе, внезапно предстает вновь полон гранёный. Как ни старайся, не выходит у Андрея вспомнить, когда же он успел его наполнить.

– А хотя, – берёт и подымает, – Какая, нахрен, разница, – и легко опрокидывает содержимое себе в желудок. И вот приходит время, выше указанного спокойствия, в добавку с лёгкостью. Что и побудило его воспользоваться услугами холодильника, чтобы утолить назревающий голод, возникающий обычно после этого. Он поднялся и уже машинально пошёл искать, купленные им же, куриные ножки. Вышел из комнаты, прошёл мимо залы и вошёл во вторую кухню. Открыл дверь холодильника стараясь, как всегда, не смотреть на её дверцу. Причиной этому была одна потускневшая записка, приклеенная на ней. С надписью: "Андрюш, суп в холодильнике, разогреешь и поешь. Папу не жди, он будет поздно". Уже прошёл год, как нет его матери и столько же висит эта записка. Но никто срывать её не намеревался, да что там, даже подумать об этом не осмеливались.

Его мать была основателем фонда «Захыст», помощи людям репрессированными властью. К ней могли обращаться все, кто посчитает, что его законные права пытается нарушить государство. А она, потом, если нарушение по предварительным оценкам подтверждалось, со своей командой из десятка юристов и правозащитников, защищали его права в суде. Не всегда, это удавалось, потому как честных судей в столице практически не было. Но ввиду того, как хорошо они научились делать шумиху с каждого дела, многие, вроде даже почти неподъёмные дела, получалось выиграть за счёт того, что чиновник сам закрывал дело, боясь огромного «чёрного» пиара, которым им всем очень не хотелось получить.

Она, кстати, сама того не хотя и заинтересовала сына социальной инженерией. И вот в один день, она исчезла. Вот просто так. С утра ушла на работу и большее её никто не видел, по сей день. В полиции это дело так и осталось "висяком". А между сыном и отцом навсегда появилась склока. Вылившаяся в склонность к алкоголю первого и раздражённостью вперемешку с ежедневной злостью второго.

Всё это было из-за подозрений Андрея на коллег отца в преступлении. Дело в том, что его отец работает на государственную фирму, по выдачи тендеров. Где естественным образом его партнёры состояли из чиновников. Люди, которые в большинстве случаев и создавали проблемы другим людям, которые потом и обращались за помощью к его матери.

Люди, которым её пропаша была наиболее выгодна.

А как раз система тендеринга и была наиболее коррупционная, где и «распиливались» миллиардные бюджеты по карманам местных управленцев. Отец Андрея никогда не участвовал в таких махинациях, но много за подобным наблюдал. Перераспределение державных средств осуществлялось ежемесячно, это было видно по рейтингу основных проектов. У чиновников было очень простое мышление, если уж «пилить», то по полной. А значит, нужно это делать на самых дорого оплачиваемых программах. Так и выходило, в месяц по одному сотне-миллионному проекту. Так, как говорится, они и жили.

Пока, мать Андрея, не начала раскрывать их системы и постоянно высвечивать их результаты в прессе. По типу, на бумаге здесь должен стоять пункт пропуска на авомобильный мост, а сам мост должен иметь дополнительное безопасное ограждение для пешеходов, да и для транспорта, а по факту отсутствие всё перечисленного и просто нарисованный красный рубеж по краям. Выдумывалось красивое название, что-то вроде «Кровавый мост», из-за больших смертей умышленных и не умышленных на нём и постоянно поддерживалась эта тема в прессе и и-нете.

По факту, оно не на что не влияло, но сильно действовало на нервы выше перечисленным людям. Что и начало заставлять со временем, померить аппетиты многих чиновников, и делать свои запускания рук в казну сильно реже. Уже как

минимум раз в три-четыре месяца и не столь масштабными в строительстве. Боясь за свой чин.

Дело в том, что чиновники с большим анти-авторитетом в народе, долго на своём месте не задерживались, а увольнялись более высшими, чтобы не дискредитировать губернатора города и в конце концов Главу республики, ведь они все состояли в одной партии.

Отец естественно всё отрицал перед сыном, но сам же в душе сомнение всё равно держал. Из-за этого потихоньку переставая доверять старым друзьям и соратникам. Но ввиду не имеющих доказательств, не сменил место работы, да и где он ещё найдёт столь оплачиваемое место. Что и подпитывало неуважение и подозрение в предательстве, со стороны сына. А он, после инцидента ждал от своего отца, демонстративного ухода с работы, где он был уверен, работал ни один человек замешан в похищении. Да и воспоминания о матери, у Андрея были исключительно хорошие, что тоже по-своему давило и не давало моральной возможности проговорить имеющиеся претензии и недомолвки друг другу.

Быстрым затаскиванием руки в холодильник, крылышки уже приближались к его телу. Но всё же не стоило ему сейчас же с голодухи, тем более так самоуверенно, пытаться их разорвать.

Руки, на жирной упаковке, соскользнули и она «улетела» на пол. Герметик не нарушен, а значит для Андрея не было нечего страшного.

Закатив глаза, он нагнулся, подобрал и решив вернуться в изначальную позу, не обратив внимания, что дверцы в холодильнике закрыть забыл и неслабо так ударился об неё макушкой, как говорится «со всей дури».

Сознания не потерял, было конечно очень больно, но терпимо. И так как находился ещё в одиночестве, то и выругаться умудрился неслабо. Отвёл душу, так сказать. Потом со злостью закрыл холодильник, бросил крылья на стол и держась за голову, обтирал её ладонью.

Минуты две он медитативно проделывал это, пока не нащупал один старый рубец на макушке, со времён ещё первого класса. Где в момент, перед его глазами, мимолётно, пробежало одно воспоминание о причине шрама.

Где его, за дислексию, которая позже прошла, задирали один, на год старше, мальчуган. Обзывал, шпынял, дразнил. Один раз пнул так сильно, что тот покатился со ступенек и ударился об одну из них, крови почти не было, но шрам остался на всю жизнь. Из-за этого Андрей, кстати, слегка начал закрываться в себе и никто, кто бы ни пытался, не мог его растормошить. От классной руководительницы, которая почему-то не замечала агрессии у первого к Андрею, до отца Андрея, Николая Владимировича. И лишь мать смогла аккуратно разузнать причину проблемы сына. Поняв, что обращение к этому мальчику, учительнице или его родителям, не принесёт никакого толку, приняла интересное решение. Так, как она была ещё молодой, всего-то двадцать восемь, реши-

ла преподавать своему сыну несколько уроков самообороны.

Купила ему боксёрский набор с грушей, показала, как бить и защищаться. Благо сама раньше в университете этим интересовалась.

«Представь, что это тот мальчик» – говорила она Андрею. «Не жди пока он ударит, как только чувствуешь опасность – бей! Или не успеешь... ..чтобы наверняка, бей сразу в нос, пойдёт кровь и он отстанет». И при каждой возможности, комментировала его каждый удар по груши в стиле: «Вот так!» или «Ещё сильнее».

Так прошли зимние каникулы, а на утро в понедельник, она отвезла Андрея в школу, а в обед, когда приехала уже с супругом забирать, их встретили с воплями завуч и классная.

Причина проблемы случилась после третьего урока, когда этот самый обидчик пришёл в школу, только на последний урок. Случилось это на перемене, говорят, что как только Андрей увидел, как тот заходит в класс, подбежал к нему и ударил по лицу. А на вопрос: «Зачем ты это сделал?» – ответил, – «Мама сказала, что как только видишь его, бей в нос».

Всё конечно в итоге обошлось, пришлось извиниться перед воспитательницами, родителями и самим мальчиком, которые пообещали никуда не обращаться.

Отец Андрея всячески оправдывал сына и жену, в глазах окружающих, пытаясь загладить вину. Не брезгуя предлагать

и финансовые способы устранения неурядицы. Что и получилось, в итоге. Но, как только они вышли за пределы школы, за вечер, дома, Николай не проронил ни слова, даже ужинать за общим столом не стал, просидев до утра в своём кабинете. Андрей об этом помнил чётко. Насколько напряжённые семейные вечера, у них бывали редко.

А в школе у него, всё успокоилось. Но самое главное, что тот самый обидчик, который никогда не переставал им быть, больше не лез к Андрею. И урок, он усвоил на всю жизнь.

Боль уже практически ушла. И он, окончательно направился назад в свою комнату, взяв еду з собой. По дороге к ней, Андрей решил пройти через гостевую, чтобы выключить кондиционер. И подойдя, увидел, что рядом с ним, нет пульта. В голове сидела лишь одна мысль: «он в кабинете отца». Куда естественно заходить лишний раз не хотелось. Чтобы потом у Николая не возникало вопросов к нему.

Так и поступил, «плюнул» на этот кондиционер, да и всё, не впервой уже оставлять такую жару. Другое дело, что по соседству с его кабинетом, находился и бывший кабинет матери. Ну как бывший, просто никем не тронутый, после её пропажи. Где лежали её вещи раньше и собственно продолжают лежать. Лишь время от времени, по очереди, убирается там пыль. И раз уж Андрея потянуло на такие воспоминания, он решил зайти в него.

Вошёл, включил свет и осмотрелся. Кабинет был небольшой, три на три метра. Стол, стул и несколько полок с доку-

ментами. Он был оборудован лишь для редкого уединения его матери от лишних шумов.

На столе всё ещё стояла рамка с его фотографией десятилетнего возраста, кучу разной макулатуры по все возможным местам и на стуле лежала зелёная, пластмассовая коробка. Увидев её, он улыбнулся и делал это каждый раз вспоминая о её существовании.

Дело в том, что Андрей ещё в шесть лет, заметил, как его мать, Афэлия, в момент принятия бытовых и семейных решений, а именно она занималась их вопросом, а не отец, начала уходить в свой кабинет. Как она говорила: «на подумать». Занимало это у неё пару часов и при этом, на протяжении, никого к себе не пускала.

И вот раньше в детстве, он представлял себе эту картину, где Афэлия сидела с ручкой и тетрадкой, выписывала все за и против, все плюсы и минусы возможного исхода ситуации. Ведь она, в его воспоминаниях всегда принимала правильные решения.

Но где-то, ближе к шестнадцати лет, Андрей подсмотрел через проём, за матерью, которая впервые забыла закрыть дверь.

Как выяснилось, всё это время, она играла там в конструктор. Просто играла. В конструктор, который был изначально подарен Андрею, но как выяснилось, он им не заинтересовался.

Играла в своё удовольствие, и параллельно с этим, реша-

ла всевозможные семейные вопросы. И вот он, в зелёной коробке, всё ещё лежал в её кабинете.

Постояв так секунд десять, у него начал урчать живот, «выпрашивая» еду. Так по улыбавшись над забавными воспоминаниями, Андрей вернулся обратно в суровую, окружающую его реальность и снова одел угрюмую маску, пошагав обратно в свою комнату, предварительно аккуратно закрыв за собой двери.

В ней он наполнил ещё раз стакан и залпом опрокинул в себя его ровную половину. Посидев с пол минуты, после выпитого, он резко полез в карман Джинсов, висящих в шкафу за смартфоном.

– Какого, блять, там числа? – сказал он в пустоту, шныряя по карманам, – Да, бляяать, – не угадал с карманом, – Та, какое там число, чтобы не забыть... – засветил экран, открыл заметки и понял, что так и не записал, – Сука... – и с грустью похрипел горлом.

Бросил девайс на стол, отведал ещё четверть напитка и развалившись в кресле, начал вспоминать вчерашний день, а именно вечернюю встречу с Элиасом. Помимо воспоминания даты, он старался обмозговать каждую сказанную фразу Элиаса, каждый его ответ, пытаясь отыскать в нём ещё хотя бы одну крупицу информации, чем он может ему помочь.

– А я вижу ты опасный... – Элиас не понимающе нахмурился, – Говорю, чего на Дэлиле решил встретиться? Могли бы у меня на районе, – спросил Андрей.

– Мда, опасный... – вздохнул, – Та мне просто сюда ближе было, а так как время не резиновое, то я решил...

– Та ничё. Главное, что ты нашёл время.

– Андрюх, а ты принёс, о чём я тебя просил? – с надеждой посмотрел на него.

– Да, конечно, – и достал с широких карманов куртки, две жестяных банки слабоалкогольного пива.

– Держи, – и они вместе, в такт, открыли и надпили первый глоток.

– Спасибо, я бы сам купил, просто так впадлу было в Ламель идти и ещё сто метров накручивать. Сегодня и так целый день на ногах. Туда-сюда бегал, от одного края города к другому за документами в разные суды. Ещё и там, где даже автобусы не ездят. А отдохнуть то хочется.

– Та не парься, просто пей, – Андрей проследил как Элиас выпил пол банки залпом и продолжил диалог, – Не расскажешь, как там всё идёт?

– Никак, – стараясь не встречаться взглядами, – Всё, как и было.

– Ну подожди, они написали на тебя заявление, – Элай кивнул, – Что якобы ты изнасиловал эту садистку Анабель Ломинову, но ты этого не делал. Её секс был по согласию и вообще не с тобой, – вновь кивнул, – Так, я не понимаю, а почему на тебя? Причём тут ты?!

Элай устало протёр глаза, сплюнул на землю, поставил банку пива на лавочку и начал: – Да не садистка она... Про-

сто ебанутая...

– Ну ты можешь считать как хочешь, а я всё-таки уверен, что у неё есть садистские наклонности, – и отставил пиво.

– Ну хорошо... Так причём тут я... Притом, что меня видели вместе с ней. И этого достаточно для судей. А вот если говорить почему она это делает, то у меня один вариант. На сколько я знаю, сам Ломинов видел те видео и фото со своей дочерью. И Анабель, чтобы оправдаться, возможно просто сказала, что её изнасиловали. Отец ей поверил и начал «процедуру». Подал заявление, связался со знакомыми в органах и так далее. И встаёт вопрос. «Кто обидчик то?». И вот, уже почему именно меня поставили меж жерновой, я не знаю. Возможно, семья её бывшего ещё богаче нежели Ломинов, а возможно что-то другое. Так, что вскоре, хорошо подумав, Ломинову не захотелось такой славы, про его дочь. На что в принципе все подумали бы, если делу не дадут ходу. Потому как, в это время снятое с её участием уже было везде. И вот так они, наверное, решили просто найти «козла отпущения». Свидетелей, которые видели нас вдвоём предостаточно, вот они и решили... – выпил с банки.

– Пфф... А какой смысл им это делать? Ведь никто не поверит, что ты её изнасиловал! Все знают кто такая Анабель, как она себя ведёт.

– Да, плевать им, кто во что поверит, – и саркастично улыбнулся, – Скорей всего, родители договорились с нею. Что она будет, при любых обстоятельствах, везде говорить

свою «мантру» и ни слова иначе. А чтобы в дальнейшем меньше об этом говорили, просто хотят упечь меня за решётку.

– Вот суки... А что они требуют? Деньги?

– Ничего, – Андрей глуповато поднял бровь, – Да-да, не удивляйтесь, – слегка повысил голос, – Они вообще не идут не на какие контакты, даже между нашими адвокатами. Только лишь раз мне удалось задать Анабель вопрос. Это было в начале. Я ещё сам не догоняя всей канители, случайно встретивший с ней в коридоре на слушанье, спросил: «Что происходит?». А она спокойно ответила: «Ты сядешь на семь лет, готовься». И ушла. Больше они её ко мне не подпускали. Ну мне ведь нельзя походить к ней на сто метров. Причём об этих семи лет, говорил и наш адвокат. Поясняя, что моё дело сверху уже обговорено. И сделать практически ничего невозможно. Дело не в деньгах, а в знакомстве. Которого у меня, к сожалению, нет, – с горечью он проговаривал каждое слово, и как только договорил, потянулся за пивом трясущимися руками от нервов.

Они помолчали минуты три, Андрей вновь дал другу время на попить. Обдумывая каждое слово, он приходил в ужас от безысходности ситуации. И видел, как на его глазах, прежде один из весельчаков и интеллектуалов его компании, морально «угасает». Но как бы ни было тяжело всё это спрашивать, приходилось задавать вопросы, на которые нужно было знать ответы: – Ааа... завтра тоже целый день будешь по городу гоняться?

– Ой, да, наверное, – и снова хлебнул, – Ещё не смотрел в завтрашнее расписание, за этим у меня следит Алиса... Она ведёт весь учёт дела, встречается с остальными адвокатами, ведёт переговоры, финансирует это, точнее финансирует её семья, но без её помощи, я бы уже давно сидел. Мне кажется, она даже не спит, – вздохнул, – Единственное место, где мы можем позволить себе заснуть, это в дороге. А так мы с Алисой практически двадцать четыре на семь, пытаемся найти точки соприкосновения с людьми. Лично я уже давно опустил руки и просто жду последнего заседания. А она верит в лучшее до последнего... мда... пфф... фух... как же я её люблю, – Андрей посмотрел на него, это был первый раз, когда Элай говорил такие слова о своей девушке, за её спиной, – За это время я понял многое, понял, что в независимости от количества раз, когда я за свою жизнь ошибался, я как минимум раз сделал не то, чтобы правильный выбор, а мне настолько повезло, что я даже поверить не могу в это. Жаль конечно, что я понял это слишком поздно, – Элиаса сильно потянуло на лирику, подметил Андрей, хотя у него на это было полное право.

Элиас вообще был совершенно не романтичным человеком и ненавистником громких речей, а тут такие высказывания. Так что эти слова, Андрея сильно удивили и заставили устрашиться тем, что может случиться в дальнейшем.

– Ну вы же не сдадитесь? – с надеждой поднял голову.

– А это что-то изменит? – фыркнув, пробурчал Элиас.

На что Андрей только лишь молча покивал головой.

– И долго вам вот так жить, от слушания до переговоров, и наоборот?

– Нееет, окончательный суд уже запланирован, восьмого, этого месяца. Там всё и закончится. Хочешь, приходи, посмотришь, там мест полно, Элая я уже пригласил, осталось Дэриэлу написать, – с этих слов он начал иронично посмеиваться, слегка кривя душой.

Андрей, с позволения второго тоже криво улыбнулся и демонстративно спустил воздух из лёгких.

– Мда, смешно пиздец, – и взялся за голову, – Ты своё допил?

– Да, – и тут же выпил его залпом.

– Ну тогда, может ещё по одной? Время ещё есть.

– Конечно, я угощаю. Пошли...

«Восьмое...» – прокрутил в голове Андрей, вновь наливая стакан. Налил сидя всё ещё дома, поднял, поднёс ко рту и не выпил, поставил обратно. Повернулся к дверям входа в комнату и через десять секунд молчания, всматриваясь пустыми глазами в проход, с криком, выдал следующее: – У тебя нет никаких возможностей?! А нахрена ты тогда всегда пренебрегаешь своим личным временем, на их просьбы, работая сверхурочно. Я думал, хоть за какие-то гарантии и помощи взамен. Так как если ты это делал за деньги, то ты чисто сказочный дебил. Нахрена тебе, к твоей несусветной зарплате, ещё деньги? Ты ведь всё равно их не сможешь по-

тратить!

– «Даже не пытаться этому препятствовать?» А что если я не терпила и не боюсь их?! И знаешь? Я всё же попытаюсь помочь ему! Да! И мне похуй, что для этого потребуется сделать! – и со всей силы кинул уже пустую стеклянную бутылку скотча в сторону залы, на плиточный порог.

Сосуд с грохотом разбился на маленькие части. Андрей был в ярости, он не мог простить отцу их вчерашний разговор.

Одиннадцать вечера. Гостевая Дома Пикал.

Николай Владимирович сидит в зале на диване, держа на коленях ноутбук.

В режиме печатной машинки, вносит в него какую-то информацию. На носу у него очки, для коррекции зрения, которое он посадил со временем работы на компанию за двадцать пять лет. А одет в синий, домашних халат, от которого сильно пахнет шампунем.

[ХЛОП]. Загрохотали входные двери, а в прихожей, только что пришедший со двора, появился Андрей. От него слегка несло пивом, но с вкусовыми добавками. Литраж, которого он выпил, был приличным, но на Андрея не действовал практически никак. Он чувствовал себя как «стекло».

Андрей прошёл мимо своей комнаты и уверенно направился в залу. Как только Николай об этом понял, он заинтересовано удивился. А именно, отец знал, как Андрей прекрасно осознавал его присутствие дома, но всё же почему-то

по привычке не захотел, как всегда, сидеть у себя в комнате, дожидаясь пока тот уснёт, чтобы не встретиться. Ведь хоть они и бывают дома в одно время, но фактически не виделись уже больше двух недель.

Николай заинтересовался, ждал, но взгляд не убирал с экрана, продолжал работать. Андрей зашёл в залу и притормозил. Осмотрел комнату, вполне трезвым взглядом и пораскинув мозгами, за пять секунд, пришёл к выводу, в котором не мог себе признаться всю дорогу домой. После этого весьма уверенно, умеренным голосом, обратился: – Пап...

Николай Владимирович аж вздрогнул, чуть не уронив с колен девайс. Он до последнего думал, что Андрей просто настолько напился, что ему уже было всё равно, есть ли он дома и идёт к холодильнику.

– Что?! Да. В смысле... Что хотел? – с открытыми по максимум зрачками.

– Ты не занят?

– Нет. Говори, спрашивай, – удивлённо.

– Я думаю ты и сам уже догадываешься, о чём я хочу тебя попросить... Я о Элиасе, Элиасе Харенко.

– А что с ним? Если ты думаешь, что я об этом что-то знаю, то напомни пожалуйста, – всё ещё не успев отойти от внезапности.

– Элиас Харенко, мой друг, на которого завели уголовное дело. Ломинов...

– Ааа, да да да, что-то об этом слышал. Суд вроде всё ещё

идёт. И что, этот бедняга в серьёз твой друг?

– Да, – хрипло выдал.

– Жаль его... – и покивал головой.

– Нет, стоп. Я как раз хочу, чтоб «не жаль его», а чтобы через полгода мы сидели с ним у нас на беседке и смеясь вспоминали этот эпизод жизни. И я пришёл к тебе, чтобы ты мне помог, – Андрей был уверен, что отец ему поможет, но думал, что скорей всего, для начала, его нужно «раскачать» на это.

– Андрей... Каким образом?

– А каким образом они судят его? Каким образом они привлекли его и сделали ему подписку о невыезде даже с города!? – Андрей слегка повысил голос.

– Андрей, понимаешь, если человек совершил преступление, его могут арестовать...

– Не делай вид, что веришь тому, чему говорят судьи. Весь район знает кто такая Анабель. Просто боятся открывать рот.

– Да, я знаю! – теперь Николай перебил сына, – А ещё я знаю, что за всем этим, очень тщательно следят депутаты Верфи. Некоторые из них совершали все необходимые, финансовые вливания в судебный и правоохранительный контингент. И они, в конце концов, стоят за увольнением двух присяжных и смертью одного судьи, которого кстати убили вчера ночью. Ты об этом слышал?! – Андрей закивал, – Вот, а я не просто слышал о случившемся, а узнал о заказе, ещё

за восемь часов до убийства.

– Что? Всм... Подожди... Ты знал, о том, что скоро будут убивать человека и ничего не предпринял?

– Я? Не предпринял? А что, сынок? Обратиться куда-то? Убийства совершала полиция. Как думаешь, как они бы отреагировали, если бы я пришёл к ним написать заявление на них же? И ты предлагаешь, сейчас мне пойти против Ломинава? – добавил, – Их человека.

– Пап! Со дня на день, невинного человека, закроют за решётку, причём по сам знаешь какой статье. И сам знаешь, что ему там грозит.

– Сын! Они так делают каждый день. Чтоб ты знал, в нашей любимой республике, каждые три месяца строится по одной тюрьме. Каждый день в среднем полиция задерживает шестьдесят людей, по выдуманной причине и пускают их по уголовным статьям. А про убийства и говорить не хочется. А ты тут говоришь об одном, радуйся, что он ещё жив. Да и потом, даже если бы я захотел, у меня нет никаких возможностей ему помочь.

– У тебя нет возмо... – очень тихо пытался произносить Андрей, сквозь разочарование, ненависть и боль. Алкоголь, хоть и мизерный, но уже понемногу начал улетучиваться, и взамен упорства, к нему начали приходить усталость и головная боль от тяжёлого разговора в добавку к переживаниям. Скорей всего это было следствие того, как в этом диалоге, по факту, исчезала надежда. И умер шанс вновь иметь

отца, который его понимает и поддерживает.

– Послушай сюда сын. Перестань играть, это тебе не игрушки, повзрослей. Даже не пытайся этому препятствовать, если тебе дорога жизнь, а она тебе дорога, не лезь в эти дела. Целее будешь, – подмигнул Андрею и воспользовавшись его ступором, Николай добавил: – Так что, вот такая вот фигня, и кстати если захочешь поесть, я там сделал суп, – обратно вернувшись к своей работе.

Андрей настолько очумел, от услышанного, что умолк на минуту и простояв около всё того же дивана, так не и не смог реабилитироваться и продолжить дискуссию. Лишь одна фраза ему пришла в голову.

Он устремил свои зрачки на его лицо, чтобы для себя, запечатлеть реакцию и произнёс: – А мама меня бы поддержала в этой ситуации...

Он смотрел, как лицо его отца, плавно поворачивается к нему. Ему было достаточно лишь уловить взгляд, для полного удовлетворения. После чего Андрей тут же развернулся и пошёл в сторону своей комнаты, в след ему летели груды громких слов и фраз, но это он уже не слушал. Решил не тратить время на глупые потуги, а просто зайти к себе, выпить залпом стакан коньяка и вырубиться, а уже с утра, решать, что будет делать дальше.

– Я что тебя много прошу?! – всё ещё кричал во весь голос и на весь пустой дом Андрей, – Он, блять, боится за свою жизнь, а за мамину ты не беспокоился?! – естественно он

знал, что отца нет дома, но из-за этого ему же не нужно переставать кричать.

– А знаешь, что самое главное?!?! Хотя, что я спрашиваю, ты это знаешь! Что если бы ты действительно беспокоился за мою жизнь, да и за свою тоже, ты бы не оставил нас жить здесь. Тебе было нужно, просто, после всего этого, забрать меня подальше вместе с собой. Ты и я! И плевать мне, кем мы были бы где-то там, нищими или миллионерами. Но ты не спросил меня, а просто посчитал, что твоя цель в жизни, обеспечить нас какими-то бумажками. Ты, наверное, думал, что это решит все проблемы?! Ахах, ахаха. Но как видишь, они, сука, почему-то не работают! Когда это, блять, нужно. Мало того... ахаха... в нормальном месте, этого просто бы не понадобилось!

– Ах да, ты, наверное, спросишь, почему я это сейчас говорю, а не вчера тебе. Сука, как будто вчера на тебя это как-то повлияло бы. Поэтому я тебя поздравляю, ты обречён жить здесь и тратить свою жизнь на этих ёбаный чинушь, которые выбросят тебя на улицу в случае твоего малейшего непослушания.

Допил залпом последний стакан. Поднялся на ноги, подошёл к стене позади кровати, где находился весь его склад алкоголя. Странно, но стеклянная дверца уже была открыта, Андрей удивился, но вскоре понял, что никто кроме него не полез бы туда и скорей всего это он, будучи под градусом и открыл её. Дальше Андрей достал самую выдержанную бу-

тылку, до которой смог дотянуться, не прибегая к различным приспособлениям.

Андрей снял крышку, залихватски обронил в себя глоток, ощутил усилившуюся силу притяжения к земле и с облегчением захватив удобрения с пакетами земли, направился на террасу.

Выйдя наружу, ощутивши свежего воздуха, ему полегчало. Погода, на его мнение, была изумительная, утро без солнца и просто облака укрыли собой всё небо и прохладный ветер витает во все стороны.

Он огляделся по сторонам, убедиться, что всё осталось на своих местах и принялся за работу. Загрузил удобрение в измельчитель, по отрезал сухие конечности растений, замёл налетевший мусор и запустил водный механизм, предварительно проверив целостность каждой шланги. Пьяным это делать, всегда было необычно от того, что голова ещё не успела подумать, а руки уже сделали. Ну и в конце, закончив двадцати минутную работу, присел на кушетку у высокого стола, за которым он частенько прятался от отца, чтобы задремавши, его не было видно с входа на террасу.

Усевшись поудобней, он понял, что бутылка с «горючим» осталась стоять на краю стола, тяжело выдохнул. Лень, в этот момент, на него «напрыгнула» огромная, но всё же не мог же он оставить её там. Как он считал, что алкоголя, в этот доме, принадлежало лишь два места, это либо у него в комнате в застенке, либо в его желудке. Он устало поднялся, потянулся

за коричневым сосудом, как вдруг, ему стал слышен чей-то голос.

Он доносился, толи с гостевой, толи вообще с прихожей. Это был громкий голос, но вообще не разборчивый. Андрей предположил, что это вернулся его отец, видать что-нибудь забыл. И не желая его сегодня видеть, решил оставаться на месте, не пересекаясь с ним ни на секунду, попивая из бутылки, к которой всё-таки дотянулся.

Но с каждой минутой шум становился всё громче. Теперь этот звук напоминал диалог, а через полторы минуты вообще стал похож на дискуссию. И вот с этого момента, ему это уже в корне не понравилось. И Андрей решил заканчивать этот непотребство. Выпил он прилично, а значит провести членораздельное деклассирование, людям, которые собрались скорей всего свыше троих около его комнаты, было провести затруднительно, но он всё же хотел попытаться.

И внезапно, к нему на террасу ворвался мужчина в костюме и начал быстро её осматривать. Андрей был почти не виден за столом, да и сами растения очень сильно оттягивали на себя внимание. И он его не заметил.

После лёгкого осмотра, он что-то сообщил по рации и начал ждать. Андрей, как каменный не понимал, что происходит. Этого человека он никогда не видел, да и подобное поведение вселяло в него недоумение, что вынуждало его дальше сидеть на месте.

Переговорив по рации, через пол минуты, с комнаты Ан-

дря вышли ещё двое. Один полностью был идентичен первому, а вот второй сильно выделялся из толпы. Начиная с одежды и заканчивая походкой. Андрею его было плохо видно, и всё что он углядел, это чёрное пальто, чёрный шарф, тёмные брюки и какие-то туфли с длинным носком. На глаз, цена этого костюма, превышала цену всей одежды тех троих.

Очень жаль, что Андрей в тот день через чур много выпел, выпей он хоть в половину меньше, сразу бы понял, кто перед ним стоит, и тогда действовал слегка по-другому. Но вышло как вышло.

Этот непонятный мужчина, сразу обратил свой взор на висящий чёрно-зелёный флаг по левую сторону, который с улицы видно не было. «Наш клиент» – сказал он и видать подумав, что тут безопасно, сразу начал, с брезгливостью бить своей правой перчаткой по ближайшим листьям растений, полностью проигнорировав остережение тех двоих.

И с этого момента, Андрей перестал прятаться, его наполнило храбростью и ненавистью к этому человеку. Он решил резко и внезапно поинтересоваться у него, что он забыл в его доме.

– Эй! – в этом одном слове, уже чувствовался алкогольный эффект.

Андрей поднялся, но на дальнейшее продвижение к ним у него не хватило сил. Человек в пальто дрогнул, и быстро отошёл на метр. Двое в костюмах среагировали чётко. Один резко схватился за пистолет, а второй не просто уже держал

ствол, а даже успел навести на него курок.

– Вы кто такие? – Андрей даже не дрогнул, увидев стволы, только лишь пару раз моргнул, выпитое свою работу делало отлично.

Вооружённые люди увидели, что Андрей был безоружным и не стреляли, но и не успокоились, остались стоять во всё той же стойке.

– Я?! Ты мне задаёшь этот вопрос? Это ты... – хотел задать аналогичный вопрос человек в пальто, но увидев бутылку в руках Андрея, крикнул, – Ты его сын? – и не услышав ответ, резко рывкнул на одного из вооружённых говорящего по рации, – Да не надо сюда никого звать, здесь лишь один алкаш по среди Эдема, какая блять опасность, что ты несёшь! Пять стоят по периметру. А ты действуй по плану.

Тот кивнул, услышав информацию, и спрятав пистолет зашёл назад в дом.

– Я не понял, что это за ху... – пытался выяснить Андрей пьяным голосом.

– Так, рот закрыл, радуйся, что тебе сейчас этот дебил не отвёз по одному адресу. Твоё дело сейчас, сесть и не рыпаться, пока мы ищем то, что нам нужно. Будешь отвлекать или не приведи боже мешать, я лично прослежу, чтобы ты этого больше не сумел. Сиди и пей, услышу хоть один звук, и больше никто о тебе ничего не услышит. Не бери примера со своей матери, – и повернулся к своим двум другим, – Блять, пистолеты опустили! Нахуя вы на него целитесь, он же в дре-

зину, даже идти не в состоянии. Что вчера не настролялись?! Работаем по плану!

Один, по видимому молодой, быстро рванул к столам, стоящим рядом с ними, в поисках документов, а второй поглядывал на Андрея пока не услышал, уже ему лично, слова «напутствия», от того же персоналия.

– Да хватит на него пялиться, ты дебил?! Потом, если что, им займётесь, – кричал, пока те искали и время от времени поглядывали на Андрея, – Лучше ищите кретины, – он достал смартфон и поднял трубку, – Да! Вы точно все комнаты обыскали? А кабинет смотрели? Да не скулите вы, я сейчас по...

Всё что сказал Андрею этот незнакомый мужчина до и после упоминания его матери, были пустым звуком. Это упомянутое слово, с этой секунды, полностью изменило ход событий и повлекло за собой очень чудовищные последствия.

Андрей медленно сделал пол шага в лево, но так чтобы никто не усомнился в его покорности к человеку, голословность которого была предписана выше. Резко, но без лишних шумов, открыл ящик стола и достал оттуда огнестрел.

Это средней тяжести, чёрный ствол. В его голове сидела лишь одна мысль: «Это он её убил».

Он виртуозно поднял его, почти не ощущая разницы в процессе между трезвым состоянием. Андрей ждал того момента, когда тот самый «оружий» человек предстанет перед ним в профиль. Ведь в весок, на стрельбищах, целиться бы-

ло ему куда проще. Да и стрелял он метко.

Прицелился хорошо. Даже тут удача не прошла мимо, практически всё время, а это 2,5 секунды пока он целился, на него никто не посмотрел, только лишь в последний момент на него обратил внимание, тот, что по опытнее и с криком и воплями побежал в сторону разговаривающего, пытаюсь быстро достать свой ствол.

Пуля была выпущена, отдача, конечно, ощущалась сильнее нежели на трезвую, но ничего, удержать пистолет, он смог. И вот траектория вроде проходила отлично, летела ровно, прямо в сторону его головы. И только уже ближе к концу полёта, где-то на оставшихся 20% длинны расстояния, было заметно искривление.

А вот здесь, уже, конечно, дал о себе знать алкоголь. К сожалению, для Андрея, пуля начала опускаться всё ниже и ниже, а в конечном итоге, погрешность составляла пять с половиной сантиметра, чётко войдя в нижнюю челюсть, слегка задев верхнюю этого самого мужчины. Патрон порвал щеку, снёс все нижнее угловые, по перебивал верхние угловые зубы, срезал часть языка (это был большой калибр), и прошёл насквозь проделав ту же работу и с другой стороны щеки. Раненный рухнул на пол и начал громко вопить. Из-за повреждённого языка, было не разобрать слов и при этом он пытался удерживать руками выливающуюся кровь изо рта.

«Быть такой большой «шишкой», иметь десяток охранников и попасть в такую ситуацию от своей же узколобости и

идиотизма» – подумал Андрей и продолжил действовать.

Гнев Андрея всё ещё не был погашен, хотя даже такой результат, при сложившихся условиях, объективно, для него был удачным. И всё таки, он решил продолжить. Андрей хотел закончить начатое, но для этого ему нужно было время, чтобы поднять дуло и пустить вторую пулю. Которого для него оказалось недостаточно.

Андрей заметил, что один из них, уже успел поднять свой пистолет на уровень своей груди, но его это уже не интересовало, ему просто хотелось выстрелить второй раз, в тоже место. Не смотря на его состояние, он прекрасно понимал, что сейчас произойдёт. И не боялся ни грамма.

Ему не хватило буквально пары секунд, чтобы выпустить следующую вдогонку, а помешал охранник, который в этом моменте продемонстрировал лучшую реакцию в стрельбе и как только увидел устремляющего дуло Андрея, со старта, пустил свой залп в него.

Пуля к Андрею приближалась до ужаса ровно по траектории. Метр за дециметром, сантиметр за миллиметром, пуля направлялась ко лбу Андрея.

И за миг, она всё же достигла своей цели. В таранившись и прорубив дырку в голове Андрея, он всё ещё держал на себе серьёзное лицо. Андрей упал на пол без каких-либо признаков жизни, моментально умерев. Лёжа там, он начал испускать из своей головы быстро бегущую, тёмную кровь. Что убедило стрелявшего, что он сработал чётко и больше обра-

щать на него внимания не нужно.

Второй же, раньше первого, с «выпрыгивающим» сердцем из груди, в ужасе, помчался к раненому Главе Республики Павле Лэрлэновичу Кравэць. Да, это удивительно, что Андрей будучи пьяным, не смог узнать человека, которого, он лицезрел на уличных экранах, билбордах, новостях и ещё масса мест где. Андрей только, что подстрелил главного человека во всей республике. И что сказать, наверное, он бы гордился собой.

Главное то, что сейчас этот человек вопит лёжа на животе, держась за челюсть, не давая вытечь лишней крови. Те двое уже передали информацию по радиии и в ближайшее время, буквально за три-пять минут, эту территорию отцепят и пригонят скорую помощь на вертолёт, вдобавок к двум кортежам, которые его сюда сопровождали. Через десять секунд на этой террасе появились ещё десяток таких же, как эти двое, которые в эту же секунду старались поднять Главу на ноги. И сейчас, они даже не подозревают, что в ближайшие часы, будут отданы под суд, на пожизненное.

Попробовав поразмышлять, о чём в эти мгновения, пока летела пуля, думал Андрей, можно представить несколько вариантов. Может о том, что не нужно было сегодня столько пить и возможно бы это изменило что-то. Может вспоминал, на последних секундах, свою родню, мать, опять же. Может друзей или отца в конце концов. А может, переборов всю ту храбрость, которой одарил его алкоголь, на мгновение заду-

мался, почему так произошло. Ведь спроси у него на трезвую голову, о возможности подобной сегодня перестрелке в его доме, он бы посмеялся. А если даже и получилось бы его убедить о такой возможности, то он бы сказал, что в таком случае был бы виноват отец, ведь такие люди пришли бы точно не за ним или его вещами.

Но, к сожалению, Андрей, так никогда и не узнает, за чем приходили эти люди. Проблема в том, что хоть отец Андрея и имел у себя в кармане пару хороших компроматов на нескольких высоко служащих, на случай эвакуации его и Андрея, которое он запланировал на конец этого года, сразу после ухода с работы, но уж явно они не имели значения для Главы республики.

Причина этого обыска, служила одна из наводок нескольких информаторов. Которые специализировались на поиске оставшихся людей, поддерживавших движение «Зелёный Клин». Они выдали его фамилию.

Глава республики решил, что это отец Андрея был причастен к движению и подумать не мог, что перед ним находится виновник этой встречи. Он посчитал что Николай Владимирович, лет пять назад тайно занимался поддержкой активистов и организации финансами, а сейчас просто притаился, но не изменил своих взглядов и идеалов.

Если вкратце, то это движение несёт за собой цель объединения Дьевреса, Лоружына и Вдалога в единую прежнюю страну, которой она была больше нескольких десятков

лет назад.

В этом движении Андрей неформально состоял и сильно поддерживал, но не публично. И сейчас, чтобы этого не произошло, чтобы люди максимально боялись даже произносить название этой организации, которая в принципе уже мертва здесь, их фактически истребляют, уничтожают документы, связанные с этим и всё в этом духе. Для того чтобы эта информация поскорей вымерла и уже новое поколение не смогло услышать об этом ничего.

Против людей, которые разделяли эти взгляды, велись чудовищного уровня «зачистки» и репрессии.

И вот мы вернулись к опять этому вопросу: «Как можно было этого избежать?».

Если размышлять со стороны Андрея, то он бы рано или поздно скорей всего отбросил вину отца, потом вину себя, ведь по его убеждениям он бы не мог тогда не заниматься этим, это на его скромное мнение, внутренний долг гражданина. И по большей части, скинул бы вину лишь на одну свою черту, не умение выбирать друзей и соратников. Ведь кто-то же его сдал, ведь о том, чем он занимался, по его мнению, знал очень ограниченный круг лиц.

И вроде вот логичное завершение жизни с вероятно возможным объяснением причины смерти. Только вот, хотелось бы мне взглянуть на это с не тривиальной точки зрения. Через призму мышления, Элая Лугорського.

Приведу его слова. Который в таких и подобных случаях,

приводил некие аналогии. Где, например, при беге стометровки, после пересечения финиша, запрещается резко тормозить, по причине возможной остановки сердца. Такое бывало. Если имеется дело с машиной, то там существует для этого всеми названный «тормозной путь». И с его точки зрения, так же и в политике. Нельзя на таком этапе определить для себя, что тебе всё надоело и встать на сторону нейтралитета. И быть уверенным, что тебя не тронут, а параллельно закрывать глаза на то, как каждую неделю в твоём городе, за такими же как и ты, приходят и уменьшают количество инакомыслящих. Говоря себе при этом, что меня это уже, якобы, не касается.

Александра Клыноква устало воткнула ключ в замочную скважину, повернула и после грубого щелчка потянула на себя ручку железной двери.

Зайдя в глубь дома, она бросила в прихожей сумку, сбросила с себя туфли и плюхнулась на пуфик при входе. И если бы не масса домашней работы, запланированной на сегодня, она бы, наверное, так и осталась там сидеть до утра. Поэтому не хотя встала с места и неторопливо направилась на кухню.

Там она подошла к зеркалу, поправила свои длинные волосы. Ощущая и понимая чёткие сигналы её желудка, что ей срочно нужно что-нибудь готовить, заглянула в холодильник. Быстро пробежавшись глазами по находящимся там и поняла, что ставить воду на плиту – было неизбежно. Что она и сделала.

Пока горел газ, а его звук проникал в каждый закоулок этого дома, Александра случайно услышала лёгкие вибрации своего смартфона, находящегося в кармане, сигнализирующего о своей тридцати процентной разрядке. Кое-что вспомнила и быстро достала его, чтобы сбросить по мессенджеру отчёт о проделанной работе за день. Как внезапно для себя, увидела недавние, входящее сообщение от бывшего мужа: «Привет, чтобы не волновалась, сразу говорю, всё под контролем. Пришла информация, что в полиции появился какое-то новое свидетельство и через два дня, если информация подтвердится, Дэриэла вызовут в участок. Узнал я через своего хорошего друга. Ещё раз напоминаю, не паниковать. Я лично подниму на уши всех знакомых, а как помнишь, их не мало. Да, и не вздумай ему об этом ничего говорить, это ещё может и не подтвердиться. Но ты должна, если что, быть в курсе».

Прочитав всё до конца, Александра разнервничалась и начала строчить ответ: «В смысле свидетель? Ты о чём? Какая информация? Какой у них есть на это право?! Они что всерьёз рассматривают вариант, где наш сын по-настоящему убил человека?!».

Сообщение «улетело» получателю. И учитывая, то, что на протяжении минуты, под сообщением висело серое подчеркивание, можно было понять, что Олег Клынков не видел его и в ближайшие восемь часов, а именно столько длятся его ночные смены, не увидит.

Александра успокоилась, сделала пару глубоких вдохов. Её уже мало заботило приготовление ужина, всё что ей требовалось, это сейчас же убедиться в целостности и сохранности своего сына. Тут же, умчавшись к его комнате.

И уже в мгновения ока стояла у его дверей, которые, кстати, были открыты настежь. Александра сначала легонько заглянула в его комнату, а потом и вовсе встала у прохода и начала внимательно рассматривать.

Дэриэл тихо сидел у себя на кровати, держа ноутбук на коленях. Он, хоть и не подымал голову, но тут же понял, что за ним наблюдают, продолжая смотреть в монитор. Сидел он ровно, на лице пустая гримаса и одет, как будто или пришёл с улицы или собирался вскоре уходить. Кисти рук тщательно убрал за монитор, а покрасневший глаз прикрыл так удачно отросшей чёлкой.

На столе в комнате был чёткий порядок, вмятина на столе прикрыта ковриком, да и в общем в комнате, всё лежало на своих местах. Кровать застелена, окно закрыто, вся одежда в шкафу, ламинат чист. «Даже через чур» – подумала Александра и если попыталась вспомнить, в быстром порядке, когда ещё было так убрано, наверное, не смогла бы.

Определивши для себя, что на её взгляд, всё выглядит нормально, кинула простые фразы: – Привет, Дэри.

– Привет, мам, – ответил быстро, ожидая этого.

– Как дела?

– Нормально, – всё ещё на автомате, смотря в монитор,

говорил он.

– Как универ?

– Сойдёт.

– Есть будешь?

– Позже, спасибо.

– Я там тебе одежды прикупила, по доставке, завтра придет посмотришь.

– Зачем? У меня всего хватает, – продолжал монотонно отвечать ей.

– Знаю, я это твоё всё, – махая руками, – Недавно заглянула в твой шкаф, у тебя её как буд-то становится меньше. Да и ещё аккумуляторы тебе в часы тоже купила. У тебя ещё работают?

А вот тут он поднял голову, но осторожно: – Работают, но я уже не буду носить часы.

– Почему?

– Надоели.

– Хочешь другие?

– Нет, спасибо.

– Тю, ну ладно. Через час подходи есть. Я сразу насыплю, как приготовлю.

– Хорошо, – и вновь устремил взгляд на монитор.

– У тебя точно всё нормально? Ничего не случилось?

– Точно, – спокойно закончил Дэриэл.

Когда диалог вроде закончился, Александра ещё пол минуты простояла и смотрела на сына. В этот момент, перед

её глазами промелькнула одна мысль, точнее воспоминание ведущие к этой самой мысли.

Стук в дверь, смотрящая телевизор Александра встает с кровати и идёт ко входу. Посмотрев в глазок, она нервно хватается за ручку двери, сильно дёргает её в разные стороны и только через пару секунду понимает, что двери закрыты. Её уже всю трясёт, а она пытается провернуть старый заедающий замок. Несколько пронизывающих, тяжёлых вздохов и громкий, выстраданный [щёлк] замка, дал возможность дверям открыться. За ними стоял восьмилетний Дэриэл, зажимая одной рукой вторую, со страхом на лице, стараясь прикрыть льющуюся с неё кровь. За спиной у него стоял его друг, который пришёл с ним для подстраховки.

Он со всех сил старался перекрыть поток крови, чтобы она перестала течь и пачкать пол в подъезде. Мать с ужасом на глазах ухватила сына и сразу же потянула в ванную. Ванная у них в доме была сразу же при входе, друг Дэриэла мог, не заходя в дом, наблюдать, как Дэриэл держит руки под водой с под крана.

Вода течёт во всю, Александра суетиться перед сыном, стараясь как бы быстрее смыть, а потом и остановить кровь, чтобы немедленно забинтовать. А Дэриэл с каменным лицом, стиснув зубы, смотрит на свои руки. И только через десяток секунд тихо заговорил: – Мааам, – как-то хрипло, – Он ещё тут?

– Аа? – бросила взгляд на вход и назад вернула голову, –

Да, а что?

– Скажи пожалуйста, чтоб подождал на улице.

Александра окликнула друга Дэриэла, поблагодарила, за то, что тот его проводил и ввиду таких вот обстоятельств сказала, что Дэриэл пока не сможет выйти на улицу. Тот в свою очередь кивнул и прикрыл за собой двери.

Как только двери захлопнулись, Дэриэл взвыл. Он со своей силы вскрикнул от боли, что не на шутку испугало мать, но почти сразу же смягчил тон и крики стали утихать.

Дэриэл не хотел показать слабость перед друзьями. После этого, мать закрыла воду и аккуратно начала обрабатывать раны медикаментами. И как раз в эти моменты, Александра впервые заметила, что её сын стал взрослее.

И вот стоя здесь перед комнатой своего уже почти окончательно взрослого сына и вспоминая этот случай из прошлого, она наиболее боялась подумать, что за всё это время, она превратилась из человека, к которому можно прибежать в любой ситуации и быть с ним самим собой в того гипотетического друга. С которым при открытых дверях Дэриэл ведёт себя одним образом, а когда они закрываются, уже совершенно по-другому.

Элай сидел в своей новой кофте с надписью, «Не занимаешься политикой? А политика тобой уже занялась!», практически в самом дальнем углу офиса. Ожидая очередного собрания. В этом кабинете собрались практически все сотрудники, кроме начальника.

Сидел, он хоть и в конце, но так как, стол у него был самым большим, за ним частенько собирались его коллеги, в основном мужского пола. Чтобы что-то обсудить или нового рассказать:

– Мдаа, как же меня всё заебалось, – один из троих коллег.

– Это точно. Третье собрание за неделю. Чувствую я пацаны, что уволюсь скоро нафиг, – второй.

– Та не беспокойся, тебе не придётся, это сделают за тебя, – заговорщицки проговорил третий.

– В смысле? – возгласили первые двое, одновременно.

– Я слышал, что со следующего месяца, по нашему направлению пойдёт сокращение.

– Откуда? – продолжал удивляться второй.

– От знакомой в другом направлении, говорит, что у них идут массовые увольнения и это уже не первый случай.

– Бляя...

– Так, а тебе чего нервничать? Ты же только что говорил...

– Да иди в жопу, – остальные засмеялись.

Элай сидел редактируя свою статью, не встречая в их разговор и даже не поднимая голову. Причиной этому было простое безразличие, но так, как слушать перестать их нельзя было, он слышал всё.

– Блин, скорей всего мы тут застряли ещё на час.

– Если не больше. С этой работой никакой личной жизни.

– Личная жизнь... Хэх, не знаю, как у вас, но причина проблем, у меня совершенно не работа. Рассказывал я? Нет?

– О чём?

– Я же со своей месяц как расстался. Не говорил?

– В смысле?! – возгласили оба.

– Короче. Мы же жили у меня. Даже в одну тренажёрку ходили. Расстались и она уехала в пригород к маме. Ну думал расстались и расстались, да и забыл. А тут недавно повстречал её в зале. Сама подошла и заговорила. Потом как-то вновь начали общаться, гуляли время от времени после работы. Оказалось, что она даже начала намекать о возобновлении отношений. Да и я стал, ведь расстались по глупости, как вдруг задался вопросом, где она берёт деньги, чтобы ездить через весь город в наш фитнес клуб. Ведь она нигде не работала. Поинтересовался у общих знакомых и узнал, что чтобы это проверить, она нашла себе ещё одного парня поближе живущего и жила там, ходя в зал от него, – двое от услышанного пораженно выдохнули, а Элай просто ухмыльнулся, всё ещё уткнувшись в свой ноутбук.

– Ахренеть, вот это она устроилась.

– Одно радует, всё та же подруга рассказала, что вот сейчас то она точно живёт у мамы. Вроде как решила остепениться, – улыбнулся, – Но мне как-то уже пофиг.

– Да, жёстко. У меня, к слову, тоже есть, что рассказать.

– Тоже о бывшей? – заулыбался первый.

– Именно! Короче встречался год с одной. Меркантильной и эгоистической, но красивой и в меру сексуальной. Тоже жила у меня, правда мы с ней сразу расставили точки над

двумя известными буквами. Обсудив, что у нас это только ради плотский утех, – и ответил сразу на выпученные глаза, в том числе и Элая, всё ещё не поднявшего голову, – Да, я знаю, что мне нереально фартануло, не отвлекайтесь. По её словам, нет смысла для меня было рассчитывать на большее. Я прекрасно понимал, что я такой у неё не один, поэтому в этом вопросе тоже от неё не отставал. Но относился к ней хорошо. И вот где-то после нескольких месяцев, она врывается ко мне домой, и начинает орать. Крича, мол оказывается я ей тоже изменял! Слышите? Тоже. Меня это настолько рассмешило, из-за чего её даже начало бросать в истерику, – и рассмеялся.

– Ого, а что дальше было?

– Аа? – утирая глаза, – Да что? Расстались тем же вечером и больше не виделись. Кстати, удивительно, но через знакомых, я узнал, что моя тоже недавно вернулась к маме в пригород, – первый и второй переглянулись.

– Мда, – заговорил третий, – Вот, так встречаешься ты с девушкой, случайно узнаёшь о том, что она недавно рассталась с кем-то и думаешь, какой же дурак был парень, который тебя потерял, а потом проходит время и ты понимаешь, что дурак не тот парень...

– Это да, – подтвердили первые два, – А ты Элай, чё молчишь?

И вот наконец он поднял голову: – А что, вы что-то спрашивали?

– Да нет, просто истории бахаем, вот. Может и ты чем-нибудь поделишься?

– Я? Ну в принципе могу. Только, она возможно вам не подойдёт, ведь про девушек, у меня историй нет, – договорил, кривя лицом.

– Да не важно, расскажи хоть о чём-то. Тут бы просто время убить.

– Ну хорошо тогда. Написал мне сегодня с утра один старый заказчик, с которым я уже полгода не работал. Прошлый раз, он меня кинул. Приходит мне ближе к обеду сообщение, – достаёт смартфон и читает, – «Есть для тебя работа». Я смотрю, подписан: «Кидало». Идентифицировав человека, отвечаю: «Я вообще-то не общаюсь с теми, кто меня кидает, но в случае погашения неурядицы, выслушаю». Минута проходит и ответ: « Попрошу не подтасовывать факты. Наша компания никого на деньги не «бросает», это была ваша вина. Но давайте не будем о прошлом. Дело в том, что под один проект, клиент просит именно вас». Я тут же отвечаю: «Долг погасите и будем говорить». И их комментарий не заставил себя долго ждать: «Я вас понял, тогда скажу, что вы мертвы. Прощайте», – дочитал и поднял взгляд, решив посмотреть на реакцию.

Она была странной, на лицах коллег виднелась неловкость. А Элай замолчал и поднял взгляд на входящего в зал, долгожданного всеми, Вениамина Грамма.

Он зашёл в офис и многозначительно кивнул. Находясь

здесь выше всех ростом, он ощущал себя намного авторитетней и солидней остальных. Элай тут же учуял, сидя в десяти метрах, резкий запах его духов, подумав про себя при этом: «Как Дэриэл вообще находится с ним рядом, он что, флакон на себя вылил? Каждый раз одно и то же».

Вениамин зашёл в глубь кабинета, после этого, уже абсолютно все задались похожими вопросами.

Использовал он столько парфюма, лишь в случае, когда выпивал за рулём и ему нужно было как-то перебить запах. И если за все три года, пока он этим занимался, об этом не догадался даже Элай, то значит делает это умело. Да и так выходило, что пьёт он исключительно под конец недели, когда к нему, по расписанию и приходит Элай, но это не связано с персоналиями, а в начале недели, в дни Дэриэла, от этого запаха не остаётся ничего.

Вениамин Грамм, напоминал Элаю одного полицейского из практики, когда они с коллегой пришли в один из ближайших участков, брать интервью в опер уполномоченного. В один момент, когда они уже начали задавать ему, заранее подготовленные вопросы, в кабинет зашёл пузатый тип (у Грамма не было проблем с весом, но всё близилось к этому), с погонами посерьёзней и с аналогичным душком. Приехавший, как позже выяснилось, на иномарке, припаркованной за три квартала, где-то в гаражах. Чтобы никто не видел, потому как с его зарплатой, он за всю жизнь, не мог бы позволить себе такого. Подошёл к [интервьюируемому](#), тыкнул

пальцем на лежащее у него на столе дело и без стеснений, при всех сказал: «Этих отпускаешь». Тот, виновато кивнул и побледнел, увидев взгляд Элая.

Грамм со временем, всё больше и больше пытался пользоваться своим положением. Фактически цензурируя и проверяя каждое слово журналистов ниже по ланке и напрямую указывая, что им можно опубликовывать, а что нет. Про кого можно употреблять такие термины, а о ком нет. Вынуждал всех сбрасывать ему отчёт о всех наработках, пишущих параллельно его заказам, на эту же тему, либо резонансные новости, в том числе тех работников, которые фактически не являются его подчинёнными. А в случае не повинение, практически ставил ультиматум редакторам других соседних издательств уповая на свой стаж и знакомства.

Как только все увидели, что никакого серьёзного собрания не будет, а Вениамин Грамм решил просто в начале месяца, что редко бывает, сверить планы и выработку, сразу зашевелились и забегали для виду. Чтобы не давать никаких поводов начальнику для замечаний.

Вениамин углядел «кипящую» работу, ухмыльнулся и как всегда, сказал: «Так, кто там сегодня, быстро ко мне с отчётом, только сразу о главном и уложите в пять минут. Дальше...», – его сбила с мысли, рядом стоявшая Влада.

Слегка боясь взглянуть ему в глаза, с огромной и тяжёлой папкой, в руках. Папкой с информацией для статей, которую она готовила неделю. Впервые, так как только-только она ре-

шила свой вопрос с принтером, до этого ей не доверяли делать эту довольно муторную работу, но публичную.

Элай, смотря ему в глаза, без сомнений понимал, что Вениамин сейчас скажет.

– Влада, эббф. . . Давай всё-таки кто-то другой выступит, передай папку слева от себя. Да, именно ему. . . – он показал пальцем на первого попавшегося сотрудника, – А сама подожди. Подойдёшь в конце. . . – Элай за всё время уже настушался сотен вариантов фраз, которые использует Вениамин для того, чтобы не замечать своей подчиненной Влады, каждое собрание. Оставляя её персону на потом и всегда последней, если вообще давал ей какое-то время. В чём бы не заключался вопрос или просьба.

Причина состоит в том, что работает Грамм только лишь с проверенными сотрудниками. Скажем так, с «закалёнными в боях», ну или просто, имеющие хороший опыт в написании статей. Он не хотел учить новеньких, предоставляя им опыт работы. И не хочет брать на себя ответственность за возможные ошибки новичков. А просто ставил им галочку за проведённую практику и получал за это дивиденды от учебного заведения. Тем более, что журналистам, которые работают там уже по несколько лет, это выгодно, и они щедро поощряют сохраненное им место и неплохую ставку.

«Да, она тихая и слегка незаметная. Но вы же не понимаете, что совершенно не заслужено, самолично сделали ей репутацию самого слабого звена. Так что, не ужели нельзя ве-

сти себя по-людськи?» – высказывал это Элай, Грамму в лицо, ещё полгода назад. Видя в ответ лишь гневные гримасы. Повлѣкшие за собой систематические уменьшения выдаваемых ему заказов. Но Элай, понимая, что Грамм пытается, таким образом вынудить его извиниться, не пошёл на это и в свою очередь, просто перестал разговаривать с ним на любые темы, кроме работы. Но так долго продолжаться не могло. И Вениамин всё же простил своего третьего, лучшего работника. Для него было главное продуктивность, а не человечность Элая. За что в дальнейшем очень пожалел.

Влада услышала и смиренно отошла, вслед за тем, после этого Грамм начал отдавать поручения остальным. Элай понял, что спокойно работать ему дальше не дадут. И уже смешиваясь в «чертополохе» офисных коллег, старался покинуть этот паноптикум, по умолчанию через двери. Но внезапно ощутив на себе взгляд, вынуждено обернулся. И усмотрел печальный взор Вениамина, стучащего кистью по своим наручным часам, показав ему на дверь, с надписью своей фамилии.

Традиционно это у них означало, «Ко мне в кабинет через двадцать минут». Хоть Элай и не питал уважения к нему, но в этом взгляде виднелось что-то новое, непонятное и возможно серьёзно-важное, что и побудило его послушаться, а не свалить, предварительно проговорив Грамму какую-то бредовую отмазку.

Но всё же выйти с этого хаоса, ему было необходимо, ведь

все присутствующие начали явно, зачем-то, повышать голос, выясняя причину не своевременного до писания материала своих коллег. В такие дни уличный воздух Элаю казался намного свежее обычного и дышалось легче.

Но вместо ожидаемого, он заметил при входе двух девушек, одна из которых нервно курила. Трясучей рукой, она держала бычок, водя его то в сторону урны, то поднеся его к своим губам и рвано вдыхала. И так вышло, что дым, в сотрудничестве с ветром, направлял свой поток воздуха именно в его сторону.

Элай не думал отходить, чтобы ускользнуть от дыма, и такое расположение ситуации его никак не разозлило, даже принимая во внимание то, что он ненавидит его запах, а даже слегка раззадорило.

Видите ли, Элай таких людей, про себя, называл «ракушками». Слово придумалось им же и происходит от названия болезни «рак». Стало быть, для него они потенциально больные тяжелой болезнью, поэтому так именовал. К слову, считал он так лишь потому, как они добровольно шли на такую участь.

Интерес был связан с его странной привычкой задавать агрессивные вопросы. Ну, например, подходит он к курящему человеку средних лет, произносит: «Извините за бесцеремонность, просто интересно, если учесть, что регулярное курение, по статистике, сокращает жизнь на 20-25 лет. И опять же по статистике, люди в нашей республике живут от 50 до

60. А выглядите вы на 40. То сколько вы собираетесь ещё прожить?».

Выглядит это совершенно неуместно и глупо, но Элая не останавливало. Ему это приносило душевное удовольствие. А то, что при этом выглядел сумасшедшим, ему было по барабану. Что происходило дальше, после его слов, я описывать не буду. Скажу лишь то, что по лицу ему за это не попадало.

И в очередной раз, решая повторить это, пошёл в их сторону. И уже в восьми метрах, узнал спиной стоящую к нему, свою коллегу Лизу Лэкору. Вторая же, Элаю, больше походила на женщину нежели девушку. Внешность у неё была хоть и милостивая, а тело миниатюрное, но возраст всё-таки уверенно «написал» на нём: «И так, начнём...».

И Элай заметил, что обстановка между ними была какая-то странная, коллега как будто опрашивала вторую. Задавать вопросы о куреве тут же передумал, оценив ситуацию, как не стандартную, но всё же бесцеремонно вклиниться в диалог, он не передумал. Только сейчас он это делал, лишь от любопытства.

Как только он приблизился практически к ним в плотную, узрел явные подтеки от слёз на глазах женщины, пытавшаяся выдавить из себя мысль, а Лиза переносила тут же её себе в смарт.

Лиза услышала спиной, что к ним кто-то приближается, убрала гаджет и обернулась. Увидев Элая, она моменталь-

но притормозила его руками, постаравшись увести подальше от второй. Проговаривая при этом, ему в полутона: – Элай, подожди, не влазь пожалуйста, тут очень важный разговор. Грамм в курсе, я по его просьбе собираю информацию.

Как только другая женщина увидела постороннего, она тут же начала утирать слёзы. А другая уже отдалила Элая, как минимум на три метра.

– Да? Хорошо, только скажи, что случилось, – по взгляду Лизы было понятно, что её как раз просили никому не говорить, – Ну пожалуйста... Ты же знаешь, я не переносу интриги... Ну не отстану же.

– Ладно... Это Светлана Фурустевич, мать Марка, – он тут же неистово выпучил глаза, но так чтоб Светлана этого не заметила, – Да, я тоже её впервые увидела.

– Так, подожди, у Марка совершенно другая фамилия. Как это так?

– Ну, наверное, у него фамилия от отца, а она не меняла оставила свою. Не знаю...

– Так, а в чём дело?

– Марк пропал уже практически как третий день. Мать бьёт в панику.

– Пропа... Да ладно ей, уж сколько раз, он уезжал из города никого не предупредив. Ещё во время первых курсов учёбы раз двадцать такое было.

– Это не тот случай, – мать Марка уже начала прятать свои эмоции и успокаиваться, – В этот раз, он вообще-вообще

никого не предупредил. Она подала заявление в полицию, а та... – Элай хотел уже ухмыльнуться, но передумал, услышав следующее, – А та уже в свою очередь нашла где-то следы его крови, здесь в Феере. Где именно, она нам не рассказала, но я знаю, только то, что тела не нашли. Вот попросила нас, чтобы мы осветили новость, может это как-то поможет.

На удивление Лизы, Элай после этих слов, как-то странно на неё посмотрел. Она хотела тут же ему напомнить, что он обещал после этого уйти, но Элай уже не слышал её. А просто обернулся к Светлане и с довольством, практически крикнул: – Это правда? Марк возможно мёртв?

Его colega и мать Марка одновременно выпучили глаза. Светлана, естественно, не знала, что ответить, а вторая просто с ужасом пыталась проглотить ком в горле, всё время поглядывая с одного на вторую. Но ему и не нужен был ответ, поэтому с угаром и ненавистью добавил: – И этим, выходит, что бог всё-таки есть?! – мать Марка, понимая, что происходит не прикрытое глумление над её сыном, не мочь сдержаться, горько в голос зарыдала.

Лиза, возымела шоковое состояние, но сумела вовремя с ориентироваться и злостно толкнула его ещё дальше от Светланы, при этом громко послав матом. Подбежала к Светлане, обняла и прикрыла собой, чтобы прохожие не оглядывались на плачущую женщину.

– Что на тебя нашло?! – возмутилась colega, но он не слушал.

Элай довольствовался тем, что сделал. Только сказал это, он больше от неуважения к Марку, но по факту, Светлана так же была причастна к поведению своего сына, как минимум из-за данного ею воспитания.

Та и на свою коллегу ему было глубоко наплевать, учитывая то, что он знал, как она же, ещё не давно, за его спиной, науськивала его коллег, чтобы те любые его проколы, сдавали Грамму. А потом, если их накопиться обильное множество, попробовать избавиться от него и вставь на его место. В то время в издательстве Вениамина была выше всех зарплата, а Элай имел меньше всех опыта и авторитета. Но не вышло.

А в только что содеянном, его трудно винить. Столько неприятностей, сколько причинил ему Марк, не ощутил почти никто. Ну, наверное, кроме Дмитрия Вуурына и ещё нескольких. Это практически ежедневные конфронтации на парах, в коридорах, на улице, бывало, что Марк караулил его даже у дома. Постоянные унижения. Нападения, где всегда Элаю, Марк что-то разбивал, от колена до макушки головы. А сколько проблем он повстречал, ввиду лишь того, что все знали о плохих взаимоотношениях этих двоих и поэтому, тяжело шли на общение с ним. Никто не хотел дружить и общаться, боясь, что Марк будет относиться к ним так же, как и к Элаю. Его круг друзей и общения фактически и состоял из людей, ненавидевших Марка.

А причина неприязни была очень проста. Элай просто

противился агрессии. И это Марк воспринял, как оглашение вечной вражды.

И да, к слову, были люди, которые смирились с выкидками Марка и просто терпели. Даже больше скажу, таких большинство. Некоторые уповали на то, что семья Марка была богата, поэтому страшно было обращаться к кому-либо. Ведь, по их мнению, у него могли быть связи. Остальные находили другие причины и тоже тихо молчали. Но Марка не хватало на всех, поэтому бояться доводилось не многим учащемуся.

Элай был не из храбрецов, а их «похуистов», это он сам себя так охарактеризовал, но стоило ему своё мировоззрение, очень дорого.

Ведь даже когда Марк, вроде как успокаивался и при их встрече, не происходило неурядиц, то всё равно люди действовали по привычке. И в этом случае ему ничего не оставалось, кроме того, чтобы смириться и обходиться фактически без друзей.

На лице Элая виднелась улыбка победителя и ему было совершенно всё равно, что Марк может оказаться живым и уже тем более, наплевать на то, что подумают о нём окружающие и коллеги по работе, после того как Лиза поведает всем об этом инциденте, затем выставив его мясником, садистом и изувером.

А наплевать было потому, как он считал, что понять его самого, в этом случае, может только лишь такой как он, а

его colega явно не подпадала под этот критерий. Поэтому Элай решил не дожидаться лишних комментариев, просто вернуться обратно в офис, ведь двадцать минут уже прошли.

Вернувшись, он застал всё тот же балаган. Пребывая в хорошем расположении духа и наплевав на выстроившуюся очередь к Грамму, он забегает в его слегка приоткрытый кабинет. Вслед ему начали создаваться крики возмущения. На что был получен ответ всем сразу, перед захлопыванием дверей: – Он меня вызывал.

И плевать, что скорей всего, почти всех в очереди, Грамм тоже вызывал. В кабинете, помимо Грамма, молча сидела ещё одна сотрудница. И внимательно смотрела на начальника. Как только Элай закрыл за собой двери, Грамм тут же поднял на него взор.

– Эээ, – он перевёл взгляд на ждущую подчинённую, – Вера, отчёт я потом посмотрю, так что увидимся уже завтра. Давай, ты можешь быть свободна, – на что вторая радостно отреагировала и с улыбкой вышла.

– Какие-то вопросы? – обыденно обратился Элай и сел на место предыдущей.

– Нет... – устало и удручающе выдавил Грамм, – Ты выслушай, спокойно, что я тебе скажу, только не перебивай.

– Да, конечно, – присел на кресло.

– Даже не знаю, как сказать... Дело в том... – очень тяжело проговаривал Вениамин.

Элай слегка напрягся, но виду не подал.

– Мне сегодня с утра, поступила скверная информация. Есть у меня пару информаторов, не буду говорить... – и машинально полез в карман за сигаретой, – Ой, блин... Раньше мне как-то не доводилось говорить такое, – поднёс папироску к губам и подпалил лежащей зажигалкой на столе, – Ну раз уж взялся, то... – вдохнул дым и сразу же выпустил обратно, через правое плечё, направляя на пол своего кабинета, – Я сначала не поверил! Но позже, увидел это в не афишируемых сводках полиции.

– А что случилось? – холодно на лице, но тревожно в душе, спросил Элай, ведь сразу же ему полезли мысли о Элиасе.

– Ну я думаю ты мальчик взрослый, так что, наверно, давай по факту... – секундная пауза и вдумчивое всматривание в глаза Элая, – Андрея нашли мёртвый в своём доме... – Элай подавился слюней и кашлянул, – Одного, без никого с простреленной головой.

– Всм... Я не... Всм... Стоп. Не может такого быть! – он покрылся холодным потом.

– Может. Пока информацию не распространяют.

– Что?! Я не верю! Докажите! – руки у него начали трястись, а сердце биться, как сумасшедшее.

– Не кричи пожалуйста... нас могут услышать. И я не могу тебе сейчас доказать. Мало того, если ты потребуешь их у кого-то, кто мог бы тебе это предоставить официально – с тебя потребуют объяснение, от куда ты об этом узнал. А я

буду всё отрицать. И тогда у тебя появятся проблемы. Так что...

– Ну так же нельзя! Я хочу хоть что-то увидеть или услышать. Может вы вообще ошиблись! Давайте я даже его наберу! – резко достал смартфон и не смочь включить его, вспомнил, что так за вчерашний день и не поставил его на подзарядку, – Да, блять, уже какой раз! – злился уже на себя.

– Подожди. Это, во-первых, а во-вторых, последний раз прошу, не кричи. А теперь, что ты хочешь увидеть? Я ещё ничего не видел, а ты просишь, чтобы я тебе что-то предоставил... И вообще, я хоть раз говорил тебе непроверенную информацию? Я тебя когда-нибудь обманывал?

– Ну... хоть что-то можете показать... – слегка приглушив голос от безысходности.

– Обманывал или нет? – спокойным голосом, переспросил, чтобы в конце концов привести Элая к полному осознанию.

– Нет... Много было других вопросов к вам, но обмана никогда... – уже осознавая всё бессилие, прохрипел Элай.

Таким образом, под натиском спокойной аргументации – Элай начал потихоньку верить в то, что ему говорят: – И что? С какого оружия предварительно убили? Кто убийца? Каков мотив...

– Убийца? Я же говорю один с прострелянной головой. А на сколько я знаю, у него самого был пистолет.

– Подождите, вы о чём? – догадываясь, со злой гримасой,

требовал пояснений.

Грамм сидел и уверенно смотрел в его глаза, ни проронив ни слова.

Элай возмутился, так как с такой версией дела, он вообще согласиться не мог: – Перестаньте на это намекать. Он бы не стал этого делать! Как мог человек насмехающийся над суицидниками, сам стать самоубийцей. Он откровенно глумился над людьми, которые в трудные дни не шли мстить, а делали увечья себе и так далее. Да я ведь сам, перенял у него это! – Грамм скривил лицо, наконец осознав, откуда у Элая такой омерзительный характер, – С чего бы ему само «выпиливаться»?! Объясните! У него была семья и... – Элай прокрутил у себя в голове всё, что знал о взаимоотношениях Андрея с его отцом и слегка пожалел, что вообще об этом упомянул. Грамм тоже это понимал, но слушал дальше, – Э-э-эм, у него был чудесный уровень жизни, мало кто мог себе позволить так жить. Начиная с ресурсов, которые мог тратить на что угодно... – и задумался, слишком на долго, секунды на две, решив, что продолжать всё же нужно, но мысли так и не нашёл, – и заканчивая...

– Чем? – по-доброму и тихо спросил Грамм, – Какие у него были увлечения?

– Яяя... – с каждым днём Андрей на глазах у Элая погружался в вино-водочную Вальхаллу и вспомнить что-то стоящее из его интересов, сейчас было трудно, учитывая то, как тяжело было вывести его на личный разговор, – Брр... А вот,

как на счёт, участи в районных проектах? Даже не только вложением денег, но и своими силами помогал облагораживать микрорайоны нашей столицы. Да мы даже представить не можем, что мог Андрей себе позволить и чем он занимался, уходя из публичности.

– Да, какая публичность? – по-отцовски заговорил Вениамин, – Если даже ты, его лучший друг, не знаешь этого, – Вениамин не знал точно, правда это или нет, но сыграл на этом, чтобы успокоить его, сделав ему некий комплимент. И постараться побыстрее подтолкнуть перейти Элая в фазу принятия, а со своей на соблезнования, – Та скорей всего, ничего такого и в помине нет. Да, раньше что-то делал для города, но, когда это было? Тогда, когда его мать была ещё жива, – В Элая дёрнулся глаз, но взгляд, он не убрал с лица Вениамина, – А сейчас он лишний раз с дому не выходил. А его главный интерес, по моему наблюдению, на последний год, был только алкоголь, – Элай открыл рот чтобы хоть как-то защитить честь друга, пытаясь использовать собственный хороший словарный запас, но не успел, – Я тоже хотел, чтобы это было не так, но к сожалению... И с каждым годом, человек из того самого, твоего дерзкого друга, превратился в то, что превратился. Хотя нет, дерзость осталась, только в виде агрессии к окружающим. Да, скорей всего смена курса характера Андрея, имела под собой весомую причину, спорить не буду, сам не знаю, как бы поступил на его месте, но тогда не нужно отрицать и закономерный конец, в данном

случае вот такой, трагичный, – трёх секундная пауза, – И кто знает, я бы может быть тоже не отказался от такой беззаботной жизни, а потом и смерти...

Знал ли Грамм, что это было убийство, а не суицид, которую власть, сразу же скроет и выдаст за самоубийство, доподлинно не известно. Но единственное, что было точно ясно, Грамма интересовало лишь одно, это побыстрее закончить этот тяжёлый диалог. Но при этом, ему было нужно убедиться, что он сохранил моральное состояние одного из лучших своих сотрудников в нормализации, ну или где-то слегка напоминающую норму.

– Ну и что, что алкоголь? Ну и что, что агрессивен? Зато адекватным, он не переставал быть ни на секунду! Да и в добавку...

– Видел свёрток, который передал ему Дэриэл? – интригующе перебил Элая, с такой интонацией, как будто сейчас расскажет секрет вселенной.

– П-первого числа? – от неожиданности он даже заикнулся и перестал моргать.

– Да, знаешь, что там? – всё так же нагоняя неизвестности, продолжал он.

– Ну и что? – и сглотнул в ожидании чего-то страшного. Да, у Грамма не осталось аргументов и он, подтасовывая некоторыми фактами, решил пойти на серьёзнейший обман. Грамм знал, что переданные им удобрения, Андрей точно не

употреблял, но и куда тот их дел, он не представлял. Ведь в то, что Андрей покупал их в собственных интересах, он бы не поверил.

То, что Андрей не рассказал изложимое пакета Элаю, Грамм не то, что догадывался, это было его условие. На которое Андрей и пошёл, из-за того, что по-другому, без связей Грамма, подобное, легально, ему не достать. Но то, что у этого же Андрея, дома есть огромный сад на террасе и он об этом никому с друзьями не говорил, это явное везение, так как стечение обстоятельств здесь очень фантастическое.

– Может быть, а может и нет, – Элай водил зрачками, то влево то в право, боясь услышать ответ.

– Не нужно врать, я же хочу, чтобы мы прямо сейчас и прямо здесь закрыли этот вопрос. Я же знаю, что вряд ли Андрей рассказал тебе правду или вообще хоть что-то. Ну максимум соврал бы о том, что это удобрения, для какой-то его там знакомой, – снова с добрым голосом начал Вениамин, – И дело тут не о дружбе, а о том, что он понимал, здесь нечем хвастаться. Ведь там были наркотические вещества. Жаль, что я узнал об этом уже после передачи.

Вениамин был не из тех, кто поддерживал высказывание: «О покойниках либо хорошо, либо ничего». Он считал, что мёртвым вообще побоку, как о них, если их тело уже окоченело. Его главной целью было убедить Элая, и не важно каким способом. И да, фразу: «Цель оправдывает средства», он любил и использовал.

– Так что... – Грамм всмотрелся в глаза Элая, которые второй вскоре опустил, и первый понял, что у него получилось, тут же ощутил какое-то странное чувство, то которое ещё никогда не ощущал, но решил обдумать это позже, – Прощу тебя прими это. Чем быстрее ты всё осознаешь, тем быстрее ты всё переживёшь.

– Вас... – поднял взгляд, – Я услышал.

Элай посидел в тишине с пол минуты, переводя взгляд с одной части пола на другую. Грамм тем временем потушил сигарету, он её практически не курил. И бросил в пепельницу. Гробовая тишина в кабинете, даже в зале никого не было слышно. Элай шмыгнув носом, неумело поправил волосы, поникшим взглядом осмотрелся по сторонам. Поднялся, кивнул головой. Подошёл к столу и произнёс: – Спасибо за понимание, за тактичность, за... – задумался, Вениамин хотел ему подсказать, но не успел, – Да в общем то за всё, – с грустью начал и с задором закончил, – Я увольняюсь!

Вениамин аж пошатнулся: – Всм... Чт... Всм... Стоп. Почему?

– Да, какая уже разница. Вещей тут моих нет. Друзей тоже. Зарплата вчера на карточку капнула. Так что, до свидания, – бросил на стол папку, с которой носился, собирая целый день информацию по вчерашней просьбе Грамма и уверенно пошагал в сторону выхода.

У начальника даже дар речи пропал после таких слов, он тупо стоял и смотрел с вылупленными глазами на то, как тот

уходит.

– Да и две недели отрабатывать не буду, всё равно ведь не официально работал, – добавил он, подходя к двери, при этом не разворачиваясь.

Грамм вполне понимал, что бежать за ним нет никакого смысла, ведь никогда ещё ему не удавалось переубедить Элая.

И тут он понял, что за не понятное чувство, только что посетило его. Впервые за всю с ним работу, ему удалось кое как, но убедить Элая. Второй это тоже прочувствовал и понимая, что его вообще не много любимый босс, теперь знал больше, чем ему нужно было знать о нём и решил не затягивать с уходом.

Элай мог многое простить. Даже то, что Грамм всегда вёл себя, один на один, по дружески с подчинёнными, а по возможности науськивал их между собой, по принципу разделяй и властвуй. Подыскивая себе более стрессоустойчивых и преданных лично ему. Но главное для Элая было важно инкогнито, и вообще мало известность в коллективе. Ведь не многословность и эффект тёмной лошадки, давал ему возможность мало того, что вести себя как он хочет, ведь никто не понимал, чего от него ожидать, так ещё и делать себе любую репутацию и восприятие окружающих на свой вкус. А начальник, знающий о нём довольно щепетильную информацию, точно не входил в его планы.

Как только он покинул кабинет, в него тут же забежали

трое и захлопнули за собой двери. А сам он очутился практически в пустом офисе, где остались лишь те, которым не надоело ждать. А это как оказалось, пять человек, без троих забежавший. Среди них была и Влада. Всё ещё в очереди. Сидя там, на месте Элая, в конце офиса и раз за разом перечитывая свой материал. Тихо, про себя, слово в слово, закрыв уши.

Элай стоял и смотрел на неё через всю площадь. И в голове у него крутились несколько предложений, в прошлом, сказанных Андреем. Грустного подтекста, но в конце концов, с подвигающее на храбрые поступки. Поступки, которых он никогда не делал и не сделал бы, до этого момента: «Почему ты себя так ведёшь с ней?», «Тебе неудобно от того, что скажут другие, увидев вас вместе?», «Посмотри на неё!», «С каких под тебя вообще стало это волновать?», «...зная тебя, ты так никого и не найдёшь. Владе, кем бы она ни была, возможно удалось бы внедрить в твою жизнь чего-то позитивного, ибо если этого сделать, то...», «Какой смысл заводить девушку, если мы с ней не похожи и она не будет подходить мне по всем параметрам?», «А ты, сука, всем подходишь по параметрам?», «С друзьями не повезло, то хоть здесь не протупи...».

Я думаю, здесь нужно пояснить за дружбу этих четырёх парней. Дело в том, что как только они с группировались и подружились, то сразу же, по мнению Элая, условно поделились на две группы.

Дэриэл с Элиасом нашли много различных общих интересов. А Элай в Андрее своеобразного наставника. Из-за тяжёлых гонений Марком Элая, у него сформировались комплексы, а подсмотрев, как Андрей ведёт себя с окружающими и слегка перенимая его опыт, Элай с каждым днём становился увереннее в себе. И всё больше у него прибавлялось самоуважения. Что в принципе ему и помогло. А по мере общения между собой, перенимая небольшой опыт различных интересов, со временем они сровнялись в авторитете для самих себя и остальных. Но вот только Андрей, Элая лучшим другом считать так и не стал. Тот этого, конечно, не знал, так что высказывания или критика Андрея, направленная в его сторону, давала огромный эффект или хотя бы вдумчивое обмозгование вторым. Элай почти всегда внимательно слушал советы Андрея, даже если тот сказал его в пьяном угаре.

Он подошёл к её столу, она всё ещё не заметила его, уставившись в лист. Её чистые, тёмные волосы были завязаны в пучок, но всё же несколько прядей около висков выпирали наружу. Ноги одеты в белые, узкие Джинсы прижаты друг к другу из-за волнения перед заходом в кабинет начальника. На ногах чистые серые туфли, начисто вытертые минут пятнадцать назад. Постояв несколько секунд, уставившись на её приоткрытую шею, видневшуюся с жёлтой кофты, сглотнув слюну, неумело поправил волосы и вот решил похрипеть горлом, чтобы обратить на себя её внимание.

У него не получилось, взгляды на него подняли лишь

остальные, чего он, конечно, не заметил, а она продолжала вчитываться и искать любые изъяны, чтобы «отточить» всё до блеска.

Он улыбнулся и всё ещё волнуясь, слегка нагнулся к ней, и ещё раз похрипел. На второй раз она услышала и виновато подняла голову.

– Эл? – с щенячьими глазами удивилась она, – Что, уже меня зовёт? – Элай молчит и смотрит, – Или... – она посмотрела в зал и увидела, как остальные присутствующие, прищурив глаза смотрят в их сторону, – Что-то произошло? – с тревогой выдавила из себя.

– Просто... – он потянул к ней правую руку и положил на её левое плечё, – Хмм... – и мило улыбнулся, что было ему вообще не свойственно и заставило Владу дико удивиться и расширить глаза, всё ещё нервничая, не понимая в чём дело, покусывая свои синие, от помады губы.

Он присел, чтобы быть плюс-минус на одном с ней уровне.

– Эл... Я не по... – Элай переместил руку с плеча на её затылок и без лишних объяснений подтянул к себе.

Без каких-либо сопротивлений, она поддалась этому. Пользуясь случаем, Влада поднесла к его лицу ладонь, где большим пальцем на секунду дотронулась до его носа, чтобы точно убедиться, что со времён удара Марка, у него всё прошло. После чего, как он и задумывал, произошёл поцелуй, где предварительно, они оба закрыли глаза.

Наблюдавшие за всем происходящим, тупо не могли понять, что происходит и как вкопанные продолжали следить с обвисшими челюстями.

Влада не могла поверить в происходящее. Сколько раз она думала о подобном и представляла это себе. После осознания, она со всей силы обняла Элая, продолжая целовать и не открывала глаза, боясь, что когда откроет, то всё это окажется сном или того хуже, жестокой шуткой. А у Элая, в свою очередь, отлегло на душе, ведь он всё-таки пересилил себя и теперь, лишь радовался и наслаждался происходящим. Всячески благодарствуя словам Андрея, понимая, что так и не скажет ему за это спасибо. И хоть он и не являлся ни разу сентиментальным человеком, но если бы не столь важный и редкий для его восприятия и жизни момент, он бы был в силах пустить скромную слезу в память друга, даже на глазах у других.

Как же ему тяжело было сидеть в этом самом обычном кресле. Дэриэл со всех сил хотел бросить всё и выбежать наружу, подальше от этого здания. Не в страхе дело, он не боялся, что ему могут сказать то, чего он не хочет слышать, просто сидение даже минуту в одной позе, притягивало Дэриэлу в голову «ненужные» воспоминания. Которые вдобавок слегка перепутывались. Они лезли и лезли ему в голову и не хотели покидать его мозг, с каждым удобным случаем напоминая о себе. Конечно, самых мелких воспоминаний, у него выходило избавляться, по типу насколько была глубока

та канава или уверен ли он в том, что его действительно никто не заметил, пока он бродил у обочины судорожно пряча свои руки. Но вот главных и самых пакостных мыслей, он мог подавить лишь на время. А именно о том, что двое человек мертвы, и это точно им не придумано. И воспоминания, на которые нельзя было сказать однозначно, по типу, как это произошло, по какой причине те двое оказались в таком положении и главное заслуживал ли данный индивидуум своей участи, мозг уже постоянно требовал обсудить. Но итоги всегда оставались практически одинаковыми, он приходил к очень странному оправданию, но удобному, что Марк и Алёна, просто оказались не в то время и не в том месте, где сами спровоцировали судьбу.

Хотя действительно, при некоем «обзоре» событий, можно было это так трактовать. И здесь не то, чтобы Дэриэл отрицал содеянное. Ведь если убийство Алёны ещё было плюс-минус спорным для него поступком. То умерщвление Марка, в самых ужасных уголках своей натуры, он воспринимал спокойнее.

Самой большой глупостью для него в этот момент было то, хоть сам он и в этом не признается, что основной страх у него перед тем, как он убил двух людей, а не в том, что у него имеются огромные психологические проблемы.

И главное, он не старается в полной мере искоренить первопричину, а ищет её разрешение в симптоме. Если углубиться, то всё это пошло ещё с момента школы, где в обще-

стве, легко проглядывалась мысль о пословице: «В здоровом теле, здоровый дух». Мало кого в правительстве, что тогда, что сейчас интересует, о возможных психологических первопричинах болезни, а считают, что ничего важнее физиологического здоровья не может быть.

Так вот и Дэриэл в это верил, хотя конечно не отрицал, что бывают разные случаи, самообразование давало о себе знать, но так или иначе, слышав у кого-то проблемы, например, с депрессией, если не смеялся, то перебирая мысли в голове, условно помечал этого человека, как индивидуума с завышенным чувством собственно важности.

Поэтому, в отдалённых уголках природы, Дэриэл, хоть и понимал нужность вновь пойти к специалисту, но не до конца осознавал главную потребность в нём. Он считал, что этот человек должен помочь ему остановить поток этих мешающих ему жить мыслей, и совсем был не готов, делать то, в чём сам нуждался. Рассказать всё от начала и до конца, чтобы понять почему в тот самый момент в ресторане, он начал вести себя так, как никогда прежде.

А самое важное. Что на трезвую голову, без вмешательств различных симптомов, по его мнению, он бы не поступил бы так. Поэтому, он не чувствовал полной вины за содеянное.

Так Дэриэл и продолжал сидеть, в неудобной позе изгоняя с головы ненужные мысли, находясь в очереди к очередной психоло... Хотя стоп, эта считала себя психотерапевткой. Но разницу это всё равно, для Дэриэла, не меняло. Так как по-

шёл к ней из-за рекомендаций отца.

Это была частная клиника, где практически невозможно встретить бюджетников, но от этого, всё равно контингент не отличался. Всё, те же бабушки, толпящиеся у регистрации, огромные очереди к терапевтам и ругань в коридорах. Доходило до того, что при сравнении этой клиники с «государственной» больницей, имелось лишь два отличия, это довольно современный ремонт с умеренной чистотой и цена.

На втором этаже, левого крыла, редко собирались очереди, по причине малого количества людей, позволивших себе, с финансовой точки зрения психиатрическую диагностику. Да и доверия к этому направлению в народе не имело места. Но так как некоторые врачи шли на встречу людям, ставя весьма демократические цены, то это играло в пациентах небольшой интерес.

Кабинетов, в этом крыле, было два, так что, Дэриэл был к одному специалисту, а девушка двадцати лет, слева от него, к другому.

Лия была одета во всё чёрное, с длинными светлыми волосами и лёгкой одеждой, слегка опустив голову, но с заплаканными глазами. Она приехала из пригорода, немочь больше сидеть дома. Прийдя сюда Лия «порвала» все контакты с кем-либо, кто хотел её видеть и игнорировала любые попытки с нею связаться, кроме подруги Сабрины, которая сама её избегает. Она не простила ей смерть их общей подруги Хрыстыны. Которая в тот злополучный день, должна была

сидеть дома и писать диплом. О чём она всех и предупредила за несколько дней. И только из-за перманентных просьб в виде сообщений и звонков Лии, вынудили её выйти на улицу. Где всё и случилось.

Прибыв в больницу, Сабрина стала свидетелем настолько бездыханного тела, где Хрыстына даже не могла говорить. Множество переломов. Даже сбиты косточки.

Найдена она была в опрокинутой на бок машине, на дороге, вроде как из-за ям. Прожившая, после госпитализации, чуть больше суток, она так и не заговорила.

Последней каплей терпения для Сабрины было то, что Лия, при посещении, принесла в больницу апельсины, напроць забыв, что у пострадавшей аллергия на цитрусовые.

До похорон лучшей подруги Лии оставалось где-то четырнадцать часов, которые она не знала куда использовать и пришла сюда, на последние деньги.

Эта личность Дэриэлу не была знакома. Он старался даже не встречаться с нею взглядами и всё вполне выходило. [Хлоп]. Двери в коридор с грохотом открылись. И в него вошла весьма важная, судя по одежде, особа. Быстрой ходой она шла в конец коридора, где сидел Дэриэл. С дверного проёма, откуда и появился этот человек, наблюдал второй индивид за первым. Одет во всё чёрное и держал руки на ширине плеч. Первый прошёл треть расстояния, неуверенно развернулся на сто восемьдесят градусов, махнул раздражённо рукой, после чего второй покорно кивнул и ушёл с этажа, мед-

ленно спустившись в низ по лестнице.

По ходу проходки, Лия ещё ниже опускала голову, стараясь не показать лица. Дэриэл тоже пытался, как бы побыстрее повернуться на право, чтобы это не выглядело странным.

Но так, как он не успел этого сделать до того, как тот пройдёт пол пути, Дэриэл увидел и узнал личность человека, ошарашенно засмотревшись.

Это был Алексей Спавын. Нынешний кандидат в губернаторы этого города. Владелец самого крупного банка столицы республики.

«Что же он здесь забыл?» – подумал он, осознав, что в расстоянии пяти метров от него находится человек, которого он поливал грязью, естественно не без причины и по фактам, всю свою журналистскую деятельность.

На Спавыне были чёрные брюки, тёмные туфли и серая рубашка.

– Ты сюда? – громко «бросил» вопрос Спавын Дэриэлу, когда уже подошёл к двери.

– Да, – ответил быстро, но совсем не ожидал подобной реплики в свою сторону.

– А кто тебе вообще сказал, что Светлана Леонидовна сегодня будет? Она выходная! – Спавын начал громко кричать, да так, что его могли уже слышать в соседнем коридоре.

– В рабочий день? – Дэриэл имел за собой несколько аргументов для ответа, но совсем не собирался вступать в дискуссию.

Если бы к нему подошли и сказали подобное спокойно, он бы не стал даже спорить, просто сбросил смс отцу, что не вышло дожждаться и ушёл без слов. Но здесь на него так подействовала без причинная агрессивность.

– Да! Что у тебя за проблемы? Давай я их решу, – на эту фразу уже обернулась Лия, слегка перепугавшись.

С этого момента Дэриэл ощутил за Спавыным ядрёный перегар. Что побудило его перестать с ним спорить и начать собираться уходить.

– Я вас понял, выходной так выходной, просто мне Олег Орэстович говорил, что она сегодня должна прийти, вот я и сидел, – начав накидывать на себя куртку висевшую на вешалке справа от него.

– Подожди, это ты от Клынкава? – раздражённо и с закатыванием глаз.

– Ну да...

– Подожд... как там... Ааа... Ты Дима?

– Дэриэл.

– Ааа... Блять, точно, Дэриэл... Стой, подожди. Да... она скоро должна прийти. Задерживается. Оставайся, подождёшь. А что тебе Олег говорил?

– Ну... что она отпросилась по своим делам и будет в пол девятого.

– Ну да... – тяжело вздохнул и Дэриэл чуть не закашлялся пробирающим запахом алкоголя выходящий из его рта, – Ладно, давай, я сейчас открою, зайдём вместе, подождем

её, – лениво достал ключ с кармана, и уже со спины, открывая двери, продолжал говорить, – Только как придёт, ты там по быстрому с ней, хорошо? Давай так, чтобы не затягивал, чётко отвечай на её вопросы, и она подскажет какие таблетки пить. Ой... ну или что она там скажет делать...

Двери открылись и Спавын остановился перед входом: – Кхм, слышь, а я точно не смогу тебе ничем помочь? – спросил он, прищутив глаза от усталости.

– Да ничего страшного, я могу прийти в другой раз, – и хотел уже разворачиваться уходить.

– Стоп! Нет, если Клынков просил, значит нужно сделать. Ладно давай уже подождём её вместе, она мне тоже очень нужна сейчас, просто трубку не берёт и не могу нигде её найти. Так что будем ждать.

Олег Клынков, был одним из последних специалистов такого уровня в своей области, хоть и работал в почти стационарной клинике. Но зарплату получал отнюдь не обыкновенную. Так что, такому человеку старались не отказывать ни в чём, даже претенденты в губернаторы столицы. Но если для Спавына, он был нужен для поддержания необходимого штата сотрудников своей клиники, то Ломинов, в щедром порядке ценил профессионализм и знакомства его отца.

Они зашли во внутрь и Спавын закрыл двери снаружи. Дэриэл это заметил. Свет решил не включать, несколько небольших окон под потолком освещали кабинет, было темновато, но Спавын счёл достаточным и сразу определил Дэ-

риэлу, где тот будет сидеть, а именно на месте пациента, а сам, слегка порыскав по кабинету, уселся на месте специалиста.

Посидели они так с несколько минут молча и в этот момент Дэриэл начал осознавать, что ему придётся так просидеть ещё долго. Из-за этого, у него начинал появляться страх, который заключался в непонимании происходящего. «Зачем он сюда пришёл подвыпивший?» и «А если это так важно ему, то почему не сказал мне ждать у кабинета?» на эти и другие вопросы, он не мог сформулировать своего ответа.

Спавын затих и начал читать листы, лежавшие на столе у Светланы Леонидовны. Дэриэл не понимал, что ему делать дальше, сидеть не мешая, либо же, всё-таки настоять на своём уходе. И чтобы в дальнейшем не испытывать свою нервную систему, воспользовавшись случаем, решил хоть как-то начать контактировать, надеясь, что его организм успокоится.

– А вам тоже нужно на сеанс? – Дэриэл понимал, что Спавын не знает кем он является, поэтому понадеялся попробовать узнать что-то сенсационное.

Спавын в это время зевал и как только услышал вопрос, его лицо изменилось, как будто его захотели унижить. Что Дэриэл заметил и боясь какой-то грубой формы ответа от своего собеседника, старался сохранять весьма серьёзное лицо. Спавын же, резко ответил: – Тебе это знать не нужно, сиди, – и развернулся в пол оборота. Посидел так пять минут

и без лишних стеснений достал флягу со внутреннего кармана пиджака. Раскрутил крышку и опрокинул в себя миллилитров с двести.

Дэриэл же, придал этому должное внимание, посматривая боковым зрением. Так они бы и сидели в кромешной тишине, если бы Спавыну не помог алкоголь заговорить, на весь кабинет.

– Ты позавчера ночью гулял на улице? – совершенно внешне и через чур громко, сидя в той же позе.

Дэриэл, аж забыл зачем сюда пришёл и начал быстро искать ответ, боясь, случайно сказать лишнего. Он настолько долго думал, что Спавын от ожидания, с нахмуренными бровями, повернул на него голову. И за всё это время тщательных поисков подходящего ответа, Клынков решил озвучить лишь: – Да, – сказал и не захотел поднимать взгляд на вопрошающего.

– И что? Ты ничего странного не заметил на улице? – продолжал Алексей Сильвэстрович.

– Странного? Что же может происходить странного на улицах нашей республики? – и медленно начал поднимать на него взгляд.

– Ну, – возмущённо чмокнул, – Не знаю, может видел как кто-то сильно шумно разъезжал по дороге или ДТП случилось какое-то. Или драка была, – и ещё раз залил в себя столько же жидкости алкоголя.

– Ааа, так, а в чём же тут странность? Это у нас проис-

ходить каждые три дня. Такому здесь уже никто не удивляется, – можно было подумать, что он проговорил это со стороны пост иронии, да и тон был похож, но по сути, Дэриэл говорил правду.

– Так видел или нет?! – Спавын слегка крикнул, подумав, что с его прошлого вопроса Дэриэл посмеялся.

Клынков отреагировал на это, приподняв плечи и с крупно-открытыми зрачками, поведив ими по кабинету в процессе размышления, ответил: – Позавчера... – ему было тяжело проговаривать это слово, из-за быстро «влетающих» мыслей и воспоминаний в голову, – Позавчера – ничего.

Спавын закивал головой. И снова затихли, смотря в противоположные стороны. Посидев с минутку в тишине, Алексей Сильвэстрович решил произнести вопрос, услышав который, Дэриэл чуть не упал со стула.

– А Марка видел? – повернулся, – Общались с ним позавчера?

Дэриэл ели сдержался чтоб не выпучить глаза. Он зациклил свой взгляд на стене, пытаясь вообще сообразить, что сейчас происходит и что ему нужно делать дальше. Спина в секунду вспотела, а тело тут же остановилось в одной позе. Самое страшное, было в не понимании ситуации. Шанс такого совпадения, где ранее незнакомец, спрашивает о убитым им, был минимален. Он понимал, что взгляд Спавына уже находился на нём и в любом случае ему нужно как-то реагировать.

– Марка? – паторочно выдавил из себя, хоть что-то внятное.

– Да, Марк Клэбэзов, – грубо, но тихо добавил и отхлебнул ещё с фляги.

Как только Клынков вновь услышал бульканье алкоголя в переворачивавшемся сосуде, что по-видимому, судя по продолжительности питья, являлось уже четырёх сот граммами, понял, что скорей всего этот человек не знает ничего конкретного о позавчерашнем, возможно лишь подозревает. Так как, наверное, не стал бы пить в его присутствии, тем более такими дозами.

Дэриэл медленно перевёл на него взгляд, и произнёс всё, что смог придумать за это время: – Позавчера, – всё ещё тяжело произносил, – я его не видел. Да и мы с ним вообще не общаемся.

– Пфуу, – нервно выдохнул, выпуская из себя перегар, – Когда Марк гуляет в городе, его слышат все соседние улицы. А ты хочешь сказать, что не слышал? – и ещё раз отпил.

– Я хочу сказать, что не видел и не слышал его, – уже явно набирая злость на Спавына, ввиду его пьяного говора и нежелания продолжать диалог.

– Как такое может быть? Вы же были с ним друзьями! Или я чего-то забыл?!

А вот сейчас уже точно Дэриэл был загнан в тупик. На этот вопрос Клынков вообще не имел представления как отвечать. «Откуда он, блять, знает это?!» – подумал и начал

формулировать ответ.

– Эм... Стесняюсь спросить, а при чём тут Марк. Почему мы о нём говорим?

Алексей покрутил губами, выдохнул ещё одну порцию перегара на пол и ответил: – Позавчера, Марк, вышел в обед на улицу, пообещав, что никуда за город ехать не будет, не брав свою машину, не звонив никому и пропал до сегодняшнего момента. На связь не выходит, нигде не светился.

Дэриэлу не хотелось слышать ничего, что напрямую или косвенно относиться к Марку, но перевести тему Спавын не дал бы, так что приходилось терпеть.

– И что? Его мать написала заявление в полицию?

На эти слова Спавын пренебрежительно фыркнул: – Ага... – Дэриэл прищурился, – Пошёл он нахуй, этот Рэфардович! Своими связями совладаю.

Дэриэл резко дёрнулся, от таких слов и потихоньку начал понимать. Владимир Рэфардович был главой МВД в этой республике. И по многочисленным слухам, эти двое, больше не могут найти общий язык ни в чём.

Клынкову уже надоело сидеть и слушать, поэтому он решил понемногу сваливать. Но страх перед сидящим впереди него, всё ещё присутствовал. Так что нужно было что-то придумывать. Он поднимает глаза на настенные часы и демонстративно: – Ого, уже без пятнадцати восемь. Мне кажется, что, наверное, даже если Светлана Леонидовна и придёт, то ей будет не до меня, – начал подниматься.

– Что?! Нет, сядь. И если в следующий раз я тебе сказал сидеть, то ты будешь сидеть и ждать, – с заплетающимся языком с дерзил, – Двери всё равно закрыты, а ключи у меня.

Дэриэл, напрягся. Только не от страха, а уже гнева. Он послушался, но смерятся не намеревался. С этого момента осторожничать он уже не хотел и собирался действовать, так как его внутренняя непокорность этого жаждала.

Теперь уже Спавын начал бросать взгляд на часы и гневно фыркать на то, что уже действительно поздновато.

– Ну тогда, если я никуда не уйду, хочу задать вопрос, – пока Дэриэл говорил, Спавын что-то упорно начал искать на столе, а потом и в столе, что как раз дало возможность первому договорить без перебивок, – Не подумайте неправильно, я не удивляюсь тому, что вас тревожит пропажа Марка. В этом случае, я вас поддерживаю, – Дэриэлу было тяжело лукавить, из-за того, что слегка запинаясь, – А дело в том, что... – Спавын начал усердней искать и создавать больше шума, но не переставая слышать Клыноква, – Каждый день у нас кто-то пропадает. Если вы не знаете, за прошлую ночь, по данным нескольких источников, пропали от шести до восьми человек. Двое из которых, пропали лишь частично.

– Что?! Как это частично?!

– Ну не до конца. Только туловище пропало, а ноги на месте. Нет, если вы скажете, что тогда это не считается, то я перечить не буду, но всё-таки... – Дэриэл любил полемику,

особенно выходящую за рамки приличия, этим он и хотел позлить Алексея Сильвэстровича, за своё удержание здесь.

Как только Спавын услышал зачатки весьма нелицеприятной для него информации, он по-бычьи обратил взор на Клыноква.

– Чё ты несёшь?!

В этот момент Дэриэл всерьёз ощутил агрессию. Он демонстративно не обратил внимания на уничижение: – Я говорю о том, что даже сам Марк не являлся человеком радушным. И по моему мнению, если бы вопрос стоял ребром, где шла речь о выборе, куда лучше определись Марка как персону к тем, кто борется за спасение пропавших людей или же является их явным обидчиком, то я бы, наверное и секунды не потратил на раздумывание. И вот... почему он вам так интересен?

Дэриэл понимал, что из-за опьянения второго, у него может получиться слегка загрузить его изложением мысли, так сказать с «широкой ноги» и после этого, возможно выпытать хоть что-то или хотя бы заставить выпроводить себя отсюда.

Спавын на нервах, как и думал Дэриэл, тяжело понимал собеседника. Но отвечать на вопросы не собирался, он мог лишь дальше агрессивировать.

– Или если это трудный вопрос, то хотелось бы услышать ответ, хотя бы на... – задумался, – Если вы так хорошо разбираетесь в его друзьях, то почему за Калэба Рановских и Эдуарда Калчугина, это пропавшие уже как девяносто семь

дней, вы не беспокоились, а только за Марка? – Спавин нахмурил брови, – «Думафель», три месяца назад, помните?

Дэриэла необычайно заинтересовала это история. А именно роль Марка в ней. Перед посещением специалиста, он порыскал в интернете и нашёл давнее видео, которое Элай поместил на своём мессенджер канале, снятое на протяжении недели после исчезновения.

Где журналист местного канала со всех сил пытался просунуться к Спавину, заметив его в ресторане, справлявшего какой-то праздник, в часы рабочего времени, сильно шумя на Дэфугэльском бульваре. Когда журналист вбежал на второй этаж к нему, чтобы задать вопрос, его тут же начали оттеснять охраной, но сидевшие там люди, узнав его, помогли просунуться. А вопрос был про вот этих пропавших парней.

Он его задал, Спавин в пьяном бреду огрызался, мямлил, кричал, убегал, но через семь минут побегушек по ресторану приехали ребята в масках и пробили голову журналисту вместе с теми, кто пытался его защитить.

Ещё можно взять во внимание интересный факт. Алексей, на то время уже официально стал кандидатом в губернаторы, как и Владлэн Фаустович Ломинов, но по какой-то причине, только к первому пришли за ответами. Хотя в принципе любой понимал, где можно найти Ломинова. Ответ на это, многие нашли в принадлежности выше названного журналиста к медиа Сэвастинского, то есть связанное через одно рукопожатие с Ломиновым.

Хоть в этой республике смерть людей была нередкая, и вот казалось бы, почему настолько пристальное внимание этому случаю. Дело в том, что сама пропажа парней происходила очень «интересно». Всё началось с того, как они проходили мед комиссию. Где им странным образом всучили направление в псих диспансер. Они не придали этому значение и пошли. Там, им поставили диагноз. Что-то по типу шизофрении. И отпустили. Парни пошутя и ушли по домам. Через день их истории передали в университет и психолог при нём, подписал все бумаги. На утро к ним домой приехала машина санитаров и забрала Калеба и Эдуарда. Родители были в шоке, но отнеслись к этому спокойно. Подумали, что ошибка. Решив, что к вечеру всё выяснится.

А после случая с предсмертным состоянием побитого журналиста, на Спагына взъелся весь город. Да и то, что сама больница, которая выдала парням направление, которой подчиняется диспансер, в которой работает Олег Клынков и находится сейчас Дэриэл, принадлежит Спагыну, тоже злила жителей столицы, ибо правду о том, что парни были как минимум адекватны, знали многие.

Алексей Сильвэстрович разъярённо поиграл челюстями, и уже совсем не скрывая эмоций ответил: – Ты кто, сука, такой, чтобы мне это говорить?! – перегар стал ещё сильнее, – Да срать я хотел на тех пацанов. Знать бы кто заказал этот инфо повод, убил бы нахуй. А Марк – теперь уже мой сын... – Дэриэл не слабо так удивился, но сумел сдер-

жаться и не выкатить глаза, но застыл от неожиданности, – Я теперь должен беспокоиться за него и помогать. Марк парень хороший, только в друзьях, по-видимому, плохо разбирается, – смотря в пустые, для его понимания, глаза Дэриэла, – Но главный виновник не он, а его мать, она мне нравится, поэтому приходится. Вот и жду её вместе с тобой. Видел бы ты её голой, тоже, наверное, не постеснялся бы подождать, – громкий вдох, – Малолеток он этих вспомнил... ты ещё спроси интересны ли мне те идиоты, которых Марк сбил на прошлой недели. Или интересна ли мне судьба того пацана, которого Марк дебиллом сделал, в парке, пару недель назад.

И вот опять. Всё. Дэриэла, уже не удивляло то, что пришёл он на сеанс к женщине, сына которой он убил. При нём опять упомянули Диму в издевательском ключе и как уже традиция, он не намеревался это терпеть.

– Оо... Пфф... Ахаха... – и от души начал смеяться, – Абха, кх хэх, ого.

Спавын поморщился, не понимая причину такого смеха.

– Вот, почему мне так везёт на вас?! – и параллельно посмеиваясь начал показывать жуткий оскал, – Ваша семья уже второй раз прикладываете руку к тому, чтобы у меня стало меньше друзей.

В этот момент, он пристально старался копировать образ одного клоуна из своей любимой книги ужасов. Что и не плохо получалось. С середины его всего трясло, как будто нару-

жу изнутри хотелось что-то вырваться. Алексей слегка под успокоился, не понимая, что происходит и сел ровнее. Пульс Клынкoва участился, уши перестали воспринимать любой шум, пытаясь удержать злобу. Дэриэл прижался ладонями к нижней части столешницы и от каменной позы до хаосных движений оставался лишь один сдвиг.

Спавын, начал думать, что ему уже что-то чудится по пьяни, как Дэриэл вновь заговорил. Точнее, это был уже не совсем он, со всё той же гримасой жуткого клоуна: – А знаете что? Я уже начинаю входить во вкус.

И тут [КЛАЦ]. Что-то в голове Дэриэла щёлкнуло и он уже в порыве закипающей ненависти и жажды принести кому-то боль, со всей силы подрывает стоящий стол, вставая на ноги и направляя, на горло падающего Спавына расплескавшегося в немошной позе с ужасной гримасой, сторону столешницы.

И тут для Дэриэла, как будто произвелась какая-то своего рода пауза времени. Всё как-то замедлилось, люди в этой больнице, машины за окном, город как-то затих. В общем движение остановилось. Только не мысли в его голове, они пестрили эмоциями, жаждой, гневом и тд. И в этом случае, впервые, к ним добавился интерес. То, что подстрекало тело Дэриэла делать это как-то иначе. Не просто выдавать агрессию в её первозданном виде, а искать какие-то изошрённые варианты убийства.

Да это всё ещё была неподконтрольная сущность Дэриэла,

но уже имела под собой весьма кошмарные метаморфозы. И вот здесь, словам Дэриэла, о его «вхождении во вкус», уже можно было верить.

– Интерлюдия 3 –

«Никогда не писал подобное, но теперь стану. Чтобы хоть как-то себя обезопасить от неверного толкования и преждевременных обвинений. Хочу, чтобы вы приняли во внимание то, что всё сказанное ниже – не является достоверной информацией, а всего лишь моей субъективной точкой зрения.

Спасибо за понимание

Сводки по столице за неделю: смертей в автокатастрофе – 20; смертей домашнего насилия – детской/взрослой, 19/5; смертей по неосторожности – 11; уличных смертей – 28; смертей политиков – 43; смертей журналистов – 8; самоубийств – 11; смертей на мосту «Лыманьськ» (самоубийств) – 35; смертей предпринимателей: 35.

Уголовных дел, заведенных после этих происшествий: 15.

*Примечание 1: рубрика: «Не смертельно, но пробирает». Принимая во внимание, что историй стало так много и их исход в большинстве случаев предопределён названием улицы или квартала, на котором это происходило, тем более что они действительно все про кровь, а большинство из них всё-таки ещё и про смерть, поэтому я решил изменить главный концепт и название на: «Смертельно, пробирает». И написана она будет в конце.

За последнюю неделю – преступность стала какая-то

слишком гиперактивная.

Кто уже знает или ещё нет, но за прошлые три дня у нас в республике, не считая Сичевскую область, были избирательно убиты 87 человек, 58 из них осуществлены в Феере. Это была по истине резня, хотя в государственных новостях, даже десятая часть убийств не была освещена.

Многие считают, что это как-то непосредственно связано с пропажей нашего «лидера». Поэтому, с вашего позволения, давайте начнём сначала, с самой резонансной темы недели. «Куда пропал Павел Лэрлэнович Кравэц?».

Все мы уже успели поближе посмотреть на его дочь Вулану Кравэц. Она начинает потихоньку подбирать под себя его полномочия, и самое интересное, что никто ей этого не запрещает и не перестаёт её слушать, когда она ведёт какую-то пресс-конференцию и все министры, а также всякого размера «шишки», ей поддакивают на камеры. Да, когда ей задали вопрос: «Куда делся ваш отец?». Она тут же не растерялась и ответила, что он, мол, занят важными делами. И все журналисты такие: «Фуух, ну хорошо. Ладно. Давайте тогда, Вулана Павловна, скажите, что мы будем делать дальше?».

И вот лично вас, ничего не смущает? Она сказала, что Павел Лэрлэнович, оставил поручения всем депутатам, на время его отсутствия, считать её своей преемницей. Что? Это даже написанными ими же законами не объяснить. Что за бред? А где он сам? Может она вообще убила его. Поймите меня правильно. Я презираю главу нашей республики и всех

его прихвостней, но такая её смена, это ничем не лучше. Я хочу, чтобы всю их семью снесли с их мнимого пьедестала, а система «приемника» меня никак не устаивает.

Я, в свою очередь, могу рискнуть предугадать, что будет дальше. Моё мнение такого, Кравэц жив, но притаился. Где он, знает лишь несколько людей. Скорей всего, он инсценировал свою пропажу, чтобы увидеть реакцию и на это и на нового «приемника». И быстрым образом «прибрать» тех, кто поведёт себя не так как Кравэц этого хочет. Вот и всё.

И чтобы сейчас не происходило – всё идёт ему на руку. Это если говорить о глобальном. А в локальном, как бы при-
скорбно это не звучало, но по мне, всё идёт ещё хуже для нас.

Теперь о «жабах и гадюках». Двадцать пятого числа состояться выборы губернатора. Изначально, я не хотел об этом упоминать. Так как все уже намучались видеть рекламу об этом. Я думаю, излишне говорить о том, что оба кандидата не заслуживают этого поста. Что Спавын, что Ломинов, по сути один хуже другого. Но к этой дате осталось всего лишь несколько недель и пора бы мне признать тот факт, что сей пост займет Ломинов.

Не писал я об этом, чтобы не делать выбор между двух зол. Я собираюсь, как избиратель, не голосовать вообще, что и вам желаю. Но рассуждать на эту тему, я могу. Поэтому осмелюсь предположить, что недавняя резня, происходила из-за делёжки власти. И министр внутренних дел В. Рэфардовил явно принял в этом участие, выбрав, по моему мне-

нию, сторону Ломинова.

Большинство понимает, чья возьмет и те, кто осознал, что не сможет усесться после утверждения Владлэна Фаусовича, пытаются это устроить рейдерскими захватами и устранением конкурентов прямо сейчас.

Сегодня все эти политические аналитики, вещающие из теле-экранов, говорят, что раздел власти начнётся в четвёртом квартале года, после выборов. Но вот на самом деле, оно началось прямо сейчас. И это логично. Начинать действовать можно только после того, как знаешь, что будет завтра.

Дальше, хотелось бы напомнить, что на «Кровавом мосту», а именно так уже позвали наш «Лыманьськ», погибает всё больше подростков.

Раньше я считал, что правительство столицы просто придерживается мысли, что чем больше самоубийц – тем меньше самоубийц. Но нет. Сейчас выясняется, что они либо видели и не интересовались, либо считали, что это не существенно. Но в скоре это начало приобретать большую огласку и вот неделю назад, я заметил, что мост пытались закрыть, но это не помогло, они всё равно туда пробираются. Да и, впрочем, какой смысл прятать от детей спички, если на кухне всё равно лежит новая зажигалка.

Вчера я пытался «нарыть» по больше информации об этом, пришлось слегка обмануть своего провайдера. Нашёл несколько каналов, где выкладываются видео, скажем даже, видео отчётов. На них масса людей спрыгивает с оного про-

сто так. Из чего я понял три вещи. Первое: самоубийств случается куда больше, нежели нам говорят. Второе: в интернете появилось сообщество, которое не только публикует об этом страшно-подробную информацию, но и содержит в себе «поехавших» фанатиков на смерти именно в том месте. Третье: не знаю поняли ещё другие это или нет, но я осознал, что если подкинуть труп под мост, то с вероятностью 95-ти процентов, делу хода не дадут.

Это опять же из-за количества самоубийц. Их уже настолько много, что полиция не хочет проводить расследование по каждому, а просто заочно считает их утопленниками.

И вообще, вы заметили, что пошли интересные времена? И случаются ситуации, о которых ранее даже представить было сложно.

Например, на улице, где пять лет назад, храм одной конфессии, раздавал людям олады на праздники, сейчас, там же, те же люди пикетируют этот же храм, не давая ему существовать. Потому как, из-за указа властей, что республика, с этого момента официально признает веру лишь в тех существ, «попы» которых делятся с властью деньгами прихожан.

И ведь закрывают. И я не оправдываю религию, по мне так лучше б закрыли все эти постройки и превратили бы, во что-то полезное. Меня удивляет сам факт, того, что люди, воображают себе одно существо и ненавидят других людей, которые верят в другое существо, которые в своё время

не захотели пере уверовать, что сделали первые, ибо в этом первых убедила пропаганда. Вот как для меня выглядит это. Извиняюсь за сложность.

Ещё хотелось рассказать, об одном кошмаре. На другой стороне Дэлилы, нашли два десятка трупов в канавах старого сахарного завода. Говорят, что это было тяжелое зрелище.

Моё мнение, убитых можно спокойно относить к жертвам выше названной резни. Скорей всего в прошлом они состояли в какой-то бандитской группировке.

На данный момент опознанный только Марк Клэбэзов. Как и многих других, тело Марка было сильно повреждено и изувечено, но всё же его смогли опознать, а имена остальных пока не известны, как и не назвали предварительное оружие убийства.

Мда... Обещал себе больше никогда не удивляться и тут опять... Поехали дальше.

Вчера набрали новый штат одного из главных телеканалов, на разные должности. На сколько я помню, там приняли нового шеф редактора, несколько десятков сценаристов, пятнадцать журналистов пропагандистов и три ведущих. Эту новость особо не афишировали, да и народу она не интересна. Но я попрошу всё же взглянуть на неё повнимательней и особенно обратить внимание на две вещи. Дело в том, что буквально полторы недели назад, под шумок, второй канал, прикупил, так же всем известный Ломинов Владлэн Фаустович. И теперь нам в уши, будет вливаться, только «честное»

мнение. Это первое. А второе может и не настолько понятное, но не менее важное. Дело в том, что одна из ведущих, приходится человеком, по имени Элизабет Фадзеевна Лэкора. Естественно, взята на испытательный срок. И стажировка её продлится не менее двух месяцев. Но.

Просто скажу, что по моим наблюдениям, этот человек, в скором будущем, сможет сыскать настолько ошеломительную карьеру, что позавидуют самые ярые пропагандисты, не то, что нашей республики, а и «дорогих» соседей на восточной границе.

Ну и в конце. История. Это не то, чтобы новость, как того обещает традиция, но врядли вы слышали о подобном. Это случилось больше десяти лет назад, но почему-то нигде не проскользнуло. Дэлила. Старая пятиэтажка на окраине города. Маленькая девочка осталась одна дома, мать и отец работали в ночную. Сосед, по рассказам, самый добродушный в доме, живший прямо над этой квартирой, скрывая от всех своё криминальное прошлое, имел у себя старый, размером с шкаф – сейф. Пол деревянный, за десятилетия прогнулся и проломился. На что коммунальные службы не обращали внимания. Ну он, на мужчину и упал. Такая громадина не просто убила человека, она затронула ещё и заграничные плиты между квартирами. Они треснули, но выстояли.

Сосед был довольно упитанный, что значило о большом запасе у него жизненной субстанции. И вскоре выяснилось, что кровь начала просачиваться меж трещин, вот он ею и

залил эту семью. Красная жижа лилась девочке на кровать литрами. Сосед, в прямом смысле, затопил их кровью. Но каково же было удивление родителей под утро, когда они застали не спящую девочку. Игравшую, на этой кровати, с тёмно-красной смесью... Совсем по-детски с доброй улыбкой, каким был и сам мужчина.

Тяжело было достать, от нынешних жильцов этого дома, имена участников истории. Так же само, как и тяжело написать их. А именно, кто её родители. Говорю честно, мне страшно. Но знаете, находясь в той, что и я информационной повестке, сев и хорошенько подумав, вы непременно найдёте правильный ответ.

Да и кстати, все, кто интересовался обо мне, написав на почту – огромное спасибо за финансовую поддержку. Ещё справляюсь, власти города пока мою личность не выяснили. Понимаю, что под подозрением, но с другой стороны, кто сейчас не под подозрением? С последнего могу рассказать, что они пытались взломать почту, но не вышло. Мой провайдер уже начинает присылать мне ультиматумы. Чтобы я либо платил ему больше, либо он не будет держаться по поводу меня принципа и всё же начнет «сливать» мою информацию властям, по одному лишь требованию. Но я не один такой, значит дело не во мне, просто теперь это реальность для всех.

Послесловия сегодня не будет никакого. Просто напому вам о том, как именно в такие моменты понимаешь, что са-

мое интересное ещё впереди.

Парень с ноутбуком |05.09|

- Глава 10 -

Десять часов утра. Облачно, ночью шёл лёгкий дождь. На улице холодно, под вечер передают небольшие осадки. Тёмная комната седьмого этажа, из-за пока ещё не показавшегося солнца. Любимое время Жени. Он всегда обожал в такой момент сидеть за ноутбуком перебирая свой загаженный жёсткий диск и смотреть через окно, как люди ненавистно собираются на работу, школу, университет и т.д. Но сейчас, он безразлично и безповоротно удалял, последние остатки своей не законченной курсовой работы.

Сидя за столом, он по истине выглядел побитым. Перед его глазами стояла ужасная «картина». Где на больничном столе лежала его мать и ожидала начала операции, по удалению раковой опухоли.

Женя соврал друзьям, что его не пустили ожидать у её палаты и остался дома. Сделал он это, чтобы у них не возникало лишних вопросов. На самом деле, он просто боялся там находиться. Его натурально трясло от одной лишь мысли, что сегодня, он может потерять последнего человека, в жизни, которого любит и который заботился о нём. И не в коем случае, Женя не хотел, чтобы кто-то видел его в страждущем состоянии. Сидящим у её палаты, на протяжении восьми часов.

Каждая мысль о возможных шансах исхода, фактически

выбивало его из «колеи» и не давало ощущать себя живим. Заставляя только лишь погружаться всё больше и больше в свои хорошие воспоминания и молча ожидать там конца операции. Подальше от врачей, подальше от больницы, подальше от всего, что может ему помешать, исполнить непозволительную роскошь, а именно выплеснуть свои эмоции, в случаи такой нужды.

И самое главное, о котором он старался не думать, но в глубине души понимал, что сидя здесь, у него появлялся последний эфемерный шанс, в случае необходимости, что его друзья, эти четыре человека, смогут привести его в чувства и помочь хоть чем-то в трудный момент.

Слёзы накатывались сами собой, но Женя умело их избегал. Не хотелось делать ничего, кроме того, как сидеть у окна и молча ждать. Тучи потихоньку начали расходиться и на тёплое солнце ринулась во двор местная детвора. На дороге зашевелились машины, люди стали появляться на тротуаре. Город просыпался, а значит день неуклонно шёл вперед.

Как только он это понял, быстро дёрнулся к экрану ноутбука и увидел, что за смотрелся в окно, на целые сорок три минуты.

После чего нехило так удивился, выдохнул и как-то инстинктивно подошёл к коробкам с вещами и без какого-либо интереса, продолжил перебирать.

В этот раз ему попала коробка с его же юношескими вещами. Там хранились всякого рода игрушки и одежда. Пер-

вым он достал коробку, набитую до предела наклейками с жвачек, популярные были ещё 8-10 лет назад. Сейчас они не вызвали вообще никаких эмоций, но была бы другая ситуация, несомненно бы поностальгировал. Дальше в ход пошли всякого рода кепсы, упаковки с конструкторами и игральными картами. Пакет машинных моделек, маленьких боксерских перчаток, несколько наборов настольных игр и ещё множество чего.

Хоть Женя только в прошлом году сюда переехал, и будучи родом с мало развивающейся страны, находящейся в направлении севера от республики, все вещи находились тут. Ведь его отец родился в этом доме и всю жизнь Женя считал его основным домом. Так что приезжая сюда, он брал с собой много вещей, хоть и навещал это место только раз в месяц.

Одна коробочка закончилась. Вторая промелькнула в его руках ещё быстрее первой. И пришла очередь третьей. В ней, как и у всех, одни старые игрушки и не нужный хлам, который скорей всего будет выброшен. Но вот на дне завиднелась его старая машинка на радиоуправлении. Старая, но отнюдь не выглядящая таковой.

Красная легковушка с шипастой резиной. Подарил отец на десятилетие. Вроде ничего такого, игрушка как игрушка, но подобное будет тяжело выбрасывать.

Пошёл, вытянул батарейки из пульта от телевизора, заменил – работает. Сел на диван, начал думать. «Выкинуть не смогу. Оставить в подъезде, может заберут? Нет. Сделаю по-

другому».

Обулся, оделся. Не закрывая квартиру, спустился во двор и выйдя на игровую площадку, начал высматривать. Детей с восемь играло в футбол, ещё три гоняло в бла на траве, несколько висело на трубах и парочка стояла у гаражей.

Но Женя знал, что искать и в самом углу поля, стояли две старые лавочки, на них, вот и сидел небольшого роста парень, он был устремлён в свой телефон. Одет по-простому, всё в тёмном с капюшоном на голове. Сидел полностью сам, ни с кем не переговаривался. На вид лет семь. К нему Женя и направился: – Привет, – подошёл он, – Как зовут, малой?

– Дима... – оборачиваясь по сторонам, ответил он.

– Дима? – смеясь, – А ты случаем не знаешь, что это у меня в руках?

– М-машинка... – сказал рыжий паренёк с зелёными глазами.

– Машинка? А это что?

– Пульт... Ого! Она на радиоуправлении!

– Хотел бы себе такую?

– Конечно! Но у папы нет денег на такую.

– Ну так держи, Дима! – протянул машинку ему.

– Эт...то мне? – «искры» в глазах, неподдельная радость.

– Конечно, – похлопал его по плечу, – Беги протестируй её, – и ушёл обратно.

Маленький Дима, осознав, что случилось, тут же побежал показывать приобретённое остальным. А Женя, уходя улы-

бался от того, что эта машинка предаст радости ещё хоть кому-то.

Женя никогда не выделялся из своих сверстников, по причине сравнительно обычных физических данных и не имеющих лидерских качеств. Там откуда он родом, у него не выходило завести друзей. И он так же, сидел отчуждённо, в стороне. И только приехав сюда, у него получилось найти единомышленников и почувствовать себя полноценным членом группы.

Поглазев на радостных детей у подъезда, ещё с пол минуты, он развернулся и поднялся назад домой, продолжать ждать окончания оставшихся семи часов.

Час дня. Тёплая комната, удобный диван. Милан достал смартфон, зашёл в мессенджер, от скуки решил залезть в несколько закрытых групп. Закрытые они были по причине конкретного рода информации, которую эта группа распространяет. Ничего серьёзного, в основном это была либо «оголёнка», домашнего производства либо что-то по жёстче, связанное больше с кровью нежели с голыми людьми. Тем более что с недавних под, он нашёл приинтерейсниший источник новостей без цензуры, под названием «Красный Лыманьск».

И вроде как, подростки же, всегда норовят увидеть то, что не увидеть в открытых источниках, ничего же страшного, но вот конкретно в этой республике, за распространение и хранение такого типа файлов, грозит срок. Так что сейчас,

Ми́лан нарушает закон, на где-то 5-6 лет строгого режима.

– Сына.

– Аа? – Ми́лан откликнулся.

– Подойди, хочу поговорить.

Ми́лан быстро вышел из всех приложений на своём аппарате, заблокировав положил в карман. Вышел из своей комнаты и войдя в гостиную: – Да?

Виктор сидел на диване и внимательно смотрел на сына. Перекинув ногу с одной на другую. Сидя в чёрном, бархатном халате, он попросил Ми́лана присесть рядом с ним.

– Мил, ты же знаешь нашего губернатора Арсэния Крыкоса?

– Знаю ли я? А как его можно не знать, он уже там 15 лет сидит.

Виктор ткнул в него указательным пальцем: – Правильно! Но вот знаешь ли ты человека по имени Алексей Сильвэстрович Спавын? – и наблюдал за реакцией.

– Спавын? Ой, даже не зн... Аа, так он этот, банки держит вроде.

– Ага, ещё?

– Ещё? Да хрен его знает... Аа, слышал ещё, что он занимается рейдерскими захватами, а больше вроде ничего...

– Ммх, – ищет как сформулировать, – Хорошо. Кстати, формулировка «держит банки» – как влитая. Он именно, что держит, – Ми́лан улыбнулся, – Всё правильно. Также этого человека, можно отнести к людям, которые получили всё то,

что имеют, в после военный период, три, четыре десятка лет назад. И как это было тогда, так и сейчас, этот человек всё ещё пытается пробиться во власть.

– Власть? А он что сейчас ни у власти? Он же уже владелец самого крупного интернет-банка в столице. Я думал, что без связей сверху это невозможно.

– В том числе.

Здесь стоит сказать, что вот такие диалоги о политике в семьи Зымовых, были нормой. Поэтому, тому, что Милана отец среди дня позвал, что-то рассказать, его не удивляло.

– И кроме того, что у него есть своя финансовая сфера влияния, своя партия, хоть и областная, но всё же, так он ещё сегодня сделал несколько крупных покупок. Про которые я как раз и хотел рассказать.

– Так, стоп. Пока я не узнал, о чём конкретно идёт речь, а мне очень интересно, так для протокола, – Виктор улыбнулся и закивал головой, – Хочу понять одну вещь, пока не забыл. Просто она меня начинает всё больше терзать. Почему вы с мамой с утра не разговариваете?

Отец посмеялся. Ну не совсем с утра, а только лишь с одиннадцати и не мы с ней, а она со мной. Это так, тоже для протокола. Причина... только маме не говори, что я тебе рассказал, – Милан улыбнулся, – Она сегодня сварила пельмени, пока ты бегал утром. Я завтракал, было вкусно, но, наверное, из-за нервов, я пробормотал, чтобы она больше таких не покупала. А это оказываться она сама слепила.

Милан легко посмеялся, чтобы не было слышно на кухню, где и продолжала готовить его мать.

– Так что вот, я ответил на твой вопрос?

– А я думал, это из-за того, что ты плазму разбил на заднем дворе. Последнюю мою битку потратил... – не особо придавая значения этому говорил Милан, так как до этого знал отношения отца к этому прибору.

Виктор молча улыбнулся: – Из-за этого тоже. Но, вернёмся к тому, о чём мы говорили ранее... Это не просто покупки, это возможно конец последнему шансу на восстановление лица республики, перед западом. И фактически, можно считать, что сегодня, произошли похороны последним росткам адекватности и относительной свободы во Вдалоге.

– Ничего себе, а что за покупки?

– Вчера ночью был убит глава МВД города и поставлен Владимир Рэфардович, человек Кравэц, который теперь работает со Спавиным. Убиты все, кто работал при прошлом начальстве в высоких званиях. Как те, что много знают. Пойманы их семьи и сейчас они ожидают допроса с пристрастием. Тайно отцеплена нижняя часть Фееры. Ищут тех, кто оказался более смышлённым. Было пристрелено, два учредителя НБВ (Национальный банк Вдалога). Захваченное вооружёнными силами его главное здание и вскоре будет поглощено и сменит название на «Вак».

Милан был ошарашен услышанному. Ибо никаких подобных новостей, он нигде не наблюдал. А по центральному те-

левидению уже как третий день шли постоянные патриотические программы. Но это и не удивительно.

– И это ещё не всё. Здание Полиции, сегодня ночью окружат представители армии и тоже возьмут под свой контроль...

– Подожди-подожди, как сегодня ночью? Откуда ты знаешь?

– Поверь мне, – грустно выдохнул, – этой информации можно верить.

– А что происходит?

– Я же говорю. Спавын и его соратники, кое-что приобрели. Купили себе новый статус в этом городе и скоро станут, ещё несколькими «громкими» фигурами в нынешней политике.

– У кого?

– У Кравэць.

– В смысле? А зачем ему было это делать? Он же и так был главный во всём.

– Кравэць не дурак. Хотя нет, дурак. Но не настолько. Он видел, что большинство власти, находилось в разных людей. Которые, в случае, не уверенности в нём самом, смогут сгруппироваться и пойти против. А эти, в том числе и Спавын, видимо, нашли «ключ» к нему, пообещав что-то при этом. Может поклялись в верности или я не знаю... Вот поэтому, тот дал им зелёный свет на всё, что они сейчас творят и будут творить.

– А ты же сказал, что Спавын и все остальные купили это? – Милан слыша такие новости, аж потерял свою главную черту, которая его и характеризовала, а именно дальновидность и стал задавать, хоть и логичные, но для него не характерные вопросы, – Какую сумму он должен был заплатить за такое? И вообще какой смысл менять деньги на деньги?

– Та всё просто. Суму, конечно, не знаю, ну она явно достойная цены монополизации республики. И естественно, плюс ко всему, он отдал большую часть акций компании, во владение семьи Кравэц, а сам получил власть.

– Я понял... Так, а что ты ещё знаешь, того, что произойдёт вот-вот?

– Ну ещё я знаю, что всем тем, кто был при прошлом Главе МВД и всех остальных учреждений, где были сомнительные личности для Кравэц до этого, будут отлавливать и умертвлять, после семи вечера, завтрашнего дня. Вот такая отсрочка для тех, кто хочет убежать и не мешать им строить новую политику.

– Так, а... Ты же тоже относишься к тем, кого хотят убить!

– Да. Вот поэтому я тебе всё это и рассказываю.

– И что теперь?!

– Сегодня ночью мы уезжаем отсюда навсегда и больше не вернёмся, – скромно улыбнулся и повёл бровью, – Так что вот так.

– Ааа... Эбб... А тогда почему мы ещё не собираем вещи? – Милан с выпученными глазами осмотрелся, – Тебя же

хотят убить.

– О нет, эти люди слова свои держат. Для них главное, чтобы человека не стало. А каким образом он пропадёт, им не важно. Так что до семи, они смиренно будут ждать и не вылизать. Патроны то дороже, их потом продать можно. Зачем же их тратить попусту?

– То есть сегодня... – Милан смотрел в пол, – Мой последний день здесь? – и хмуро взглянул на отца.

– Да, сына. Я уже договорился с одним другом за границей. Всё уже устроено. Вылетаем в пять часов ночи. Аа... Куда? – Милан тихо кивнул, – Давай это останется секретом. Ты же любишь секреты... Не беспокойся, тебе там понравится. Одно могу сказать, так так же холодно, как и здесь, – улыбнулись друг другу.

– Стоп, а мама?!

– Конечно в курсе. Она уже уволилась с работы и потихоньку свыкается с неизбежным.

– А зачем она тогда стригла газон с утра? Ещё не знала?

– Знала, просто у каждого свои методы снимать стресс, – Милан поморщившись смотрев на лицо отца, ожидая больше и больше информации, – Что? Я думал ты лучше перенесёшь эту новость, нежели Мама. Я ошибся?

– Ошибся? Нет. Просто мне жаль оставлять этот дом им на съедение. Это мой дом, а не их.

– Сына, что? Тебе жаль эти три тысячи кирпичей? Та это просто груда земли, на которой стоит двухэтажная коробка.

Каких море в любом городе. Покупай не хочу. Пойми, тем ублюдкам, дом нужнее. Они видишь, убивать готовы за возможность владеть всем этим в непомерных количествах, – Милан удручённо улыбнулся и с полным доверием закивал головой, – Знач, смотри, в четыре мы покидаем дом. Бери только необходимое. Пусть это останется им, как пожертвование. По приезду всё купим. И не вешай нос, нас ждёт новая жизнь. Надеюсь счастливая, – и поднял кулак выше головы.

Виктор Зымовый. Это человек, от которого исходило уверенностью и контролем ситуации, чтобы не происходило. За это его супруга в своё время и полюбила.

Это человек проработавший в правоохранительных структурах больше пятнадцати лет. И после того, как узнав, что его намереваются убить, не побежал тут же в ближайший аэропорт. А сидит у себя дома, гордо используя время, данное ему, в виде отсрочки, не боясь ни о чём. Не паникуя, не опасаясь за жизнь своих друзей, которые могут тут остаться. Не собирает в гневе все свои пожитки. А чуть ли не в последний момент вылетит куда-то, где будут ему рады. В свою новую родину. Перед этим, постарается вдоволь насладиться последними мгновениями нахождения в своём доме и уйдёт с него с тем, с чем и пришёл.

Он знал, кто он и чего достоин. Ему не стыдно за свою работу и за свои принятые решение. Он был уверен, что прожил достойных, ровно, сорок четыре года и сорок три дня на родине. До последнего стараясь принести ей пользу. Прини-

мая, под диктовку, правила жизни от власти. При которой, даже имя своего сына пришлось выбирать наперекор своим же желаниям. Со списка разрешённых законом.

Больше двадцати лет назад Верфь приняла закон с запрещённым списком имён. Которыми нельзя было называть детей рождённых здесь с момента принятия. Подразумевалось, что люди начнут использовать вместо запрещённых, тех которые были тут же предложены в законе, которые в основном распространены в восточных соседей. Но народ, в большей своей массе, начал брать имена с далёких стран запада. Что в конечном итоге не сильно огорчило власть, так как основная задумка была манкуртизация населения.

Милан уже про себя начал представлять, каким будет выглядеть его новый дом? а главное жизнь: – Па, выходит мы что? Сдаёмся?

– Сдаёмся? Мил, ты посмотри на этих садистов? Они горло тебе перегрызут увидев тебя рядом с их миской, даже если ты проходил мимо.

Милан улыбнулся, слегка опечален, но спокоен, пока его мозг резко не вспомнил: – Пап, – дёрнулся, – А как же мои планы на сегодня? Они отменяются? Мне позарез нужен этот день. Как минимум, чтобы попрощаться со всеми.

– Так, я ж и не запрещаю. Ты можешь идти. Но в три ночи, ты обязан быть дома. Это приказ. Пока что, я ещё имею право такие слова употреблять, – скривив лицо, улыбнулся Виктор.

– Спасибо, – расчётливо кивнул и ушёл в свою комнату.

Достав с кармана смартфон, быстро набрав номер, ждал ответа держа его у уха.

Гудки прекратились: – Алло.

Дима: – Алло. Да, Милка.

Милан: – Короче. Сегодня собираемся по раньше. Ты займёшься этим?

Дима: – Даа, – задумался, – Без вопросов. А что-то случилось?

Милан: – Нет, всё в порядке. Там этот... Клим сегодня может быть не в настроении... У тебя получится...

Дима: – Пфф, тут можешь даже не сомневаться, эта совиная мать будет как штык.

Милан: – Ну теперь я спокоен, – захихикал и достал ящика стола, накопитель памяти, – На выход в пол пятого. Собираемся у дома Дэриэла. И да... – он задумался, – о бабках вообще не думай.

Дима: – Я тебя понял, олигарх. Тогда до вечера.

Двенадцать часов дня. Клим, уже возненавидев этот день, за то, что случится вот-вот, решил не сидеть дома и не видеть своих родителей, которые делают вид, как будто ничего не происходит и выйти на улицу, сев у себя во дворе. Он никогда не сомневался в авторитетности своей семьи и никогда не сорился со своими родителями, даже когда был прав, не гнул свою линию, а искал компромисс. Но вот здесь компромисс стоил ему отстранения на год с человеком, которого

он любит. И от того, как родители восприняли это, ему было особенно больно. Их реакция значила не иначе как будто он ребёнок, попросивший ему купить какую-то детскую игрушку.

Но ничего уже не изменить, договорённость случилась и Клим остаётся дома. И казалось бы, ничего вроде не произошло, всё опять на своих местах. И родители имеют сына под боком, который всё ещё собирается продолжать их дело и если нужно, по их словам, сможет со временем уехать к ней. Всё же хорошо, если, конечно, не брать во внимание одну деталь. Клим впервые за девятнадцать лет, не то чтобы засомневался в принятом решении своей семьи, проигнорировав его просьбу, они натурально обидели его. Что в последствии, изменит его жизнь до неузнаваемости. Чего они так и не поняли, хотя наверное никто бы не понял.

Клим сидел поникший, но внезапно «прилетает» сообщение в мессенджере. Отправитель «Дима»: – Вээу, ты там как живой? Лиза уже уехала?

С грустной гримасой, Клим отправляет ответ: – Ещё нет (грустный смайлик).

Дима: Понятно. Слушай, кароч, только что такая хуйня произошла. Купил в ларьке у дома булку с изюмом, сижу ем. Пока съел – охуел. За всю булку нашёл лишь одну изюмину. Поржал. Потом решил подойти, узнать. Может прикол какой-то... а она мне говорит: «Вы же попросили булку с изюмом, а не с изюмами...» Я там чуть не взорвался! Смешно?

(раздражённый смайлик)

Клим: – Ну так...

Дима: Ладно, понимаю, что не в духе. Тут это, движ намечается, ты будешь?

Клим: Не знаю, настроение не оч... – и внезапно перестал писать, услышав, как чья-то машина подъезжает к его дому.

Спрятал смартфон и начал за ней следить. Это было такси. Оно остановилось у ровно постриженного газона, в миллиметре от бордюра его дома.

Клим увидел, как в быстром темпе, с машины выбежала Лиза и закрывая от глаз ладошкой направленные в её сторону лучи солнца, видимо высматривала Клима.

Приехала она одна. Машина уехала. Через пару секунд, Лиза уже увидев Клима, начала ускоренно идти. Клим тоже сорвался к ней. Через три секунды они настигли друг друга и обнялись, тут же поцеловавшись. Продлилось это где-то секунд тридцать.

Они сами не поняли, как случайно забежали на газон, оставшись стоять там. Что отчётливо заметил отец Клима вместе с супругой, стоящие молча у окна и наблюдавшие эту картину. Тяжело было понять, что именно они про себя думали. За помятый газон Лэопольду было, конечно, обидно, ведь именно он был инициатором его создания, но так как Климу, после этого он ни слова не сказал, то случай можно было считать забытым.

Стояли они долго, наблюдая за ними, почти всё время.

Поцелуй прекратился, и они просто, обнявшись, остались стоять на месте и время от времени перекидывались словами:

– Готова?

– Нет...

– Тогда может ещё на пару дней останешься?

Тяжело вздохнув: – Наш дом уже выставлен на продажу. Все вещи погружены и направляются в Дьевресс.

– Останешься у меня. Не беспокойся, об этом я уже точно договорюсь, – и прискорбно покосил взгляд.

– Очень заманчиво, – она отпрянула от его плеча, но всё ещё держала его за плечи, – Если честно, мы с папой и мамой тоже договорились, что я могу задержаться здесь, только если после этого я уеду с тобой. А там бы они сами все для нас подготовили и встретили бы.

– Что подготовили?

– Ну... – говорила она с ехидной улыбкой.

– Что «ну»? – глуповато посматривая на Лизу.

– Короче, после того, как наши родители обменялись бизнес активами, чтобы больше не разрываться между столицами. У моих образовался небольшой профицит бюджета. И было решено выделить их на покупку жилья, – и чмокнула его в губы.

– Они тебе подарили квартиру?

– Не квартиру а дом, ну не такой, конечно, как у тебя. Поменьше. И не мне, а нам!

– Нам?! Ахуеть... А почему раньше мне не говорила?

– Я хотела, но потом ты поговорил с родителями... и это стало уже не важно. Ну как минимум на год. Ведь это всё равно ни на что не повлияло бы.

– Ну в принципе да... Подожди... а мои знали об этом? – прищурившись задал, последний вопрос.

– Ну... – закивала головой, – Должны были знать. А что?

– А когда они это узнали?

– Эмм, – Лиза задумалась, – В тот момент, когда уже всё было подписано и были первые графики бюджетов. Ну где-то до того, как ты мне рассказал, что не сможешь уехать.

Клим задумался и резко обернулся лицом к своему дому, чтобы углядеть в его окнах лицо хоть кого-то из родителей. Но их нигде не было видно. «Почему они не сочли нужным обсудить сомной тако...».

– Да, кстати впервые слышу от тебя такие слова. Раньше ты осуждал подобное, – улыбка, – Что? Времена меняются, а за ними и люди?

Клим растерянно обернулся: – Каких? «Аху...»?

– Да... – ухмыльнулась она.

– Ааа... Ой... вырвалось, извини, – задумавшись и совершенно удручающе добавил, – «Пагубное влияние...» – закивал.

– Ничего страшного. Я это уже заметила, – Клим понял о чём она, конкретно, имела ввиду, закивав головою, но вспомнив, что время «уходит», без лишних слов, прильнул

к ней дотронувшись своим лбом её.

– Знаешь, я не знаю сколько именно мы не будем видеться, возможно дольше нежели думаем, – Лиза нахмурила брови, – Возможно нет. Поэтому я хочу, чтобы ты помнила, что я очень сильно тебя люблю.

– Нет...

– Подожди... Я просто хотел сказа... стоп, что? Что «нет»?

– Я больше предпочитаю формулировку, «Я люблю нас».

Клим подумал с секунды три и обнял её, тихо сказав: «Подходит». Постояли они так молчаливо минуты две, рассматривая улицу из-за плеч друг друга и после этого, вновь за контактировали:

– Что чувствуешь? – говорила она, обнимая его со всех сил.

– Боль...

– Душевную?

– И физическую.

– Ой извини... – и начала ослабевать хватку.

– Нет-нет, мне так даже спокойней, не меняй ничего.

Оставь так как есть.

Опять обняла, усилила хватку и сказала: – Главное помни. Приезжай сразу, как сможешь. Не жди...

Они ещё продолжали о чём-то говорить. Лиза говорила лежа головой на его плече, Клим, глядя её волосы, время от времени что-то добавлял.

Через какое-то время приехали её родители и уже они, вдоволь насмотревшись этим действием, попрощались с Климом и позвали Лизу в машину и отправились в дорогу.

Кстати говоря родители Лизы всё же были рады уехать отсюда навсегда, особенно Еззн, так как ему больше не придётся напиваться, ибо только так он мог здесь находиться. А так он не употреблял алкоголь.

Когда они уехали, Клим ещё долго сидел у двора. Лэопольд Филомэнко на второй час пытался попросить сына зайти в дом, на что получил тихий и спокойный, но отрицательный ответ с просьбой посидеть ещё. Отец, сильно удивился отказу, но оставил его на улице. И только когда к нему пришёл один его хороший друг, он, встал с места и забрав с собою совёнка, без лишних слов пошёл за ним в направлении улицы Дэлила.

Дэриэл сидел с Миланом на лавочке. Милан хотел рассказать почему он именно сегодня решил выйти, но только уже всем сразу, поэтому решено было подождать лучшего момента.

– Так что сегодня? Повод какой-то есть или просто собираемся, как всегда, в пятницу?

– У Клима девушка уехала же, нужно поддержать пацанчика. Мне так показалось.

– У него правая рука есть для этого, – посмеиваясь говорил Дэриэл, – Она ему, на ближайший год, будет лучшим

помощником. В сто раз лучше, чем мы.

Они оба проржались и Милан продолжил: – Это да. Тогда идём дальше. Так, Диму поддерживать не нужно... – Дэриэл по глупому улыбнулся, – Ну тогда остаётся Жека, – они оба погрустнели, – У его мамы сегодня серьёзная операция...

– Жека сможет к нам сегодня присоединится? Или это зависит от результата? – они оба переглянулись и Дэриэл без слов понял ответ на свой вопрос.

– Если верить словам Жени, операция уже заканчивается.

– Он сейчас там? В её палате?

– Нет, его не пустили. Он дома.

– Тааак, а может тогда к нему пойдём? Чё сидим-то?

– Нет, давай, чуть позже. Он просил оставить его пока одного. Мы договорились встретиться около «Ламеля». Он к нам подойдёт.

– Хорошо.

Взгляд Милана застыл на асфальтном покрытии, но оставлять такую грустную ноту в диалоге было для него не по душе, поэтому, не отрывая взгляда, он решил перебить тему: – Что там на работе? Уже месяц ты работаешь на... Литра по моему?

– Хэх, нет, ахаха, Грамма.

– Аа, ну да. Так что? Как идёт?

– Ну, а как? Если бы не некоторые инциденты, то было бы лучше, – Милан с вопросом посмотрел, – Какие? Расскажу.

Прихожу сегодня в офис, после пар. У нас там как раз собрание намечалось, планы закрыли, зп скоро. Сидим ждём. И тут меня зовут в соседний кабинет, меня и ещё нескольких. Говорят, премию дают, ну я обрадовался, как и все. Стою в очереди последний, жду. Все получили, стоят пересчитывают. Подходит моя очередь, получаю и на радостях говорю: «Круто, а за что?». Ну интересно, первый раз всё-таки.

– Тут на меня все получившие оборачиваются и тихонько, начинают давить заднюю. Менеджер, выписывающий деньги, ответил, что сейчас уточнит и скажет по какой причине премия и уходит. Звонит какой-то помощнице Грамма, Лизе и через минуту прибегает, выхватывает у меня конверт и кричит: «Так, никто не уходит, случилась ошибка. Никакой премии нет. Верните всё, что получили».

– Вооу, хогох, ахах. А как это?

– Ты понял? Все как тараканы разбежались. Лишь один я, как debil стоял на месте... Но немного позже мне объяснили, что первое правило на этой работе, звучит типа: «Дают – бери. Бьют – беги».

– Ну я думаю, этот урок ты усвоил.

– Этот да... – и вновь посмеялись.

Во время диалога, напротив них, по дороге проезжала полицейская машина, после чего ребята слегка сменились в лицах и Милан задумался. «Очередная смена уехала» – сказал про себя и посмотрел на часы. А Дэриэл в этот момент вспомнил совершенно другое.

– Так. Стоп. Это мы тут сидим. А что там с Димоном и Климом? Они идут к нам или как?

– Ну Димыч сказал, что где-то уже идут, – Милан задумался, – Наверное, давай я сейчас их наберу, – быстро нашёл нужный контакт из списка и собирался уже на него нажимать, как внезапно остановился и посмотрев вперёд, начал показательно играть челюстями.

Дэриэл сразу не понял, что происходит, подумав на секунду, что уже что-то случилось и назревает драка. Но всё было намного прозаичней.

– Шо вы, блять? – крикнул впереди идущий Дима.

– Да не кричи! Все люди уже дома, – они сидели под подъездом, – И окна у всех открыты настежь, – пихнул его Клим, махнув Милану с Дэриэлом рукой.

– Вы как раз вовремя, – сказал Дэриэл и начал жать им руки.

Милан поднялся с лавочки и сделал тоже самое.

– Вовремя? Вы что уже пиво взяли?

– Ещё никто ничего не брал без вас.

– Тогда это не считается вовремя! – добавил Дима, – Так, ну что собираемся и друженько идём в Ламель. И давайте, наверное, решим, кому сколько брать.

– Чур, – выкрикнул Клим, – Мне три бутылки тёмного, – и дал в руки Дэриэлу Веру, как тот и попросил.

– Каво? – смешно возмутился Дима, – Дэриэл и Милан удивлённо засмеялись, – Ты ж больше одной никогда не упо-

треблял и то брал что-то лёгкое.

– Ну было когда-то... И что? – надменно высказал Клим.

Милан и Дэриэл тихо наблюдали с открытым ртом.

– «Ну и что?» Асуждаю! – Дима.

– Что? – смеясь крикнул Клим.

– Я осуждаю твой будущий алкоголизм. И вообще, – он обернулся к другим, – Вы понимаете, что это говорит тот человек, к которому я, предложив всё это час назад, получил в ответ отказ. Говорю ему: «Всмысле нет, ты дурак или как? Либо бухаем, либо бан». И только после этого он согласился. А тут на тебе, сразу тёмного.

– Бан из чего? – смеясь поперхнулся Дэриэл, – Дружбы? – и гладил сову, которая уже во всю бодрствовала и не хотела сидеть на месте.

– Жизни! – возразил Дима, – Думал, если оставлю там, сойдёт с ума к ебени. А теперь понимаю, что и тут ему капец, – Клим саркастично закивал, – Это было во-первых. А во-вторых, ты сильно не расслабляйся, за бухлом идёшь со мной. А в третьих, если так хочется, то хорошо, четыре так четыре. Всё равно не я плачу, – улыбка во весь рот.

– А кто? – удивился Дэриэл.

– Я, – утвердил Милан.

– А чего? Мы скидываться не будем?

– Нет, я заплачу, – они втроем переглянулись, – Всё нормально, я так хочу.

– Ну, блин, ладно, тогда следующий раз я заплачу.

Милан кивнул Дэриэлу, понимая в глубине души, что этого уже не случится.

– Так, а почему мне кажется, что кого-то не хватает? – возгласил Дима.

– Потому что нас четверо, – ответили хором остальные.

– А почему тогда мы сейчас не у Жени? Чего ждём?

– Конца операции... – пробормотал Дэриэл.

– Ааа... – Дима, поняв, о чём идёт речь сразу же притих, – Так это сегодня?

– Димон, даже я знаю, ты какой-то забывчивый, он же говорил, – добавил Клим.

– Та я запомнил. Ну так и всё равно, чего сидим, айда к нему, там и поднимем ему настроения.

– Да успокойс...

– Нет! Дима правильно говорит, – перебил Милан, – В принципе уже время. Мы договаривались на пол седьмого встретиться. Пойдём не спеша.

Все одновременно закивали, Дэриэл отдал совёнка и направились за Миланом, указывающим им путь. Одеты они были по сезону зимы. Ботинки, куртки, Клим достал шапку из кармана, а Дэриэл надел шарф.

Женя сидел на парапете ровно напротив Ламеля и как будто никого не ждал. Взгляд сухой, а глаза мокрые. От слёз. Которые довольно быстро сохли на ветру. На улице уже было темновато, да и градус температуры понизился порядочно. Из-за чего Женя, в своей одежде, слегка удивлял прохожих.

Простая кожаная куртка, которую он не надевал с прошлого года, когда ему и подарила её мама. Он считал, да и не однократно говорил ей, что такое он носить не будет. Простые чёрные Джинсы, летней толщины, ну и кроссовки.

Слёзы хоть уже и не сочились с его глаз, только лишь через щур красные щёки, но подходящие к нему парни, ясно видели отблеск в его глазах и говорило это о том, что мокрота в них ещё осталась.

Волосы растрёпанные, нижняя губа разбита, как и косточки на левом кулаке.

Подходящих парней к нему, впереди с Миланом, увидев Женю таким, кинуло в ужас. Все они понимали, что операция может закончиться плачевно, но мало кто хотел в это верить. Они подошли в четырёх, стали в двух метрах и секунд десять стояли молча, не пробовали подходить.

Через пол минуты Милан пошёл вперёд. Медленно подойдя к нему, он увидел на лавочке, рядом с Женей, открытую пачку сигарет и не задумываясь произнёс:

– Помню, как ты говорил, что только смертники покупают эту паль.

– Дааа! Говорил, – его тон напоминал пьяный галдёж, но на самом деле, как и подумал Милан, это был голос безысходности, приправленный агрессией, – Я вообще много чего говорю... А это... – посмотрел на пачку, – Ты знаешь, решил попробовать, – сказал Женя обернувшись и посмотрев на всех присутствующих.

– И как?! – крикнул Клим, а Дима аж испугался от неожиданности.

– Как? Эм... Да хуйня полная!

– А что с прикидом? – это было от Дэриэла.

– Ты об этой кожанке? – не дал ответить Дэриэлу, – Тёп-лая. Мне не нравится.

Про сбитые косточки и ссадину на губе, никто не хотел спрашивать.

– Слышите? А чё вы все как-то... – он начал тереть глаза и умолк.

– Что? – спросил Дима.

Все старались поменьше выдавать эмоций и по больше вслушиваться в слова. Чтобы понять, что им делать дальше.

– Как ты себя чувствуешь?

– Мм? – повернулся он к Милану, – Эээ... я вот сидел тут и думал. О том... На нашем мосту, центральном, Лыманьськ, в году, прыгивает насмерть более тысячи людей. А ведь, там высота не настолько огромная, чтобы моментально умереть. Я учил это и представляю каков эффект от удара воды такой высоты. Так что, могу с уверенностью сказать, что не все они умирают быстро. Некоторые скорей всего мучаются, захлебываясь в воде.

– Зачем ты это говоришь? – тихо спросил Клим.

– Аа? Я был там час назад. Наблюдал так скажем.

Они переглянулись в четырёх. Все уже были в полной безысходности. И не знали, что нужно говорить. Даже Вера

затихла, переставая крутиться в ладошке Клима.

– Жень послушай... – Милан хотел с импровизировать.

– Дима! А ты можешь мне сказать, вот как у тебя дела, а?! – практически кричал он.

Дима вздрогнул и выпучил зраки: – Та нормально, думал сегодня пивка выпить, а тут оказывается такое произошло, что уже не до пива, – Клим дёрнул его за куртку.

– А что произошло? Это он тебя имеет ввиду, Клим, ты там теперь свободный? Девушка уехала в другую страну? Абидна, да?! – Клим молчал, – Та ладно не парься, с ней же ничего не случилось. Вскоре ты её увидишь. Так, что ничего, тебе даже, как раз и нужно выпить пивка. О ком ещё идёт речь? – грубость от Жени.

– Да я о тебе... – Дима покрывался потом.

– А что? Решил пошутить, сейчас посмеемся и пойдём пить пиво. Почему мне, по твоему мнению, не до пива?

– Всм... Да я... о твоей маме... – Дима продолжал неловко объясняться.

– Маме? – к нему вернулся тихий, незаметный тон и лёгкое спокойствие, – Та всё нормально, – говорил и держал взгляд на земле, – Операция прошла успешно. Она уже пришла в себя, только пока говорить не может и никого к ней не пускают, – договорил и посмотрел на них с улыбкой.

– Подожди, успокойся. Давай как-то... – Дима первый понял о розыгрыше и первее всех начал кричать ему, – Ах ты мудозвон! Ты нам всё это время попросту ебал мозги, гре-

баный ты утконос? – Женя аж засмеялся от души.

Дэриэл и Клим, от радости, аж по открывали рты и не могли поверить, что это был спектакль, а Милан направился к сидящему.

– Как ты там говорил Дима? – кричал это Женя, пока Милан держал его голову между своих локтей, так он хотел показать свою злобу, – Всё ради того, чтобы хорошо посмеяться? Так вот, как тебе?

Дима аж выдохнул: – Йоб... вот это приколы. Мда... – он подсел к ним, – Ну если честно, приколы гавно... Юмор у тебя дыбильный и вообще... мне это не нравится... – показушно надул губы Дима.

– Хо-хо-хо, – Клим аж задвигался, – Ну так, если юмор «дыбильный», покажи, как нужно. Продемонстрируй.

– Юмор показать? Тебе, трёх бутылочному? – мотая головой, Дима ткнул в него пальцем.

– Нет, я и так знаю, что ты больной, лучше покажи этому сидящему шутнику, – Дима закивал, увидев, как Клим ткнул пальцем в Женю.

– Ладно, всё с вами ясно, – решил закончить эту тему Милан и перейти далее, – Так, а что, Жекич, всё норм у мамы? А то мы тут таких кирпичей наложили, пока ты актёра с себя давил.

– Хэх, – ухмылка, – Так да. Я же сказал. Операция успешная, с глав врачом я связался, он мне всё рассказал. Что и как вести себя дальше. Какие процедуры ей нужны и тд. Так

что, всё ок уже, – «расплескался» в радостной улыбке, – А кстати, я же не сказал. Пацаны, кого там обидел, извиняюсь, не хотел. Шутка была, – встал, поприветствовал всех за руку и остановившись около Клима, начал поглаживать Веру.

– Так, стоп. Почему косточки сбиты и губа, если у тебя всё нормально? – Клим единственный, кто не забыл об этом.

– Та это я упал, причём от радости. Со ступенек в подъезде. Приземлился на косточки. А губу я сам разгрыз, из-за нервов.

– Аааа, – все параллельно выдали этот звук, – А сигареты чьи? – Дэриэл.

– Да это не мои, – засмеялся, – Кто-то забыл полупустую пачку.

– Хэх, понятно, – хлопнул в ладоши, – Так, а чё сидим-то? – спросил Дима, – Пора за пивом выдвигаться.

Все закивали и устремились в Ламель. Там они накупили всего что захотели. Кому-то пива, кому слабоалкогольные напитки, кто, как например Дэриэл с Миланом, взяли себе бутылку коньяка на двоих, пару энергетиков и пошли в сторону их старого доброго заброшенного двух этажного дома.

Пакеты разрываются от выпивки, на улице темно и через чур холодно. По дороге к дому, Дима продолжал вести диалог и рассказывать всякие разные истории. Как вот, например: – Так пацанва. А я вам рассказывал, как я в детстве напхал в дивидиху мидий. Потому что хотел посмотреть их по телевизору. Рассказывал?

– Да, Дима, ты действительно рождён для искусства, – все захлебнулись от смеха, так как по бутылочке уже открыли и успели выпить половину сосудов.

– Так, а давайте повернем туда. Там, короткий путь, – сказал Женя.

– Куда? К трубам?

– Ну да, – они повернули, – Кстати, кто не знает, это любимое место Клима, – говорил Дима, – Если вы понимаете, о чём я... – и подмигнул Климу.

– Пошёл ты знаешь куда? – высказал своё недовольство последний.

– А что такое?

– Нет, ну я могу рассказать, только если эта совиная мамка, не будет против.

– А какая разница? Ты же всё равно расскажешь, – Клим.

– Не факт...

– Ну тогда не расс... – не дал договорить ему.

– Короче, дело было так. Идём мы домой через трубы после школы пятого класса. И тут ему приспичило по большому. Говорит не успеем. Ну он сел, я думаю по караулю. Тут кричит, принеси бумаги. А у нас, тогда, как на зло, забрали все книги, уже конец года, почти лето и тетради мы уже все по выбрасывали. Ну я и приношу ему подорожников. И он почему-то отворачивается и говорит, что они не подходят, мол они грязные, родители ему рассказывали. Я хотел на него, конечно, разозлиться, но думаю пропадёт без меня.

Начал искать что-то путное и нашёл... – все затихли в ожидании, – Что? Интересно? – интригующе.

– Да, давай не томи! – крикнул Милан и бросил в него скрученным чеком с магазина.

– И тут я вижу трубы. Слегка разорваны. Наковырял я из этих утеплений – ваты, той, что почище и... – Клим уже сжался от неловкости и гнева на болтливого друга, – И как раз в тот день, мы оба узнали, что такое стекловата...

Все закричали от смеха, кроме Димы и Клим. Первый своё уже отсмеялся, а второй думал, как правильно перевести тему.

– Ого. Климыч, это было больно?

– Фууух, я бы сдурел, наверное, от таких ощущения, – продолжали смеяться остальные.

Пока шли около труб, смех не умолкал, шутки по поводу этого – тем более. Диме даже стало уже практически не интересно и тут они подошли на расстояние в десять метров к тому самому, нужному им дому.

Дальше все резко остановились. Дима, идучи сзади, не понял, что произошло и решил пойти вперёд, не видя ничего, расталкивая своих друзей подобными словами: – Та блять, чего стали. Нам же внутрь нужно. Здесь уже капец холодно, – и увидев, что впереди, тоже резко остановился.

У дома, сидела группа людей. Человек семь. Двое девушек и пятеро парней, все с алкогольными напитками и куревом. Чего-то галдели и кричали во весь рот, не замечая этих

пятерых.

– Что делать будем? Остаться на улице не вариант.

– Может... У меня на беседке? – спросил Клим.

– У дома? Ты издеваешься? – возмутился Милан.

– Ну, а что тогда...

– Так. Я сейчас кое-что замучу. Так Милан, Дэриэл.

Подыграйте мне, пожалуйста, – они удивились, – Не бойтесь, вы поймете мой намёк, – Дима начал идти в сторону тех молодых людей. Пройдя метра два развернулся, – Ты же просил меня прикола какого-нибудь бэхнуть. Так вот держи, – и пошёл дальше, а все остальные остались стоять и ждать «сигнала» Димы.

– Молодые люди, как себя чувствуем? – подходил он с такими словами и на него практически никто, не обратил внимание.

Дима не отчаялся: – Я вижу вам весело. Я тоже сегодня в хорошем состоянии духа, – продолжал говорить, хоть его уже и заметили, но специально игнорировали, из-за чего Дима терял уверенность и слегка падала громкость голоса.

А они, как назло, говорили всё громче и громче. Милан уже начал подумывать подойти, но не спешил.

– А вообще, как настроение? Неплохое? – вновь игнорирование, да и в добавку громкие насмешки в его сторону.

– Так! Милан, Дэриэл доставайте пистолеты! Они не хотят отвечать, как у них настроение! – все семеро сидящие у двора дома резко подорвались и прозрели.

– Сука, они не хотят говорить! Доставай! – Милан с Дэриэлом демонстративно схватились за карманы курток и направились к ним.

– Я сказал доставайте их блять!! Доставай!! – и о чудо, все резко семеро человек, кто успел что-то ухватить с общей еды, кто нет, разложившую ими на пороге, начали резко бежать в сторону дороги.

– Да что вы там мешкаетесь, давай мне, я умею стрелять! – кричал им вдогонку Дима. А Клим с Женей уже «умирали» со смеху.

Милан и Дэриэл не сдерживая смех вплотную подошли к Диме: – Всё, заканчивай, «миссия выполнена».

– Ты смотри как удрали... Вот, как я и говорил. Все ради того, чтобы хорошо посмеяться, – похлопал друзей по плечам, – Ну что? Теперь наше место свободное. Заходим и располагаемся, – завывал он.

Они поочерёдно залезли на дерево и спрыгнули на террасу. Зашли в гостиную и начали искать себе подходящую мебель для того, чтобы усесться. Кто-то нашёл стул, кто-то подтянул диван, а кто-то, как Дэриэл, нашёл на втором этаже зелёный пуфик и дружененько уселись вокруг круглого стола. Взяв в руки, уже по второй бутылке.

Клим посадил сову на пачку рубленного мяса, взятого под закуску, все уселись и потихоньку, начались уже весёлые разговоры, к чему и хотел, в последний раз, быть причастным Милан.

– Дааа, лихо ты их размотал Димон. Тут и не поспоришь, за слова ты свои отвечаешь, – уважил Клим.

– Ну так, это тебе же не стекловатой подтираться, – с острил Женя и все залились смехом.

– Так! Если я сейчас расскажу годную историю, мы забудем этот случай?

– Ну смотря что выдашь, – остальные.

– Сейчас как выдам! Короче. Еду три дня назад, с Лизой в автобусе.

– Ооо, это баян, это я уже слышал. Не интересно, – перебил Дима.

– Ну не все же слышали, дай рассказать.

– А Лиза на автобусе ездит, у неё машина же есть, зачем? – заинтересовался Милан.

– Она много на чём ездит... Ээ...

– Например?! – вклинился Дима, – На чём она ещё ездит?

– Та много на чём... – Клим не понял подвоха.

– Ну на чём? – открыл рот, подмигивая, – Расскажи подробно, – второй уже хотел действительно перечислять возможные виды транспорта, как вдруг, – Например, на тебе ездила? – ехидно ухмыльнулся.

– Димон, иди в жопу!

– Но ты ведь так и не рассказал ничего мне!

– И не расскажу, – Дима хотел ещё что-то вскрикнуть, – Та дай историю рассказать! – Клим.

– Ну правда, помолчи немного, – согласились все.

– Рассказываю дальше, – Дима затих, – Набитый до полна автобус и мы на заднем сидении. Стоит мужик прям по середине и около него много подростков лет шестнадцати. Все прижаты друг к другу и ждут уже скорого приезда на свою остановку. А мужик этот, бухой в дрезину. Я сразу подметил это, ибо он как-то часто просил водителя ехать быстрее.

– Просил?

– Ну не совсем, он... Орал как резанный. Думаю, куда ему спешить? И тут узнаю в его лице лёгкие потуги рвоты. И понимаю, что сейчас будет «мясо». Думаю, нужно как-то слынивать, а ближайшая остановка как раз скоро. Едем-едем. К выходу остаётся несколько секунд и тут мужик не выдерживает. Он всю дорогу крутился, ворчал, пестрил слюной и тут его начало «нести».

– Да, ладно? Что серьёзно облевал там всех?

– Подожди. В момент, когда у него уже, по видимому, подходило к горлу и оставалась буквально секунда до извержения, один из пассажиров, быстрым движением рук, натянул на его голову, его же куртку.

– Фуууух, ёб...

– Йома... вот это да...

– Аааа, неплохо, – возгласили все, – И что дальше?

– Я не видел, мы почти сразу выбежали с маршрутки.

– Да как? Это же, самое интересное! – возгласил Милан.

– Там начался какой-то вздор, не хотел этого слушать, а тем более видеть.

– Не, ну а чё, неплохо, – прокомментировал Дэриэл, – Это поза-поза вчера было?

– Эмм... да. И ещё один случай, тот же день, когда я уже возвращался домой. Стою на светофоре, говорю по телефону. Жду зелёного. Тут подходит мальчик лет десяти к дороге и тоже остаётся ждать. Перекресток у нас на бульваре. Машин не много. Тут замечаю напротив стоят мужчина и женщина, средних лет. Они ничем не отличались, кроме того, что у одного из двоих, на свитере было написано: «Батя», – Дима ухмыльнулся, – Огромными такими буквами. Машины проехали, дорога затихла, но всё ещё красный. Я стою жду вместе с ним. И тут замечаю, как эта женщина начинает кричать, видимо этому парню: «Что, так и будешь стоять?».

– Мужчина, скорей всего её муж, наверное, как-то не до конца понял, что крикнула его жена и уже внимательно посмотрел на её. Пацан всё ещё стоит. И тут она вновь кричит: – Слышишь? А ну давай бегом сюда! – Милан скривил лицом, – На что мужик, простым взмахом руки, дал ей подзатыльника и начал орать, а дальше был зелёный, – и разочарованно улыбнулся, – Блин, они сами подвергают себя опасности так ещё и детей своих. Благо хоть один человек, в их семье, умеет думать.

– Мда, согласен, таких идиотов много. Ну ничего, жизнь научит. Земля – мёртвого найдёт, – сказал Милан и закусил.

– Ну да, правильно, в любой ситуации нужно придерживаться техники безопасности, – сказал Дима, ткнул пальцем

в Клима и засмеялся.

Они все посмеялись и Милан решил взять разговор в свои руки, чтобы потом правильно преподнести свою новость: – Что у нас там дальше по теме...

– Тааак, стоп, – Дима поставил на стол почти пустую бутылку, – Я уже не мешал, почти пятнадцать минут, так что дальше по теме у нас – я.

– А! Ну давай... – Милан не смел мешать.

– Когда этот совинист упомянул слово батя, – Клим иронично поболтал головой и показательно погладил пыжающуюся, в это время, сову, – у меня сразу вспомнились несколько случаев. Давайте я быстренько их выдам, чтобы не забыть.

– Что опять эту тему развиваем? – Милан уточнил, – Ладно.

– Итак, начнём со свежего. Чищу я зубы с утра, вчера и заходит ко мне в ванную батя. Зашёл такой, умылся, вытерся и смотрит на меня. Я спиной стою, но чувствую же, что пилит взглядом. Оборачиваюсь, а он произносит: «Дим, ты уже большой, пора тебе узнать правду».

– Я там чуть кирпичей не наложил, думаю шас как расскажет, что я приёмный или ещё хуже, что они с мамой девочку хотели. Стою жду, очко сжалось и тут он: «В десять лет, мама накричала на тебя, что ты без разрешения съел всё мороженное из морозилки. Так вот!». И начинает ржать: «Это я съел!». И вышел. А я думаю, «Ууух сука», а ведь помню это. Я тогда обиделся серьёзно.

– Хэ-хэ, – Дэриэлу понравился рассказ, – Идеальное преступление.

– Ну да... – подмигнув, сказал он, – И ещё две истории, такие, с резерва, может уже и слышали. Год назад, родители ездили за границу на запад...

– А что пропустили? С нашими паспортами не пускают ведь, – Женя сразу задал важнейший для него вопрос.

– А там через приглашение они ездили к родственникам на пару дней.

– Ааа, ну тогда да.

– Так вот, отдохнули они там, а я от них тут, красота короче. И возвращаются. А решили обратно уже лететь, купили билеты, сидят в зале ожидания. Самолёт сел и начинается посадка. Отец пошёл первым к стойке, даёт билет, паспорт и ждёт. Тут проверяющий начинает пристально смотреть на отца. Просит снять очки – снял. Снять кепку – снял. Улыбнуться и смотреть в глаза – выполнил. Минуту они играли в гляделки и только после этого, его пропустили. Очередь мамы. Подходит. Отдаёт документы и через секунду ей говорят, что это не её документы. Получает обратно, открывает и начинает смеяться на весь аэропорт. Человек за стойкой не понимает, что происходит. Оказывается, родители случайно перепутали паспорта, а самое интересное, что батю пропустили! – засмеялся, – Ой, блять, я там умерал от смеха, когда услышал эту историю.

– Чё реально пропустили? – захлебывался в смехе Дэриэл,

а Дима задыхаясь от смеха кивал.

Клим слышал эту историю, но не говорил об этом. Пока все смеялись смотрел на совуха, который всё это время пытался вскрыть клювом коробку с мясом. Ориентируясь, скорей всего по запаху. Он оттянул его от пачки, перенес её на середину стола и попросил открыть её Милана, пока он занимался Верой.

Милан согласился, а Клим посадил сову на руку: – Что есть хочешь?

«Угу», – изрекла из клюва пернатая, на что Клим улыбнулся.

– Ухты! Она такое умеет? – удивился Женя.

– Даа, та она ещё и не такое может.

Милан открыл пачку рубленного, копченного мяса и все тут же на него накиннулись.

– Нет, тебе, наверное, такое нельзя, вот придём домой я тебя накормлю, подожди немного, прошептал Клим сове и продолжил слушать Диму, а из солидарности, решил тоже не трогать, хотя и был весьма голоден. Утешаясь сухариками с пивом.

– И наконец третья. А потом уже сменим тему...

– Куда? – вскрикнул Милан, – И я вспомнил, так что тоже бахну.

– Хорошо. Приехали мы с семьей этим летом на дачу, копать картошку. Вышли на огород, а её нет. «Кто-то воровски выкопал», вопили они. Только на углу немного осталось.

Буквально десятков кустов. А я стою чёт так, – прищурился, – и вспоминаю ту осень. Я тогда поехал с ним вдвоём, мама была занята чем-то. Садить я сразу отказался, по причине того, что не ем картошку. А отец, по моим воспоминанием, что-то там пытался садить, как раз на этом углу, а потом плюнул, взял пяти литровой бутыль пива и уселся перед телевизором на все выходные. Вообще забив на эту самую картошку. Думаю, подойду, скажу, напомню, может забыл. Отвожу его в сторону и говорю ему это. А он такой: «Тсс, я помню». И пошёл дальше комедию ломать.

– Пфууух, вот это он провернул... И что мама так и не узнала?

– Нет, та я не стал его раскрывать. Он столько раз меня прикрывал.

– А вы ещё садите картошку огородами? От этого же все уже отказались. Не рентабельно ведь. Проще покупать и экономить ресурсы и время, – Женя поинтересовался.

– Та, я знаю и отец понимает, просто привычка у них такая. С давних лет.

– Теперь наверно я, – сказал Милан, – Купили мои родачки новую стиралку. Отец установил и думал настроить. Но ничего не вышло, что-то он там наклацал и она не хотела работать. А я был вне города. Сказал, подождите пару дней, приеду всё сделаю. Приехал, смотрю, а он случайно включил режим «для детей» и не может с ним справиться. Так и ходил в грязной одежде три дня.

– Та бывает, я сам не силён в технике, – Дэриэл, – Кстати, я тоже кое-что вспомнил. Мне было лет пять. Ещё тогда родители жили вместе и частенько брали меня с собой к друзьям на дни рождения. И вот после очередного такого дня, меня очень заинтересовал, тот факт, что некоторые люди празднуют два дня. А отец мне объяснил, что это мол они похмеляются и мы в том числе, – Диму уже «пробило» на дикий «ржачь», – С того момента, я начал расценивать это слово, как продолжение праздника. И вот я на утреннике в детском саду, под конец праздника, поднимаюсь, на меня все смотрят и я объявляю, что мне всё понравилось и я очень бы хотел, чтобы мы все, завтра, пришли сюда похмеляться. Все воспитательницы в шоке, в том числе и мамы. Только отец ржал, ну и ещё несколько других пап.

Все улыбнулись и оценили рассказанный случай, очередным взятиям куска мяса со стола. Дима допил вторую бутылку, закусил двумя ломтиками мяса и достал с пакета третью.

– А ты Жека, может тоже что-то расскажешь по тем... – все тут же возмущённо и с ужасом перевели взгляд на Диму, – Ой бля... Извини, я забыл. Вот это я дурак...

– Та забей! Подай лучше пива, – потянулся рукой до сухарей и совершенно искренни ответил Женя.

– Ну хорошо, – Милан огляделся по сторонам, найдя коньяк и стаканчики, принялся разливать себе и Дэриэлу, – Что у нас там дальше по темам?

– Давайте, наверное, я последнюю расскажу. Раз уж под

тему. Слушайте, – выдохнул Клим, – Фух, только предупреждаю сразу, это не прикол, после того как я это расскажу, вы почувствуете настоящую боль! Дима, ты, наверное, об этом не в курсе. Итак, в детстве, папа, да и мама тоже, но больше отец, не разрешал мне есть шоколад, где-то с пяти до двенадцати лет из-за аллергии. А в тринадцать, я узнал. Внимание... Что у меня нет аллергии на шоколад.

– Ууу, – все в четырёх они взялись за головы, – А это больно! – завопили они в один голос.

– Это, ты сейчас серьёзно? – кивнул, – Стоп, я помню, как ты в детстве, отказывался от шоколадок, когда я тебе их предлагал.

– Что?! Ты мне не предлагал ничего! Никогда!

– Ну не я, кто-то из пацанов со двора. Но факт остаётся фактом.

– Ну так ты правильно формулируй. Хоть бы раз какую-то бутылку пива мне купил... – по-дружески, без претензий и с улыбкой добавил, – А вообще да, когда я узнал, это была боль.

– А зачем они так сделали? – Дэриэл всё ещё не отошёл от шока.

– Говорили, что хотят обезопасить меня, таким образом.

– Ага, конечно, – Диме уже было «хорошо» от третьей бутылки, – Ты каждый раз так говоришь, когда они творят какую-то «дичь».

– Дим, я же просил не нужно... Ты лучше расскажи, –

внезапно вспомнил он, чтобы перебить неудобную ему тему разговора, – Как и обещал, про Марвина, от которого ты постоянно прячешься или бывает даже просто смеёшься.

Дима неуверенно улыбнулся: – Та сейчас расскажу. И я не смеюсь, – Клим насупил брови, – Точнее не всегда, – закивал второй, показывая, что только с этим высказыванием может согласиться.

– Марвин? – Женя недоумевал, – А что смешного? Типо из-за заикания?

– Заикается? И что тут такого? Ты из-за этого смеялся, Дима? – Дэриэл.

– Короче! Я говорю, все молчат! Лет восемь назад, ещё в школьном возрасте, произошёл один случай. Я возвращался домой со двора. Осень, часов семь-восемь, уже темно. И случайно заметил этого Марвина, сидящего у детской площадки. И вот что-то стукнуло мне в голову, что решил напугать его. И разыгрался я по полной.

– В быстром темпе погнал домой. Папа спал, а мама на работе. Взял топор для рубки мяса с кухни и свою новогоднюю маску Деда Мороза. Приготовившись сидя в кустах, около скамейки. Я и выскочил с криком. Честно говоря, я думал он жажнётся, я сниму маску и мы поржём вдвоём, – тяжело выдохнул, – Ошибся... Как только я выскочил. Он от неожиданности упал на землю и с диким воплем пополз на спине в сторону дома. Сначала я даже подыгрывал, крутил топором, делал вид что бросаю в него. Но потом хотел снять мас-

ку и не успел. Он оказался быстрее меня. Думаю, ну ладно завтра расскажу, что это был приколот. И вот на следующий день, его не было в школе, только через неделю появился и оказывается он начал заикаться. Вот это я думаю начудил. А самое интересное, что лечили его, в полной уверенности в наличии у него галлюцинации. Но Марвин, в это не верит, он уверен, что на него напал сумасшедший дед! И вот уже вижу его в универе и частенько слышу, как он каким-то друзьям рассказывает эту историю. Только она уже нарастает новыми подробностями. То я уже летал с топором в руках, то был полностью окровавлен. Поэтому и смешно было. А так мне стыдно и даже не признался.

– Конечно! – смеясь добавил Клим, – Марвин в зал ходит, вроде собирается стать спортсменом в тяжелой атлетике. Он тебя одной рукой.

– Ну так вот поэтому и не говорю.

– Так. Ладно. Хорошая история, а ты Димон не «души» себя. Всё у этого чувака нормально и человек он хороший, кто его знает, может именно тот самый случай натолкнул его пойти в качалку. И не сделай ты подобного, неизвестно кем бы он стал, – Дима насупил брови, поняв, что Евгений только что подкинул ему немного пищи для размышлений, – Наверное давайте и я тогда что-то расскажу. Вспомнил я одну историю. Это было год назад. Бегу я на пару, опаздываю. И замечаю на курилке преподшу. Ту самую, которая вроде как ведёт у меня пару, уже, как двадцать минут. Думаю, подхо-

дить или нет. Может если подойду вот так, меньше орать будет. Кто его знает, почему она тут. Подошёл. А она, оказывается, забыла о паре.

– Это уже даже не смешно, – согласились все, – У нас так часто, – Дэриэл.

– Подожди. А я почему-то думал, что ты вообще пар не пропускаешь, – Дима открыл рот, – Как этот свиный король, – и тыкнул пальцем на пьющего в этот момент пиво Клима.

– Та это психология была. Не профильный, поэтому не интересно.

– Аааа...

– Так это ж не всё. Дальше идём мы в аудиторию. Как внезапно видим много дыма со стороны туалета. Мы сразу рвёмся туда, заходим, а там всё в этом дыму. С каждой секундой дыма становится всё больше, ну она набрала ректора, сообщила. И через пару минут, с первого этажа, прибежал трудовик, этот Александр Михайлович, одет в маску с двумя черенками, забежал в туалет и начал там что-то колотить. А перед этим, он обернулся к нам, странно улыбается и говорит, что если не справится, то будем прыгать со второго этажа и ломать ноги, – все присутствующие за столом смотрели на него с каменным лицом, – В тот момент я сильно задумался, ходить мне на его пары или нет.

– Что? – риторически, на выдохе, спросил Милан и закашлялся.

– Так, а что горело там? Он справился?

– Та там окурок кто-то не потушил. Конечно справился.

Кто-то немного по хихикал с рассказа и все слегка умолкли. Диме молчать было не интересно и он, внезапно для себя и для Клима, кое-что вспомнил: – А давайте, наверное, вы послушаете про то, как Клим, в детстве, ходил покупать себе шнурки, – и каверзно обернулся на него.

– Ой, бля... – Клим закатил глаза, – А давай ты не будешь мне мешать пить пиво, – огрызнулся.

– Ну тогда давайте я могу расс... – не договорил Дима.

– Нет! Не дам!

– Почему? Я же тоже там был.

– Та чего тебе на месте не сидится?!

– Да, лаадно Клим, давай, рассказывай уже. Интересно стало! – подхватили все остальные.

– Сволочь ты Димон, – на что второй с довольной ухмылкой, продолжил есть мясо, – Было мне лет семь. Мама дала денег и сказала купить шнурки. Я и пошёл. По дороге встретил этого. Ну мы заходим в магазин, я подхожу к прилавку и уверенно говорю, что мне нужны шнурки. Продавщица показала разные цвета и говорит мне...

Дима перебивает и со смехом говорит: – Ща будет самое интересное!

– Ну да, было бы если бы ты не мешал, – тихо изрёк Клим, а всех остальных это только насмешило, – Говорит мне мол, «сколько штук тебе?». А я такой вообще забыл сколько нуж-

но. Думаю, блин, возьму мало, ещё мама расстроиться, а лишними не будут. И говорю «на все давайте». Протягиваю купюру и улыбка продавщицы переходит в недоумение. И она такая «Точно?», говорю «Та точно». И уходит на склад.

– А я, – Дима, – Так подхожу к нему и спрашиваю, типа: «Слышишь, а сколько там выходит пар?». Клим такой: «Не знаю». Ну думаю, ему лучше знать, – Дэриэл и Женя уже предвкушали, во что это выльется.

– Ага, конечно, лучше, – иронично добавил Клим, – Тут она выходит с подсобки и несёт два полных пакета шнурков. Выкладывает всё на стол и говорит: «Выбирай». Мы где-то с минут пятнадцать выбирали различные цвета, а она подносила с подсобки ещё и ещё. Там блестящие, с флагами, рисунками.

– Я ещё помню подхожу к нему и спрашиваю, типа: «Может тебе одного пакета хватит, ну мало ли там. Тип, нахрена столько?». А он такой: «Нееет, ты что? Если мама сказала, то нужно брать!», – Дэриэл и Милан уже чуть-ли животы не надорвали, представляя, как Клим это говорит.

– Ну короче, да... В итоге вышло почти четыре полных пакета. Расплатился. Я взял два в руки и Дима.

– Ну да, и мы как дураки идём по улице. Несём по два громадных пакета шнурков. Он гордый идёт, а я все ещё чувствую где-то подвох.

– И что в конце? Что сказала твоя мама? – не выдержал Женя.

– А вы как думаете? Чтобы вы сказали, если бы в ваш дом, зашли двое пацанов, занёсшие четыре пакета разноцветных шнурков, когда ты просил всего то одну пару? – Дима.

– Не ну, что-то же она сказала?

– Нет, – сказал Дима.

– Да, Дима прав. Она просто со мной месяц не разговаривала. Потом, родители мне объяснили, что таким образом меня воспитывают. А шнурки мне оставили. Беру иногда.

– Месяц не разговаривала? – ужаснулся Женя.

– Странно, да? – спросил Дима.

– Дима пожалуйста. Я же тебя просил, не обсуждать мою семью.

– Окей, не буду. Просто хочу узнать ваше мнение. Это же странно?

– Ну есть немного.

– Согласен.

– Да, – ответили остальные.

Клим оглядел всех и окинул взгляд на Диму: – Всё не будем больше, ок. Просто хочу, чтобы ты услышал мнение других людей.

– Так, а... – Жене было не уютно быть свидетелем этого диалога и он решил сменить тему, – А вы ещё с детства дружите?

– Почти. Я, в принципе, как и ты много разъезжал, но не на долго. То там на месяц, с родителями или сам, то там на пару недель. В основном на западе. Поэтому хоть я и родился

тут. Но познакомились мы с ним, только в четвёртом классе. Хотя и начинали вместе с первого, – Клим развёрнуто пояснял.

– Ну конечно, мы друганы, – а Дима кратко и улыбнулся на все тридцать два.

– И что? Легко было там жить?

– На западе? Да. Уровень жизни лучше. Отношения к людям отличное. Да и валюта таже. Удобно.

– Там тоже гривны? У всех?

– Конечно. А что может быть другое? Это же самая стабильная валюта в мире, – с этим безусловно согласились и закивали в ответ, – Только школы мне там не нравились. Не знаю почему... не нравились и всё.

– Школа... – Дима вспомнил, – Никогда не забуду выпускной!

– Да ладно?! Честно? – возмутился Клим, – А ну скажи тогда, куда делся последний ящик вина, который я принёс? Никто с присутствующих тогда, даже не знал о нём, кроме тебя.

– А вот этого я не помню. Зато я помню, как написал тебе на фраке, красным маркером, «Люблю срать на головы». Ты не заметил и проходил так весь день.

– Я не однократно стирал эту надпись!

– А я, неоднократно, писал её обратно, – улыбнулся.

– Ну хорошо. Если ты это помнишь, то значит ты тоже не забыл, как блеванул на головы всему преподавательскому

составу на курилке. Когда решил взобраться на её крышу.

– И вот этого я не помню, – и подмигнул всем, кроме Клим, – Значит не было.

– Ну да, – все посмеялись.

– У нас, кста, заканчивается бухло, судари, – подметил Дэриэл, указав на оставшиеся три бутылки пива и четыреста грамм коньяка. – нужно будет сходить ещё.

– Согласен, только немного позже, – ответил за всех Милан.

– Именно. Работа не волк – лес не убежит. Стоп. Или как там было... – покрутил головой.

– Чего? Димон, тебя уже я вижу кроет! – смеялся Клим, – Тебе, наверное, уже хватит.

– Ничего подобно. Просто забыл пословицу, – сильнее крутил головой.

Весь вечер Клим держал смартфон в руках, чтобы вовремя услышать звук того, что его девушка увидела его сообщение в мессенджере. Он время от времени, заходил туда, проверяя это и сейчас, видимо случайно забыл потушить экран. Из-за этого Дима прочитал переписку и пока тот пил пиво, послал с его аппарата, ей ещё одно:

Последние сообщение от Климa ей: – Ммм. А кто у нас тут такой красивый?

Сообщение Димы, от лица Климa вдогонку к набранному: «Я!»

– Так, сколько тебе раз говорить, не лезь в мой смарт, –

Клим увидел аферу.

– А как мне быть? Ты же не рассказываешь мне ничего!

– Что тебе рассказать?

– Ну я не знаю... Хоть что-то... До этого, мы всё время где-то лазили, выходили по больше на улицу... а сейчас ты сидишь всё время дома или гуляешь с ней... Я не претендую не на что, но всё же... Какого хрена? Встречаешься? Встречайся, но и про друганов не забывай!

– Что? Про тебя попробуй забыть! Проломишь двери, влезешь в форточку и подкрадешься со спины! – перепалка продолжалась, но всё же шуточная.

– Та, чего ты к Климу придолбался! Как бы ты себя повёл, найдя себе кого-то. Ты лучше скажи, что там у тебя. Как там... Стоп... Влада Бджолэвич! Точно, – Милан.

– Эээ... Ок... Я согласен. Давайте не будем, – Диме было не удобно.

– Влада? – удивился Дэриэл, – Вы сейчас говорите о моей коллеге?

– Та да, но давайте прекратим, – отнекивался Дима, а Милан тихо кивал Дэриэлу, – Я понял, всё, больше к Климу лезть не буду.

– Да кому ты рассказываешь?! – возмутился последний, – Так, пацанва, а ну навились на этого хряка. Так, кто такая, эта Влада?! – вытаращил глаза, ожидая ответа Клим.

– Ладно. Влада, это коллега Дэриэла. И да, она мне нравилась. И что? Это моё дело.

– «Лась»? Кого ты сейчас собираешься наебать? – заострил Милан, – Теперь это дело общественности.

– Красивая? – поинтересовался Евгений.

Дима уверенно закивал: – Даже слишком, – на что все как-то не уверенно переглянулись.

Дэриэл засмеялся и добавил: – Та нет, он говорит правду. Она действительно привлекательная... – пауза, – Но тупая... – и засмеялись.

– Это правда? Тупая как пробка?

– Ну она не то, чтобы тупая, просто не внимательная и не понимающая иронию... – Дэриэл задумался.

– Ну не то, чтобы капец. Но ощутимый дисбаланс в интеллекте её, в сравнении с любым из нас, есть. Но это не важно, мне она всё равно нравится. Только об этом можно забыть, Влада меня не замечает.

– Та хватит тебе ныть, возьми, да и подой...

– Так, стоп. Одно дело шутить о сексе, а другое обсуждать отношения. Давайте я сам буду это решать, ок? Я не могу такое обсуждать, у меня через чур много комплексов. Давайте лучше сменим тему, а ты Клим – выиграл, – последний сделал вид, что стряхивает пыль со своих пагон, – Так, ну что за пивом? – Диму начало отпускать.

Каждый по-своему оглянулся на пустые запасы алкоголя и тихо согласился. Быстренько доев остатки сухарей и мяса, все начали потихоньку собираться.

И в этой суматохе, пока Дима смотрел, ни оставили ли

они никаких за собой следов, Малан поднимаясь с места просматривал сообщения мессенджера, а Дэриэл с Климом обсуждали, словесную победу последнего над Димой, внезапно заговорил Евгений: – Я завтра уезжаю...

Все замерли и устремились на Женю.

– Уезжаешь? Куда в деревню? – Дима не воспринял это всерьёз.

– Нет, я переезжаю из республики. Навсегда. Хотел попрощаться как-то по-людски.

– Вот тебе и на... Охренеть... Блять, технари – не люди... И куда ты можешь уезжать, ты же два года назад только приехал? Зачем? – Диму возмущало, что его круг друзей станет меньше, что идёт в разрез с его надеждой на то, как всё будет проходить наоборот.

Дэриэл и Клим, просто сидели и обдумывали услышанное. Милан же знал уже об этом, так что молчал и думал о своём.

– Зачем такая спешка? И вообще, с какого хрена ты уезжаешь? – по прежнему говорил лишь Дима, а все остальные в принципе поддерживали выше перечисленного оратора.

– Дело не во мне. Я бы остался, но мама, за этот год, пережила много потрясений. Ей нужна упорная реабилитация и сегодняшняя операция, это лишь первый шаг. Здесь нет возможности предоставить такой уровень медицины. Мы с больницей договорились, они помогут мне перевезти её в таком состоянии. Глав врач, порекомендовал мне, сменить для

неё климат, мы поедем туда, где потеплее. А спешка, потому что врачи порекомендовали не медлить.

– Потеплее? Запад?

– Да. Пока поживём неделю у её сестры. А потом найдем себе удобное место. Да это сейчас и не важно. Просто хотел сказать, что я благодарен всем вам. За то, что вы есть. А с учётом того, как здесь запрещены все иностранные интернет-сервисы и тем более приложения для обхода этих запретов, то, наверное, вряд ли мы когда-нибудь увидимся ещё. Я не умею говорить прощальные речи, поэтому скажу просто... ещё раз спасибо. Мне будет вас не хватать и это правда. И если можно, последняя просьба к вам?

– Валяй, – ответил за всех Дэриэл, смотря в пол.

– Давайте ещё раз закупимся, в точности, как только что, и посидим так ещё. Ибо, положив руку на сердце, я даже не надеюсь, что ближайшее лет шесть буду в таком участвовать.

– Та без проблем, мы только за, – вновь ответил Дэриэл, только уже проговаривал это параллельно тому, как Клим и Дима удручённо кивали головами, – Ну что, встали и пошли?

Они все так были ошарашены новостью, что даже не заметили, как Мйлан, всё время сидел с одним и тем же лицом, не произнеся ни слова. Вчетвером, они начали вставать, как тут же крикнул Мйлан.

– Так, я, конечно, взволнован такой новостью, но это не отменяет того факта, что я тоже хочу кое-то рассказать. Так что сядьте.

Дима уже всерьёз, после только что услышанного, хотел, как бы побыстрее купить ещё алкоголя. Поэтому, встав с места, уже не хотел садиться обратно: – Да ладно тебе, по дороге расскажешь! Давай пошли. Или ты тоже завтра уезжаешь?! – съязвил.

– Ну вообще-то, да! Уезжаю.

Все с глазами на выкат, окаменели на месте, не зная, что и сказать на подобное. Один лишь Дима сумел сформулировать ответ, хотя весьма в неординарном виде: – Ты чё сука?! Ты чё? Шутки задумал шутить? Если ты тоже решил разыграть нас, то...

– Дима, не ори, – Милан.

– Алё! Это не смешно!

– А я смеюсь?!

– Тоже навсегда? – понимающе изрёк Женя.

– Да... – тихо посмотрев в глаза, ответил.

И тут Евгений, понял, что именно значило то молчание несколько минут назад.

– Ахренеть. Вы чё ебанулись?! Нас что остаётся трое? Реально? – Дима сел и не зная куда спрятать глаза, уставился в землю.

– А ты почему едешь? – Милан не успел ответить на вопрос, – Так! Короче. Чтобы побыстрее усвоить всё, что я только что узнал, что вы пидоры нас покидаете, – на это Женя удручённо улыбнулся, а Милан просто кивнул, – мне нужно отвлечься. А что есть идеальным способом для этого? –

никто не ответил, думая о собственных душевных тяжбах, – Правильно! Смешные преколы.

Клим решил перебить последнего: – Дим, может не нужно? Тут настроение не оче...

– История!! – Дима вскрикнул, на что остальные лишь вздохнули, – Месяц назад ехал с отцом в деревню, – говорил в быстром темпе, боясь, что его перебыют, – На машине. Доехали там, все дела. И тут напротив нас стоит трактор. Вроде с навозом. Ну я так взглянул, но интереса не вызвало. А батя, решил пойти поинтересоваться, сколько подобное сейчас стоит. Мы вышли с машины. Батя уже подошёл, вижу поприветствовал, а я пока сумки с багажника достаю. И тут вижу, как он возвращается. Уже на полпути поворачивается и с криком вдогонку, просит заводящего уже мотор транспорта, продиктовать ему свой номер. Он надиктовывает и уже, в тот момент, когда он почти создал его контакт, водитель кричит: «Саня – я. Саня». Батя сдерживает смех, кивает ему, а потом поворачивается на меня, смеясь говорит: «Поздно, Санёк» и показывает экран «Говновоз», – это почти никакого результата, в парнях, не возымело.

– Чё не смешно?! – раздражённо осмотрев всех.

– Та смешно, – Клим помялся, – Просто момент не располагает к смеху, – остальные закивали.

Все молчали. Дима и Милан был в центре внимания, – Подожди, ты же каждое лето, уезжал, а потом возвращался, не выйдет повторения?

– Нет, я уезжаю навсегда. Всё не могу рассказать, скажу лишь, о том, что это из политических соображений. У отца появились недоброжелатели, которые, если мы не уедем, смогут без проблем, сделать расправу.

– Расс... В смысле убить? Ты серьёзно?

– Кто в этом замешан? Мы его знаем?

– Скорей всего нет, но это не настолько важно. Важно то что, пацаны, здесь грядут перемены. И очень серьёзные, я бы сказал критические, если я правильно понял. Поэтому, решать вам, но я рекомендую тоже уезжать, – гробовая тишина от остальных, – Давайте, наверное...

– Давайте не задерживаться здесь и вернёмся уже в Ламель. Потому, что я отказываюсь это понимать без ещё одной бутылки, – сказал Дэриэл и подорвавшись повёл за собой остальных.

Они вышли наружу, пошли вдоль кварталов, как вдруг загудела машина. В этот момент они подходили к обочине, захотев перейти дорогу, случайно стали свидетелями почти, что аварии. Впереди них находился другой человек, идущий в том же направлении. Слева из поворота выезжала машина и чуть не наехала на него. Переходил он как подобает, на переходе, под светофором. Из машины выбежала женщина и начала нахально на него орать, он сначала окрикивался, а потом «забил». Она же, не переставала, продолжала материться. На что Милан, переходя эту же дорогу, порадовал своих друзей и этого самого пешехода, подбежав к авто, пока

та была дезориентирована. Заглянул в него, вытащил ключ зажигания и выбросил его в соседний открытый люк.

Как только эта особа это заметила, она тут же изменила вектор своего крика. Милан, ощутив на себе недовольство, гневно зыркнул и обнажил кисть руки, воспроизведя фигуру с трёх основных пальцев, направляя на эту особь, что повторили и его друзья. Немного под успокоив женщину, своим количеством, двинулись вперёд уже подходя к магазину.

– Ну шо? Я пошёл. Со мной идёт Клим и давайте Евгешу, – Дима впервые за полтора года исковеркал имя Жени, на что тот даже не отреагировал, – Дэри, Милка – оставайтесь тут.

Они остались стоять при входе. Дима не зря оставил их на улице. Понимая, что, пойдя они все вместе, обязательно завязалась бы дискуссия у ликероводочного отдела. А так, с ним самые молчаливые, которые долго рассусоливать не будут.

– Похолодало...

– Да, у этих троих есть десять минут, если задержаться, я пойду туда и вынесу их лично, – сказал, улыбаясь Дэриэл.

– А я помогу тебе в этом.

Около них просвистел сильный ветер, что заставило Дэриэла прижать руки в карманах и на время притихнуть, отвернувшись от потока. Который продолжался секунд пятнадцать.

– Кхм... кхххм. Мил, я не спрашивал при всех, – Милан

вопросительно нахмурил брови, – Что с Лалис? Погореловой. Говорил с ней?

– Ну, у меня было пару часов в обед перед этим. Виделись с ней, – закивал Милан и с позитивом взглянул на друга.

– Опять в кафе? – улыбнулся Дэриэл.

– Да, но уже без этих «ролевых игр», – опустил взгляд.

– Ты с ней прощался? Или как? Может со временем что-то измениться? Вернёшься потом. Ну или она к тебе при...

– Милан перебил.

– Дэр, мне хотелось бы верить, что что-то измениться и будет возможность вернуться. Но... – Дэриэл тоже хотел его перебить, но Милан поднял тон, – Но я не верю в это! Поэтому, послушай мой совет. Если ты когда-нибудь будешь перед подобной делемой, то выброси все сомнения, на чём бы они не были основаны. Чтобы потом не пришлось жалеть. Иного выбора нет.

– И как? Не тяжело было ей объясняться? – с интересом.

– На фоне всего остального... – Милан прижмурил глаз, – Терпимо... и кивнул,

– Ладно... – подытожил Дэриэл, – Блин, где эти бродяги?! – риторически спросил, пока Милан что-то высматривал прямо по горизонту, – Кстати, а куда мы после этого пойдём? Осядем где? Вернёмся обратно?

И тут Милан не услышал вопроса, тихо прокомментировал: «Нет, сука, не показалось». И резко выкрикнул в даль: «Сюда! Меня плохо слышно?! Сюда!».

Грубо и до ужаса громко, прогремел он. Дэриэл с недоумением и предвкушением увидеть ситуацию до неприглядности наглуго и неприятную, вслед этих слов, уставился в ту же сторону что и первый.

На встречу им, по пешеходной дорожке, выходя из затемнённых подъездных проулков, ломился Марк, Калэб и Эдуард. Они услышали оскорбительный, для них, зов Милана и намеренно изменили свой маршрут. И вот перед ними уже оставалось чуть больше пяти метров и небольшой полуметровый забор, установленный сетью Ламеля. Милан уже встал в свою любимую позу, расставив ноги на ширине плеч, для того чтобы сделать своевременно рывок с ухватом.

Около них в разных сторонах всё ещё ходили прохожие и как только услышали подобный тон и понимая, во что это может вылиться, со страха, постарались как можно быстрее ритироваться от чужих глаз. Уходящие в темноту, даже не думали вызывать полицию. Жизнь в непризнанной республике, их ясно научила, не лезть туда куда их не звали.

У Дэриэла было лишь несколько секунд, чтобы повлиять на то, что может случиться. Он остановил рукой Милана, не давая ему уйти вперёд и этим же утихомирил подходящих к ним.

Увидев Дэриэла, Марк решил сбавить оборотов и воспользоваться ситуацией, узнав ответы на пару его интересующих вопросов. Остальные два, тупо с яростными лицами уставились на раззадоренную физиономию Милана.

– Милка, как ты думаешь, я просто так попросил парней не заводить уголовку на тебя?

– Я тебя позвал сюда, не для того, чтобы рот открывал, – холоднокровно ответил, – Сейчас только Дэриэл объяснит мне, почему остановил меня и продолжим, – развернулся к Дэриэлу.

В его глазах явно виднелась расчётливость. Дэриэл смотрел на каждого поочерёдно и пытался контролировать ситуацию, начиная с этих слов: – Может давайте пока не будем закатывать рукава?

Дэриэл был неплохим связующим звеном в этой перепалке. Он имел уважение и в лице Милана и в лице Марка, даже не беря во внимание, что между последним и Дэриэлом, вообще не осталось общения.

Поэтому, Марк и Милан не спешили с тем, что каждый задумывал, а решили услышать альтернативу, своевременно заблагорассудивши для себя решить, что не примут другого исхода перепалки, только лишь то, что запланировали.

– Та какие рукава? Всё уже и так сделано. Тебе же знакома фамилия Спавын? – мерзко улыбнулся, но нужно подчеркнуть эффектно.

Милан смотрел гневным взглядом и не моргал. Он ожидал чего-то подобного и вполне был готов к таким словам. Но параллельно жалел, что ничего не придвидел и не взял с собой свой пистолет.

Дэриэл заметил усиление напряжение между двумя норо-

витыми, но не понял их причину. Фамилия Спавын, была почти не знакома, но где-то он её слышал, только не помнил где.

– Мил, ээ...

– Дэр, не нужно у меня сейчас ничего спрашивать, времени в обрез, я и так стою не двигаясь, только с уважения к тебе и жду от тебя, мать его, логичное объяснение, – говорил, ровно смотря в глаза Марку и не дюйма в сторону.

Не успел Дэриэл прокрутить слова Милана в голове, как Марк, посмеиваясь, молвил: – Ну конечно у тебя нет времени, – он расслабленно начал ходить в радиусе двух метров от своего изначально места, – Тебе же не выгодно сейчас ничего рассказывать. Дэр, мы хотя уже и не общаемся, но как твой старый друг, хочу сказать правду. Это он стрелял из травмата в этих двух пацанов, – Дэриэл переглянулся между ними с Миланом, последний был непоколебим, – Нанёс травм им, из-за чего они хотели усадить его за решетку и только моё добродушие заставило не идти в полицию, – претенциозно и с высоким уровнем надменности излагался он, – И вместо того, чтобы сейчас искать адвоката и готовиться сесть за решетку, прошу тебя Милан, попросить у них прощения и конфликт будет исчерпан. А ты Дэриэл отойди, чтобы им не мешать. А после этого я бы хотел, чтобы ты составил нам компанию, только без этого дыбила, – цокнул языком по деснам, издав громкий звук и подмигнул ему с радостной улыбкой, – Давно мы с тобой не бухали.

Дэриэл посмотрел ему прямо в глаза и вдохнул полной грудью, поворачиваясь на всё того же статичного Милана, который был уже на пределе возможностей сдерживаться.

– Мил...

– Угууу... – он не открыл рот для ответа, а лишь просто издал глубокий рык чревовещанием.

– Это, они избили Жеку и Клима? – Милан кивнул, не отрываясь от Марка.

– Тогда хули ты тут стоишь?! Разбей им бошки, к ебени матери!!

Милан, без разговоров, бросился на Марка, максимум при этом открыв захват при прыжке через забор. Чем, на своё везение, зацепил Эдика и повалил их обоих на землю. Дэриэл же не так быстро, но тоже внезапно перепрыгнул забор и в прыжке ударил коленом Калэба заставил его отлететь на метр, покачаться на земле и с болями в желудке подняться, побежав на Дэриэла.

Милан упал ровно на грудь Марку и думал усесться там, чтобы не выпустить его и по скорей постараться нейтрализовать, но в перспективе Эдуард может его скинуть с него и поэтому Милан решил сидя на месте «прописать» один точный удар тому и дальше заниматься Марком.

Так и сделал, размахнулся и разбил Эдику нос и тем самым, откинул его подальше от себя. А Марка ухватил за затылок левой ладонью и начал наваливать правой по лицу.

Дэриэл в это же время, думал, как лучше ухватить Калэба

за руку, для удобного залома. Но сам Калэб, особо не перенапрягал мозги, а в тупую побежал на последнего с громким и ненавидящим криком, стараясь со всех сил сбить его с ног, держа перед собой кулаки для блока.

Ничего у него не вышло, Дэриэл увернулся от набега, элегантно, уходя от удара, вломил ему правой ногой по «тормозам», чем заставил его покатиться, вдоль дороги клубочком. После чего, Дэриэл крикнул ему во время того, как он протирал ладошки об асфальтное покрытие: «Калэб, успокойся, ты же никогда, в зале, не мог меня повалить».

И уже разворачивался, как Эдуард, у которого с носа хлестала кровь, воспользовался неожиданностью и дал ему со всей дури по зубам. Из-за чего, Дэриэла бросило на землю и он начал чувствовать вкус крови у себя во рту.

– Зато я мог! – крикнул Эдик, смотря на Дэриэла сверху вниз.

И после этого, решил добавить ещё пару тройку рукопашных по лицу, пока тот был дезориентирован.

Милан начал со всей «дури» бить кулаками по груди Марку, бил больно, так как последний вообще не имел возможности вырваться на протяжении семи секунд. Он был покрупнее остальных и скинуть его с себя было трудно, поэтому имел безоговорочное преимущество перед остальными.

Милан для себя определил, что бить в дыхательную систему будет куда эффективней нежели по лицу, из-за чего Марк вместо какой-либо сдачи, сумел лишь прокричать Эдику,

чтобы тот ему помог.

Периферийным зрением Мйлан видел его приближение и надеясь, что держит ситуацию под контролем, решил вносить удары по телу Марка до последнего момента. Эдуард погнался на зов Марка и хотел с ноги сбить его с тела.

Мйлан вполне понял своего противника и ровно в метре от удара, успел внятно треснуть Марка по роже и резко провести кувырок назад, увернувшись от пинка. Весьма глупо выглядящим, но эффективным способом, он очутился ровно стоящим на земле, и наблюдая, как тот, промазав по Мйлану, упал лицом на траву, случайно вытерев об неё всю кровь, быстро поднялся, обернулся и начал поднимать закашлявшегося Марка.

Мйлан решил пока не трогать их, а подбежать к слабо поднимающегося на ноги Дэриэлу. Он выровнял его за плечи и пока тот сплёвывал кровь, накопившиеся за всё время во рту, он попросил его следить за теми двумя и не выпускать их из виду. Пока, совершенно внезапно для себя, он придумал идею. Вспомнив, что этот забор, который он, ещё несколько минут назад перепрыгнул, был установлен сегодня утром и старый, стоящий тут до этого, по его мнению, они не должны были ещё успеть увезти. Так и случилось. Повернув за Ламель, на мусорке, он увидел кучу сложенных досок, ждущих вывоза. Мйлан быстро ухватил одну и погнался. увидев поднимающегося на ноги Калэба и огрел его по спине ею же. Убедившись, что пока они буду заняты другими двумя, он

не подойдёт с тыла, вернулся к Дэриэлу.

Где тот уже стоял и уверенно всматривался в глаза Марка, хотя всё равно правой ладонью подтирал стекающую кровь с разбитых губ. Марк стоял, опираясь на Эдика и держась другой рукой за грудь.

– Вы чё ебанулись? – проревёл Марк, – Сделаем так, я сейчас...

В этот момент Женя, Дима и Клим уже с полными руками пакетов, выходили наружу и увидев данную картину, резко побросали пакеты на газон и рванули к друзьям.

– Ты сейчас закроешь рот! – перебил Милан и медитативно проговаривал, демонстративно ляская, по своей руки этой самой палкой, – И не будешь лишнего говорить, пока я не разрешу. А ты, придурок, – обратился к Эдуарду, – Если не хочешь, чтобы тебя так же несли, забирай другого идиота, позади меня и беги отсюда не оборачиваясь. На раздумывания у тебя пятнадцать секунд и не больше. Оставь нам Марка и я обещаю, с нашей стороны, к вам, претензий больше не будет, – в этот момент к ним подбежали остальные трое и встали под стать им, вровень, – Так что подумай, как только Дэриэл мне скажет и все остальные, что они готовы продолжить драку, то тогда, уже, никакие предложения действовать не будут.

Эдуард задумался. При этом случайно ослабил хватку, когда поддерживал Марка, чем очень сильно взволновал последнего, после чего Марк решил «выплеснуть» в воздух: –

Ты чё всерьёз придурок? Ты реально об этом задумался? Он же тебя на понт берёт!

Между Эдиком к Калэбом, в отличии от Марка, имелись дружеские отношения. К последнему у него было больше интерес к возможностям, которыми тот обладал, чтобы если понадобится, было бы к кому обратиться за помощью.

А у Милана, на районе, да и в принципе в городе, слава была видная. Тем более, он же не знал, что тот вот-вот уезжает, Марк не посчитал важным с ними поделиться информацией. По большей части, окружающие, Милана воспринимали как андроида. Это придумалось из-за того, что все его действия были выверены и просчитаны, хотя и выглядели как действия идиота-маньяка.

Милан знал границу между ещё можно и уже нельзя. А если даже переходил этот «Рубикон», то всегда знал, как вернуться обратно и успеть прогнуть ситуацию под себя.

В те несколько секунд, Милан сейчас, показался ему страшнее нежели Марк когда-то потом. Плюс, наверное, ответственность за друга (Калэба), помощь которому была сейчас необходима, тоже имело для него значение.

Милан оглядел всех друзей, чтобы словить все возможные взгляды и усмотреть в их глазах, как они расценивают, сложившееся ситуацию и сможет ли он повернуть, то, что задумал без потери очков авторитета, в том виде, в котором он имеет их сейчас. И решив для себя твёрдо, вновь посмотрел на Эдуарда, крикнул: – Ну что? Время почти вышло!

Он дёрнулся на крик и непроизвольно, в страхе, расслабил руки. Из-за чего упустил Марка и тот, не в состоянии стоять, упал на колени.

Эдик дрожащими руками хотел поднять его, но Милан вскрикнул: – Та бросай его и иди за другим! – и тот нервно рванул поднимать Калэба, стараясь побыстрее свалить отсюда.

Калэб лежал на асфальте, с вывихнутой ногой и разодранными ладошками. Подбежав к своему другу, он подхватил его за плечи, забросил его руку на себя и вздрогнул, по его телу пробежались «мурашки» и выкатились глаза, после того, как он услышал, стоя к Марку спиной: – Я достану тебя Калэб, вас обоих, – и остановился.

А Милан тут же обернулся и проревел: – Аллё, забей что мямлит этот полуживой, забирай своего друга и уматывай пока я не передумал!

Так он и сделал. У Эдуарда все ещё лилась кровь с носа, сил тянуть друга было мало и как раз вот это, тогда, показалось ему, уже точно страшнее, нежели Марк.

– А знаете что? – пыхтел Марк, – Вас тоже это касается. Вы все ответите за это. Все. И ты и ты. И ты, – показывал он на пришедший, только что, троих, – И даже ты Дэрик, – он по-дружески улыбнулся, – Потому как, либо друзья, либо враги. Третьего не дано, – и беззаботно подмигнул.

Дэриэл отреагировал на это мерзкой улыбкой, где он обнажил зубы, в зверском оскале, показывая свои окровавлен-

ные клыки. Со всей силы желая продемонстрировать ему отвращение.

– А ты, Милка, больше всех ответишь за это! – а на это он «получил» не просто оскал, а ещё унижительный смех с тактической походкой, для обхода вокруг Марка, чтобы тот, в случае притворства, не смог сбежать.

Милан решил подойти к вопросу «ответки» с изобретательностью. Как только он обошёл его со спины, наклонился скрежетнув зубами и с хрипотцой произнёс: – Дааа? Отвечуу? – теперь уже каждое его слово, было с ироничным подтекстом, – А тебя не смущает тот факт, что это ты сейчас стоишь на коленях и не известно, встанешь ли с них?

Марк хотел с дерзить, но как только Милан увидел, что первый открывает рот, тут же задал ему «леща». Да так, что тот сразу же заткнулся, цокнув эмалью. А Дима, после этого, хоть и ненавидел Марка, всю фиброю души, но забеспокоился за Милана, чтобы тот не наделал глупостей, хотя мешать не стал.

– Вот и замолчал... Что страшно стало? Теперь и ты узнаешь, как оно... Сегодня и прямо сейчас, у нас есть уникальная возможность... Как ты там говорил... «Ответишь за это?» А хотя не важно, как ты это называл... – Милан разошёлся, он уже не смотрел на друзей, а творил шоу, – Да, что ты? Не плачь, я ведь за один раз всё равно не смогу отомстить за всё, что ты сотворил, такое подвластно только богу, которого как известно нет.

Иронично, что со всех присутствующих в этот момент, верующим был лишь Марк, перейняв это у своей матери и такими словами, Милан хотел его унижить – не получилось.

– Просто сделаю всё что в моих силах. И помни: «Земля – мёртвого найдёт», – продолжал извиваться в эйфории с деревянной доской в руках и договорив фразу, секунда в секунду, встал лицом к лицу с ним и без разговоров, замахнулся и прям как в бейсболе, увалил со всей силы по его левой ушной раковине.

Хрустящий звук, разлетевшееся полу-трухлявая, старая палка на три части и рванувший Дима вперёд остановить данные пытки, именно эти события, сопровождали первые три секунды после удара.

Ещё оказалось, что из деревянной поверхности, торчал один гвоздь, старый, забитый в доску, но всё ещё слегка выпирающий. Он резнул Марку ухо, совсем у края, сверху, где и пошла кровь с надреза, а всё ухо, после удара, покраснело и начало жутко болеть и «гудеть», из-за чего Марк схватился за него. Но нужно было отдать ему должное, он не закричал от боли, хотя очень хотел.

Дэриэл ухватил Диму, давая понять взглядом, что всё под контролем. Милан не ожидал, что удар будет настолько «крушительным» и всё равно не дрогнул, а просто, убедившись в жизнеспособности тела Марка, понимая, что сейчас его слух максимально притуплён, нагнулся к нему, к его второму, целому уху и повысив тон, сказал: – Ты хотел чтобы я отве-

тил. Ну вот, это был мой ответ. Я надеюсь ты понял его и мне не придётся, поясняя тебе по буквам, – все остальные стояли и смотрели, надеясь, что Милан не будет это дальше продолжать, Милан чувствовал это, поэтому принял решение заканчивать: – А теперь, если не хочешь, чтобы каждый из нас взялся за доски, уёбывай на своих двоих и молись, чтобы никто другой тебя, такого не встретил в тёмной улице!

Марк вообще никогда не плакал, даже в случае, когда в течении драки, ему сильно «прилетало», но настолько громкий рёв, непроизвольно заставил скатится слезе. После чего он постарался подняться, полностью зажав ухо левой ладонью и спотыкаясь направился домой. Боль, сопровождала его с каждым колебанием тела с ноги на ногу и всё новыми потоками холодного ветра.

И да, драка закончилась, адреналин в жилах растворился и ледяной воздух всё сильнее и сильнее начал чувствоваться всеми, включая вновь прибывших Клима, Женю и Диму, которые, сразу после слежение за Марком, пока тот скроется за тенью в домах, скрутились от мороза. Но не успели они прийти обратно в себя, как: – Милан, блять, та зачем? К тебе Дэр, это тоже касается! – прокричал Дима, параллельно показывал пальцем Жене и Климу, чтобы они быстро забрали все пакеты с едой, которые бросили.

– Димон, успокойся, мы же оба знаем, что я прав.

– Что ты, нахрен, прав? Вы же его чуть не убили, да и тех двоих тоже. Зачем? Кому от этого стало легче?!

– Да мне! Мне стало легче! Я, заручившись помощью друга, который согласен с моим мнением, – Дима мельком перекинул взгляд на Дэриэла, который смотрел на Диму периферией, опустив глаза, но было понятно, что Милан прав, – Наказали этих ублюдков.

– Наказали?! Ты что садист?

– Я реваншист! И я жажду, чтобы каждое преступление, сделанное руками уйбков, которых невозможно наказать законом, было наказуемо самосудом!

– У тебя же отец работает в полиции! Как ты можешь такое говорить?

– Вот именно! Это только подтверждает мои слова, ведь я знаю эту кухню с середины! Да, о чём мы вообще спорим? Ты посмотри! Кроме тебя, тут все согласны со мной!

– Что... – Дима резко обернулся на держащего еду Клима, – О чём... он... говорит... Как это ты согласен? Клим? – обеспокоенно завопил.

Пару секунд молчал и заговорил: – Дим, ну давай честно, – Клим смотрел ему прямо в глаза, – Полиция не делает свою работу. Законы не соблюдаются, – Дима отрицательно мотал головой, не соглашаясь с такой постановкой вопроса, поэтому Клим резко и с горечью «выплеснул», – Это я, в автобусе, одел тому мужику куртку на голову, – все резко посмотрели на Клима, а Дима остановился, но молчал, – Скажешь: «И что? Правильно сделал. Иначе было бы хуже». Да, но как объяснить, что я его выбросил с автобуса, – Дима от-

крыл рот, – Ударив по лицу...

– Ты ударил по лицу? – Дима не ожидавший подобноного услышать.

– Да, – резко ответил, – Дим, до того, как нас «отделать», те двое ещё побили нескольких моих одноклассников, а ещё до этого, ещё. И ничего. Безнаказанность. А вот после того, что Милан... – посмотрел на Милана, – Сделал. Они перестали.

– Сделал? Так это ты их обстрелял? – возмутился Дима. Вместо ответа, Милан, спросил к Климу: – Ты знал? Откуда?

– Я не знал. Просто догадался.

– И я догадался, – холодно сказал Женя и Милан обернулся к нему.

– А ты откуда?

– Я умею складывать «два плюс два». И когда тебя к ректору вызывали, всё стало ясно, – Милан кивнул, а Женя медленно добавил, – Спасибо, – второй опять кивнул.

Дима подумал секунд пять и с замученным лицом тихо бросил: – Я всё равно не согласен, в таких случаях можно действовать и по-другому... я уверен...

Все умолкли, кто-то смотрел на пол, кто-то, как Дима, не хотел принимать сказанное и перекидывал взгляд из одного на другого, пытаюсь найти хоть что-то в голове для возражения, а кто, как Дэриэл, вспомнил одну деталь и решил напомнить о ней: – Милан, а при чём тут Спавин? Почему

Марк упомянул эту фамилию?

– Что? – задались другие.

– Аппуу, – вздохнул, – Спавын – в числе тех причин, почему мне придётся уехать. Раз уж мы говорим об этом, не поленитесь и поинтересуйтесь, в свободное время об этой личности и о тех, кто его окружает. Он не главное зло, но один из тех, которые подгребают под себя власть. Искореняют инакомыслящих... – все как-то глупо смотрели в пол и слушали.

– А кто такой Спавын? – Дима перебил.

– Банкир вроде... – предположил Дэриэл.

– Уже не только, – Милан.

И снова тишина и холод. Леденящий. В компании чувствовалось напряжение. Никто не хотел вести разговор в том же русле, а менять тему как-то не приходило в голову. Всем кроме Милана. Он пытался не задумываться над происходящим, а просто растёр ладони, а после поднял их над головой и вскрикнул: – Так, пацанва! У нас нет времени на злость к друг другу и на обсасывание всяких уродов. Я завтра... а точнее уже сегодня... Уезжаю! Навсегда! – Милан продолжил, – Дэрик, ну ты сегодня красавчик, морда красная, зубы красные ещё и улыбается плюс ко всему. Вот этого парня мне точно будет не хватать, – он подошёл и обнял его, похлопав по плечу.

– Климчанский! Ты... Стоп, а где твой совыч?

– Вот она, за пазухой, – показал приоткрыв куртку.

– Ааа, ну okay, тогда сильно прижимать не буду. Ну что желаю тебе всё-таки свалить отсюда к своей Лизе! И поменьше таких дебильных друзей, – ехидно улыбнулся и тихо показал пальцем на Диму, стоящего в двух метрах, – Как вон тот педрило, – Клим засмеялся, а Милан обнял его, постучав тыльной стороной кулака по спине.

– Жеконда! Тебя я, блин, никогда не забуду. Шутник хренов, – Евгений улыбнулся, – Уверен, что, там куда ты намереваешься, тебе будет лучше. Тебе и твоим родным. Так что, как говориться, иди за своей мечтой, а там мы как-то уже встретимся, – тоже обнялись.

– Так, Димоныч... – Милан стоял в метре от него и наблюдал, как тот смешно скрутил губы.

Там уже и Женя начал перекидывать несколькими прощальными фразами, то с одним, то с другим.

– У нас было много споров и неурядиц, – Милан продолжил, – Даже больше, чем нужно. Но главное помни, что ты настоящий писюн!

– Ну так ясное дело! – поддержал друга, но всё ещё был под впечатление недавней перепалки Дима.

– Знаешь, что, кудрявый? – Милан.

– Откуда? – ответил, а дальше пошла импровизация, – Не понял. Ты думаешь это смешно? – улыбнулся Дима.

Клим слушал их диалог, пока Женя и Дэриэл разговаривали о своём и думал: «Что они несут?».

– Вот именно, знаешь, я подумал, – Милан начал углуб-

ляться в лирику, – Что мы в любом случае когда-нибудь встретимся. Но с тобой Дымарь, эээ...

– Хватит перекручивать имена, это я придумал! – Дымарь.

– Не перебивай, хорошее изобретение, кстати. Так вот, – он встал слева от него и положил руку на плечё, – Мне кажется, что с тобой мы встретимся в самую последнюю очередь. После всех. И нам будет, о чём поговорить. Это сто процентов. Не знаю почему. Чуйка, – и пожал ему руку.

– А о чём же мы будем говорить?

– Ну не знаю, наверно, как минимум обсудим, как ты дожился до жизни такой, – Милана понесло, он уже начал нести всякий бред, что появлялся в его голове, он просто хотел попробовать, напоследок, почувствовать себя Димой, – Пфф... А что смешного? – Дима не выдержал и начал смеяться, – Кхэх... Аха... – Милан тоже не выдержал и загоготал, – Ахах, нет, серьёзно, а чего ты смеешься? Хэхэх... Так, остановись, – все тоже увидев их, начали «ухахатываться», – А вы почему? Стоп, подождите. Всё, хватит, так давайте всё-таки будем уже идти, дальше пить. Только последняя просьба к вам...

– Какая?

– Нас с Жекой, завтра уже не будет. Пообещайте мне, что соберетесь вместе втроём и просто посидите, вспомнив сегодняшний вечер. Пожалуйста.

– Ну хорошо, – Клим ответил первый.

– Нет, серьёзно, это не шутка.

– Та okay, – Дима тоже согласился.

– Нам же нужно будет прийти в себя после сегодняшнего, вот мы и придём похмеляться, – смеясь ответил Дэриэл.

– Ок. Тогда у меня нет больше вопросов. Всё пошлите уже. Я знаю одно крутое место...

– Эй! – Крикнул Клим, отреагировав на то, как Вера, буквально выпорхнула с его приоткрытой куртки и начала потихоньку взлетать, ей это трудно удавалось, но вполне ясно, что в скором будущем она это постигнет.

Все отреагировали на это с радостными криками, даже через щур громкими. Клим от неожиданности сначала выразился на это тоже лишь вскриками и выпученными глазами, но потом, через секунд двадцать, когда стало ясно, что долго порхать ей не под силу и она начинает падать, поймал её и с искренней улыбкой посадил обратно, чтобы не замёрзла.

– Вы видели?! – вскрикнул он.

– Конечно видели, – ответили все кроме Жени, смотрящего вверх.

– Она парила! А чего он это так внезапно?

– А вы это видели? – перебил его Женя и ткнув пальцем в небо.

Все подняли головы и усмотрели, как начал падать на землю первый снег.

От увиденного у всех были одинаковые эмоции. Эмоции удивлённой-радости. У всех кроме одного. Милан, как-то по-особенному смотрел на него. Снег не был чем-то не обыч-

ным, просто это ведь первый. Через пару дней это конечно станет обыденностью, но ведь можно же несколько минут порадоваться замёршей воде. Но Милан считал иначе, он смотрел на него, как на то, чего не нужно бояться или чему радоваться, просто он есть и тебе нужно с этим сжиться. Учитывая всю его прошлую и будущую биографию, естественно необычную, независимо от того, при каких условиях он перестанет жить, его точно нельзя назвать не счастливым человеком. Та и сам он, представлял, отнюдь не второстепенное место, в этой истории.

- Глава 11 -

Белый шум. Чувствуется, что где-то что-то движется. Взглянув по сторонам, ничего не заметил. Проходит секунда, взгляд опускается вниз и он видит, как своими руками давит столешницей на горло Алексею Спавину.

Нет, у Дэриэла не появились провалы в памяти. Просто после через шур резкого подрывания с места, у него закружилась голова, но руки слушаться не перестали.

Спавын пробовал пытаться скинуть его с себя, но быстро прекратил, когда на него начали сыпаться со стола компьютерная мышь, чашка, стопка документов, печать в металлической коробке и ноутбук. После того как Спавын понял, что не может выбраться, он решил позвать на помощь.

Но, как только тот открыл рот, Дэриэл, воспользовавшись уже пустотой и лёгкостью стола, приподнял его, и тут же вдавил. Моментально сломав шею Алексею. Смерть произошла очень быстро и как только это было ясно, ярость тут же покинула его. После этого он остановился и нервно отдышался, сердце билось как не в себя.

Иронично, что канцелярия, на которой Спавын и «отмывал» деньги – было посление, что он видел.

Очередное убийство практически не принесло Дэриэлу никаких новых ощущений, кроме всё того же страха на почве убийства и страха, что Спавина, всё же кто-то услышал и

может зайти к ним.

Он на всякий случай проверил факт смерти, достал ключ от двери с его кармана и на минуту застыл на месте, начав планировать дальнейшие шаги.

Дэриэл понимал, что никак не может вынести труп из здания, будучи не замеченным. Он медленно продвинулся к дверям и приоткрыв их, увидел, что в коридоре уже никто не сидел, но в конце, на лестнице стояли люди в халатах и общались. Потом, он решил проверить все возможные выходы из этого крыла.

Выяснилось, что на этаже, в конце имелся балкон, открытый. Пока высматривал, на него никто не обратил внимания. Места на балконе было не много, но не это главное. Самое важное для Дэриэла, оказалась сторона, на которую выходил балкон. Это боковая часть здания и она открывала вид на место для сбора мусора всей больницы. Так же там присутствовала не оконченная стройка. Приостановка, которой, произошла ещё пять лет назад.

После разведки обстановки. Он аккуратно вернулся в кабинет к телу. Решив действовать, он убрал весь беспорядок. Обрато поднял стол на своё место. Труп перетащил ближе к выходу, всё это время следя за возможными «гостями».

Он был полностью адекватен в своих дальнейших действиях, рассудок старался держать холодным, но адреналин всё же в крови бурлил. А самое главное, он понимал, что не сможет в этом случае избежать правосудия в ближайшем бу-

душем. Все его действия были нацелены, на то, чтобы выйти отсюда не схваченным. А ещё, беря во внимание, что сегодня суббота, надеялся, что никто не спохватится и на всё про всё, у него будет ещё выходной.

Следы были заматы, он вернул всё на свои места. Ему повезло, что смерть Спавына была не кровопролитной. Да и ещё он постарался, не оставить отпечатков по кабинету, делая это всё через листы документов лежавшие на столе, которые потом заберёт с собой.

Ещё одна проверка показала, что в коридоре опять никого нет, а на лестнице только ежеминутные прохожие. Решив рискнуть последним, что у него ещё есть, свободой, он выволок труп и потащил как скрученный ковёр к балкону. Каждый сантиметр движения трупа, наталкивал Дэриэла на мысль, что в любую секунду сюда может зайти кто-то из персонала и с криками убежать за помочью. Поэтому каждое сердцебиение, было настолько слышно ему самому, что он пугался слыша его и думая, что это возможно звуки чьих-то шагов.

Метр за метром Дэриэл погружался в темноту, ведь последняя лампочка не доставала к балкону, и там уже было трудно заметить слабо движущиеся объекты. Предполагалось, что днём туда будет светить солнце.

Дэриэл вздохнул, ему удалось это сделать. Никто даже на лестницу не вышел, не говоря о коридоре. Он опирает Спавына о стену, а сам пробует открыть двери на балкон. И тут с

конца коридора разноситься скрип двери. С первого кабинета выходит специалист и задумчиво, поглядывая в свои бумаги, закрывает ключём двери. Дэриэл не произвольно выпучил глаза и застыл. Тело Алексея из-за того, что его никто не поддерживает начал скатываться вниз по стене. Но тихо.

Врач не слышал этого из-за громких щелчков в своём замке и как только закончил, пересчитал в уме все вещи, которые должен был забрать. Помахал головой и спокойно ушёл вниз к выходу. Этот человек даже представить не мог, насколько бы изменился его сегодняшний вечер, повернув он голову хотя бы на сорок пять градусов вправо.

Дэриэл, когда коридор вновь опустел, переволновавшись, чуть не упал на колени. Но удержался и вновь поднял Спавына, а другой рукой открыл двери. Занёс его и сам зашёл. Потом прикрыл двери, спрятавшись за стеной.

Ему открылся отличный вид на закрытую часть двора больницы. Отличный для ночных кошмаров. Клиника была построена в виде подковы, со слабо прикрытым проходом во внутренний двор. Архитектура была выполнена в лучших традициях социалистического урбанизма, то есть просто всё ровное под линейку, без единого намёка на индивидуальность. И из-за того, что окна мало где, выходили на эту сторону, стены были в не приглядном состоянии. Серые с ржавыми подтёками.

И вот тут встал новый вопрос. «Что делать дальше?». Эту ситуацию он вообще не продумал. Но вариантов других у

него не было. В связи с тем, что это является фактически заброшенной частью территории больницы – то ему пришлось этим воспользоваться. Снизу в не залитом фундаменте, уже фактически жили одни отходы жизнедеятельности. И там, по мнению Дэриэла, было бы тяжело сразу найти тело.

Так и поступил, он перекинул труп через ограждение и метким прицеливанием, постарался бросить его в самую глубокую и тёмную яму стройки. Но он даже представления не имел, как она будет выглядеть днём, к своему сожалению.

Он попал. Понял Дэриэл, это по хрустящему стуку. Но глухому и без луны. Тяжёлое зрелище, так подумал даже Дэриэл. И раз никто не подбежал на звук, значит он единственный свидетель.

Ну всё. Дело было сделано. Сейчас он вне подозрения. И можно спокойно идти домой. Осталось только предупредить на ресепшене, что он так и не дождался своего доктора, чтобы не вызывать лишних подозрений.

Всё вышло в лучшем виде. С горем пополам Дэриэл пришёл домой. Руки у него так и не перестали трястись. Ему повезло, дома матери не оказалось. Дорога у него заняла примерно двадцать пять минут, но по ощущениям, как секунда.

Не помнил, как шёл, помнил, о чём думал. Всю дорогу, от больницы до дома, он пытался решить один вопрос: «И что теперь?».

В первую очередь его интересовали не два простых варианта, типо сдать или убежать. Ведь, по его мнению, у него

нет такого права уйти и оставить в неведении людей, которые были не последние для него. Он рассматривал вопрос со стороны каждого близкого ему человека. Начиная с родителей. Дэриэл осознал, что ему обязательно нужно будет, как-то сказать правду о его убийствах. Но позвонить, как и сказать лично, ему хватало храбрости. Поэтому решил придумать и написать слова, которые можно будет хотя бы послать им в виде сообщения с пояснением. А потом уже думать о дальнейшем.

Он сел и начал думать. Пока составлял слова в предложении, заметил, что его некоторые пальцы, были испачканы в грязи. Как он умудрился это сделать, он не понял, но руки всё же решено было сначала вытереть. Дэриэл помнил, что в столе у него лежит несколько проспиртованных салфеток.

Открыл ящик, начал искать. Нашёл. Но вместе с ними лежали ещё несколько флешек, подписанных по цифрам. Взял их в руки, покрутил рассматривая. Эту находку Дэриэл не видел уже пол года. «И ещё бы столько не видел...» – подумал он.

– Дядя, к тебе дядя Боря пришёл, – прокричала племянница Анатолия Ламеля и побежала обратно к своему пернатому.

За окном глубокая ночь. Анатолий с замученным видом, сидел у себя в комнате. Всё время, на протяжении последней недели, он крапел над судебными разбирательствами с юристами. Но, как и предугадывалось, попытки были четны.

Ламель услышал зов племянницы и попытался слегка взбодриться. Встал, покрутил туловищем и побил себя по щекам. Потом обул тапочки и спустился вниз в гостиную.

Его брат уже ждал сидя на диване. Борис был одет в чёрную кожаную куртку и тёмные Джинсы. Лицо было в точности, как у его брата, они были максимальные близнецы, только Борис отличался многочисленными шрамами и лысой головой.

– Привет, – сказал гость.

– Да, – сильно вздохнул от усталости, – Привет, как живётся? Что принесло?

– Уж лучше чем тебе, – Анатолий поднял вопросительно голову, – Или эти не человеческие суды, ты считаешь нормальным?

– Ааа, ты об этом. Ну да, согласен, не справедливо. Но мы боремся.

– Боритесь? – с ухмылкой, – Да тут неделю, две и у тебя всё отберут.

– Так, ты пришёл сюда и сразу с порога будешь мне говорить плохие прогнозы? Или нормально начнёшь рассказывать?

– Так ты ждал, что я тебе буду что-то рассказывать? – опять с ухмылкой.

– Тю. Я говорю тебе...

– Да всё-всё. Я понял, – успокоил его Борис, – Ты же понимаешь, что от тебя не отстанут?

– Если бы не понимал – не боролся.

– Ты думаешь, что эти потуги тебе что-то дадут?

– Ой... – Анатолий взялся за голову, – Ты зачем пришёл? – нахмурился.

– Я хочу помочь тебе сохранить бизнес, – улыбчиво и ехидно ответил.

– Да? – саркастично начал, – У тебя есть юристы по-лучше или связи в правительстве?

– Больше ко второму, – хитро говорил.

– И?

– Я могу тебе предложить помощь. Если ты поможешь мне.

– Чем?

– Тем, что предоставишь убежище.

– Тебе? – каждый вопрос всё больше настораживал Анатолия.

– Нет, некоторым людям.

– Я ничего не понимаю. Объясни лучше.

– Я предлагаю сделку. От тебя потребуется, предоставить несколько десяткам моих людей временное убежище в твоих гипермаркетах. Места там предостаточно, чтобы их не заметили и не выдали. Они в свою очередь сделают своё дело, которое никак не повлияет на твою жизнь. И через несколько дней, уйдут, не оставив следов. А в свою очередь я, гарантирую, что смогу аннулировать все судебные претензии, через, как ты сказал, знакомых в правительстве, – красноречиво и

многозначительно улыбнулся при этом.

Я постараюсь объяснить. Дело в том, что в этот диалог, между строк, произносится информация, которую не нужно объяснять напрямую его брату. Борис имел ввиду, что в этом диалог идёт речь не о правительстве республики Вдалог и не о Лоружине с Дъеврессом, а о соседней восточной империи. Которая, как минимум в несколько раз больше этих трёх вместе взятых. А помогло понять сей намек Анатолию, акцент. В той месте, о которой идёт речь, говорят с чётким акцентом, шипения. Не змеиным, но похожим. Почти все слова имеют такое произношение.

Анатолий примерно понимал на что его подталкивает брат. Но всё же решил переспросить: – Эти люди будут с оружием?

– Ннн... Да, но ещё раз повторяю, это профессионалы и о них, если ты никому не сообщишь, никто не узнает, – колко добавил.

– Каков шанс моего успеха, того, что от меня отстанут после этого?

– Сто сорок шесть процентов.

– Ну кто они я уже приблизительно понял. Но вот зачем...
– Анатолий.

– Это, тебе знать не нужно.

– Да? Но мне всё же хотелось. Это ведь у меня будет происходить.

– Нууу... Могу только сказать, что это связано с Рэфар-

довичем.

– Владимиром?! – возмутился, – Глава МВД, человек Спавына?

– Нет, он уже человек Кравэць. Но это и не важно. Я сказал тебе то, что мог. Но не больше.

Анатолий задумался на секунду и после этого скривившись, изрёк: – Ну допустим если я соглашусь? Что дальше? От меня конкретно, что требуется?

– Смотри, – вздохнул, – От тебя требуется правильно расположить...

Звонок на смартфон Анатолия. Вытягивает из кармана. Звонит один из адвокатов. Берёт трубку. Несколько секунд он слушает и внезапно раскрывает глаза на всю «катушку». Дальше так же внимательно слушает ещё минуты две и тихо произносит: «Я понял, до связи».

Тихо кладёт трубку и поднимает глаза на Бориса.

– Спавын мёртв, – сказал Анатолий и Борис тоже чуть-чуть вытаращил глазницы и ответил.

– Это точно?

– Точно...

– И что? Что тебе сказали?

– На его охрану, сегодня ночью, совершено нападения.

Тридцать человек попали под огонь... – перебил.

– Значит, Кравэць всё-таки решил убрать Спавина, – говорил с собой, а Аннатолий, услышав подобное, осмотрел лицо брата, – Мда... Оперативненько... – цокнул губами делая

вид, что не замешан в организации покушения на Спавына.

– ... а его юристы, – продолжил Анатолий, – передали информацию, что хотят сделать предложение, от которого я не смогу отказаться, – замороженно и смотря уже немного ниже, говорил он.

– Какое? – на измене спросил Борис.

– Пфф... Мне предложили сохранить шестьдесят процентов компании при том, что я отзову все иски и больше никогда не буду комментировать дела семьи и активы Спавыных. Мой адвокат сказал, что теперь им не до меня, но Светлана, его жена, лицо терять не хочет. Плюс мне нужно будет публично извиниться и огласить, что я был не прав.

– И что? Ты согласился?! – повысил голос.

– Ннн... Соглашусь...

– Ты дурак? Я тебе предлагаю сохранить сто процентов компании за бесплатно.

– Ты предлагаешь поучаствовать как минимум в рейдерском захвате, а как максимум в развязывании вооруженного конфликта! – крича возмущился, – А я, возможно, нашёл мирный способ решения всех моих проблем.

– Я предлагаю тебе сохранить в первую очередь лицо! И не забывай, что тот, кто между войной и позором выбирает позор, в итоге получает и то и другое! – шёпотом, но на повышенных тонах пытался переманить на свою сторону Борис.

– За кого ты «играешь»? На чей ты стороне? Скажи мне.

– Ахах. Сторону? Ахах. Наблюдательную, та которая по-

бедит. Ахах. И в итоге, Владог, всё равно уйдёт на восток. Рано или поздно.

– Я тебе всё сказал... – гневно, ответил Анатолий.

Борис понял позицию своего брата и вполне принял её. Без лишних слов встал, забрал свои вещи и ушёл не прощаясь. Только крикнул наверх: – Племяшка, я уйду, пока, – Карья тоже не спускаясь попрощалась и он ушёл.

После небольшой, ночной попойки в самую, что не на есть глубокую ночь, Клим вернулся домой. Пьяный, тяжело говорящий членораздельно и практически не прямоходящий, только по амплитуде. По прощался, он со всеми спокойно, происходило это очень странным образом. Они все в пятером настолько напились, что забрели на территорию частных коттеджей, куда пускали лишь тех, кто там живёт и по пропуску, благо Клим был одним из них. Там всегда была ровная дорога, идеальные газоны, удобные лавочки и разнообразные игровые площадки.

И вот в самом центре улицы, стоит Дэриэл, дёргаясь под кислотную музыку и понимая, что все уже думают расходиться, кричит: «Ща пацаны, ещё последнюю бутылочку и идём!». Милан с Женей в обнимку, как раз сидят и «глушат» предыдущую «последнюю» бутылочку. Дима стоит в метре от всех, говоря с отцом по смарту и втихую старался забросить, сорванные с дерева куски веток, парням в стаканчики. И Клим, сидящий на лавочке, держащий совёнка и наблюдая за всеми. Но невзирая на обстоятельства, буквально через

десять минут, они уже прощались.

Когда Клим пришёл домой – все уже спали. Четыре утра, как никак. Он быстро поднялся к себе, оставил на столе птицу, впопыхах разделся, и лёг на кровать, моментально вырубившись.

С утра, на удивление, никакого плохого эффекта, после алкоголя, он не заметил. Кроме естественно, нехватки жидкого в организме. Он поднялся, нашёл взглядом спящую сову, убедился, что когда она проснётся, её будет чем покормить и выдохнул спокойно. Сходил на кухню, выпил полтора литра сока и сел на стул. Увидев на пуфике свой гольф, надел его и достал с кармана почти севший смартфон. У него был хороший аппарат, с десяти тысячным аккумулятором, но тем не менее, хотя бы на третий день, его нужно класть на зарядку. Так он и сделал. Положил на стол и начал просматривать ленту. Вся столешница имела под собой индукционное покрытие. Клим просмотрел все сообщения, которые в пьяном бреду бросали ему друзья, посмеялся с них, потом проверил новости по учёбе и наконец заинтересовался ответила ли ему Лиза. Нет. Всё, что ей он писал, она так и не увидела.

Затем он удручённо вздохнул и услышал своих родителей. Отец и мать монотонно поднимались по лестнице и оказавшись наверху, одновременно, держа что-то в руках, удивившись, что он уже поднялся с кровати, направились к нему.

– С добрым утром. Выспался? – поинтересовался отец,

обошёл его со спины и встал у стола.

Александра подошла к пуфику и присела, закинув ногу на ногу.

Отец бросил на стол какие-то документы, точнее аккуратно нашёл им место на столе Клима. Где по его извечным упрёкам, восседал беспорядок. И сегодня не было исключением. Он, как всегда, обратил внимание сына, на не удобно положенный смартфон и вчера, забытую открывалку на краю стола.

Клим, пробормотал что-то невнятное на это и не обратил внимание, но смартфон забрал в карман. Сейчас, Клима, куда-больше интересовала его мать. Ведь она довольно секретно стиснула что-то в ладони. Что было ей не свойственно. Его родители всегда отличались, не одобрительными взглядами и реакцией на людей, которые любили что-то потрогать, повертеть в руках. Поэтому Клим забеспокоился, но не реагировал словесно, а ждал.

– Как ты вчера, всё спокойно прошло? – непринуждённо продолжал отец.

– Та нормально, посидели, простились с несколькими друзьями и разошлись, – слукавил, но здесь правда была бы вообще ни к чему.

– Попрощались? А они, что куда-то уезжают?

– Некоторые.

– А ну и ладно. Найдёшь себе других. А мы вчера с мамой посидели, посмотрели новости. Поработали над смета-

ми. Решили, что делать с планировкой северного ресторана. В общем отдохнули, – и по-детски улыбнулся.

– Да, отец прав, – Клим понятиливо кивнул, – И ещё... я думаю уже через месяц ты сможешь браться за работу помощника отца.

– Да? Так быстро? Хорошо, – спокойно продолжал вести диалог.

– В университете пойдёшь на заочную систему. И всё будешь успевать.

– Ну да придётся, – теперь говорил отец, – И завтра, встань по раньше, часиков так в четыре утра и зайди ко мне в кабинет. Я передам тебе первые методички и вводные.

– Да, хорошо и... Подождите, теперь раз уж у вас получилось сдвинуть эту дату. И я смогу уже в ближайшее время начать постегать мир экономики в воочию. Да и друзей у меня стало меньше, я, конечно, этому не рад, но в данном случае, это только на пользу. А как только я уже буду что-то из себя представлять, имеется ввиду понимания схем и цыпочек бизнеса, я уже буду иметь свой собственный выбор, где жить и как жить. Правильно?

– Ну... да, наверное... – родители слегка заменжевались, но согласились, кивками, – А ты о чём?

– Ну как? Я о Лизе. Просто выходит, что тот год, который вы предположили, можно сократить даже до полугода, если не меньше. Теперь всё зависит от меня, на сколько мне легко это придётся, насколько быстро я смогу уехать к ней, хоть и

не навсегда.

– Подожди... Ты о Елизавете Понник?

– Ну да! Что с вами случилось? У вас, что тоже вчера был «весёлый» день? – недоуменно, но спокойно переспросил.

– Так! Во-первый, я не разрешаю использовать такие слова в нашу сторону, – мать кивнула, – А во-вторых, я серьёзно спрашиваю, мы сейчас говорим о ней?

– А я ещё раз говорю, что да, – медленно ответил.

– А ты не в курсе? Я думал, ты уже знаешь и именно поэтому вчера пришёл поздно. Мы тебя из-за этого вообще не хотели трогать, решили, что тебе нужно дать один день на реабилитацию. Ну раз так, хорошо дадим тебе ещё один день, а за вчера, нам всё-таки нужно будет серьёзно пого... – совершенно умиротворительно объясняли они.

– Какую реабилитацию? Вы о чём? – прищурился Клим.

– Ну как о чём? – продолжила мать с материнским взглядом, – Вчера, на выезде из республики, где-то на границе, случилась автокатастрофа. Фурой сбыли машину, чёрный внедорожник, с редкими номерами Дьевресса. Мы проверили по документам – совпадает с номерами семьи Понник, – Клим сидел, смотря ровно перед собой и перестал моргать, – В сводках значилось, что ни водитель фуры, ни трое пассажиров машины, не смогли выжить, тела почти все всмятку.

– Есть фото, ели не веришь, – добавил Лэопольд, всерьёз думая, что Клим потребует показать их ему, – Я уже видел, очень похоже на них.

После этих слов, Клим медленно перевёл взгляд на отца и внимательно посмотрел в его глаза. Это был пустой взгляд, Клим не пытался ничего показать им, наоборот, он только сейчас ощутил, что не может понять своих родителей. То, что он только, что услышал, Клим не мог для себя определить.

– Ну что ты так на меня с мамой смотришь? Ты же знаешь, что у нас часто такое происходит, – искренни не понимая, изрёк отец.

Клим не ответил, просто увёл свой взгляд немного вниз, чтобы родители меньше задавали вопросов и продолжил думать. В его голове витали буквально несколько мыслей. Но вскоре из них останется лишь одна.

После этого отец тоже задумался, он никак не мог понять, что случилось с Климом. Молчание продлилось где-то с минуту, Александре надоело молчать и она с радостной физиономией раскрыла ладонь. И в ней показался какой-то красный элемент, похож на камень, только с фигуристыми боками и блестящий.

Она помахала им в лицо своему мужу и тот вскрикнул: – Аааа, я совсем забыл, -улыбнулся, – Сынок, посмотри на маму. У неё для тебя кое-что есть.

Клим сделал это, но не сразу. Он постарался запомнить всё то, что уже успел обмозговать и только тогда, не спеша, урывисто, повернул голову. Он не ждал ничего и не хотел отвлекаться, но игнорировать просьбу отца, он не мог. Это у

него было записано на подкорке.

Она развернула предмет горизонтально и провела по нему пальцем. За окном дома, тут же что-то зарычало.

– Это тебе подарок, – сказала мать, пытаясь слегка перекричать этот странный рык.

После этого, оба родителя встали и пошли к окну. Приоткрыли занавеску и интригующее подозвали его к себе.

Клим поднялся. Да, ему, опять же, не было интересно что там, но он знал своих родителей. Что их, для его внимания, хватает не на много. И если не мешать, то они сами устанут от общения и вскоре разойдутся по своим кабинетам.

Подойдя к окну, Клим осмотрелся и на заднем дворе, увидел красную машину. Четырёхместная, титановые диски, зимняя резина, тонированные стекла, отблескивающая краска. Этого хватило увидеть Климу, чтобы отпрянуть от окна и вновь взглянуть в глаза родителям.

– Что? Круто?! – у отца загорелись глаза.

Лэопольд был конкретным автолюбителем, точнее любителем наслаждаться их красотой. Ведь у него самого не было прав, его всегда возили водителя.

– Мы же как раз купили машину, чтобы ты повеселел.

Клим покивал головой, понял, что уходить не хотят, сделал глубокий вдох и с хрипотцой впервые молвил: – Я... – нахмурился, – Кхм... можно пару часов побыть, одному у себя в комнате?

– А ты что? Подарок смотреть не будешь?

– Буду. Спасибо. Но, чуть позже, чувствую себя не ладно.

– Ты же говорил всё в порядке, – всерьёз забеспокоился отец.

– Я ошибся. Наверное просто не до конца оценил ситуацию, сонный был.

– Аа, ну хорошо, – ответила мать, – Может это и к лучшему. Посиди лучше сегодня дома. Отдохни. А нам с папой всё равно, как раз нужно в офис заехать.

Клим закивал и как только за ними закрылась дверь, он, не отходя от окна, дрожащими руками, достал смартфон. И начал искать вчерашние, местные новости. Нашёл. Родители были правы. Такие сводки действительно имелись.

«Вчера ночью, на перекрёстке, в промежутке от 23:00 до 24:00, произошло столкновение внедорожника пикап (указано дальнейшее обозначение транспорта) и погрузочного автотранспорта типа фура перевозившая электро-двигатели (указано дальнейшее обозначение транспорта). На месте аварии, удалось выжить лишь одному пассажиру, но доехать до больницы не смог. Скончался в дороге. Предварительная причина: не качественное асфальтное покрытие. Предварительные имена погибших: Понник Еал...».

Дальше он не стал читать. Клим понимал, что сайт, опубликовавший это, являлся не надёжным, но поверил написанному. Не было причин не верить, а вместо этого заметил с окна, выходящих родителей с дому и садившихся в машину с водителем. Ни один из них не поднял взгляд, на предполо-

жительно стоящего у окна Клима.

Он был похож на маньяка, наблюдающий цель своего убийства. Но так лишь казалось. Я наверное не возьму на себя очень много, если скажу, что родители Клима, жили в своём мире. Если уже и их сын это понял.

Естественно, по приезду домой, они никакого того самого Клима уже не застали. Зайдя на его этаж, захотев пригласить осмотреть машину, заметили включённый свет в ванной и слышали льющуюся воду из крана.

К слову хотел бы добавить, что они не сразу вошли в дом, до этого они ещё пол часа сидели у двора, беседуя. И сами того не зная, давали время на уничтожения множества вещей в своём доме.

Войдя в ванную, были обескуражены трёх сантиметровой толщиной воды на полу, а в дальнем углу, в самой ванне лежит Клим. Полностью заполненной водой, которая уже окрасилась в красный цвет. Клим всё же не смог пережить такого «удара». Он разлёгся в умиротворённой позе, закинув кисть правой руки на стенку ванны. На ней был глубокий порез в виде креста.

Когда Клим подносил нож к кисти, перед его глазами мелькала та самая светловолосая девушка, которую он, запомнил на всю жизнь, прежде всего тем случаем с осени своего одиннадцатилетия. Когда они играли на улице в футбол. На заднем дворе у неё дома. С её родителями. И в один момент мяч слетел по склону вниз на тропы, находившейся

между участков. Лиза сразу побежала за ним. Проходит минута, две, три. Плавать она умела, оценивать опасность тоже, местность знает, так что Эззи не боялся за неё. Но тогда встревожился и начал выкрикивать её имя. Как тут внезапно она поднимается с немного другой стороны. Без мяча, но с улыбкой и говорит: «Мяча не нашла. Наверное, где-то в кустах. Я ящерицу поймала. Ведь ящерица – это лучше, чем ничего».

Климу редко приходилось принимать хоть какие-то решения в семье. Поэтому, когда в его голову залезла такая мысль, он практически не поддавал её критике.

Лицо Клима застыло в спокойной гримасе, с закрытыми глазами. Родителей не было дома, почти два с половиной часа. Но Клим, на момент его нахождения, был мёртв лишь как час. Всё остальное время, он потратил на сбор некоторых вещей и написания прощальных записок.

Дэриэл хорошо запомнил тот день, когда они с Димой, пошли к дому Клима. Это было между обедом и вечером. Они хотели воплотить в жизнь обещание Милану. Слева на дороге стоял чёрный катафалк. Причём не понятно, зачем он приехал и кто его вызвал. Ведь Клима так и не похоронили.

– Та это я с будуна... – и засмелся.

– Димон, ты реально странный тип. Так, на его пары не ходишь, а вот после пьянки, самое оно, да? – саркастично засмеялся Дэриэл.

– Так, а ты послушай, что сегодня было. С утра сижу, пью

чай на задних рядах, отхожу от вчерашнего. В аудиторию заходит Александр Михайлович, опыздывая на двадцать пять минут. И без приветствия начинает отмечать присутствующих. Там одного нету, второго, третьего. Доходит до Милана. Я отвечаю, мол его больше и не будет, можете вычёркивать и Фарола Евгения заодно. Они исключились, – возмущённо продолжает Дима, – Он резко подрывается и кричит: «Кто сказал?!». Говорю – Я, – Дэриэл выпучил глаза, – Кричит: «Почему мне не доложили?!». Говорю, не ко мне вопросы, я просто довожу до ведома. Мне всё равно.

– Та ладно? Внатуре?

– Да! И ты представляешь, он повёл меня к ректору! – Дэриэл ещё больше выпучил глаза, – И начал меня там отчитывать, что я мол нарушаю дисциплину. Ну Анатолий Иванович вроде ему объёснил, что с головой у него не всё в порядке. Меня отпустили, а он потом звонил и говорил, что Александр Михайлович, типо извиниться передомной на следующий паре... Та хрен с ним. Дебил он и есть дебил.

– Мда... Сюр какой-то. А с хрена ли нам вообще эти труды на последний курсах поставили? – риторический вопрос Дэриэла.

– Та просто, чтобы количество пар прибавить. Много людей по увольнялось и дисциплин не хватает. Александр Михайлович понимает, что никому его пара нахер не нужна, поэтому ничего и не делает.

– Точно... – добавил Дэриэл и они ускорились.

– Вон уже его дом, пошли, – Дима ткнул пальцем.

– Стоп, ты предупредил Клима, что мы идём?

– А он, что не знает? – риторически ответил.

Дэриэл сразу заметил рядом стоящую красную машину, которую внимательно рассмотрел и запомнил, но Дима пожал плечами и пошёл к дверям особняка. Став на пороге, заметил, закрытую, бумажную коробку, которая была чем-то наполнена, но не заклеенная.

Он постучал в дверь. Дэриэл не стал подходить, остался у дороги. Пока ждал, Дима заметил на коробке какую-то надпись и как только начал приглядываться, услышал звуки ходьбы. Кто-то подошёл к глазку и посмотрел. Потом необычно громко скрежетнул замком, прокрутив его против часовой стрелки и открыл дверь. Это был отец Клима. Он злобно посмотрел на Диму, что совсем не удивило второго. И резко указал пальцем на коробку и тут же захлопнул дверь.

Дима даже не успел среагировать, а хотел сказать что-то приятное и по приветствовать. Как только двери были закрыты, Дима выпучил глаза и обернулся к Дэриэлу. Второй слабо понял ситуацию. Потом первый, от не понимания, крикнул, не громко: Клима!

Тишина... Дэриэл произнёс: – Он показал на коробку?

– Да, на неё и всё, – недоумённо.

– Ну носи её сюда, – тот так и сделал.

Подойдя к Дэриэлу, они начали рассматривать её. Теперь уже прочитали надпись на тыльной стороне коробки. «Дру-

зьям». Почерк Клима. И несколько дырок, ручной работы по середине.

Эту коробку, Клим оставил у себя на кровати, перед своим «уходом». А на столе, лист с посланием родителям. О нём речи идти здесь не будет, он не несёт в себе никакой важной информации. Просто прощание и пояснение, чтобы никого в его смерти не винили. А коробку родители даже не стали осматривать, тупо оставили на входе.

Коробка распахнулась и первое, что они увидели, это спящий совёнок на куче шнурков. Большой куче. Все сразу поняли откуда они. Они удивились и Дэриэл тут же подобрал Веру. Дима ухмыльнулся и начал рыскать руками через них вглубь и достал лист бумаги. Параллельно с этим, Дэриэл увидел на дне, несколько компьютерных флешек и его это заинтересовало. Что не дало ему возможности увидеть, что именно Дима вытащил. Дэриэл продолжал смотреть что внутри, пока Дима, тихо развернул листок и начал удивлённо читать.

У Клима был изумительный почерк. Так, что читалось легко. Главный смысл записки, был в том, что он хотел написать «Спасибо» своим друзьям, за то, что они у него были. Честное «спасибо», где он мог бы написать, например, что это Дима научил его правильно резать вены, чтобы не мучатся. Это было ещё на первом курсе, когда об этом целенаправленно поинтересовалась девушка из параллели. Дима ответил, чем очень сильно удивил Клима. Но настолько

детально, не решился объясняться, чтобы тот не подумал о своей вине.

Дима многому научил его. Например, врать. Или даже точнее, не договаривать родителям. Так как врать, Клим не хотел. Рассказал о матерных словах, которые тот почти не использовал. Но всегда это капризное слово «почти». Показал алкоголь и так далее. Но всё же, не взирая на всё, выше перечисленное, Дима очеловечивал его. Клим боялся, что позвонив в этот момент к Диме, тот отговорит его. И ему придётся жить дальше со своими родителями. После всего этого. А убежать от них, у него не хватит духу.

К своему возрасту, не имея такого друга, Клим вполне мог бы походить на своего отца и мать. Быть их полной копией. И я не говорю, что это плохо.

Тем временем, Дима уже прочитал записку. Аккуратно положил её в коробку, раскрыл глаза на максимум и слегка рот. Дэриэл заметил лицо Димы и понял, что причина именно в бумаге и что спрашивать нет смысла. Взял лист, положил флешки и стал читать: «Я бы никогда не подумал, что буду сидеть и писать нечто подобное. Но я ошибся. Я о многом ошибался.

Извините за немногословность, но мне кажется, у меня нет много времени.

В первую очередь, я прошу не злиться на меня, за то, что сделала сделал. Извини Дима, извини Дэриэл. Я не мог поступить иначе.

Я покончил жизнь самоубийством.

Я разочаровался в своей жизни. И как бы я вас не уважал, вы бы не смогли улучшить её. К моему сожалению, на мою судьбу выпала странная участь. Кто-то бы мечтал о такой жизни, а кто-то я...

Я понял, что я не могу понять своих близких. Вообще. Я хотел оставаться человеком и жить среди людей. Но у меня не выходит.

И сейчас, глядя на ту расстановку жизни, я понимаю, что не хотел быть как мои родители. Мыслить, как они, поступать, отдыхать, любить. В общем, жить как они.

Если вы зададитесь вопросом: «Почему именно сейчас, а не раньше?». Просто именно сейчас, я увидел пропасть разницы, между моей семьей и множеств других. Которую я анализировал всю сознательную жизнь.

А чтобы у вас не осталось сомнений на счёт того, что это точно я написал. Дима, это не найоб. Я, думаю ты понял.

И в конце хотел бы вам обоим сказать спасибо. За всё, за поддержку, за общение, за спокойствие и агрессию, за шутки и грустное настроение и в конце концов за человечность.

П.С. Боюсь, что родители выбросят совёнка. Я люблю этого пернатого. Поэтому прошу, Дима, я оставляю его тебе. Я понимаю, что не имею права просить такого. Но хотя бы того, чтобы ты нашёл ему хорошие руки, я рискну попросить.

И ещё раз спасибо. С наступающим. И если верить твоим, Дима, словам, твой лучший друг».

Пока Дэриэл читал это, вокруг него, как будто создавался перманентный белый шум. Он ничего не видел и не слышал. Поэтому подняв голову, для него было новостью, что Дима с криками, начал ломиться в двери семьи Филомэнко.

Когда Клим писал эти слова, в его голове оставалось одно воспоминание о Диме. То, по которому он навсегда запомнил своего лучше друга. На своё восемнадцатилетие, Клим вообще не праздновал. Но Дима не хотел мириться с этим и всё же пришёл к нему домой и подарил книгу. Родителей не было дома и они просто посидели, поиграв на консоли. Но гость настоял на том, чтобы его подарок был прочитан. Книга была о экономике. Во время чтения, Клим заметил разные буквы подчёркнутые чёрной ручкой. Дочитал. И сложил из всех букв предложение: «Мой подарок под монитором». Он подорвался с кресла и нашёл под экраном записку: «Наебал».

Дима не на секунду ни усомнился в прочитанном и решил выплеснуть свою злость и ненависть на единственных, по его мнению, виноватых в смерти его друга. [БАМ-БАМ, БАМ-БАМ]. Это Дэриэл смог услышать нормально. Скорей всего из-за громкости, ведь дальше открылись двери и Лэопольд начал кричать на Диму, а тот на первого. Потом отец Клима толкнул его, не сильно и показал пальцем, скорей всего, в сторону ближайшего охранного пункта домов.

Дэриэл не вмешивался, он медленно бросил письмо в коробку. За это время Дима всё больше начал размахивать ру-

ками, крик становился всё яснее и громче за белый шум.

Отец Клима достал смартфон и что-то набирал. Через минуту, в левом краю дороги виднелась патрульная машина частной охраны. И уже вот это Диму под успокоило. Кричать он не перестал, но начал уходить с чужого двора. Как только Дэриэл увидел его лицо, заметил на нём небольшие подтёки слёз.

Охранная машина припарковалась и в режиме сидя постаралась узнать причину сыр-бора. Лэопольд начал инкриминировать нападение на себя. На что Дима просто ответил, показав ему фигуру из трёх пальцев. Охранник не стал никак реагировать. Следов нападения нет, драки тоже. А за оскорбления он не отвечает. Поэтому просто кивнул и уехал обратно. За что потом поплатился работой. А Лэопольд зашёл в дом и вместе с супругой, продолжили жить своей жизнью.

Дэриэл и Дима, один с соевой в руке, другой с коробкой и с туманными мыслями, ушли с этого посёлка и больше не возвращались туда никогда.

Считается, что именно тогда случилась первая метаморфоза. После которой у Дэриэла появились проблемы. Доля правды в этом есть. Ведь после того, как они пришли к своей улице. Дэриэл не мог ничего вспомнить, вплоть аж до самого утра. Где и продолжим.

[ТУК-ТУК-ТУК]. Дэриэл с перепугу, чуть не сбросил ноутбук с колен сидя на кровати. Посмотрел в окно и увидел Диму. Он помахал, чтобы тот открыл окно.

Открыл. Через него пожали руки.

– Идёшь? – Дима спокойно спросил, держа в руках не прозрачную бутылку.

– Хм... Десять часов... Я думал сегодня уже не идти. Какой смысл?

– Понятно. Та я тоже. Просто к отцу на работу нужно. А это по дороге. Думал тебе нужно в университет, прошлись бы вместе, – Дэриэл задумался, – Может к Грамму нужно зайти? Или заказ какой-то?

– Та да... Есть такое. Просто это не горит и...

– И что? Не хочешь пока там появляться? – угрюмо.

– Да...

Дима посмотрел ему в глаза: – Та пошли. Чего сидеть. Всё равно же придётся.

– Кхм... Ну ладно, сейчас выйду, – и начал слазить с кровати Дэриэл.

– Стоп, ты куда? – с недоумением посмотрел на Диму, – Ну куртка же вон, висит у тебя на стуле и боты стоят в углу.

– Не понял, ты о чём? Они осенние.

– На улице не холодно. Надень и вылась через окно. Будет быстрее. У тебя же оно захлопывается, – Дэриэл постоял, подумал и решил, что неплохая мысль.

Пролез и в миг уже оказался стоящим на холодной и твёрдой земле. Забрав с подоконника смартфон и часы, вплотную хлопнул его и пошёл.

Впервые за всё их знакомство, Дима молчал всю дорогу.

Дэриэла это не удивило. Ведь причина была ясна. Но со стороны выглядело это весьма глупо. Дошли они так, почти аж до самого входа в университет. Дэриэл остановился и спросил: – Слышал? Дом Милана со вчерашнего дня отцепили менты? – Дима кивнул и открыл бутылку, слегка опрокинув в себя, грам триста, – Видел Алису, она очень расстроенная ходит после уезда Милана, – Дима угукнул, смотря в пол.

– Что пьёшь? – сказал Дэриэл с интонацией претензии.

– Сок. Пробывал зимой пить? Попробуй. Освежает, – впервые Дэриэл услышал от Димы ложь, которая не являлась шуткой, – Клим его любил, – вздохнул.

Немая пауза и Дима отвёл взгляд к небу, а Дэриэл, не долго думая, сплюнул на землю и процидил: – Дима... Ты не виноват в этом.

– А? Что? Нет, не виноват, – ещё раз вздохнул, – Но, это не значит, что я был хорошим другом ему.

– Что? Почему ты так решил? – возмущённо и шокировано.

– А почему он мне не позвонил? Тебе почему не позвонил? Забыл? Или не посчитал нужным? – спокойно добавил.

– Ты же знаешь, что я не могу знать ответ. Зачем мы обсуждаем мысли Клима? Это бессмысленно.

– Дэриэл! – Дмитрий посмотрел прямо в глаза и не моргал, – Ответь мне, зачем мы общаемся? Все мы. Что разве просто посмеяться? Я – нет. Мне нужны люди, в этой жизни, которым я мог бы довериться. И мы, после всего этого, име-

ем полное право, спокойно и трезво обговаривать его кончину. Мы же не были ему чужими.

– Трезво? Сколько ты уже выпил?

Цокнул губами: – Это выражение такое, – холодно, – Успокойся, выпил я не много... – Дэриэл попытался его перебить, – Стой. Дэр, – второй умолк, – Ты, наверное, уже что-то себе придумал и пытаешься узнать прав ли, – сильный вдох, – Смотри... Да, Клима больше нет. С этим я ничего поделать не могу. Но есть я. Есть ты. Есть люди вокруг. Люди, которые нас рождают и нас убивают. И дальше нужно либо жить, либо не жить, – Дэриэл снова начал открывать рот, – И я собираюсь жить! – Дэриэл закрыл рот, но всё же с опаской бросал на него взгляды, – Перестань на меня так смотреть – запомни, не Клим покончил свою жизнь, а эти улицы съели их всех. Милана, Женю, Клима. Они больше не вернуться сюда. Никогда, – Дэриэл нахмурил брови и закрыл глаза, – Да, улицы! Они опять выиграли, а мы опять проиграли, – второй отрицательно закивал, – Думаешь я сошёл с ума? А как здесь не сойти? Или лучше ответь мне на один лишь вопрос. Кого съедят следующим, тебя или меня? Как думаешь?! – риторически, – Пора нам становиться серьёзней, – поправил волосы на голове, – И ещё я хотел сказать... Дэр, – понизил тон, – Я собираюсь уехать через несколько дней, – Дэриэл просто «охренел», он медленно поднял на него голову с «мёртвым» взглядом, – Пойми, я просто... – они всё время стояли на одном месте, но никто вокруг, не обращал

внимания, – Дэр, я знал Клима очень давно... иии... – Дэриэл опустил взгляд, – Просто не хочу здесь находиться... Но я приеду. Через месяца четыре. Родители уезжают к родным, за границу. Предлагали мне ещё месяц назад – я отказывался... Сейчас мне дома тяжело... Поэтому прошу тебя, меня понять. И не обижаться на мой эгоизм. Надеюсь у тебя будет всё отлично, пока меня не будет, – второй молчал, но молчал понимая.

Дима подошёл, они пожали руки и без слов и разошлись. Уже в расстоянии пяти метров, Дэриэл задумался, внезапно прохрипел горлом и крикнул: – Дим! – тот обернулся, – Раз уж так сложилось, то говорю наперёд... – улыбнулся, – С днём рождения, – Дима остановился, посмотрел молча, закивал в благодарность и поднял правую руку на прощание.

В тот день, Дэриэл не пошёл на пары. Только уже через сутки, появившись на кафедре, он узнал о произошедшем. Дмитрий, по просьбе ректора, всё же сходил вновь к Александру Михайловичу, но второй либо забыл, либо не собирался извиняться и просто вёл пару. Диме было всё равно, ибо он в этом не нуждался. А преподаватель вновь проводил перекличку и на фамилии Филомэнко, Дима опять прокомментировал отсутствие студента. Александр Миайлович подумал, что второй уже натурально издевается и не стал терпеть. Началась словестная перепалка и после требования преподавателся набрать Клима, чтобы тот объяснил своё нежелание ходить на пары, либо продемонстрировать свиде-

тельство о смерти, Дима без слов, подбежал и с одного удара, разбил ему нос.

После этого, ректор Анатолий Иванович, решив эту проблему, отстронив Димитрия от учёбы до конца года, переведя его в онлайн формат. И договорившись с пострадавшим о отказе претензий.

Всё бы ничего, только Дима считал пострадавшим себя и уже на следующий день, без зазрения совести, взяв банки красок, которые выделила ему его кураторша, Лалис Погорилова, а также шнурки, пошёл на свою последнюю пару. Когда Лалис унала причину надобности расходников и имя виновника этого «перфоменса», разделяя такое решение и отношение к Анатолию Ивановичу, без вопросов и с улыбкой, выделила ему необходимое.

Воспользовавшись временем, на которое этот преподаватель и опаздывал, заручившись помощью нескольких одногруппников, Дима испортил большинство станков для работы с металлом. Аудитория, как вместо палитры. Из узких и трудно доступных мест, шнурки, достать уже было невозможно, а значит и вернуть станкам прежние состояние. А из больше шести десяти присутствующих на паре, ни сыскалось ни одного свидетеля вандализма и весь ущерб, повесли на ответственного.

[Тук-тук-тук]

– Дядь, я открою, – сказала шестнадцатилетняя девушка и пошла к дверям.

Анатолий Ламель сидел в трёх метрах от входа и пил чай, а в другой руке держал пончик. Услышав, что ему не придётся прерывать свой перекус, он благодарственно закивал улыбчивой физиономией.

Двери распахнулись. И перед кареглазой девушкой, поднявшись на седьмую ступеньку, они жили в частном доме, с входом с пешеходный дорожек бульвара, стоял среднего роста парень.

Он стоял в зелёной куртке и держал что-то за пазухой. Не успев сказать ни слова, племянница Ламеля тут же отреагировала фразой.

– Что вы держите под курткой? – она не вспомнила его.

Сразу после того, как Анатолий услышал слова Карьи, он всё же бросил чашку и еду на стол. Помчался к дверям, прошёл через дверной проём и спросил: – Вы кто?! – угрожающе.

Дима отошёл назад на ступеньку и сильно раскрыв глаза от удивления, начал:

– Я ничего плохого не хотел. У меня вот... – и достал с под куртки сову.

– Со... совё... Ухты! Слушай, а это не ты тогда... ну... был тогда? – «разлилась» в радостном удивлении.

– Ты его знаешь? – Ламель.

– Да, вроде. Это же тот самый совёнок, которого я у тебя просила. Того, что отдавали. А что случилось? – последний вопрос был адресован Диме.

– Я ошибся. Очень сильно. И хотел бы извиниться за свои слова. Если это возможно, я хотел бы вновь предложить этого пернатого. Как вы и хотели... отдать в ваши хорошие руки, – Карью до глубины души улыбнулись такие слова.

Она всё детство мечтала о сове. Карья подняла глаза вверх и трепетно спросила: – Дядя, можно?

Ламель пожал плечами: – Та можно. Мы же с тобою уже договаривались.

Карья открыла рот от изумления и потянула к полу сонной сове руки. Дима спокойно, но с подавленным взглядом отдал и собирался уже уходить.

– А как её зовут? – поинтересовался Анатолий.

– Зовут? Хм... Я думаю, у вас хорошая фантазия, справитесь. Удачи вам, – и начал спускаться.

В ответ услышал, громкую благодарность от Карьи и спокойный и взвешенный от Анатолия: – Давай.

До отъезда Димы со Вдалога оставалась одна ночь и приняв во внимание, то что могила Климас так нигде не появилась и похороны за почти что неделю не произошли, он решил пойти отметить своё день рождение.

Приобрёв в ближайшем Ламеле, две бутылки тёмного пива, он направился подальше от людский глаз. Пройдя несколько десятков метров по территории заброшенного сахарного завода, он выбрал небольшой холмик, где и решил одну бутылку испить, а вторую оставить и установить в память о друге. Который не дожил две недели до своего 21-

летия.

Такие воспоминания «накрывали» Дэриэла очень редко. Почти никогда.

За счёт этого, к нему вернулась большая часть адекватности и он, наплевав уже на те следы крови на руках, сел на кровать и оперился о стену и успокоился.

О чём конкретно думал Дэриэл и тем более в деталях, в этот момент, я думаю говорить нет смысла. Просто напомним, что хоть он и имел за собой серьёзное отклонение, но представлял в себе, весьма обычного человека. Если, конечно, не был спровоцирован на агрессию. Поэтому, чтобы понять его в тот момент, вам достаточно представить мысли среднестатистического человека, убившего троих людей и понимающего, что не сможет уйти от наказания. Короче говоря, безысходность.

Так вот, возможно посидев ещё с часок, у него бы вышло себя убедить в полной вине за убитых. В последствии чего, он бы мог решиться пойти и сдать властям. Но роковой звонок на смартфон, не дал даже шанса на это.

[Надоедливая мелодия]. Дэриэл испугался звука, исходящего из кармана, что не помешало взять трубку и сказать: – Алло...

– Да, привет, – тихим и вымотанным голосом выдавливали из себя на той стороне разговора, – Ты... Ты дома? Говорить можешь?

– Та, да... – Дэриэл понял, что не посмотрел, кто ему зво-

нит, а по голосу не узнаёт, – До... – быстро подвёл экраном к лицу, увидел «Элай» и с облегчением продолжил, – Дома. Могу. Что хотел? Как дела? – тоже устало и с лёгким страхом.

– Дела? Дела не очень. Слушай, я сейчас тебе кое-что расскажу, это правда и её нужно принять. Предупреждаю, информации будет много и вообще не порционно.

Элай никогда не умел давать информацию напрямую правильно, а ведь это сыграло очень сильный эффект: – Какая правда? Что при...

– Андрюха мёртв...

– Ан... всмы... не... не... не понимаю, – Дэриэлу стало тяжело дышать.

– Сегодня с утра. Я до последнего не верил, ходит к нему домой. Там полиция, оперативники, всё отцеплено.

– Та... та... та ка... – он начал заикаться.

– Дэриэл подожди. Сядь если не сидишь. Или выпей воды. Это не ложь. Официальная версия, гласит о том, что он застрелился. Больше подробностей нет... – он шмыгнул носом, – Это первое, – Дэриэл не мог говорить, только молчал, – Второе. Со мной связывались знакомые с архива нашей редакции и по секрету, сказали, что у них начинают требовать личную информацию работников. Пока только просят, но такими темпами, скоро, будут обыски. Мы хоть числимся в разных подразделениях, но архив у нас один, так что тебе тоже нужно знать. И третье... – у Дэриэла участилось

дыхание, – Тоже тяжелая информация. Восьмого, суд у Элиаса. Это после завтра. Я буду, не знаю трезвый ли, но буду... Ты будешь идти?

Дэриэл опять молчал. Не потому, что не знал, что сказать. А потому, что его мозгу, нужно было время сформировать модель поведения. Или даже, просто, так сказать, чтобы мысли в голове сами «рассосались».

И вот как раз, когда Элай вновь, задал вопрос: – Дэрил? Ты слышишь?

И тут что-то в нём [ЩЁЛК].

- Глава 12 -

Ночь. Феера, в своё время, была очень привлекательным городом. Ещё каких-то несколько десятков лет назад, промышленную столицу, некогда цельного государства, в сезон, посещали миллионы туристов. Сейчас же, этот город не то чтобы не может потягаться со своими былыми рекордами, он даже не обозначен на картах главных держав мира сего.

Мыку, отец рассказывал, как в молодости выезжая со столицы, любил в этом городе оставаться на неделю, для того чтобы посетить местные архивы. Он обожал снимать гостиницу на Дэфугельском бульваре, на восьмом этаже и производить записи в своих мемуарах. Глядя на ночные мосты, особенно Лыманьськ, главную гордость. Ну или уйти в запой на неделю, тоже бывало не раз.

И сейчас, когда Мык едет в двух местной машине, на пассажирском месте, что даёт ему вполне лицезреть, теперь этот, мало населённый город, он ни на секунду не засмотрелся на местную архитектуру, колорит или же повадки жителей. Всё, что он чувствовал смотря вокруг, это ненависть к правительству города и жалость к людям здесь живущих.

– Проснулись? – поинтересовался водитель и по совместительству глава охраны Мыколая Дзэркального.

– Та я и не спал. Хотя наверно стоило бы...

– Ну уже и нет времени. Пару минут и мы на месте.

– Это что Дэлила?

– Да, были здесь когда-то?

– Бывало... – нахмурил брови, – У нас там сколько, пару часов хотя бы есть на пребывание? – Фил закивал, – Хорошо.

Пикап Мыка заехал на территорию полицейского участка. Остановившись у шлагбаума. Фил протянул документы через окно проверяющему, тот, беззаботно открывая их, взглянул и моментально удивился, нервно закивав головой давая знак, чтобы подняли ограждение. Машина заехала в самый центр и припарковалась у клумбы.

В начале вышел Мык, он спокойно покинул машину, слегка сильнее хлопнув дверьми нежели нужно. На нём был тонкий синий плащ, толстые чёрные Джинсы и тёмные берцы с синими шнурками. С карманов торчали кожаные перчатки.

Филофей же, вышел сразу, как только надел кобуру и вытащил ключи из зажигания. Одет почти во всё тоже, только в цвет хаки.

Впереди у стен здания, перед несколькими столами с накрытыми трупами, стояли две девушки. Одеты по-теплее с угрюмыми лицами и окружены толпой охранников и не только, одетых в чёрные костюмы, с пистолетами. Человек двадцать пять высматривали сектор и ходили вокруг здания.

Никто из ныне присутствующих не питал к Мыку уважения. Разве, что новенькие из охранников ощущали страх. Напрасный. Это, Дзэркальный ощутил, как только он начал проходить сквозь толпу и увидел на себе взгляды девушек.

Анна Цэфирко и Вулана Кравэць оборачивались, уже заранее зная, что Мык прибудет. Они не поприветствовали друг друга, а вместо этого, он сразу же пошёл смотреть умерших. Всё это время сутились патологоанатомы, бегающие из здания наружу и обратно. А после каждого шороха в кустах, люди в чёрном сразу, по рации сообщали о ротации. А Вулана, после каждого шипения аппаратов, вздрагивала от непривычности. Ей было не по душе такое количество охраны, но ничего не поделаешь, приказ отца.

Мык слегка наклонился над трупом Алексея Сильвэстровича Спавына, без единой эмоции закивал и отпрянул. Девушки недоверчиво проследили за ним глазами, но не комментировали. Потом он достал смартфон, раскрыл его как книгу и что-то напечатал. Дальше одел перчатки и обошёл ещё несколько умерших, параллельно приоткрывая комбинизон с лица тел.

Анна молча указала ему на сильно раздробленные и кровоточащие части тех тел, чтобы не запачкался, на что тот лишь отмахнулся, не собираясь даже смотреть в её сторону.

Вулана скривила лицом и махнула Анне, мол «лучше не лезь к нему».

В этой небольшой суматохе к Вулане подбежал глав врач и сообщил, что вскоре прибудут ещё трупы и их уже некуда слаживать. Вулана ответила, что разберётся и врач убежал.

На самом деле эти трупы, по большей части, относились к разным инцидентам, но так как произошло их нахождения

в одно время, то было затруднительно всех разместить.

Минутная пауза и Анна не выдержала столь гнетущую атмосферу:

– Что это за тварь сотворила? – показала на самый крайний труп рыжего, зелёно глазого мальчика, у которого было изрезанное лицо и найденного неподалёку в канале.

– Не человек... – добавила Вулана.

– Тааак, мать пацана, зовут Надежда Григорьевна. Тридцать лет, мать одиночка. Раньше работала на местном сахарном заводе, а сейчас безработная... – Мык задумался, – Та ладно вам, почему сразу тварь. Вроде спокойная женщина.

– Мы об убийце говорим! – Анна повысила голос.

– А справа, я так понимаю, Спавын, – он проигнорировал их ответ, – Когда на ногах стоял, таким грозным казался. А теперь... хэх... Иллюзия.

Вчера ночью на кортеж Спавына, можно сказать на подставной, ибо его самого там не оказалось, было совершено нападение из пяти тонированных машин, стрелявшими из автоматов. Мертвы все восемь человек. Нападавших найти не удалось. Первые часы происшествия думали, что убийца Спавына и его людей, является одним и тем же человеком. Пока не нашли больше улик.

– Я не понимаю, тебе смешно? Тут мёртвые люди лежат, а ты угараешь?! – Вулана накричала и заставила поднести взгляды их охраны на Мыка.

– А я не понимаю, с каких пор тебя волнуют людские

смерти в твоей республике. До этого ты вроде как весьма удачно это игнорировала, – даже не подняв голову, ответил.

– Что ты несёшь?!

– Несу? Тогда скажи... Ты от, например, знаешь, сколько за эту ночь умерло людей в Феере? – и только после последнего слова, он взглянул на неё.

– Дв... – Вулана на эмоциях хотела проговорить цифру в двадцать один, потому как трое на столе, в здании восемь и только что ей передали информацию, что сюда следует ещё десяток.

Но решила не разглашать, чтобы все вокруг не узнали правды: – Много!

– Ну относительно недели назад, да. Но я прошу цифру. Хотя бы примерно.

– Ты глухой? – Вулана.

– Чего ты хочешь? Я не понимаю? – Анна тоже добавила, – Ну да, люди умирают сами или их убивают. Такое случается. Ну мы, пытаемся справиться с...

– Справится? А тогда, как так возможно, что после каждой вашей попытки «справиться», на следующий день продолжают умирать люди?

– Мык, давай ты... – Вулана, хотела попросить вести себя по тише.

– Шестьдесят, сука, три человека! Мертвы за этот день. Вы что ебанулись?! – обе недоверчиво молчали, – Как у вас так получилось, Вулана, что поза вчера вы якобы поймали

маньяка, который убил больше двадцати людей на этой же, сука, улице, но сейчас смерти продолжаются, – и ткнул пальцем в рядом стоящие трупы, – Только вы об этом уже не говорите по ТВ. А дело закрыто, ведь убийца сидит, да?

– Подожди, ты сейчас приехал и начинаешь здесь что-то предъявлять. Может мы лучше знаем... – Анна решила понизить градус агрессии, но не вышло.

– Ага, особенно ты, у который в провинциях, орудуют три серийных маньяка, уже на протяжении полугода. Общее количество жертв достигло сотни.

– А твоё какое дело?! – это было через чур громко и все услышали крик Вуланы, вплоть до врачей в здании.

Я думаю здесь стоит пояснить, кто такие эти Мык и Анна. Мыколай Дээркальный, это сын экс гетьмана Дьевресса, а сейчас пребывает на посту зам Главы службы безопасности Дьевресса, самый младший из троих. Анна Цефирко, дочь главы республики Лоружын.

– Ааа! – Мык раззадорился и показал лёгкую улыбку, – Теперь так заговорили? Ну хорошо. Кхе. А в том разница, что твои маньяки, после того как насытятся здешними людьми, потом могут пересечь границу и уже проделывать это у меня в стране. Они ведь не под подозрением и наши пограничники не знают, что их нельзя впускать.

– Что? Когда такое было?!

– Когда?! Ты хоть немного следишь за дипломатическими сообщениями?! Вчера в нас, в приграничном с вами городе,

словили рецидивиста, работающего таксистом. Его раскрыл наш гражданин и составил фоторобот. Оказалось у него простая схема. Он подбирал людей, угощал водой или цитрусовыми клафелином. Потом кого грабил, кого насиловал, а кого убивал. На детекторе он сознался, что у него есть пособники. Сделали фотороботы и на них. Так, что если окажется, что и эти находятся уже у меня или пострадает ещё хотя бы один гражданин, то больше терпеть никто не будет и возможно придётся закрыть, к хуям, границу.

Советник Вуланы, подошёл буквально к ней на несколько секунд и попытался сказать, что она не обязана отвечать или вообще вступать в диалог с Мыком, но та тихонько махнула и продолжила.

– Какой таксист? Не знаю, как раньше, но сейчас же никого не убивают. Что это за убийца?!

– Ты смеёшься? – с ужасом раскрыл глаза Мык, – На протяжении двух месяцев у вас пропадали люди. Фактически каждый день. Большинство свидетелей рассказывают, что последний раз видели их садящихся в такси. Сегодня пропали семеро. Ты вообще ничего не знаешь?! – со злобой добавил.

Вулана умолкла. Услышав подобное, она начала разглядывать присутствующих. Анна, стояла на своём месте и задумчиво поглядывала, то на неё, то на Мыка. А её советник с под лба смотрел на Вулану. Ну, а все остальные вновь бежали и суетились, ибо тела жертв вот-вот придут.

Отец поставил её фактически руководить правительством, вообще без подготовки. Так вчерашняя «тусовщица» и абсолютно не понимающая в политике девушка, сегодня уже имела все рычаги власти. Естественно, она ни грамма не была в курсе событий, но хотела казаться вовлечённой.

И к сожалению, для неё было бы невозможным сознаться в своих ошибках. У Вуланы присутствовал такой фактор, что если перед ней стоит человек, которого она не уважает, то перед ним, она никогда не извиниться и не признает его правоту. В таких случаях у Вуланы срабатывает защитная реакция.

– Короче, – поднела на него взгляд, – Не важно. Послушай, ты. Я тебя не учу и ты пожалуйста не веди себя так, как будто ты тут главный. Сегодняшняя конференция должна была пройти между нашими отц... между главами государств, – Вулана оговорила, на что Мык ехидно улыбнулся, – Аня решила блеснуть инициативой и приехала вместо отца. Мой не смог – заболел. Вот я...

– Хаха, ты думаешь я не знаю, что в него стреляли? И, наверное, свои же!

Анна услышала для себя что-то новое, но не подавала вид, а даже слегка отошла назад, стараясь не создавать вид треугольника раздора.

Вулана ужаснулась такую просвещённостью Мыка, что дальше начала кидать слова как ножи: – Хватит! Мой отец не смог! Третьим приглашали вашего гетьмана! Но почему-то

приехал ты! Тебя не звали!

– Я приехал потому, что наш, после избрания, уже как полгода игнорирует любые контакты с вами. И не за какие деньги он не посетит это место, точно так же, как и Лоружын, – крича ткнул пальцем в Анну, – И вы это знаете, но всё равно пытаетесь делать вид, что кому-то нужны. Пытаетесь делать вид, что у вас получается вести политику.

Когда уже вновь зашла речь и о Лоружыне, Анна не выдержала и с язвила: – Да-да, ты ещё об эмиграции забыл рассказать... – с сарказмом.

Мыка тригернуло и он резко перевёл взгляд: – Да? – ехидно и с иронией, – А ты что только узнала, что от вас бегут люди с ломя голову?

– Успокойся, большая эмиграция у нас уже давно закончилась, – спокойно ответила Анна.

– Да что ты говоришь? – широко раскрыв глаза, – У тебя вообще ещё хуже ситуация. По твоей республике, у нас, по всем отчётам, ваша эмиграция, за этот год, побилла антирекорды, за всю историю.

– Ага... А у тебя в республике какая эмиграция? – Анне было не приятно такое слышать.

А здесь уже Вулана стояла молча, в этой теме, с недавних пор, решила для себя сначала разобраться получше, прежде чем говорить.

– Слышишь, никогда не называй мою страну республикой! Дъевресс признают другие цивилизованные страны, в

отличий, от вас!

– Если бы не вы, то нас бы признали и всё было бы в порядке, – Анна, – Ты лучше скажи, как у нашей такой плохой для жизни республики, газ дешевле нежели у вас?! А?

– Хэхэхэ... Газок дешёвый? – он потёр руки, – Мы же оба знаем, почему всё так сложилось. На каких условиях и что вы даёте взамен. Мы лучше будет покупать, по рыночной стоимости, зато сохраним свой суверенитет. А если бы у вас действительно было бы всё так круто, то я думаю, лично бы ты, не покупала у нас дачные участки под сто гектаров, на берегу реки, через третьих лиц, чтобы об этом никто не узнал. Да, Влада Вороненко? – Мык использовал имя, числившееся на поддельных документах, для покупки земли семьи Цэфирко.

Анна попыталась сделать вид, что она впервые слышит об этом, но получилось слабо и она затихла.

– Хорошо... – Вулана заговорила в пол голоса, – ваш не приехал, это понятно. Но и тебя здесь нихуя не ждали. И не смей больше являться сюда со своими националистическими татуировками.

Мык задумался. После долгого скандала, его воротник немного опустился и стало видно. Зелёно-чёрный флаг – организации «Зелёный клин». Участником которой, он являлся официально.

– А вот тут... мда... Тут ты права, – Филофей всё это время стоял в метре от него и молча ждал конца публичной «аудиенции», – Меня никто не ждал. Но в тоже время, твой

отец, Павел Лэрлэнович, ждал участников двух сторонней группы, для создания адекватной инфраструктуры на границах. А я предоставляю ей охрану. Так что тебе придётся потерпеть меня ещё один день, – Вулана вновь прокололась в своих познаниях, но виду не показала, – Но больше, я уверяю, по пустякам, я никогда не прибуду. А на счёт тату, это не твоё собачье дело и замечание по этому поводу делать не смей. На меня ваши законы не распространяются, – спокойно развернулся и ушёл.

Как только Мыколай пошёл к своей машине, Вулану отвлёк помощник. Чтобы показать первые улики, указывавшие на возможного убийцу Спавына. Анна слегка подслушала разговор, подойдя сзади, но ей это ничего не дало. А вот Вулану наоборот, сильно удивили результаты. По предварительным оценкам, убийца был парень проживавший в этих районах. На это указывали свидетели видевшие его в больнице. Следы. Рваные отпечатки, которые сначала было сложно опознать. По мнению экспертов, таких как Маргарита Фарвара, на него указывали ещё несколько убийств. Под которые он подпадал.

Вулана слегка не поверила написанному, но вскоре, когда встретиться с Маргаритой лично, она будет удивлена, когда ей покажут конечные результаты и саму ориентировку на Дэриэла Клынкoва.

Четырнадцать часов назад. Утро того же дня. Седьмое сентября.

Настолько солнечный день, осенью, редко случался. Дождя не было и не намечалось, ветра тоже. Поэтому бары, рестораны, интернет-кофейные, лицензированное казино, свежие выпечки и немного ярмарки распахнули свои витрины и вынесли ко входу, столы и стулья с накрытиями и сделали ещё уже, но красивее и приветливее Дэфугэльский бульвар.

Эта была жемчужина запада Фееры. Этот бульвар славился приветливостью граждан к туристам, разнообразием еды и аутентичностью брусчатки вместо асфальта. Каждый день в хорошую погоду, да и не в хорошую, сюда любят приезжать со всей республики и наслаждаться видами. Прекрасные двухэтажные домики в готическом стиле, круто наполняют картину историческими тонкостями и красками это место.

В один из таких ново открывшихся десертных, зашла леди. У неё сегодня был отличный день, славная ночь зарядила её на целые сутки радостным настроением. Сначала она подошла к витрине с мороженым, засмотрелась на одну пышную порцию и уже была готова брать, как её переубедила вторая соседняя витрина уже с другими кондитерскими десертами и ей захотелось другого. Шоколадный торт. Вот что ей пришлось по вкусу. Девушка подняла руку и лихорадочно попыталась привлечь внимания официанта. Марвин, официант, ещё, как только она вошла в двери и показалась в этих четырёх стенах, он тут же положил на неё глаз, увидев её

обтягивающие Джинсы и подвёрнутую, клетчатую, красную куртку. Он сразу понял, что ей нужно будет у них заказать совсем другое, нежели то, что ей сейчас приглянётся.

Девушка не успела даже ничего сказать, как этот официант уже был около неё. Он внимательно выслушал её просьбу и где она будет сидеть и что она хочет пить и как ей тут всё нравится и что на стенах очень красиво блестят звезды и как бы ей хотелось сесть, чтобы её никто не видел, дабы не мешали наслаждаться вкусом и интерьером. А потом тихонько попросил, чтобы она разрешила дать ей совет. Она удивилась и согласилась с милым лицом. Он спокойно наклонился к её уху и кокетливо сказал: «Посмотри какая сочная погода. Не холодно, тёплый воздух. Такого не будет ещё по крайней мере пол года. Красотой залы, сможешь наслаждаться в любой другой день. Возьми молочный коктейль и, – какойто десерт, – Сядь вон там, – показывает пальцем, – На летнике. Там ветер дуть не будет, вчера установили новый козырёк. Я думаю здешние виды тебя не должны разочаровать», – и улыбнулся.

Она с удивлением взглянула ему в глаза, подумала с пять секунд и ответила: – Нуу ладно. Хорошо. Поступлю, как ты говоришь. Если всё так, то можешь рассчитывать на хорошие чаевые, – и ушла к столику.

Не на это рассчитал Марвин, но в данном случае, хотя бы что-то. Плюс, уходя на воздух, девушка, дала возможность официанту взглянуть на неё сзади.

Она села за двух местный столик. Повернулась к двору лицом и начала разглядывать окружение. Её обзор, аккуратно обхватывал сектор бульвара, где люди толпами ходили туда и обратно, а также ещё несколько параллельных улиц, где сейчас и именно в эту секунду вели реконструкционные работы по возвращению старых домов в их старинные образы и стили.

К сожалению, подобное редко делали в этих местах. Тенденция была настолько жалкая, что во время реконструкции одного здания, где-то неподалёку рушился другой. Работы вели редко. И фактически, дело о возвращении района в его исторический вид, стояло на месте.

Девушка с удовольствием уставилась на занимательных рабочих, которые помалу бегали по уставленным строительным лесам и выполняли странные, по её меркам, движения.

Через десять секунд она заскучала и вытянула смартфон. Разблокировав, она тут же начала смотреть непрочитанные сообщения. Которые ей по на приходили из разных приложений.

Очередное селфи, уже седьмой за день и тот самый официант приносит, всё то, что ей советовал. Она ему улыбнулась, точно так же, как он ей и ушёл.

Леди сфотографировала еду, взяв фокус сверху и решила поместить фотографию в мессенджере. Фото получилось действительно неплохим. Так что теперь этот файл в её альбоме «Еда», займёт почетное 473-е место.

Начав создание поста, она поместила в него это фото и начала нещадно печатать текст. И уже на сотом символе, она услышала голос: – Хватит строчить простыню. Без обид конечно, но ты же еду выкладываешь, а не философский трактат. Никто его читать не будет. Все просто смотрят на картинки.

Она дёрнулась на звук и сразу отпрянула от него. Перед ею, напротив сидел парень. Тёмные Джинсы, тёмные боты, зелёная кофта. Невнятная улыбка на его лице, заставила девушку повести себя следующим образом. Выслушав, она высокомерно ухмыльнулась. Сделала пару кликов на экране и положила смартфон на стол.

– С чего ты решил, что ты прав? – продолжила пить коктейль.

– Но ты же послушала меня. Может текст не удалила, но и дописывать не стала.

– Та какая разница? Это просто пост с едой. Мои подписчики прочитают любую глупость, которую я там напишу.

– Споришь со мной из-за какой-то фигни? – улыбчиво закончил и слегка повернулся от неё.

– Я?? Это ты меня зацепил. Я с тобой вообще бы не заговорила. Зачем ты мне...

– Подожди, – обернулся обратно, – Ты сейчас меня упрекаешь в том, что я заговорил с тобой? Я думал люди гордятся тем, что другие относятся к ним с уважением. Почему ты так себя не уважаешь?

– Чт... – она заметила, что парень, увидев её реакцию, начинает слегка посмеиваться, давая понять, что всё сказанное было не серьёзно, – Хорошо... – она тоже улыбнулась, – Шутку поняла, смешно.

– Очень смешно? Или так, просто смешняво?

– Нуу и так и так, – девушка поддалась на его цепкие уловки и уже без задней мысли улыбалась поймавшим на его словесные «крючки», – И так... ты так и останешься там сидеть?

– Сидеть? А я считал, что ты хочешь есть и думал не мешать.

– Ааа, ну ладно тогда, сиди...

Подрывается со стула

– Ну хорошо, если ты предлагаешь присесть к тебе, то давай я это сделаю, – громче вскрикнул и сел за её стол, напротив неё.

От неожиданности она прикрыла рот руками, из-за того, что в этот момент впитывала коктейль через трубочку, поэтому пыталась не выпустить его наружу.

Проглотила

– А ты резкий.

– Стараюсь.

– Кхм, – засмеялась, – И так.

– И так, – они помолчали с чудными выражениям лиц.

– И так. Может нам пора познакомиться? – она.

– Аб... Я думаю нет.

– Нет? – удивилась.

– Я думаю ещё рано нам знакомиться, – и уверенно заулыбался.

– Ааа, ну хорошо, – саркастично добавила и демонстративно закончила диалог подняв смартфон и начав в нём копошиться.

– Так, а я не понял, мне что назад от садиться?

– Та делай, что хочешь, – нахмурила брови и даже не подняла глаза.

– Что хочешь? Окей. Я хочу твой десерт, – и подсунул тарелочку к себе, забрав при этом у неё приборы.

И как только вилка, в его руках, прикоснулась к лакомству, она почти, что закричала: – Что?? Это моё!

Парень засмеялся, прохожие тоже услышали и начали пристально смотреть проходя мимо.

Он отдал ей еду и наблюдал за тем, как она смущается людей, которые от малого до большого начали глазеть на неё и закрывает рот рукой, удивившись тому, как не произвольно крикнула.

После чего, она тихонько начала есть. Парень не растерялся, плавным движением, не вставая со стула, он переместил свой недопитый чай на своё новое место и тихонько его начал мешать. Делая вдумчивые глотки чая, он следил за трапезой, творившегося напротив него. И как только это было завершено и плотно запито коктейлем, он достал кошелёк и положил на стол деньги. Достаточно, чтобы оплатить свой и её счета. Но практически без излишка.

Она это увидела и спросила: – Мы куда-то идём?

– Конечно. А ты что собралась сидеть здесь до вечера?

Он встал и спокойно закинул ногу за метровый забор. Перелез и обернулся. Где вторая продолжала сидеть на месте.

– Ты серьёзно будешь ждать счёт? Деньги на столе, пошли.

– Хэх, – она закивала головой, – Я же про тебя даже ничего не знаю, ты вообще порядочный человек? – саркастично и посмеиваясь.

– Я думаю... в этом смысле мы равны, – весьма серьёзно и не моргая.

Она не знала почему это делала. Скорей всего ей очень нравилась спонтанность. Этот парень воплотил все те подростковые фильмы, которые раньше она смотрела взахлёб. Сейчас же в неё по не многу начала проникать взрослая рассудительность и вот такого, она уже давно не видала.

Девушка вполне осознавала, что сегодня она могла бы провести совершенно обыкновенный день. Погулять на улице. Прошвырнуться по магазинам одежды. Можно заглянуть в кондитерскую. Пойти домой, поужинать, заснуть под какой-то фильм со спец эффектами. А с утра уже встать пораньше, съездить на суд и посадить за решётку, на лет десять, ни в чём не виновного человека.

Она взвешенно посмотрела на деньги на столе, засмотрелась, обернулась и подойдя к ограде, крикнула: – Хорошо, я пойду. Но только после того... – говорила, параллельно, смотря на своё зпястье, – Стоп, – постучала по экрану свое-

го смарт браслета, – Что? Опять сел? – девушка сильно озадачилась этой проблемой, из-за которой, её отец не сможет теперь отследить, где она находится.

И тот парень, стоящий ровно перед ней, полностью это понимал и наблюдая, тихо улыбнулся: – С ними так часто... – говорил он.

Всё ещё пытаюсь реанимировать трекер, девушка процедила: – Подожди, я... – подняла голову, – Я пойду, но после того, как ты, блять, скажешь наконец своё имя.

– Пфуу, Дэриэл – я. Это что-то изменило? – устало ответил.

– А я – Анабель, – кокетливо добавила.

– Анабель... Красивое имя, – и начала, перелезая через ограждение.

Ночь. Того же дня. Как страшна и гнетущая ночь, каждый день царившая над Дэлилой. Нет, серьёзно, смертоносней оружие в жизни не придумаешь, ну разве, что ядерные бомбы и ковровые бомбардировки. На ней живут около двадцати тысяч людей и каждый день, кто-то решает с кем-то свести счёты именно там. Это уже стало ужасной традицией. Полицейские эксперты, составляя психологическую картину убийц, выдвинули озабоченность, что на этой улице живёт, как минимум, несколько серийный убийц. Как бы сильно они не ошибались повсеместно, но здесь они были правы.

Ну не могут же ошибаться бездомные животные, ни один из которых не живёт на Дэлиле. В отличий, от других улиц.

Поэтому вполне понятна позиция Джыны, которая решила сама, а тем более по тёмному, не ходить никуда.

Глядя в окно, можно было заметить редких, неспешно проезжающих машин, потому, как ямы на дорогах, по мнению многих живущих там, были соразмерны кратерам. В итоге пустые улицы и в конце концов тихо приближающаяся полночь.

Смартфон на удивление надоел, но и Джына никак не могла не думать о недевнем случае. Когда она крайний раз бежала в парке, Джина встретила там ни только Дэрила, который своими словами произвёл на неё неизгладимые впечатления, но и Вулану, которая тоже начала говорить совсем другие слова. Её бывшая подруга, в тот момент, проходила через парк, естественно в сопровождении двух охранников.

Пока Дэриэл на секунду отвлёкся в свой смартфон, Джына, увидела Вулану. Комаренко не хотела показываться ей на глаза, чтобы не раздувать очередной конфликт, но к сожалению для неё, Вулана заметила Джыну и крикнула через всю площадку.

Она не ждала такого, но ей пришлось махнуть в ответ. Вулана обратилась к людям сопровождавших её и велела им ждать. Один развернулся и направился к машине, второй, по видимому, пошёл заказывать кофе, слегка в другой стороне, от того маршрута, по которому Вулана пошла в сторону Джыны. Вторая удивилась и обернувшись к Дэриэлу, сказала, что пойдёт за кофеином.

Джына спокойно шла ей на встречу. Вторая направлялась со хмурым лицом. Сойдясь, Вулана начала первой: – Отдыхаешь?

– Ну да. Что-то хотела? – равнодушно решила пойти по конкретике.

– Та да. Джын... У меня тут недавно случилось очень волнующее событие и... Я подумала... долго думала на счёт сказанных мною слов и... Хотела бы извиниться, – виновато кивнула, – Я сильно заигралась, – Джына удивилась таким словам и не ожидав подобного, продолжала с интересом слушать, – Знаю, характер у меня тяжёлый, я уже давно пытаюсь измениться, но плохо получается. Я почему-то забываю, что прошло уж сколько лет и мне уже не нужно «вырывать своё место под солнцем». Я думаю, нам пора остыть. Принимаешься? – и улыбнулась.

– Серьёзно? Ты передо мной просишь прощения? – Джына выпучила глаза.

– Да, а что такого?

– Да, ничего... просто... Просто ты никогда такого не делала раньше... А это значит, что идёшь ты в правильном направлении.

– Стараюсь.

– Тогда и ты меня извини за всё то, что наговорила. Я ведь тоже вспылила.

– Круто. Спасибо... А на счёт тебя и твоего брата... – Джына начала ей махать руками, чтобы та не беспокоилась, –

Нет, я просто хотела сказать, что в то время я просто шла за толпой. Твой брат был прав. Я полностью разделяла его поступки, но стеснялась публично поддержать. Прошу прощения за лицемерие... – они закивали, – Вообще жаль, что у меня не хватило ума и смелости, так поступить в школе. Легче бы жить стало. Ещё я хотела сказать, что возможно ты частично права в своих словах, но это не значит, что к лучшему ничего не делается. Это так... тоже добавлю.

– Конечно, – здесь Джына была не согласна, но уже возражать не стала.

– Ты здесь одна гуляешь?

– Не совсем, – смутилась.

– Ничего себе ты быстрая, уже нашла кого-нибудь? – риторически и заглянула ей за спину: – И кто из них? Тот, что у дерева, или...

– За столиком.

В этот момент Дэриэл закончил всё, что должен был сделать и поправив осенний плащ, поднял взгляд, чтобы усмотреть Джыну. Он засунул смартфон обратно в карман и стал высматривать двух девушек, одна из которых, смотревшая на него, сильно напоминала ему дочь Главы республики, но почему-то в это ему не верилось. Из-за того, что он привык видеть её с тёмными волосами, а здесь, виднелся явный каштан.

– В чёрном? – молчаливый кивок Джыны, – Интересный. Как зовут?

– Дэриэл.

– Понятно, – улыбнулась, – Ну я рада за тебя.

– А ты как? Я слышала у тебя новая должность, поздравляю.

– Та да. Спасибо, – вздохнула, – Но лучше бы я дальше спала до обеда и легла под утро, – удрученно улыбнулась.

К Вулане подбежал мужчина и вручил два стакана кофе. Второй она передала Джине. Та неуверенно взяла. Теперь после всего проговорённого ей было трудно понять, как себя вести с замом главы республики. Ей и до этого то, тяжело было найти общую тему для разговора с ней.

– Эб... Чем сейчас занимаешься? – первое, что пришло Джине в голову.

– Та...к... Ну я сегодня... пфф, – нервничая выдохнула, – Наверно лучше об этом не говорить, – сморщилась.

– Аа... да, наверное, лучше да... Ну тогда... – Джина.

– Слушай! А я так у тебя и не спросила, так на кого ты учишься?

– А, ну нааа факультете лингвистики. Там не просто изучение языков, больше редактирование и история создание того или иного слова, но не путай с историей... мда... – Джина заметила, что второй это не очень интересно, а спросила лишь, чтобы поддержать диалог, – Слушай, я вижу, как те двое следят за нами и наверное, ждут тебя. Давай лучше, если будет время и желание, заходи ко мне домой. Адрес: Дэлила 87. Я практически всегда дома. А то, как-то разговор

не вяжется.

– А вот это, хорошее предложение. Только... с этой работой, никогда не знаешь, когда будет свободная минутка.

– Ну, я пока не уезжаю. Так что, можно подождать, – они обе выпили глоток ещё горячего кофе и обе сделали вид, будто бы никому оно не обожгло язык, – Хорошего тебя дня, – и уже хотели расходиться, как, – Подожди, ты перекрасилась? – Джына выкрикнула.

– Да! – радостно отреагировала, – Спасибо, что хотя бы ты заметила. Ты понимаешь, работаю с десятью мужиками и ни один даже не обратил внимание. И вот за это, тебе отдельно, ещё раз, хорошего дня, – по улыбались и развернувшись ушли в противоположные стороны.

Станный, но приятный диалог подумала Джына. Дэриэл встречал её простым, непринуждённым взглядом. Она смущённого подошла к нему и понимая, что принесла лишь один стакан кофе, неуверенно протянула его Дэриэлу.

Он вежливо отказался, пробормотав: – Спасибо, но я больше по чаю, – она кивнула и села рядом.

– Дэр, слушай, мне не даёт покоя, твой рассказ о мужчине и случае на отдыхе, которому делали операцию. Помнишь ты рассказывал? – она повернулась туловищем к нему.

– Помню, – холодно и глядя в сторону.

– Аж не вериться, что он ушёл, забрав с собой подробности. Не знаю как ты, а я ненавижу секреты, – в это мгновение он обратил на неё взгляд и начал говорить.

– Так думал и я. Раньше.

– Что? – то ли не услышала, то ли не поняла.

– Говорю... – и резко умолк, а потом плавно заговорил, –

Меньше полугода назад я подошёл к отцу и переспросил об этом. Он угрюмо улыбнулся и рассказал мне, что он ответил врачам, когда они, также, после операции зашли узнать у отца. Он проводил псих. диагностику пациенту. Знаешь, что он им сказал? – она заинтересовалась, – «Ребят, какой отдых? У него начальная форма шизофрении. Он из Феерской области-то никогда не выезжал», – Дэриэл спародировал слегка прокуренный голос отца, а у Джыны резко упало настроение, – Мда, – он посмотрел ей в глаза, – Некоторые истории намного интересней, если их рассказывать не до конца...

Джына опустила взгляд: – Интересный рассказал. Я ещё хоте... – и внезапно услышала.

– Извини... – Джына затихла и удивилась, – Что такой сегодня, – посмотрел ей в глаза.

– Такой?

– Такой молчаливый, не жизнерадостный, может даже показаться обиженный, а где-то грубый. Как вот только что перебил тебя. Хотя мог бы же дослушать, да? Мне ведь интересно, но сейчас почему-то поступил так.

– Ты всегда тихий. Одно время мне это даже нравилось. Это было как-то в новинку для меня. Я считала, что ты просто долго думаешь, перед тем как что-либо сказать и с незнакомыми людьми стараешься не расплыться. А вскоре выяс-

нилось, что ты всегда такой.

– Я не всегда был таким тихим, – вздохнул, – Но, если бы ты знала, о чём я постоянно думаю, ты бы понимала, что означало молчание на самом деле.

– Ну это же не может продолжаться на постоянной основе?

Дэриэл закивал и посмотрел ей в глаза: – Ты права. Не может. Я думаю, это скоро закончиться. Буквально скоро. Я пересилю себя. Обещаю, – кратко, подавая надежду Джыне, затаив.

Дальше Дэриэл пытался не договаривая, заболтать её и сменить тему. Он делал вид, что причина проблем ему не известна. Сегодня ему было особенно трудно, ведь нельзя было после бессонницы, в ночь после убийства Марка, вести, а главное ощущать себя так же, как раньше. Напряжения добавляла просьба отца, настаивающего завтра вечером пойти к психотерапевтке. И всё это давило его изнутри, снаружи и вообще со всех возможных сторон.

Джына приняла извинения, хотя так-то и не обижалась. Она просто хотела понять. Они ещё посидели так с пол часа, обсуждая, как у неё прошёл день и разного вида новости. Где Дэриэл в основном кивал и поддакивал, думая совершенно о другом. Дальше был очень странный диалог с незнакомцем, но это уже её не интересовало и Джина просто вернулась из воспоминаний. А почувяв голод, направилась к плите. Джына поставила чайник и пошла обратно к дивану.

Как вдруг. [БАХ БАХ БАХ]. Прозвучал сильный, глухой и громкий стук в двери. Джына от неожиданности вздрогнула.

Она застыла. Боясь пошевелинуться, прокручивая у себя в голове, кто это может быть. Дэриэл и все её знакомые никогда не приходили к ней, с настолько сильным «рвением». А вот возможные непрошенные гости, увидевшие свет в окнах, в этом районе, вполне могли быть.

Как вновь последовал [ТУК ТУК ТУК ТУК ТУК]. Уже посильнее и было ясно, что нужно идти к дверям.

Полдень того же дня.

– Что это?

Дэриэл, нахмурившись вздохнул: – Просто здание.

– Это, ты мне хотел показать? Если да, то я уже видела заброшки.

– И что? Ты теперь из-за этого не пойдёшь туда со мной?

Тут стоит рассказать о характере Анабель. Дэриэл вполне понимал его и даже читал её насквозь. Благо ему в этом помогали давнишние рассказы Элиаса о ней, когда те ещё только познакомились. Который, кстати, оказался не таким прозарливым.

Эта девушка всегда имела завышенную самооценку с синдромом не уважения к самой себе. Она могла без проблем отвергать всех парней, которые подходили к ней на протяжении всего вечера, чтобы познакомиться, а потом самой «прыгать» на того, кто её первый проигнорировал хоть в чём-нибудь. Причём это мог быть тот самый парень, которо-

го Анабель отвергла ранее.

Анабель жила эмоциями. Если ей что-то не нравилось или получала слишком просто, то сразу выбрасывала. Также можно упомянуть пренебрежительное отношение к окружающим, особенно тем, кто с ней уважительно обходиться. Короче говоря, полная противоположность адекватному человеку.

Ещё был небольшой слушок, якобы школьная психологиня Екатерина Валериевна в её мед карте, после совместной беседы, написала ей какое-то психическое отклонение. Но когда поднялась шумиха, Анабель при всех достала карту и показала, что там нет такого. Подчистили, решили все.

– Нет, стоп, – он её перебил, – Давай лучше ты мне скажешь, почему ты пойдёшь со мной туда? – свысока спросил, – И никак иначе.

Анабель затаила дыхание, прищурилась: – Хмм... Умешь убедить. Заинтересовал, веди.

Они прошли в глубь старого здания, где раньше находился ресторан «Думафель». Подошли ко входу, закиданному всяческим мусором, а само здание было уже сильно обрисованное красками из баллончиков.

Дэриэл демонстративно пустил её вперёд, она улыбнулась. Зайдя внутрь, Анабель заинтресовал «антураж».

Всё ободрано, побито, раскидано и пост апокалиптически, куча использованных шприцов и разбитых сосудов от алкоголя, но без фекалий по углам. Пока что.

Анабель хотела попытаться обойти, стоящие у них на пути, железобетонные плиты, но он, легко её взял за плечи и повернул к спирале-подобной лестнице. Она покорно согласилась и пошла на верх.

Как только они вошли в центр здания на втором этаже и подошли к лифтовой шахте, Дэриэл не задумываясь, решил сделать, то ради чего пришёл:

– Как тебе отверстие? – не смотря ей в лицо, а только в низ.

– Ну в своей жизни я видела и не такие дырки, – ответила, скривив одну сторону улыбки.

– Ну это уже твои сексуальные наклонности, а я серьёзно. Подумай о чём-то другом.

– О чём другом? Это просто дырка...

– Посмотри вниз, – не дал ей договорить, – Видишь железобетонные плиты? – кивнула, – А кровь на них? – Анабель хотела уже что-то с дерзить, но как услышала слово кровь, задумалась и присмотрелась.

– Трудно рассмотреть, но что-то всё-таки там есть.

– Видела в новостях погибшую девушку, которая упала и разбилась в лифтовую шахту ресторана?

– Конечно пом... – в ответ загадочно кивнул, – Подожди, это здесь был ресторан? Ахренеть... – она оглянулась, – Я думала прити, но не знала где это.

– Она провалилась как раз сюда, вон на то самое место.

Пяти секундная пауза, расширенные зрачки Анабель, за-

колотившееся сердце обоих в двое быстрее. И она вскрикивает: – Супер! Ты видел это?! Пошли спустимся?!

Дэриэл расчётливо заулыбался. Он, скажем так, «пошёл сразу с козырей». Флешки, те самые которые остались от Клима, которые в свою очередь были подарены тому Миланом для обеспечения безпроблемного контакта с Лизой, по защищённому трафику, от службы во Вдалоге, которая отслеживала любые контакты с Дьеврессом, Дэриэл использовал в своих целях. С их помощью, без следов, на просторах интернета, он нашёл много информации о Анабель. Естественно это могло оказаться бредом и враньём. Но всё же система, по которой Дэриэл нашёл её, основывалась на включённой гео-локации в смартфоне человека, а потом через взлом приложения для знакомств, в котором сидела она же, сработала. И так, как она являлась дочкой довольно богатого и влиятельного человека, то во многих коррупционных или иных расследованиях тоже могла фигурировать. Так и получилось. В одном из запрещённых сайтов, Дэриэл узнал, что на территории улицы, у особняка Ломиновых находили мёртвые тела бездомных животных. Многие соседи даже подавали заявления, но маньяка так и не нашли.

Дело затихло, трупы больше не появлялись, но это же не значит, что их нет. А слухи продолжались распространяться. На почве чего, Дэриэл и сделал вывод.

Дэриэл, широко улыбнувшись, бросил взгляд на небольшой проход за стеной. Анабель поняла намёк и пошла в ту

сторону. Они оба прошлись небольшим коридором и вновь пришли к лестнице. Другой, той, что как раз вела на первый этаж и проход, которой ничем не был перегородён. Ступенька за ступенькой и они приблизились к груде железобетона, только с боку. Где уже чётко виднелись прутья арматуры с ярко-выраженными засохшими, кровавыми следами. Было ясно, что с них не снимали труп, а соскребали.

Дэриэл не смотрел на место убийства, а вот Анабель наоборот. Она жадно подбежала к нему, остановилась в полуметре, согнув спину и стараясь внимательно осматривать каждую металлическую часть.

– Ты убил эту девушку? – совершенно холодно и серьёзно, спросила она, параллельно чуть-ли не дотрагиваясь к останкам трупа.

Он поднял голову, устремил взгляд и устрашая изрёк: – Я.

– Та лааадно, серьёзно? Круто! – восхищённо завопила она, – Ты знаешь, – развернулась к нему, – Я за свою жизнь всегда хотела это попробовать. Но боюсь, – и смешно скорчила мордашку.

Дэриэл не отреагировал.

– Только над собачками и кошками получалось тренироваться. Просто я любила их после этого вскрывать. И смотреть, что у них там. Их внутренности... – и с имитировала кошачьи ушки, подняв свои ладони у себя над головой, смешно при этом моргая, – Потом, мне конечно приходилось самой закапывать их. На такие вот трубки я их не надевала, –

секунда на переосмысление, – А тебе было видно внутренности её тела?

Клынков подошёл к ней поближе: – Скажи интересно? – она заворожённо кивнула, – Я очень хотел, но к сожалению с высоты восьми метров, это было тяжело сделать.

– Фу, какой ты не любознательный, – она по-детски фыркнула, – Спустился бы... – она ещё раз развернулась к останкам, – Но всё же нельзя отрицать тот факт, что ты крутой. Узнала бы о тебе раньше, подошла бы первой. А то всё время мне попадались одни ссыкуны.

Секундная пауза и Дэриэл решил зацепиться за главную и волнующую его тему.

– Если тебе так страшно самой этим заниматься, но очень хочется, то давай завтра с утра тут встретимся и уже вместе что-нибудь придумаем. Точнее кого-то найдём, вместе... – и показушно улыбнулся.

Дэриэлу нужно было под питаться ненавистью, поэтому он решил задать единственный вопрос, в котором был уверен, что тот принесёт нужный эффект.

– Завтра? Нет, завтра я занята. Давай после.

– А чем же занята? Может ну их, дела твои?

– Ну это не мои дела. Отца. Ему нужна моя помощь.

– Ну расскажи. Может мы сможем ему помочь сегодня, чтобы завтра день не тратить.

– Да нет... – она улыбнулась, – Там дело серьёзное. Я вообще не лезу в его дела. Попросил – сделаю. А он мне что-

то подарит, – и радостно залилась.

Дэриэл внимательно всматривался и молчал.

– Ну лаааадно... Завтра суд. Посадим одного моего знакомого. Хочешь приходи, посмотришь.

– Так, а за что?

– За что? Хэхэ, типа он меня изнасиловал.

– А он насиловал?

– Ну конечно же нет. Но лучше бы он это сделал. Не так обидно сесть было бы, – коварно закончила и мило улыбнулась, – Слушай! Мы долго будем об этом разговаривать?! – капризно вскрикнула, – Лучше давай ты мне что-нибудь интересное расскажи. Или займёмся чем-нибудь весёлым, – игриво закончила.

Клынков был в замешательстве. Она не вызывала у него тех сжирающих его изнутри чувств, которые преследовали Дэриэла в каждом эпизоде, когда перед ним предстал совершенно аморальный дня него человек. Которые, в принципе, по его мнению и заставляли его делать всё то, что он делал.

Нет, конечно, слушая всё это, он не питал к ней нежных чувств. Естественно было отвращение, ненависть и жажда мести. Но в адекватном состоянии. У него не появлялась «пелена» перед глазами и ему не нужно было со всей дури лететь на жертву и выплёскивать всю агрессию, чтобы его хоть немного попустило. Сейчас же, по видимому, это находилось в нём всё время.

Это как сравнивать спазмы и постоянную боль. На третий день, перманентного зуда, начинаешь привыкать. А местами даже забывать.

Так вот и здесь. После того, как он услышал то, что хотел и не ощутил ожидаемого, он не на шутку испугался. Ведь он привык сбрасывать вину на всю его психологическую нестабильность. Так ведь очень легко. Но теперь, он встал перед чрезвычайно серьёзным вопросом. Который следовало решить немедленно.

– Подожди. Я так понимаю ты обо мне где-то слышал? Раз уж привёл сюда, – Дэриэл всё ещё думал и даже не повёл зрачками, услышав это, смотря в стену, – Эй!! Ты меня слышишь?! – она пошла в его сторону и подойдя схватила за плечи, – Ты о чём там думаешь? – приглушив свой крик, она обняла его и в десяти сантиметровом расстоянии между их лицами, очарованно всматривалась ему в глаза.

Теперь Дэриэл мог детально осмотреть её вблизи. Лицо этой девушки было с явными эльфийскими очертаниями: глаза зелёные, тёмный макияж на бровях и веках, ярко рыжие волосы, ещё немного виднелись скулы. И самое главное губы, на них была тёмно-красная помада.

Он никак и на это не отреагировал. Ни на крик, ни на обхват его шеи, ни на приближении её головы, от которой кстати веяло хорошими духами, ни на совершенно конкретные и ясные намёки.

Он просто дал случиться, тому, что по его мнению, неиз-

бежно должно было случиться. Когда она уже тянулась к нему губами, поднёс свою руку к её затылку. Коснулся его и слегка ухмыльнувшись, спокойно не дав ей закончить задуманное, направил её лоб в стену.

И вот после этого, в корне изменилась ситуация. Ярости в нём не прибавилось, но после чистосердечного признания в своих помыслах самому себе, его перестала останавливать любая мораль.

Лёгкий грохот и сильное рассечение уже присутствовало у неё над бровью. Такое что нужно было бы зашивать. Но об этом, терявшая в этот момент сознание, Анабель, не могла уже позаботиться.

Мост Лыманьськ – чудесное, архитектурное сооружение. Мало сыскалось бы людей поспоривших с этим. Он построен в виде ромба и окрашен в красный. И здесь, в этом укромном месте, открывался прекрасный вид на него.

Она хорошо отдохнула, пока была без сознания, скажем так доспала те пару часов, которых ей не хватило с утра, где её разбудил отец, сообщить, что уходит, а деньги на день положил на стол.

[Бах, хресь, хресь, бах]

Анабель начала приходить в себя. Нет, не из-за этих звуков, а от ощущения жуткой боли. Сначала в одном месте, потом в другом, дальше в третьем и наконец она открывает глаза. И увидев, что происходит вокруг, Анабель ошарашилась. Причиной было несколько вещей.

Во первых, тем, что имела уже окровавленное лицо, так как кровь всё ещё струилась с того самого рассечения. Во вторых, Анабель лежала на холодной земле и три из четырёх её конечностей, уже были сломлены, а над последней, правой ногой, стоял Дэриэл и с холодным лицом, установив её в угловой позиции, со всей силы надавил с силой удара, с ноги и надломил и её.

Теперь двигаться она уже не могла никак. И вот, в момент, понимание всего этого, её боль под утихла. Не прошла, но уменьшилась. Просто шок. Она даже и закричать не сумела. Но своими потугами, обратила на себя внимания Дэриэла.

Он стоял в метре и смотрел ей в глаза. Пустым взглядом. Минуты две назад, пока она была ещё без сознания, а Дэриэл не мог решиться на седояное, его охватило чувство дежавю.

Когда ему было пятнадцать лет, он узнал для себя совершенно ужасающий факт. В эти годы, ему вырезали аппендицит. И за пару дней до операции, Дэриэл узнал, что возможен случай, когда на него не сработает наркоз или сработает слабо. Что при операции, всё это время в «отключке», он будет чувствовать, что с ним будут делать внутри. После чего, как правило, люди не поправимо меняются, припоминая, как его резали, каждую ночь во сне.

Это его сильно потрясло и в момент приближения операции, Дэриэл чуть не запаниковал, но всё же врач смог его успокоить и страх оказался ложным.

И вот сейчас, он ощущал те же самые страхи. Ему каза-

лось, что такие поступки, как только что, нельзя делать в адекватном состоянии. Иначе, воспоминания о них, со временем, тебя «сожрут».

И в данном случае, как он и боялся, сбылись его опасения. Адреналин, выступавший в виде наркоза, так ему и не вошёл в кровь в нужных дозах. Каждый хруст её костей давался ему с всё новыми «щёлочками» в его мозгу. У него, в тот момент, существовала одна лишь мысль: «назад дороги нет». Так ему было легче.

Проделав основные действия, дело оставалось за малым. Хрипение второй, дало ему сигнал не медлить. Осталось не много.

Осознав происходящее, она захотела кричать, хрип слегка повысился в тоне, но никто, даже в радиусе пяти метров, не смог бы его услышать. Место для Анабель не представлялось знакомым. Какая-то невзрачная посадка. Тем более, что уже темнело.

Он подошёл, чтобы посмотреть не на лицо, а на её одежду. Анабель всё ещё пыталась кричать и дёргать своими, источающими боль конечностями. Они никуда не делись, руки, ноги были при ней. Просто из-за переломов на разных участках, они не имели возможность исполнять команды владельца.

Клынков, по его мнению, видел перед собою мразь, но от этого, в своих глазах, сам не переставал быть таким же. Да и до этого, фразы по типу: «Если убить убийцу, количество

убийц не изменится», – для него были основополагающими.

Поняв свою беспомощность, Анабель оставила все потуги и начала просто, шевеля губами, умолять и плакать. Второй даже не моргнул, он закивал и со словами: «Не бойся, день, два и я буду на твоём месте», повернул голову налево, наклонился и поднял что-то тяжёлое.

Дэриэл вполне осознавал, что после всего что сделал, лучше, что ему светит, это быстрая смерть. Нет, естественно по закону, должен быть суд, где ему могут дать не больше пятнадцати лет, за психологическую нестабильность или вообще может претендовать на псих больницу вместо решётки. Но только не в этом случае.

Дэриэл понимал и даже знал, что с ним могут сделать в этих местах, когда ты не то что убиваешь, а просто переходить дорогу, людям с семизначными счетами в банках столицы. Но в данном случае, он считал, что хуже уже не будет. И если есть возможность спасти друга, заплатив своей, уже почти предрешённой жизнью, то так тому и быть.

Одной рукой, он растегнул ей куртку, а второй акуратно положил два кирпича на грудь и застегнул. Она почувствовала тяжесть. От не преодолимого ужаса девушка не могла закрыть рот, всё пытаясь что-то ему сказать. Дэриэл не мог пойти на туманные обещания и договорённости, просто не мог уже себе такого позволить.

Дальше он поднял её тело и пронеся пять метров вперёд, вздохнув полной грудью, с огромным шумом, сбросил Ана-

бель в реку. Где под весом кирпичей, её развернуло вниз лицом и в миг потащило под воду. В мгновиние ока, тела, уже было не углядеть в мутной воде.

На улице, в секунду, стало тихо. Настолько тихо, что это заставило Дэриэла опасаться. Он повернулся в сторону моста и задумался, смотря прямо на него.

Дэриэл знал, всю «славу» этого моста и сколько тел уже было выловлено под ним и сколько открыто, а главное раскрыто по ним криминальных дел. В этот раз, у него был в распоряжении максимально возможный холодный рассудок, в его ситуации, который считал, что придуманное им, было лучшим вариантом.

Ему не было куда идти. На тот момент, он осознавал, то что его прощальные сообщения, посланные заранее четверым человекам, чтобы других не подвергать подозрению, уже могли быть прочитаны. И его появление, дома у хотябы одного из них, могло следовать уговорам не делать, то что он задумал, не сдаваться властям.

Оставался ещё один момент, с Джыной, ни сообщение, ни записку, которой с описанием своей судьбы и просьбе прощение, за то, что она может узнать в дальнейшем, он так и не послал, не нашёл слов.

У Джыны затряслись руки, пытаясь не упустить чай, она постаралась медленно подойти к столику и поставить кружку. Получилось. Поправив волосы и нервно оглянувшись в доме, она пошла к дверям. На подходе, Джына решила пой-

ти под стенкой, чтобы «гость» не смог увидеть силуэт через обратную видимость в её глазке.

План был исполнен, но не известно удался ли. Нервное приближения лицом к двери и её глаз уже вполне корректно усмотрел человека, стоящего у двери.

Дальше гость, продолжал стучать, но удары Джыну уже не волновали. На её лице появилось облегчённое удивление. Щёлчок замка, сброс цепи и двери распахнулись. Перед Джыной, с участвующимся дыханием и с растерянностью в глазах, стояла Вулана. Деловой костюм, расплетённые волосы, идеально ровный макияж с толсто подведёнными глазами. Тёплые ботинки, тоже из чей-то кожи, в сопровождении с неуверенной перекачкой тела, с одной ноги на другую.

– Вулана? Ааб... Что случилось?

– Ну ты же приглашала меня к себе? Вот я и пришла, – с сомнительной доброжелательностью.

– Ну... – выкатив глаза от неожиданности, – Хорошо... Только почему так поздно?

– Ну, когда смогла... – развела руками, – Я могу войти?

– Конечно, заходи. Я просто уже настраивалась на сон, поэтому не до конца соображаю, – Джына отошла с прохода и позволила ей зайти, закрыв после неё дверь.

Вулана приехала сюда одна. Ей удалось успокоить охрану отца, которая теперь и её, заехав перед посещением Джыны, домой. После чего их рабочий день, был оглашён оконченным. Как она считала, ей было нужно поговорить с подругой

без любых посторонних, а тем более не удобных охранников. Да и в прессу могло из-за этого что-то просочиться.

Обе прошли центр комнаты: – Так, что будем делать? У меня кроме чая ничего. Могу его лишь покрепче заварить.

– Спасибо конечно, но я пока ничего не хочу, – Д жына кивнула, – Я сяду?

– Конечно, – Вулана села на диван, закинув ногу на ногу и убрав мешающиеся под глазами, волосы за ухо.

– Ты тоже сядь, – села, но неплохо так напряглась в ожидании, – Аааа, Дэриэл не у тебя случаем?

– Дэриэл? Эм... – Д жына устало протерла глаза, – Нет, он сейчас дома... эээ... – улыбнулась, – Он говорил, но я уже не помню, чем он там занят. Просто я целый день на парах была, поэтому мы не виделись, а созванивались, последний раз, вчера вечером. А что, ты его видела где-то?

– Не... нет. Я просто спрашиваю. Хотелось узнать...

– А вы, что знакомы с ним?

– Нет. Но, наверное, придётся... – Вулана случайно сказал это в слух.

– Придётся? Почему?

– Д жына, послушай... – обдумывала слова, – Ты хорошо его знаешь? Дэриэла.

– Пфуу, ну как хорошо? Как успела с первого сентября, так и знаю.

– Что это за человек? Чем он занимается? Чем-то увлекается?

– Ну простой человек. Занимается? Учиться ещё, статьи пишет, в основном о людях, занимающихся бизнесом, так и зарабатывает. Увлекается... Эээ... Подожди, а что вообще за вопросы? – уже слегка возмутилась Джына.

– Не пойми меня не правильно. Я просто хочу помочь...

– Чем? – прищурившись изрекла Джына.

– Ладно, попробую более напрямую... Ты уверена, что это хороший человек?

– Хороший человек? Дэриэл, вроде, как мой парень и тебе бы лучше научиться, менее обидно задавать вопросы.

– Я знаю звучит не корректно, но мне важно узнать ответ. Потому, что у полиции есть очень серьёзные подозрения к нему.

– Подо... подозрения? Ты о чём? Он что-то сделал? Есть доказательства?

– Я не могу тебе всего объяснить. Просто постарайся пока поверить на слово. Когда будет можно, я обещаю всё рассказать. Но пока, я прошу, можно только я буду задавать вопросы. Мне очень важно знать, кто может быть его подельниками? У него есть друзья? Или может ты знаешь кого-то, кого можешь подозревать? Человека, которого часто видишь в его компании, не являющегося в его весовой категории и возраста?

Джына в край перепугалась и начала резко перебирать в голове персоналий, знакомых по Дэриэлу. Пока это делала, старалась не подавать вид и недоверчиво продолжала тоже

задавать вопросы.

– Какими подельниками?! Ты о чём?

– Это, я хочу у тебя спросить, – Джына пожала плечами, – Слушай, это очень серьёзно, не шутики, – Джына всё больше пугалась и теряла доверие, – Нццц, – Вулана цокнула языком, – Хорошо, тогда... шшш... Что Дэриэл, рассказывал тебе о том случае с Алёной Краповой в ресторане? Или ты не знаешь о нём?

– Ааа... Ну так, знаю не много. Он говорил об этом несчастном случае, когда на его глазах, эта Алёна упала вниз на трубы. Но подробности не рассказывал, видно, что ему было трудно... – Вулана, слушая повернулась к окну, поняв позицию и уровень осведомлённости, старалась подобрать слова, для получения нужного эффекта.

– Я поняла. Джына. Знай, я бы не пришла, если бы от этого не зависело ничего. Но может выйти, что на кону стоят жизни...

[ТУК ТУК]. В двери дома громко постучали.

Вулана перепугалась от неожиданности.

– Что ты сказала? – Джына тоже вновь перепугалась, но слова Вуланы её не меньше испугали и возмутили, так что не взирая на гостей, она решила переспросить.

– Подожди! – шёпотом, – Ты кого-то ждёшь?

– Нет! Да, ты о чём вообще? Какие жизни?! Думаешь он кого-то убивает?!

– Потом об этом поговорим!

– Хорошо. Я пойду посмотрю, – Джына.

– Стоп! Я пойду, ты оставайся. Жди здесь.

Джына хотела проигнорировать её слова. Но из-за того, что Вулана всё же пошла вперёд, Джына попятилась, как увидела, что у второй, около заднего кармана, висит кобура и она явно не пустая.

Картина, как Вулана медленно приближается к её дверям с пистолетом, заставила Джыну затаить дыхание. Вулана стала у закрытого проёма и всмотрелась в глазок. Рассматривала не долго, секунд пять и обернулась назад. Резко кивнула Джыне и преподнесла указательный палец к губам, указывая ей, чтобы не говорила лишнего, щёлкнув замком дверей.

Распахнула и осторожно улыбнулась Дэриэлу. Тот же, в свою очередь, опешил.

– Эээ – из-за гостей у Джыны, Дэриэла сбило с толку, никакого страха он не ощутил, просто неловкость, – Извиняюсь за столь позднее время, я не буду вам мешать. Просто проходил мимо, увидел свет, подумал зайти... – Дэриэл узнал Вулану и уже собирался разворачиваться.

– Стой, – Вулана решила не отпускать его.

Её сигнальная кнопка, с вызовом подкрепления на место её нахождения, была в машине, находящиеся в двадцати метрах от дома. И это, она поняла только сейчас, тихонько, левой рукой поведив по карману на штанах.

В деле Дэриэла, Вулане чётко подметили, после происшествия, где погибла Алёна, которое только вчера начали счи-

тать убийством, что после проведения допроса, на одежде Дэриэла не заметили следов борьбы.

А именно, что его бархатного покрытия ботинки, имели чистейший вид. А их, как мы знаем, тяжело быстро отчистить, особенно в такой спешке. Что стало сильно подозрительно, после невероятнейшего предположения одного из экспертов. Где он заявил, что смог при всех проблемах с целостностью лица трупа, найти следы удара на некоторых уцелевших частях щеки. Удар был лёгким, глухим, после которого даже синяка не случилось. А главное, почему на это вообще обратили внимание, это странные ворсинки, на её лице и конкретно на месте покраснения. Поэтому, большинство решило, что они, как минимум, имели отношение к убийству.

Да, тогда Дэриэл стёр следы. Все следы макияжа, отпечатавшегося на обуви, не были сразу определены, из-за некомпетентности полицейских прибывших на вызов первыми. Они не проследили за всеми уликами, которые могли находиться на теле и одежде Дэриэла, а просто отвели его к машине, где он сидел без присмотра, дожидаясь подкрепления.

А стереть Дэриэлу помог Вениамин Грамм, подумав, что тот где-то испачкался. Хотя он его об этом и не просил, не до этого Дэриэлу было. Грамм, даже не представлял, что на самом деле сделал.

Она смотрела на него и видела абсолютно чистую, бархатную обувь. Вулана отлично изучила дело, составленное Мар-

гаритой Фарварой. Она узнала, что до последнего найденного трупа, вообще думали закрывать дело, по причине невозможности раскрытия. И только после нахождения тела Спа-вына, стало ясно.

– Ну стою, а зачем? – он посмотрел на Джыну, которая имела каменное лицо и просто смотрела в затылок Вулане.

– Поговорить нужно и задать пару вопросов.

– Вам со мной?

– Именно, – а вот после этих слов, Дэриэл начал уже беспокоиться.

Сомневаясь и с недоверием, но он всё же входит в дом и проходит к дивану, где ему Вулана предлагает сесть. Но сама же остаётся стоять, а на своё место садит Джыну.

– Ты сегодня был в университете? – она подошла к нему напротив и начала диалог.

– Нет, – без зазрения совести и отговорок.

– Хорошо, – продолжила, – А вчера?

– Тоже нет, у меня две недели выходных. По какой причине рассказывать?

– Не нужно. Вулана поняла, что слегка не продумала вопрос и решила сделать вид, что так было задумано.

– А где ты был вчера и сегодня?

– Я... я... – он задумался.

– Что-то не так? Ты не можешь ответить на простой вопрос?

– Я могу. Но проблема в том, что там, где я был, больше

не было никого и никто не сможет подтвердить мои слова. Поэтому я не вижу смысла сейчас об этом говорить.

Джыну смутил его ответ, но своё недовольство, она решила высказать лишь Вулане, из-за не понимания данного вопроса.

– Вулан, что происходит?!

– Тихо, не мешай, – повернувшись к ней, нахмурила брови.

Дэриэл подметил, что Джына не в курсе происходящего или как минимум, делает вид. Вулана, из-за напряжения, уже тоже здорово начала нервничать. Сама ситуация, где она ведёт беседу, с серийным убийцей и где она даже позвать на подмогу не может, боясь сделать каких-то резких и сомнительных движений, уже не на шутку пугала. Хотя, сказать честно, позвонив она в участок и подав несколько безобидных сигналов, которые бы были понятны работающим там, Дэриэл даже не дёрнулся б. А так, ей приходилось вести этот диалог, который не понятно до чего мог её довести, где она, по правде, начинает задавать прямолинейные и провокационные вопросы.

– А я думаю, что тебе стоит мне это рассказать.

– Ммм... Подождите-подождите, – Дэриэл даже слегка привстал с места, из-за чего сердце Вуланы начало сильнее биться и пульс участился, – Я сейчас не понял... Вы советуете мне или у меня нет выбора? – Дэриэл пока спокоен.

– Я советую... ибо так будет лучше... – Вулана поняла

уловку.

– Ну раз уж советуете... А не обязываете, то, наверное, я откажусь... – начал подниматься с места.

Вулана видя, как её будущее раскрытое дело и первый громкий успех в новой работе, уходит из рук, быстро выхватывает из спрятанной кобуры пистолет и резко направляет на него, крича при этом: – Сидеть!

Дэриэл сел, сразу поняв, что всё, что он хотел сделать после посещения Джыны, случиться здесь. Он не собирался сопротивляться. Спокойно застыл на месте и молчал, опустив взгляд.

Джына была в полном шоке, ужасе и отрицании. Таких острых ощущений и страха за не равнодушного для неё человека, она не ощущала ещё почти с пятилетней давности. Когда между её братом и отцом, разгорелась не шуточная перепалка. Ей тогда, впрочем, как и сейчас, захотелось спрятаться от всего этого конфликта и не видеть и не слышать ничего.

– И как это понимать? – Дэриэл задал спокойный вопрос, параллельно смотря на Джыну, которую всю трясло, плюс глаза на выкат.

– Быстро говори, ты убил Алёну?!

У Дэриэла затряслись руки: – Что?! Вы лучше скажите мне, что с Джыной?! У неё припадок?! Вы её чем-то накормили?!

– Я её ничем не кормила! До твоего прихода с ней было

всё в порядке, – пару секунд она смотрела ей в лицо, не отводя пистолет и проговорила мысли в слух, – Блииин, неужели опять это... – прискорбно.

– Вы что-то об этом знаете?! Такое уже было?! Что вы смотрите?! Я никуда не уйду, помогите ей!

– Не кричи, сейчас помогу!

Дуло пистолета опустилось и больше не целилось Дэриэлу в грудь, Вулана подняла со стула Джыну и велела Дэрилу подняться и отойти к стене.

Он, покорно согласился и она положила Джыну на мягкую поверхность. Джына тяжело дышала и вообще не говорила. В это время, у неё, просто перед глазами вертелось то самое воспоминание из семейного быта.

– Пусть полежит, отдохнёт, как закончим – вызову скорую, – Дэриэл недоверчиво смотрел ей в глаза.

– Ты так и не ответил. Ты убил девушку? – Джына слегка поднялась и оперевшись спиной, села.

Дэриэл не хотел больше уходить от ответа, ведь по-честному ради правды он сюда и пришёл. А там, как именно он донесёт эту правду, для него уже было не важно.

– Да... – Джына услышала и лишь слегка повернула на него голову.

– Хм... – Вулана закивала, – Что и требовалось доказать...

– Но только не потому что я злой, у меня есть психическая пробл...

– Марка тоже ты? На том же самом месте. А труп выкинул в канаву.

– Эм... – у него участилось дыхание, – Я... – Вулана ожидаемо повела бровью, – Но это опять же он спровоцировал. Я бы никогда сам...

– Хорошо. Марк понятно. Его никто не любил. И если бы не ты, может кто-то другой, – она постепенно из удручённого тона переходила в обвинительный, – Но тех людей в канаве... Зачем? Их же там больше двадцати...

– Я... Когда Марк... шш... Что?! Каких двадцать человек?!

– Да говори уже всю правду. Нет смысла отпираться. У нас же все доказательства есть.

Ещё раз напомню, что Вулана прекрасно изучила дело, отданное ей Маргаритой, где она подробно описала, официальную версию происходящего, что на все сто процентов виноват Дэриэл и сколько людей ему могло помогать.

А в заключительной части, Маргарита пришла к мнению, что Дэриэл был одним из главных исполнителей загадочного заказного убийства полной семьи Спавина и его самого. Где жену Алексея удалось спасти, а вот его, сына, девушку сына и больше десяти охранников, которые были убиты под руководством Клыкова, нет.

Вулана была полностью верна своей информации и верить словам человеку, который уже признался в двух убийствах – не собиралась.

– Какие доказательства? Чему? Тому, что я якобы убил двадцать человек? Каким образом? Как вы себе это представляете? Я один, против двадцати?

– Нет, у тебя были подельники, – пистолет вновь медленно начал подниматься, – Об этом говорят показания свидетелей, которые видели тебя вместе с другими людьми в ту самую ночь, около завода. Так что не отвертись, разве что можешь смягчить наказания, выдав соучастников.

– Да что вы несёте?! Какие свидетели?! Когда это было?! У меня алиби! Его легко проверить.

– Перестань нести чужь. Если будешь отпираться, начнём копать в твоих преступлениях дальше. Будет только хуже. Например, твоё убийство Спавына. Ты же знаешь, что его партнёры по бизнесу, тоже рассказали, как ты следил за их детьми? – Вулана говорила это совершенно серьёзно и даже с небольшим сочувствием к Дэриэлу.

Она искренни верила в инкриминируемое. Точнее то, чего не хватало для выполнения планов по этому участку Маргарите. Ведь по другим делам не получалось найти виновных, а здесь вроде, всё вышло объединить в одно и лаконично назвать: «Дэлиловский маньяк».

Дэриэл понимал, что всё будет в таком стиле. Но почему-то пытался верить в лучшее. Не понятно почему. Ведь имея «в себе» надежду, возникало сомнения в том, точно ли он прожил всю свою жизнь в этом городе.

Дэриэл сидел замученный и в совершенном бессилии. Он

понимал, что не может добиться правды, но как же хотелось. Правда ему нужна была, не для того, чтобы меньше отсидеть и выйти. Нет, на это надежды не было. Правда ему нужна была, только чтобы его имя не было запятнано ложью. И если бы его и судили, то только за то, что он совершил. Чтобы все не думали о нём, исходя из того, что он не делал.

Состояние Джыны же, в это время, напоминало сон, сквозь который из реальной жизни доносятся звуки и из-за чего тяжело понять, что сейчас действительно происходит. Она старалась отдышаться. Но этого ей не давало сделать всё тоже воспоминание. Которое частично забыла. Всё, что она действительно помнила, это то как её отец, возмущённо крича на её брата, от злости подхватил со стола нож и направил на него. Джына стояла в коридоре. Её брат, как будто ожидая подобного от отца, просто улыбнулся. Джыне также поплохело в тот момент и в миг, когда отец попытался приблизиться к сыну, воспоминание переставало иметь точные очертание. Она ясно помнила, что что-то начала делать, и вот из-за этого, чтобы вспомнить случай, ей пришлось пытаться цепляться за любые варианты развития событий, витавшие у неё в голове.

Она решила попробовать осмотреться и вспомнить, что она тогда чувствовала. И вот похоже она нашла. Да. Что-то начало проясняться, но вместе с этим её начало охватывать апатия. Каждый микрометр воспоминаний, создавал ей чудовищное чувство удушья. Она подумала, что в тот момент,

возможно, хотела убежать оттуда, не в свою комнату, а из с дому. Но попробовав припомнить, как она шла к дери – не получилось. И откинула этот вариант.

– Ты так и будешь молчать? – Вулана всё же хотела услышать от него признание, хотя не понятно для чего, свидетелей нет, запись она не ведёт, по идее, на суде он может вообще всё отрицать, сказывалась неопытность.

– Я не... не хотел, чтобы так всё закончилось... – он увидел, как Джына постаралась подняться с кровати и у неё это удалось.

Вулана тоже боковым зрением это заметила, но решила пока её не тормошить.

– Если бы ты не хотел всего этого, ты бы не убивал, – Дэриэл молчал, – Ладно, не хочешь рассказывать здесь – расскажешь в участке, но просто хотя бы поясни, убили вы тех двадцать человек и убили, но зачем расчленять?

Её слова, доставили ему, буквально, физическую боль: – Я их не убивал! – тяжело было понять намерения Вуланы, она одновременно хотела продолжать допрос и в то же время позвонить в участок.

И вот когда Дэриэл был ею спровоцирован, точнее она не этого хотела, но вышло, как вышло и Вулана вновь встревожилась и сильно вжавшись в оружие в руках, смотрела на него.

– И никого не расчленял! И я больше не дам тебе ответа ни на один вопрос. ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛА?! – а сдесь на гнев,

ещё на ложилась, невозможность понять причины плохого состояния Джыны.

– Не провоцируй меня криком!! Или это может закончиться плачевно, а это нам обоим не нужно!

– ЧТО?! Не провоцировать тебя?! А чем сейчас занимаешься ты?! Отойди от меня и убери ствол от направления моего лица!

Джыне было не приятно это слышать и ей даже захотелось убежать оттуда, но всё таки она больше находилась ещё у себя в голове. Такие ощущения подкинули ей идею. Она поняла, что нужно попробовать не убежать от конфликта. А пойти вперёд. Она вспомнила, что как раз и не смогла убежать тогда из дому, ведь знала, что двери всегда заперты. Тогда ей и стало понятно, почему брат не ушёл.

– Я никуда не отойду. И если ты что-то совершил, то должен получить по заслугам! Ведь если есть преступление, значит будет и наказание! – Вулана.

Духота ставала всё сильнее, Джына всё ближе подходила к своему отцу сзади, шаг за шагом, метр за метром и резко... [ТУК].

Дэриэлу послышался глухой удар, после него на пол посыпались осколки стекла и полился чай вокруг ног Вуланы, а сама же она упала на пол, где приземляясь ударилась весом об угол стены. С её головы потихоньку началась сочиться кровь и было ясно, что сама или с чьей-то помощью, она уже не поднимется. Без испуга и должного удивления, Дэ-

риэл поднял глаза повыше и увидел замороженную Джыну, стоящую над телом, держа в руке оставшуюся часть чашки.

Похоже её психотерапевт в Дъеврессе был прав, у неё действительно развиты панические атаки. Пять лет назад, её родители не обратили на это внимания. Ведь, во-первых, больше такого не происходило, а во вторых возможные причины, на которые указал врач, не совпали. Но это был довольно интересный человек (психотерапевт), за свою жизнь он написал три книги, по его мнению, о самом важном и распространённом, но всё же не доказанном, основании появления подобной болезни. А именно политический устрой, важность человека над идеей и самое главное справедливость общества.

Джыне захотелось спрятаться, но, как и в тот день, пять лет назад, она не смогла уйти от конфликта. И сама того не контролируя, ударила инициатора вражды.

Дэриэл оглянулся по сторонам, весьма чётко понял, что произошло. Хотел подойти к Джыне, но не стал. Просто стоял и держал руки на виду, давай понять ей, что всё в порядке.

Через минуту, Джына всё же пришла в себя, она всмотрелась в лежавшее тело, потом в Дэриэла и в конце концов, бросив тот кусок посуды, взгляделась в свои руки. После этого началась тихая паника, это было видно по глазам и весьма громкий и разборчивый от неё вопрос: – Что произошло?!

Закивав и практически не потратив ни мгновения на раздумывания, только лишь опять взглянув на труп, ответил: –

Ничего, просто я опять убил человека.

Тяжело было назвать этот день сумбурным. Точнее тот день, сейчас уже утро. Шесть часов, на улице светло и холодно. Настолько грязно и мерзко, Дэриэл не чувствовал себя ещё никогда. «Грязь», заключалась в том, что после всего сделанного, ему было трудно представить себя в дальнейшем, в том же самом жизненном потоке. Между людей, которым нельзя будет это рассказать. Нужно будет как-то по-другому контактировать, чтобы добиться от них той же искренности, уважения или сострадания.

А второе это Джына. Вовлѣкши её в невероятные проблемы и свой личный водоворот криминала, он не хотел себе это прощать. Особенно то, как они убежали с её дома. Тело убитой не трогали, бежали не оглядываясь. Дэриэл рассуждал об этом, пока ожидал её на остановке. Джына отошла в туалет, параллельно предупредив свою семью, что едет домой.

Они стояли у границы с Дъеврессом, ожидая своей очереди на автобус для выезда. Бежать на родину к Джыне – это был единственный вариант. Уповая на натянутые и фактически враждующие отношения между столицами, операясь на игнорирование просьб о выдаче разыскивающихся из Вдалога, Дъеврессом.

Джына вернулась и робко подошла к нему: – Что думаешь? – тишина.

– Почему молчишь? Скажи что-нибудь...

Дэриэл засмотрелся в асфальт, ему было тяжело смотреть

ей в глаза. Погладив себя по щеке и обнаружив трёхдневную щетину, он «выдавил»: – Меня будут искать. Возможно поймают, где бы мы не находились.

– А что-то позитивное можешь сказать? – Джына Кома-ренко поджала губы.

Дэриэл думал-думал, поднял на неё глаза: – Могу. Я буду рад, даже такие тяжелые и плохие моменты жизни, поделись вместе с тобой, – и обнял её.

– Интерлюдия 4 –

«Никогда не писал подобное, но теперь стану. Чтобы хоть как-то...»

Сводки по столице за неделю: смертей в автокатастрофе – 15; смертей домашнего насилия – детской/взрослой, 32/12; смертей по неосторожности – 21; уличных смертей – 55; смертей политиков – 29; смертей журналистов – 23; самоубийств – 30; смертей предпринимателей: 10. смертей на мосту «Ливатор» (самоубийств) – 35;

Уголовных дел, заведённых после этих происшествий: 23.

Уголовных дел, заведённых на людей, не согласных с властью, которые участвуют или брали участие в митингах, массовых/одиночных пикетах: дохуя.

Не знаю зачем, но сначала я решил сохранить шаблон и даже начал подгонять статистику, но потом понял, что это всё тупая трата времени.

Насчет «дохуя», решил использовать слово, после того, как мне стало дурно, от подсчёта реальных цифр. После третьей сотни, у меня уже не было сил копать дальше. В голове, в самом осадке лежали лишь несколько слов, ну, а я выбрал из них самое подходящее.

За прошлый день мне прислали на почту, больше трёх случаев и историй, которые можно было бы здесь рассказать. Я их все прочитал, но ни одного не впишу. Надоело.

Дело в том, что не обязательно знать подноготную республики, чтобы понять в чём наша проблема. Не обязательно читать эти статьи и давать, чтобы их читали другие, в надежде, что всё изменится к лучшему, из-за того, что они не захотят быть, как эти герои в трагических жизненных ситуациях. Потому как проблема не только в идиотах, которые всё это делают. А ещё и в ублюдках, которые дают указы и контролируют тех исполнительных мразей. И вот те гниды, которые выше, не будут ничего менять. Ведь зачем? Они же к этому и привели.

~~Я, наверное, должен написать конечную мораль»~~

Элай Лугорский откинул лист бумаги, на котором писал. Время от времени, он использовал и бумагу. В ту же сторону, он отложил ещё два листа. На нижнем, с под другого была видна последняя фраза: «...просто хочу написать, что если власть позволяет твориться всему тому, о чём я здесь пишу, то пусть не удивляются, как ей на это отвечают её граждане...».

Это были его заготовки для новой статьи. Написать, которую он должен был сегодня. Но последнее сообщение от Дэриэла, получившее буквально пол часа назад, не дало ему это сделать.

В сообщении шла речь о том, что он натворил много противозаконных действий, которые для себя он не оправдывает. Пишет, что не может больше это терпеть, что хотел бы попроситься лично, но не хочет кого-либо подставлять. По-

благодарил и пожелал удачи. В конце добавив лишь: «На счёт Элиса... надеюсь я всё решил...».

Изначально подготавливая материал, Элай даже подумать не мог, что история его друга вполне может совпасть с ситуациями, которые он хотел использовать в написании.

Так эти листы и не были нигде напечатаны. Хоть он и писал подобные статьи в мессенджер канале, а потом дублировал, анонимно, в колонке, чтобы его никто не заподозрил, но это не помогло. Даже при написании данного текста. Элай понимал и знал, что за ним ведётся слежка. И уже сегодня в обед, он нашёл в своём почтовом ящике записку, в которой ему дают последний шанс на исправление, угрожая его окружению. Но писать то хочется.

Элай посидел ещё с минуту на своём стуле, бессильно смотря в листы бумаги, переглядываясь на экран ноутбука. Потом глубоко вздохнул, слегка повернул кресло, чтобы лучше увидеть спящую Владиславу Бджолэвич, на его кровати. Вид её голого тела, спрятанного под одеяло, успокаивал Элая. Он засмотрелся на неё, понимая, что начиная с сегодняшнего дня, ему нельзя больше писать в своём родном городе. Расстроенный и растерянный взгляд вскоре сменился на сонный и облокотившись о спинку, он так и уснул сидя, аж до самого утра в своей любимой чёрной футболке с красной надписью: «Хуже садизма, лишь аполитичность».

Самое ужасное, по моему мнению, не по мнению Элая, что Андрей сам того не догадываясь, своими советами, под-

ставил Элая. Не то чтобы последний был камикадзе, просто безразличие к происходящему и бездействие, Элай бы точно себе не простил. Но теперь ему было, что терять. Он боялся за Владу.

Под конец, можно взглянуть на результаты конечного поступка Дэриэла, на сколько он был эффективен. Да, после пропажи Анабель, дело по Элиасу приостановили до выяснения обстоятельств и её поисков. Они фабриковали дело всё равно на него же, только добавив к этому ещё и убийство. Алиби у него конечно же было, но Ломинова, это не остановило. Потом, через пару недель, труп всё же нашли и по останкам поняли, что вина лежит, уже на разыскивающимся Клынкове, осуждённым заочно, проходящего ещё по двадцати, инкриминируемых ему убийствах.

Это было очень резонансная находка и гнуть свою линию семьи Ломиновых было уже трудно. После этого с Элиаса начали потихоньку «слезать». В этом ему очень сильно помог их новый адвокат. Внезапно согласившийся один из лучших профессионалов, работавшего на фирму «Захыст». Точнее им его предоставил отец Андрея Пикал, Николай Владимирович. Ему уже было нечего терять, он помог и финансами, а в суете чиновников, уехал навсегда из Вдалога.

Со стороны Владлэна Ломинова, конечно, появлялись «внезапные свидетели», по типу Елизаветты Лекоры, которая вопила о том, как ещё на первых курсах замечала за Элиасом садистские наклонности, но защита, в ответку, на-

шла своего свидетеля, который дал более «громкие» показания о психическом отклонении у Анабель. Это был университетский психолог Екатерина Валериевна Клочак.

И после этого Ломинов полностью сдался, в попытках сохранить последнюю авторитетность и уважение. Но кардинально ему это не помогло, Главе республики, вернувшись после реабилитации, его «токсичность» в прессе, в край надоела и место губернатора, он не получил. Чего не скажешь, про Сэвастинского.

Для Элиаса добились более-менее приемлемого приговора и ему присудили условный срок. В глазах Элая эта ситуация выглядела прозаичнее. Он считал, что потерял одного друга в обмен на другого. Только и всего. И не считал это победой.